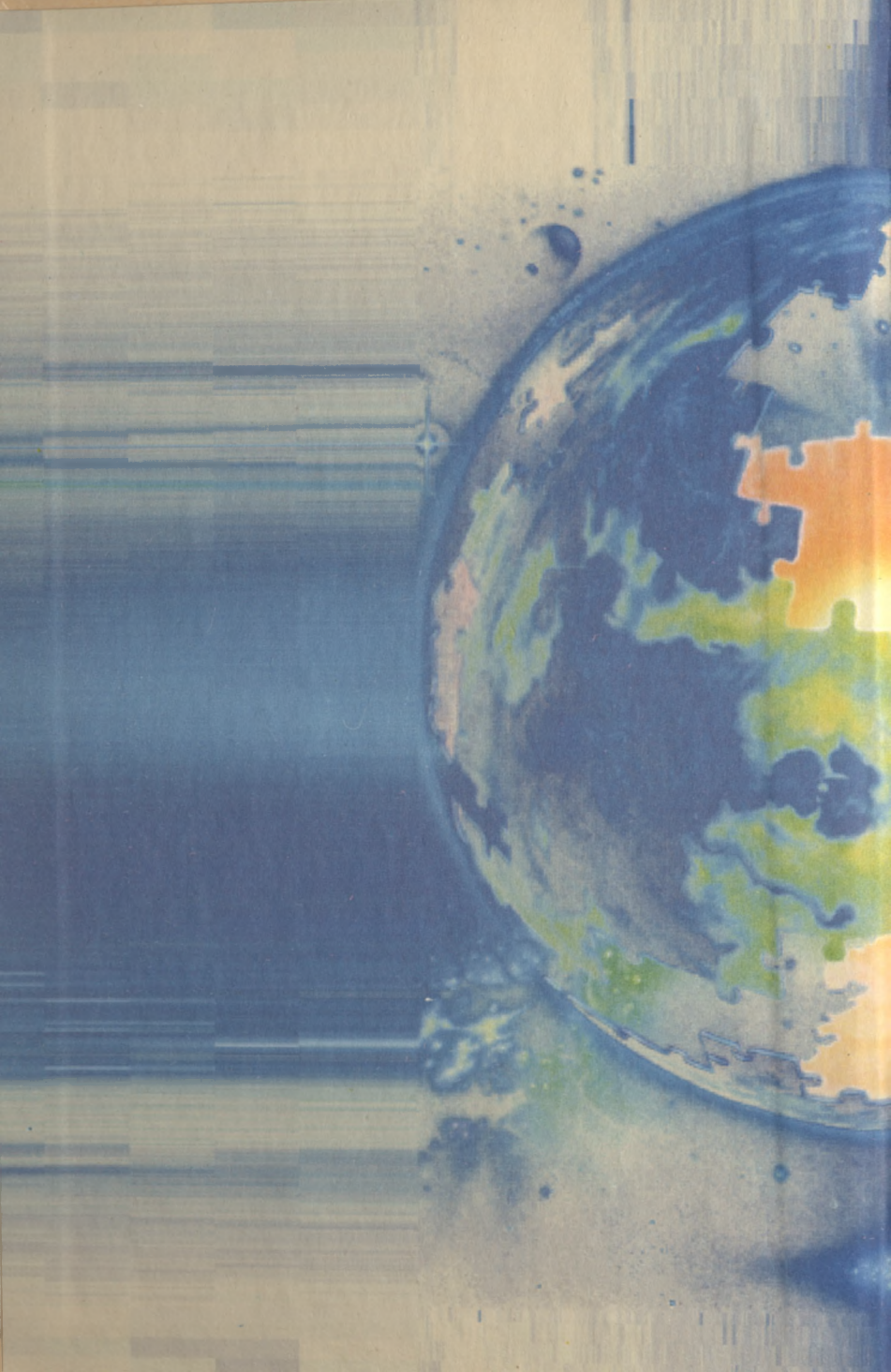

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume six

PLANET OF NO RETURN
THE WAR OF TWO WORLDS
WORLD WITHOUT STARS
THE MAKESHIFT ROCKET

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том шестой

**ПЛАНЕТА, С КОТОРОЙ
НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
ВОЙНА ДВУХ МИРОВ
МИР БЕЗ ЗВЕЗД
САМОДЕЛЬНАЯ РАКЕТА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 6 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 383 с.

В очередной том собрания сочинений Пола Андерсона вошли четыре повести в жанре «космической оперы», относящиеся к раннему периоду творчества писателя.

В повестях «Планета, с которой не возвращаются» и «Война двух миров» земляне должны — каждый по-своему — спасти человеческую расу от гибели. Потерпевшего крушение астронавта Хьюга Валланда из повести «Мир без звезд» поддерживает только память об оставленной на Земле любви.

А в пародийной повести «Самодельная ракета» капитан Сироп, чтобы выбраться из гуши межпланетного конфликта, строит корабль... из пивных бутылок.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Planet of No Return
Copyright © 1956 by A. A. Wyn., Inc.
The War of Two Worlds
Copyright © 1959 by Poul Anderson
World without Stars
Copyright © 1967 by Poul Anderson
The Makeshift Rocket
Copyright © 1962 by Ace Books, Inc.
© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996
© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-151-0

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ШЕСТОЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что... Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Rīga, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима на миры» «Огненный порок»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на тех мирах» «Гай — Ноль» «Полет на вавилон»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Война на вавилонских стенах»	17
3	«Огонь и вода»	Терранская империя — 5 «Война на вавилонских стенах»	18
4	«Война на вавилонских стенах»	Терранская империя — 6 «Война на вавилонских стенах»	19
5	«Война на вавилонских стенах» «После войны»	Терранская империя — 7 «Война на вавилонских стенах»	20
6	«Планета, с которой невозвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы» «Звезды тоже из огня»	21
7	«Волны мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три Сердца и три меча» «Бурная летняя ночь»	Патруль времени — 3	24
10	«Сказка Хольста Жердинка» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Огонь и вода»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичиноволны»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Восстание мира» «Восставшие миры»	Рассказы	30

В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.

От издательства

В шестой том собрания сочинений Пола Андерсона вошли четыре повести, относящиеся к раннему периоду его творчества.

Открывающая этот том повесть «Планета, с которой не возвращаются» (1956) начинается как обыкновенный образчик «космической оперы» — экипаж исследовательского корабля «Генри Хадсон» высаживается на планету, откуда не вернулся предыдущий звездолет, чтобы определить возможность ее колонизации. И... обнаруживает аборигенов. Но сюжет довольно быстро сходит с накатанной дорожки, и перед космонавтами встает жестокая дилемма: какое будущее они выберут для рода людского — предсказуемую стагнацию психократов или неуправляемую экспансию, галактический взрыв человечества?

Вторая повесть, «Война двух миров» (1959), столь глобальных вопросов не поднимает. Автор сосредоточивается на мотивах и поступках отдельных людей, вовлеченных по воле судьбы в бессмысленный конфликт между Землей и Марсом. Зачем начата эта война, от которой не выигрывает ни победитель — древний и гордый Марс, ни побежденный — измученная бомбежками Земля? И тут на сцену выходит третья сторона, которой не выгодны сильные и самостоятельные народы Солнечной системы. Смогут ли землянин и марсианин вместе бороться против изгнанников из системы Сириуса — загадочных оборотней-таховвов?

Пожалуй, самым серьезным произведением этого тома является третья повесть, «Мир без звезд» (1967). Не только потому, что из всех «космических опер» раннего Андерсона эта вещь выделяется и по сюжету, и по стилю. Не только потому, что заключительная глава повести — шедевр писательского мастерства Андерсона — не может не тронуть душу самого черствого читателя. Пронизывающая «Мир без звезд» песня (Андерсон скромно признается, что « позаимствовал ее размер » у норвежской баллады) стала отдельным произведением. Ее поют на съездах любителей фантастики, а в одном из сборников фантастической поэзии песня о Мэри О'Мира была названа «народной» — это ли не лучшая похвала, какой может удостоиться поэт?

Чтобы вернуться из затерянной в межгалактическом пространстве системы, экипаж потерпевшего аварию торгового звездолета должен не просто наладить систему связи, чтобы войти в контакт с обитателями ближайшей планеты с разумной жизнью. Они должны избавить и себя, и аборигенов планеты от чудо-

вищных айчунов. И вряд ли это удалось бы им, если бы не любовь Хьюга Валланда к его далекой Мэри О'Мира...

А завершает трюм откровенно пародийная повесть «Самодельная ракета» (1962). Андерсон откровенно высмеивает и привычку многих фантастов слепо переносить земные конфликты в просторы космоса, и героев-инженеров, способных собрать ракету на пивном топливе из старых ящиков, и многие другие нелепости, ставшие обычными в фантастических романах. И вот уже герр Кнуд Аксель Сироп (почтенная датская фамилия) составляет план, как вырваться из рук галактических ирландцев...

**ПЛАНЕТА, С КОТОРОЙ
НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ**

...мудрость лучше силы, и, однако же, мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают. Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми. Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго.

Екклесиаст 9, 16–18

Глава 1

Где-то защелкали реле, и что-то забормотал про себя робот. Аварийный свет, тревожно мигая, постепенно стал из красного багровым, а сирена тем временем начала по-идиотски выть.

— Убирайтесь отсюда!

Трое техников бросили работу и, пытаясь удержаться на ногах, ухватились за поручень у ближайшей стены. Контрольная панель мигом раскалилась, став похожей на пурпурный ковер. Лишившись веса, техники поплыли к двери, сопровождаемые воплями сирены.

— Убирайтесь, вы...

Они покинули отсек корабля раньше, чем Кемаль Гуммус-Луджилль закончил свою фразу. Он выругался им вслед, затем ухватился за кольцо в стене и подтянулся к панели.

Радиация, радиация, радиация, стонала сирена. Радиация была настолько сильной, что пробила всю защиту, ионизировала воздух в машинном отделении и заставила всю систему аварийной сигнализации сойти с ума. И уровень ее возрастал — Гуммус-Луджилль был достаточно близко к измерительным приборам и видел их показания. Интенсивность излучения росла, но все же он мог около получаса оставаться здесь без особой опасности для жизни.

«Черт бы побрал этих слабоумных трусов, — со злостью подумал Кемаль. — Тоже мне, техники — да они же настолько боятся гамма-лучей, что опасаются даже проходить мимо конвертера!»

Он вытянул перед собой руки и, касаясь кончиками пальцев противоположной стены, сумел уменьшить скорость своего полета в условиях невесомости. Дотянувшись до выключателя, он щелкнул им. Немедленно сработала автоматическая защита, и ядерное пламя в конвертере превратилось в маленькое солнце. Черт побери, человек мог пока справиться с подобной вещью!

Включились и другие реле. Опустились дефлекторы, перекрывая поступление горючего. Генераторы начали создавать демпфирующее поле, которое должно было остановить реакцию.

Но не остановило!

Кемалю потребовалось несколько секунд, прежде чем он осознал этот факт. Сам окружающий воздух был насыщен смертью; его глаза ощущали жжение, легкие должны были вот-вот начать гореть. Однако вскоре интенсивность радиации стала спадать — это ядерная реакция уступала действию демпфирующего поля. Кемаль наконец-то мог заняться поисками неисправности. Он поплыл вдоль огромной панели к приборам автоматического обеспечения безопасности. От нервного напряжения у него под мышками выступил липкий пот.

Экипаж корабля проводил испытания нового, усовершенствованного конвертера, и ничего больше. Неисправность могла, конечно же, случиться в любом его агрегате, но сложнейшая система контроля и блокировки должна немедленно вмешаться, устранить неисправность, и...

Сирена начала выть еще громче.

Кемаль ощутил, что все его тело покрылось потом. Дефлекторы остановили доступ горючего, однако ядерная реакция не прекратилась. Демпфирующего поля не было! За кожухом конвертера горел адский огонь. Пройдут часы, прежде чем он погаснет, но к тому времени весь экипаж корабля будет мертв.

Некоторое время Кемаль висел в воздухе рядом с контрольной панелью, испытывая ощущения, словно при бесконечном падении (так действовала на него невесомость), оглушенный воем сирен и почти ослепленный дьявольским пульсирующим огнем аварийных ламп. Он должен немедленно остановить этот кошмар!

Защитные перегородки закрылись за ним, и система вентиляции прекратила постоянное гудение. Автоматика системы безопасности не позволила распространяться отравленному воздуху по всему кораблю. Она, по крайней мере, еще функционировала. Но о человеке она не могла позаботиться, и радиация продолжала проникать в его плоть.

Он сжал зубы и взялся за работу. Ручное аварийное управление оказалось исправным. Он включил свой интерком и сказал:

— Гуммус-Луджилъ — капитанскому мостику. Я собираюсь вывести радиоактивные газы в космос. Это означает, что кожух корабля будет оставаться раскаленным в течение нескольких часов. Кто-нибудь находится снаружи?

— Нет. — Голос диспетчера звучал испуганно. — Мы все собрались у люков спасательной шлюпки. Может быть, нам стоит немедленно покинуть корабль и позволить ему сгореть?

— И превратить в груды металлолома механизм стоимостью в миллиард долларов? Нет, спасибо за совет! Стойте там, где стоите, и с вами ничего не случится.

Кемаль презрительно усмехнулся и, уперевшись ногами в пол, начал поворачивать колесо управления аварийных люков.

К счастью, вспомогательные устройства были механическими и гидравлическими, и теперь, когда вся электроника вышла из строя, стоило поблагодарить их создателей. Кемаль напряг все мускулы, пытаясь справиться с тугим колесом. Где-то на корме корабля открылся ряд люков, и потоки раскаленных газов вырвались во тьму, затем все разом погасло.

Постепенно сигнальные огни изменили цвет с красного на желтый, и сирена приглушила вой. Уровень радиации в машинном отделении начал спадать. Кемаль с облегчением подумал, что не успел получить опасной дозы радиации. Но доктора скорее всего отстранят его на несколько месяцев от работы.

Он вышел в соседний отсек через специальный люк, сбросил там одежду и отдал ее роботу-стюарду. В следующем отсеке находились три дезинфицирующие кабины. Прошло не менее получаса, пока счетчик Гейгера успокоился, — это означало, что Кемаль может появиться среди других людей. Другой робот-стюард протянул ему чистый комбинезон, и Кемаль направился на капитанский мостик.

Когда он вошел в отсек управления, диспетчер вздрогнул.

— Не трусь, приятель, я знаю, что немного радиоактивен, — с иронией сказал Кемаль. — Ты хочешь, чтобы я отныне ходил с колокольчиком в руках, звонил в него и стонал: «Заразен, заразен!» Не дожدهшься. А теперь я хочу связаться с Землей.

— Э-э... да-да, конечно. — Диспетчер выплыл из кресла и приблизился к панели управления передатчиком. — Кого вызывать?

— Главный офис института Лагранжа.

— Что... что неисправно? Ты выяснил?

— Конечно. Такая авария не могла произойти случайно. К счастью, среди экипажа нашелся один человек, у которого в голове оказался мозг, а не устрица — иначе корабль был бы покинут, а конвертер разрушен.

— Ты хочешь сказать...

Кемаль поднял руку и написал указательным пальцем в воздухе семь букв: С, А, Б, О, Т, А, Ж.

— Саботаж, — пояснил он. — Я хочу отыскать этого ублюдка, а затем повесить на его же собственных кишках.

Глава 2

Когда зазвучал звонок интеркома, Джон Лоренцен смотрел в окно отеля. Он находился на пятьдесят восьмом этаже, и спуск на скоростном лифте вызывал у него ощущение легкого головокружения. На Луне не было таких небоскребов.

Под ним, над ним, вокруг него простирался город, подобный каменным джунглям. Он перебрасывал гибкие мостики с одной стройной башни на другую, переливался яркими огнями и уходил за горизонт. Белая, золотая, красная и синяя иллюминация не была сплошной: то тут, то там были разбросаны темные пятна парков, расцвеченные фонтанами огней. Кито простирался на много километров и, казалось, никогда не спал.

Приближалась полночь — время, когда с соседнего космодрома должны были стартовать множество космолетов. Лоренцен хотел полюбоваться этим фантастическим зрелищем, знаменитым на всю Солнечную систему. Он выложил двойную плату за комнату, выходящую окнами в сторону космопорта, и испытывал некоторые угрызения совести — ведь платить по счету придется институту Лагранжа. И все же Лоренцен пошел на это: он никогда не видел ничего подобного. Детство он провел на заброшенной ферме на Аляске. Потом последовали годы унылой зубрежки в колледже — бедному студенту приходилось жить на стипендию филантропического общества. Затем он проскучал два года в Лунной обсерватории. Лоренцен не жаловался, но ему в жизни явно не доставало эффектных зрелищ. Теперь, перед тем как отправиться в межзвездную тьму за пределами Солнечной системы, он захотел полюбоваться ночной панорамой космопорта в Кито. Возможно, другого случая сделать это у него больше не будет...

Мягко зазвенел интерком. Лоренцен вздрогнул и тут же устыдился своей излишней нервозности. Ему решительно нечего было опасаться, и тем не менее ладони повлажнели от пота.

Он подошел к столу и нажал кнопку включения интеркома.

На экране появилось лицо незнакомого мужчины — полное, бритое, курносое. У него были пепельные волосы и крепкая шея борца. Незнакомец говорил на североамериканском диалекте английского:

— Доктор Лоренцен?

— С кем имею честь говорить?

В Лунаполисе все знали друг друга, а поездки в другие лунные города — Лейпорт и Гайдад-Либр — были несчастными. Здесь же, на Земле, Лоренцен никак не мог привыкнуть к столпотворению множества незнакомых людей. Еще сложнее было

вновь привыкнуть к земной гравитации, к постоянно меняющейся погоде, к разреженному прохладному воздуху Эквадора. Порой он чувствовал себя совершенно потерянным в этом огромном мире.

— Эвери. Эдвард Эвери. Я состою на правительственной службе и одновременно работаю в институте Лагранжа. Если хотите, я — нечто вроде посредника между правительством и вашими коллегами-учеными. В будущей космической экспедиции я буду принимать участие как психолог. Надеюсь, я не поднял вас с постели?

— Нет, на Луне я привык работать по ночам.

— В Кито это также принято — можете мне поверить, — улыбнулся Эвери. — Не можем ли мы встретиться?

— Да, конечно... сейчас?

— Лучше сейчас, если вы не заняты. Мы можем где-нибудь посидеть, немного выпить и поговорить. Мне хочется встретиться, пока вы в Кито.

— Хорошо, буду рад.

Эвери дал ему адрес и отключился.

Лоренцен прошелся по комнате, чувствуя некоторую нетвердость в ногах. После размеренной жизни на Луне он никак не мог привыкнуть к суматошному темпу Земли. Ему хотелось бы, чтобы окружающие принаравливались к его неспешному ритму, но понимал, что это невозможно.

Низкий гул заполнил комнату. Ракеты! Лоренцен поспешил к окну и увидел, как за оградой далекого космопорта в небо поднялись одна, две, три, дюжина металлических копий, объятых пламенем. Взлет сопровождался раскатами грома. Луна висела среди звезд, словно серебряный щит, — да, на это стоило посмотреть!

Лоренцен заказал аэротакси и надел плащ. Через несколько минут над его балконом повис коптер и выбросил узкий трап. Ежась от ночной прохлады, Лоренцен поднялся в аэротакси, сел на мягкое сиденье и набрал на пульте нужный адрес. Механический голос вежливо напомнил:

— Будьте добры, два доллара пятьдесят центов.

Смутившись, Лоренцен сунул в щель механического кассира десятидолларовый банкнот. Ему немедленно дали сдачу, и коптер взмыл в небо.

Вскоре он опустился на крышу другого отеля — похоже, Эвери также не был местным жителем. Лоренцен вошел в кабину лифта и спустился на указанный Эвери этаж. «Лоренцен», — произнес он перед дверью, и та немедленно распахнулась.

В передней он отдал плащ роботу-стюарду. У входа в гостиную его ожидал хозяин номера.

Психолог оказался коренастым, крепко сложенным человеком, почти на голову ниже гостя, так что Лоренцену пришлось глядеть на него сверху вниз. Похоже, Эвери был вдвое старше его. Психолог в свою очередь с любопытством разглядывал гостя. Это был высокий, худощавый молодой человек, не знающий, куда девать руки, с каштановыми волосами, серыми глазами и простоватыми чертами лица, покрытого густым лунным загаром.

— Очень рад встретиться с вами, доктор Лоренцен.

Эвери выглядел виноватым.

— Боюсь, я не могу предложить вам выпить, — прошептал он. — Ко мне неожиданно пришел по делу еще один участник экспедиции... Понимаете ли, он марсианин...

— Что?

Лоренцен остановился. Он не знал, как отнестись к тому, что его спутником по экспедиции будет марсианин. Впрочем, теперь это уже не имело значения.

Они вошли в гостиную. Человек, находившийся там, не поднялся им навстречу. Он был высоким и стройным, с грубыми чертами лица, резкость которых подчеркивал черный костюм Ноачианской секты. Казалось, все его лицо состояло из углов; особенно выделялись хищный нос и квадратный подбородок. У марсианина были черные, как антрацит, глаза и темные, коротко стриженные волосы.

— Познакомьтесь: Джоаб Торнтон — Джон Лоренцен, — сказал Эвери. — Доктор, прошу садиться.

Лоренцен опустился в кресло, которое тотчас же услужливо изменило свою форму так, чтобы ему было максимально удобно сидеть. Торнтон, напротив, сидел на самом краю своего кресла, словно ему была неприятна мебель, меняющая форму.

— Доктор Торнтон — ученый-физик, специалист по радиации и оптике из университета в Новом Сионе, — представил Эвери марсианина. — Доктор Лоренцен проработал несколько лет в обсерватории в Лунаполисе. Джентльмены, вам будет полезно познакомиться — ведь вы оба включены в состав экспедиции.

Эвери изобразил на лице нечто вроде улыбки, но его не поддержали. Оба ученых внимательно изучали друг друга.

— Торнтон... вы, кажется, занимались проблемой фотографирования объектов в Х-лучах? — спросил Лоренцен. — Мы в обсерватории использовали ваши методы при изучении жесткого излучения звезд, и очень успешно.

— Спасибо, сэр. — Губы марсианина изогнулись в холодной улыбке. — Однако благодарить нужно не меня, а Господа. Прошу извинить, доктор, мне необходимо покончить с одним делом. — Марсианин повернулся к Эвери: — Мне сказали, что вы, сэр, — нечто вроде официальной «стены плача» экспедиции. Я просмотрел список ее участников и обнаружил в нем некоего инженера Рейдена Янга. Он исповедует религию — если это кошунство можно так назвать — нового христианства.

— Хм-м... Да, это так. — Эвери опустил глаза. — Я знаю, что ваша секта находится в натянутых отношениях с представителями этой религии, но...

— В натянутых отношениях? — На виске марсианина запульсировала вена. — Когда новые христиане находились у власти, они заставили нас эмигрировать на Марс. Это они обрушили массу нелепых обвинений на нашу религиозную доктрину, и народ с презрением отвернулся от реформистов. Это они вовлекли нас в войну с Венерой. («Не совсем так, — подумал Лоренцен, — частично это была обычная борьба за власть в Солнечной системе, а частично ее организовали земные психократы, которые хотели заставить своих конкурентов, теократов, сложить головы на алтарь смерти».) Это они, новые христиане, по-прежнему обливают нас грязью на всех обитаемых мирах. Это их фанатики заставляют меня ходить с оружием здесь, на Земле... — Марсианин сглотнул и сжал кулаки. Его лицо побелело от ярости, но, когда он вновь заговорил, его голос звучал вполне спокойно: — Я не отношусь к нетерпимым людям. В конце концов, истина известна только Всемогущему, как бы он ни назывался поклонниками различных религий. Вы можете привлечь в экспедицию иудеев, католиков, магометан, неверующих, себастьянцев — кого угодно. Но если я приму участие в экспедиции, то должен буду взять на себя обязательство: работать с каждым ее членом и, если это будет необходимо, отдать за любого из них свою жизнь. Я не могу дать такое обязательство по отношению к новому христианину. Короче, если Янг летит, то я остаюсь. Это все.

— Хорошо, хорошо... — Эвери растерянно провел рукой по волосам. — Я сожалею, что вы так отнеслись к этому...

— Эти идиоты в руководстве, которые подбирали состав экспедиции, должны были подумать об этом с самого начала.

— Но вы, надеюсь, не решили...

— Нет, пока я не отказываюсь. У вас есть два дня на размышление. Если в течение их вы не сообщите мне, что Янг выведен из состава экспедиции, то я отправлю свой багаж обратно на Марс. — Торнтон встал. — Я сожалею, что мне приходится

говорить в столь резком тоне, — добавил он, — но это необходимо. Передайте мои слова руководству экспедиции. А сейчас я, с вашего разрешения, уйду. — Он пожал Лоренцену руку. — Рад знакомству с вами, сэр. Надеюсь, в следующий раз мы встретимся в более подходящих условиях. Я с удовольствием обсудил бы с вами методы использования Х-лучей в астрономии.

Когда марсианин вышел, Эвери растерянно взглянул на Лоренцена.

— Как насчет выпивки? Мне сейчас не помешает стаканчик доброго виски. Что за нелепый поворот событий!

— Если реалистически смотреть на вещи, то Торнтон прав, — осторожно заметил Лоренцен. — Если эти двое окажутся на корабле, может запросто произойти убийство.

— Согласен. — Эвери достал из ручки кресла интерком и сделал заказ. Затем он вновь повернулся к гостю: — Не понимаю, как могла произойти подобная нелепая ошибка... С другой стороны, меня уже ничто не удивляет. Над всем проектом с самого начала тяготеет какое-то проклятие. Все идет наперекосяк. Мы уже на целый год отстали от намеченного графика работ, а стоимость проекта превысила первоначальную вдвое.

Робот-стюард ввез сервировочный столик на колесах и остановился перед ними. Эвери взял стакан, наполненный виски с содовой, и сделал несколько торопливых глотков.

— Янгу придется остаться на Земле, — сказал он. — Он — обычный инженер, каких много. Зато физик уровня Торнтона экспедиции совершенно необходим.

— Странно, — заметил Лоренцен, — что человек с таким блестящим умом — как вы знаете, он один из лучших современных математиков, — и оказался... сектантом.

— Ничего странного. — Эвери с угрюмым видом сделал еще глоток. — Разум — удивительная вещь. Человек может верить одновременно в дюжину взаимоисключающих вещей. Немногие из людей вообще умеют мыслить, да и то используют для этого лишь надкорку мозга. Остальные миллиарды нейронов — лишь хранилище условных рефлексов, подсознательных страхов, бессмысленной ненависти и нереализованных желаний. В конце концов мы все же постигнем науку о человеке — подлинную науку — и научим каждого ребенка, как стать хозяином своего мозга. Но для этого потребуется еще очень много времени. Слишком много нелепого и безумного было в истории человечества, да и в нынешнем устройстве общества — тоже.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво сказал Лоренцен. — Но перейдем к делу, сэр. Вы хотели видеть меня...

— Только для того, чтобы познакомиться с вами и выпить по стаканчику, — заверил его Эвери. — Я обязан хорошо знать всех членов нашего экипажа. Но для этого необходимо время.

— После того как я согласился участвовать в экспедиции, вы получили мои психотесты, — сказал Лоренцен, слегка покраснев. — Разве этого недостаточно?

— Нет. Тесты могут характеризовать лишь отдельные черты характера, они строятся на основе эмпирических формул и статистических данных. Я же должен знать вас как личность, Джон. Я вовсе не собираюсь лезть вам в душу. Напротив, я хотел бы, чтобы мы стали друзьями.

— Ладно, валяйте, спрашивайте, — сказал Лоренцен и сделал глоток обжигающего виски.

— Никаких вопросов, — вновь вздохнул Эвери. — Это не собеседование, Джон, а всего лишь беседа. Господи, как бы я хотел поскорее оказаться в космосе! С самого начала этот проект преследуют неудачи. Если бы наш общий друг Торнтон знал все детали, то наверняка бы решил, что Божья воля не пускает людей на Троас. Возможно, это правильно. Иногда я поражаюсь...

— Кажется, первая экспедиция не вернулась?

— Да, но Троас открыла вовсе не экспедиция Лагранжа. Первым был полет группы астронавтов, которые исследовали созвездие Геркулеса. Изучая двойную звезду Лагранжа, они обнаружили систему Троас-Илиум и провели кое-какие планетографические измерения, но не совершили высадку ни на одну из этих планет. Затем последовала первая специальная экспедиция института — и она на самом деле не вернулась.

В комнате воцарилась тишина. За широким окном город переливался во тьме мириадами разноцветных огней.

— Итак, мы — вторая экспедиция, — заметил Лоренцен.

— Да. И все с самого начала пошло из рук вон плохо. Три года институт потратил на сбор средств. Разразился скандал, связанный со злоупотреблениями, и в руководстве института произошли серьезные перемещения. Затем началась постройка корабля. Купить целиком его не удалось, и корабль строили по частям в десятках аэрокосмических фирм. Задержки в сроках и неувязки следовали бесконечной чередой. Этот агрегат оказался неисправен, а другой нормально работал, но инженерам, видите ли, захотелось его усовершенствовать. Время строительства затягивалось, а стоимость проекта все возрастала. Наконец — это секрет, но вы должны знать — был случай явного саботажа. При первом же испытании главный конвертер вышел из строя. Только один из членов экипажа сохранил самообладание и спас двигатель от полного разрушения. Ремонт корабля и новые

задержки в поставке комплектующих агрегатов окончательно истощили средства института. Пришлось сделать перерыв в работе и заняться сбором средств. Это было нелегко сделать: идея колонизации новых планет с каждой новой неудачей вызывала в обществе все меньше энтузиазма.

Теперь почти все готово. Есть, конечно, кое-какие проблемы — тому пример моя беседа с Торнтоном, — но в целом работа завершена. К счастью, директор института, капитан Гамилтон, и еще кое-кто оказались достаточно упорными. Обычные люди отступились бы от проекта еще много лет назад.

— Много лет... кажется, со времени исчезновения первой экспедиции прошло семь лет, не так ли? — спросил Лоренцен.

— Да, и пять лет с начала подготовки этой.

— И кто оказался саботажником?

— Никто не знает. Может быть, какая-то из групп фанатиков следовала своим разрушительным замыслам. Таких случаев было немало, вы же знаете. Не всем по вкусу идея колонизации новых планет. Или, возможно... Нет, это слишком фантастично. Я скорее готов поверить, что второй экспедиции института Лагранжа попросту не везет. Надеюсь, эта черная полоса уже позади.

— Первой экспедиции тоже не повезло? — вкрадчиво спросил Лоренцен.

— Не знаю. Да и кто знает? На этот вопрос мы и должны будем, в частности, найти ответ.

Некоторое время они сидели молча. Лоренцен думал: «Похоже, что кто-то не хочет, чтобы люди достигли Трояса. Но кто? И почему? Возможно, мы найдем там, на звезде Лагранжа, ответ — но хотелось бы с ним вернуться на Землю.

Первой экспедиции это не удалось...»

Глава 3

После открытия законов подпространства межзвездные расстояния перестали быть непреодолимым препятствием. Ныне для преодоления пропасти в 100 000 световых лет требуется не намного больше времени, чем для перелета в один световой год. Овладев пространством, земляне исследовали ближайшие звезды, а затем устремились к самым любопытным объектам Галактики, игнорируя миллионы более близких, но заурядных звезд. За двадцать два года, прошедших после экспедиции к альфе Центавра, космические корабли Земли посетили сотни звезд. Ученые получили массу бесценных

сведений о строении других солнц, но надежда найти подходящую для колонизации планету, увы, постепенно ослабевала.

Первая экспедиция к созвездию Геркулеса преследовала чисто астрофизические цели. Ее участники намеревались провести ряд астрономических наблюдений в этом скоплении из миллионов звезд, сравнительно свободном от пыли и газа. Однако, облетая двойную звезду Лагранжа, ученые обнаружили любопытную планету и изучили ее. Планета также оказалась двойной, причем самая крупная из них по размеру была близка к Земле. Ее называли Троас, а ее луну — Илшум. Поскольку необходимых средств для высадки у экспедиции не было, пришлось ограничиться наблюдениями из космоса...

Лоренцен со вздохом опустил отчет. Он уже почти выучил его наизусть. Спектрографические исследования атмосферы показали, что на поверхности Троаса, скорее всего, произрастала растительность, содержащая хлорофилл. Планета была холодной, большая ее часть была покрыта льдом. Снежные бури царствовали и в экваториальных широтах, однако эти области знали и теплое лето. Измерения массы планеты, плотности атмосферы и ее температурного режима показывали: Троас пригоден для колонизации! Люди, возможно, могли построить здесь города и поселки и ходить без скафандров, дыша вполне пригодным для землян воздухом.

Это было сенсационным, многообещающим открытием. Семь миллиардов человек, теснившихся в Солнечной системе, требовали нового жизненного пространства. После начала эры межзвездных перелетов, казалось, проблема перенаселения будет быстро решена. Однако космолеты, покрытые звездной пылью, возвращались на Землю с неутешительными известиями. Они открыли множество планет, но ни одна из них не была пригодна для того, чтобы человек мог укорениться на ней.

Это казалось абсурдным, но только на первый взгляд. Земная жизнь возникла под воздействием многих тысяч геологических и эволюционных факторов и могла существовать лишь в узком диапазоне физических и биохимических условий. Вероятность найти планету точно с таким же набором была чрезвычайно мала. Во-первых, были необходимы кислородная атмосфера, лишенная ядовитых для человека газов, определенный уровень радиации и температуры, подходящее тяготение — достаточно большое, чтобы удерживать атмосферу, но не настолько сильное, чтобы расплющить человеческое тело. Во-вторых, очень важны были биологические факторы. Растительность нового мира должна быть съедобной для людей и домашних животных, а она, в свою очередь, зависит от других, микроскопических

форм жизни: выделяющих кислород бактерий, сапрофитов, гнилостных бактерий — и прочее, прочее, прочее. Микрофлору невозможно перевезти с Земли на космическом корабле, кроме того, ей необходимы совершенно определенные условия для существования. Миллионы лет эволюции на другой планете могли воспроизвести такие формы микробов и растений, которые могли бы оказаться чистейшим ядом для всех форм земной жизни.

Землянам удалось колонизировать Марс, Венеру и спутники Юпитера. Однако это потребовало огромных затрат и было сделано ради достижения важных целей. Сначала на эти планеты посылали преступников, которые работали в шахтах, а затем вслед за ними последовали миллионы землян, старающихся скрыться от земных войн и разгула тирании. Они построили под куполами и гидропонные плантации, однако те не могли прокормить много жителей. Когда начались межзвездные полеты, многие из колонистов вздохнули с облегчением — никому не хотелось жить на этих адских, чуждых всему живому планетах.

Нельзя сказать, что звездолеты прибывали из глубин Галактики ни с чем. Ряд планет почти годился для колонизации, но их атмосферы были насыщены болезнетворными бактериями, против которых у землян не было иммунитета. Конечно, со временем необходимые вакцины и сыворотки были бы созданы, но до этого не дожили бы более девяноста процентов колонистов. Трагическим предупреждением для Земли прозвучала весть о судьбе экипажа «Магеллана». Заразившись на одной из планет Сириуса местной «чумой», астронавты вынуждены были направить свой корабль на Солнце и сгорели в раскаленной плазме.

Порой исследователи находили и обитаемые миры. Уровень их цивилизаций лишь немногим уступал земной. Естественно, туземцы были готовы отчаянно сопротивляться вторжению извне. С моральной точки зрения захватнические войны выглядели отвратительно, и большинство людей выступало против подобных агрессивных действий. Однако и прагматичные, материальные расчеты приводили к тем же выводам. Звездные войны привели бы к огромным затратам ресурсов, стоили бы жизни тысячам людей. Да, после победы миллионы людей получили бы новое жизненное пространство — но такие победы оказались бы пирровыми. Они полностью подорвали бы экономику Земли — а на ней и без того хватало голодных ртов.

Проходили год за годом после начала эры межзвездных полетов, а, кроме чисто научных данных, Земля не получила ничего.

Лоренцен был мальчишкой, когда из созвездия Геркулеса вернулась астрофизическая экспедиция. Ее сообщения вызвали в Солнечной системе настоящий переполох. Он в то время жил

на Аляске и почти каждую ночь с восторгом вглядывался в холодное звездное небо. Где-то там, среди этих далеких, высокомерных солнц, находится новая Земля, надежда всего человечества!

В созвездие Геркулеса отправилась большая экспедиция на «Да Гама». Прошел год, два, а от нее не поступило никаких известий.

Земляне были разочарованы и огорчены. Что случилось с астронавтами? Может быть, они были убиты туземцами или умерли от болезней? Или их поглотили гигантские трещины, или на них обрушились чудовищные снежные бури? Кто знает?.. Постепенно о новой Земле стали говорить все меньше и меньше. Философы и социологи прекратили писать книги и статьи о новом старте человечества там, на звездах. Люди вновь обратили внимание на Землю, на свою первую и, похоже, единственную надежду на все времена.

Ученые пытались спорить. «С точки зрения статистики полученные данные еще ни о чем не говорят... Выборка из миллиардов планет была ничтожно малой... Где-нибудь должно существовать множество подходящих нам по всем параметрам миров...» Однако с каждой сессией парламента ассигнования на межзвездные исследования сокращались. Все больше звездолетов безжизненно повисали в околоземном пространстве, в то время как их капитаны отчаянно искали спонсоров.

В это время в игру включился институт планетарных исследований, названный в честь единственной успешной экспедиции именем Лагранжа. Он сумел собрать значительные средства и готов был приобрести один из оставшихся без дела звездолетов, но ему это не удалось. Владельцы кораблей находили десятки причин: «Сожалею, но мы хотим оставить корабль у себя. Как только мы соберем необходимые деньги, мы реализуем свой план исследований...», «Сожалею, но наш корабль уже арендован одной ксенобиологической экспедицией, отправляющейся через два месяца на тау Кита...», «Сожалею, но мы намерены заняться межпланетным фрахтом...», «Сожалею, но...».

Институту Лагранжа пришлось строить своего «Генри Хадсона» заново, с первого до последнего винтика. Отношение общества к этим героическим усилиям было, мягко говоря, прохладным. И этому было вполне очевидное объяснение. Египтяне плавали до Понта и при небольшом усовершенствовании кораблей могли бы совершать и более далекие путешествия, но не делали этого. Древние греки первыми построили примитивную паровую турбину, но на этом и остановились — вокруг было полно дешевой рабочей силы. Римляне научились печатать свои карты, но о

книгах и не подумали: слишком мало было грамотных людей, и для них вполне хватало писцов. Арабы создали основы математики, но применяли ее в основном в теологии. Людей всегда, во все времена, всерьез интересовало лишь то, в чем они остро нуждались. Без новых колоний человечество могло существовать, и потому интерес к межзвездным полетам стал постепенно умирать.

Глава 4

Удалившись от Солнца на два миллиарда километров, «Генри Хадсон» перешел в подпространство. Генераторы завывали, вырабатывая энергию, необходимую для создания омега-эффекта. Корабль пронзила дрожь — это все его атомы стали перестраиваться по недираковским матрицам. Затем наступила ошеломляющая тишина, а экраны залила чернота, лишенная звезд.

Началось бесконечное падение в никуда через ничто. Экипажу корабль казался неподвижным — не чувствовалось ни ускорения, ни вращения. В подпространстве «Хадсон» был ирревалентен четырехмерной Вселенной, и не существовало системы координат, относительно которой можно было оценить его движение. Впервые оказавшись в состоянии невесомости, Лоренцен сразу же почувствовал себя дурно. К счастью, вскоре заработали двигатели, заставившие вращаться внутреннюю оболочку корабля, и поле тяготения вернулось. Теперь экипажу оставалось ждать около месяца по локальному времени до того, как они приблизятся к звезде Лагранжа.

Проходили условные дни, отсчитываемые лишь корабельными хронометрами и не сопровождавшиеся никакими внешними изменениями. Пятьдесят человек экипажа, астронавты и ученые, оказались предоставленными самим себе. Каждого терзал один и тот же вопрос: что их ждет после выхода из подпространства?

На пятый день Лоренцен и Татзуо Хидаки направились в кают-компанию. Маньчжур, химик-органик по специальности, был маленьким, хрупким и вежливым человеком. Он отличался робостью и замкнутостью. Большую часть времени он проводил в своей лаборатории, отгородившись от остальных членов экипажа своими приборами-анализаторами и пробирками. Лоренцен симпатизировал азиатцу. «Я такой же, как и он, — думал Джон. — В глубине души я также побаиваюсь людей».

— Это ваше первое межзвездное путешествие, Джон? — спросил Хидаки, пока они не спеша шли по длинным коридорам корабля.

— Да, раньше я никогда не бывал дальше Луны.

— А я и вовсе ни разу не покидал Землю. Кажется, только у капитана Гамильтона и у группы инженеров есть опыт галактических полетов. — Хидаки растерянно взглянул на спутника. — Очень много странного в этой экспедиции, вы не находите, Джон? Наш экипаж, мягко говоря, довольно пестрый по составу.

Лоренцен пожал плечами. Он не задумывался об этом. Действительно, уже были случаи стычек между членами экипажа, и корабельный психолог Эвери не очень-то успешно их гасил.

— Мне кажется, руководство института знало, что делало, — ответил он. — Да и не так-то легко нынче подобрать идеально притертый друг к другу экипаж. После двухсотлетней войны и Перемирия люди словно слегка тронулись рассудком. Куда ни глянь, везде полно фанатиков — политических, религиозных, расистских...

— Надеюсь, вы поддерживаете парламент Солнечной системы?

— Конечно. Многим не нравятся его действия, но, на мой взгляд, он достаточно демократичен и умеет находить разумный компромисс между различными противостоящими группировками. Возможно, мы бы не выжили без него. Парламент — это единственное, что удерживает нас от возвращения к всеобщей анархии и тирании.

— Вы правы, — кивнул Хидаки. — Война... война чудовищна. Мой народ знает это...

Лоренцен искоса взглянул на маньчжура, на лице которого появилась маска страдания. Интересно, о чем думает Татзуо? Его народу выпало немало испытаний за прошедшие два века. Сначала была всеобщая боль по поводу островов Курильской гряды, потерянных Японией во второй мировой войне. После четвертой мировой войны вопрос с островами решил сам собой: они попросту ушли на дно океана. А затем бывшие японцы основали на материке империю Монкгу, но она была уничтожена во время войны с Марсианской колонией...

Они вошли в кают-компанию и остановились, разглядывая присутствующих. Это была большая круглая комната с низким потолком, настоящей деревянной мебелью и мягким освещением. Она приятно выделялась среди остальных помещений корабля, раздражающих металлическими стенами и скудной пластиковой обстановкой. Впрочем, и она выглядела довольно голой. У института Лагранжа попросту не хватало на обстановку корабля ни времени, ни денег. «А жаль, — подумал Лоренцен с раздражением. — В этой проклятой пустоте нервы

человека становятся излишне чувствительными. В корабле просто необходим домашний уют: ковры на полу, картины, камин с пылающими поленьями. Иначе ссор и скандалов не избежать...»

В кают-компании было довольно многолюдно. Эвери и Гуммус-Луджилль, двое самых яростных любителей шахмат, склонились над шахматной доской. В углу, на стуле, примостился Мигель Фернандес, геолог-уругваец, молодой, смуглый и красивый человек. Он коротал время, учась играть на гитаре. Рядом с ним в мягком кресле сидел Джоаб Торнтон, читая книгу. Обычно это была Библия, но сегодня марсианин предпочел Мильтона. На его лице застыло выражение скуки. Лоренцен на досуге занимался скульптурой и потому подумал: а любопытно было бы изваять это редкое лицо, скроенное, казалось, из одних углов.

Гуммус-Луджилль оторвал взгляд от доски и взглянул на вошедших. Это был смуглый человек с широким лицом и сплюснутым носом. В ворота его расстегнутой рубашки виднелась волосатая грудь.

— Привет! — сказал он.

— Здравствуйте, — с улыбкой ответил Лоренцен.

Турок нравился ему. Кемаль прошел нелегкий жизненный путь, и это оставило на нем свой след: он был порой груб, догматичен, любил щеголять своим равнодушием к литературе. Однако он был умным, знающим собеседником. Во время нескольких совместных вахт они с Кемалем жарко обсуждали политические и философские проблемы и даже шансы команды Академии по метеорному поло выиграть первенство в этом году.

— Кто выигрывает? — спросил Лоренцен, подходя к шахматному столику.

— Боюсь, что этот ублюдок, — вздохнул Кемаль.

Эвери слегка вздрогнул, но сделал вид, что не услышал очередного оскорбления. Он передвинул слона и сказал почти извиняющимся тоном:

— Берегите королеву.

— Что? А, да-да... посмотрим... — Кемаль нахмурился. — Похоже, это будет стоять мне коня. Ладно. — Он сделал ход.

Эвери не тронул беспомощного коня, а предпочел взять пешку своей ладьей.

— Мат в... пять ходов, — сказал он. — Будете сопротивляться?

— Что?

Кемаль впился яростным взглядом в фигуры. Он терпеть не мог проигрывать. В это время пальцы Фернандеса неуклюже

дернули за струны, и гитара отозвалась особенно громким стоном.

— Черт побери, прекратите эту пытку! — вспыхнул Кемаль. — Я совершенно не могу сосредоточиться.

Фернандес вспыхнул.

— У меня столько же прав сидеть здесь, сколько у вас, — с вызовом сказал он.

Кемаль насмешливо оскалился:

— Если бы вы просто сидели, приятель, это было бы полбеды. Но вы мучаете бедный, ни в чем не повинный инструмент, а заодно и всех нас.

— Эй, Кемаль, полегче, — встревоженно сказал Эвери.

Ко всеобщему удивлению, Торнтон поддержал инженера.

— Кают-компания — место для общего отдыха, — сказал он, отложив в сторону книгу. — Почему бы вам не поиграть у себя в каюте, сеньор Фернандес?

Уругваец вскочил, сжав кулаки.

— Там отдыхают мои соседи, вернувшиеся с вахты! — воскликнул он, зло сощурив глаза. — С какой стати вы собираетесь мне диктовать...

Лоренцен с нарастающим чувством беспомощности вслушивался в перепалку. Он всегда старался избегать подобных неприятных конфликтов, и сейчас его язык словно онемел.

К несчастью, обстановку усугубило появление Фридриха фон Остена. Он стоял в проеме двери, слегка покачиваясь. Каким-то чудом он сумел протащить на борт корабля целый ящик виски. Он вовсе не был алкоголиком, но на корабле не было женщин, и темпераментный немец изнывал от скуки. Фон Остен был выходцем из полуразрушенной в последней войне Европы. Солдат-наемник закончил Солнечную академию, хорошо проявил себя в космическом Патруле и был взят в экспедицию в качестве рейнджера.

— Что происходит? — спросил он слегка заплетающимся языком.

— Не ваше собачье дело! — резко ответил Кемаль.

Турок и немец несколько раз находились вместе на вахте и за это время успели возненавидеть друг друга. Причина этому была ясна — оба были высокомерными, нетерпимыми и грубыми людьми.

— Тогда я сделаю это своим собачьим делом, — угрожающе ответил фон Остен и вошел в комнату, расправив широкие плечи. Его соломенного цвета борода вызывающе приподнялась, покрытое шрамами лицо покраснело. — Вы опять издеваетесь над Мигелем?

— Я и сам могу позаботиться о себе, — спокойно сказал Фернандес. — И вы, и этот святоша-пуританин можете не вмешиваться.

Торнтон помрачнел и встал с кресла.

— А я могу постоять за святош, — процедил он сквозь зубы.

Фернандес бросил на него испепеляющий взгляд. Все знали, что семья уругвайца с материнской стороны была вырезана религиозными фанатиками столетие назад, во время Себастьянского восстания. Эвери предупредил всех, чтобы об этом кровавом периоде не упоминали.

Психолог, забыв о шахматах, устремился к марсианину.

— Джоаб, полегче... — умоляюще сказал он. — Успокойтесь, джентльмены, успокойтесь!

— Если бы идиоты с отупевшими от алкоголя мозгами не лезли в чужое дело... — начал было Кемаль, но немец прервал его:

— Разве это не мое дело? А тебя, турецкая башка, надо было хоть на день отправить в Патруль, чтобы ты узнал вкус настоящей дисциплины. Мы в космосе, а не на паршивом стамбульском базаре!

«Он говорит правду, но слишком резко и в неподходящий момент, — с тоской подумал Лоренцен. — Фон Остен часто бывает прав, но от этого становится только еще более невыносимым...»

— Послушайте... — пробормотал он, но никто не обратил на него внимания.

Кемаль весь трясся от гнева. Он решительно шагнул к немцу, сжимая кулаки.

— Если ты, ружейная затычка, выйдешь со мной на пару минут в коридор, я расскажу тебе о стамбульском базаре, — решительно сказал он.

— Джентльмены! — горестно заломил руки Эвери. — Опомнитесь!

— Это кто джентльмены, они? — с презрением бросил Торнтон.

— И ты тоже можешь выйти! — взревел фон Остен, поворачиваясь к нему.

— Никто не смеет оскорблять меня! — прокричал Фернандес, приготовившись к нападению. Он был невысок ростом, но жилист и знал толк в уличных драках.

— Убирайся с дороги, жалкий метис! — орал Кемаль.

Фернандес даже застонал от обиды и одним прыжком добрался до турка. Кемаль удивленно отшатнулся, и кулак уругвайца

лишь скользнул по его лицу. Он нанес ответный удар, и Фернандес полетел на пол.

Фон Остен с воплем бросился на турка. Эвери едва успел схватить его за рукав.

— Помогите разнять их, — просипел он.

Торнтон пришел ему на помощь, но фон Остен ударил его ногой. Марсианин сжал зубы, чтобы не вскрикнуть от боли, и попытался покрепче схватить взбешенного немца. Кемаль, приняв боксерскую стойку, ждал.

— Что здесь происходит?

Все обернулись. В дверях стоял капитан Гамильтон.

Это был высокий, крепко сложенный человек, с крупными чертами лица и густыми седыми волосами. Он был одет в голубой мундир космического Патруля, резервистом которого являлся. Форма сидела на нем, как всегда, безукоризненно, и весь он олицетворял собой облик идеального капитана, знавшего толк в строгой военной дисциплине. Сейчас его обычно спокойный голос звучал непривычно резко, а серые глаза, словно шпагой, пронзали всех присутствующих.

— Мне показалось, что я слышал звуки ссоры.

Все отодвинулись друг от друга, угрюмо поглядывая на капитана, но избегая встречаться с ним взглядом.

Гамильтон долго смотрел на свой экипаж с нескрываемым презрением. Он был сторонником строгой дисциплины, и опыт помогал ему справиться с любыми стрессами. Нет, он вовсе не превратился в этакого роботоподобного космического волка. Он обожал своих детей и внуков, живущих в Канаде, и страстно увлекался садоводством. Но на борту любого корабля он умел всех подчинить своей железной воле. Увы, на сей раз экипаж был подобран неудачно. Большинство людей впервые оказались в космосе, и это сказывалось на общем психологическом климате.

— Вы образованные люди, ученые и инженеры высшей квалификации, — уже более спокойным тоном сказал капитан. — Мне говорили, что во всей Солнечной системе не подберешь лучше и слаженнее экипажа. Если это не так, то спаси Господь Солнечную систему!

Все промолчали.

— Я полагаю, вы знаете, как опасна наша экспедиция, — продолжал Гамильтон. — Вам также известна судьба первой экспедиции на Троас — она не вернулась. На всех нас лежит огромная ответственность. Чтобы выжить и победить, мы должны действовать как сплоченный коллектив. Похоже, вы этой ответственности не ощущаете... — Капитан нахмурился. — Быть может, вам, ученым, я кажусь всего лишь пилотом, который,

словно водитель такси, довезет вас до Троаса и обратно. Тогда советую вам заглянуть в устав экспедиции. Из него следует, что я, и только я ответствен за корабль и ваши жизни. Это дает мне право чувствовать себя здесь хозяином. Пока экспедиция не завершена, вы — лишь мои подчиненные, и не более того. Я не дам и дохлой мухи за того, кто забудет об этом или попытается ослушаться меня. Хватит с меня ваших дурацких ссор! В наказание вы все проведете сутки в тюремном помещении, без пищи. Может быть, это выбьет из вас дурь.

— Но я не... — осмелился возразить Хидаки.

— Я сказал — все, — отрезал Гамильтон. — Каждый человек на борту должен считать своим долгом предотвращение подобных конфликтов. Неужели собственные жизни и судьбы товарищей для вас ничего не значат?

— Я пытался их остановить! — воскликнул Эвери с горестным выражением на лице.

— Но не смогли этого сделать. Вы будете подвергнуты аресту за несоблюдение профессиональных обязанностей. А теперь — марш в трюм!

Все молча повиновались.

Когда они оказались во тьме корабельного трюма, Хидаки возмущился:

— Что этот человек себе позволяет? Разве он Господь?

Лоренцен, успевший успокоиться, пожал плечами.

— Гамильтон — капитан и имеет на это право.

— Если он будет продолжать в том же духе, то его возненавидят!

— Гамильтон, по-моему, знает, что делает. Ему нужна не наша любовь, а повиновение.

Позже, лежа во тьме на узкой койке, Лоренцен размышлял: почему же все идет так плохо? Эвери старался изо всех сил, вел с каждым доверительные беседы, гасил вспышки взаимной злобы и подозрительности, но ничего у него не получалось. Непрофессионализм! Может, это и есть тайное проклятие, которое тяготеет над экспедицией?

Глава 5

Двойная звезда, сияющая в центре огромного созвездия, казалась фантастическим цветком. Лагранж-1 ослеплял своим блеском, хотя его светимость вдвое уступала солнечной. Его переливающийся сине-зеленый диск был окружен ореолом царской короны, увенчанной зубцами зодиакального света. Когда

этот свет проходил через корабельные фильтры, становились видны огромные протуберанцы. Лагранж-2, вдвое меньший, чем Солнце, но столь же яркий, поражал своим красно-коричневым светом, делавшим его похожим на раскаленный кусок угля, висящий в черном небе. Когда свет обеих звезд проникал через иллюминаторы в затемненные каюты, люди становились похожими на инопланетян.

Звезды в созвездии Геркулеса были настолько яркими, что некоторые из них можно было увидеть и через вуаль света двойной звезды Лагранжа. Гигантское скопление пылало в бархатной темноте вечной ночи тысячами немигающих огней, напоминающих россыпь разноцветных самоцветов. На земном небе нельзя было увидеть ничего подобного. Было странно думать, что свет этих солнц, видимый сейчас на Земле, покинул созвездие Геркулеса в то далекое время, когда люди еще жили в пещерах. Как знать, быть может, те мириады фотонов, которые устремились в путь только что, не застанут на прародине человека даже его праха...

«Хадсон» кружил по орбите, удаленной на 4000 километров от поверхности Трояса. Его единственный спутник — Илиум вчетверо превышал по размерам Луну. Он был окружен ореолом голубой атмосферы, а лик его, испещренный черными пятнами высохших морей, напоминал голый череп. Этот мир не годился для колонизации, но мог стать неисчерпаемой кладовой минералов для будущих поселенцев на Троясе.

Большая планета заполняла добрую половину звездной сферы. Ее атмосфера была насыщена облаками, между которыми виднелись голубые океаны. Почти треть поверхности покрывали ледяные шапки, сверкающие под лучами двойного солнца. Вскоре астронавты разглядели множество островов и большой материк. Его южные и северные оконечности были белыми от снега, а центральная область имела бурый цвет. На экваторе виднелись зеленые полосы растительности. Континент пересекал, словно рубец, извилистый горный хребет, по обе стороны которого раскинулась серебристая паутина из множества рек и озер.

В корабельной обсерватории находилось около полудюжины людей. Они должны были заниматься измерениями различных параметров планеты, но никто и не прикоснулся к приборам: величественное зрелище чужого мира вызывало у них благоговение.

Вошел капитан Гамильтон и требовательно взглянул на наблюдателей.

— Докладывайте, что обнаружили, — приказал он.

Он взглянул на Лоренцена, и ученый сглотнул горькую слюну. Состояние невесомости изматывало его, но пилюли от космической болезни немного помогали. И все равно он мечтал о настоящем тяготении и свежем воздухе.

— Пока мы лишь подтвердили данные, полученные астрофизической экспедицией, — ответил он. — Я имею в виду размеры планеты, плотность ее атмосферы, температурный режим, поле тяготения и прочее. Зеленые полосы на материке, несомненно, имеют в своем спектре поглощения линии хлорофилла.

— Есть другие признаки жизни?

— Да, но очень немного. Я получил фотографии нескольких довольно больших скоплений животных. Но никаких следов «Да Гама» нет. Мы наблюдаем за поверхностью уже в течение двух суток, но не видели ни посадочных челноков, ни остатков лагеря.

— Может быть, они высадились на Илиуме и там попали в беду? — предположил Кристофер Умфандума, африканский биолог.

Капитан с сомнением покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Правила требуют, чтобы космолет сначала сделал посадку на планету, которая являлась целью экспедиции. Если бы по каким-то причинам они вынуждены были покинуть Троас, то обязаны были оставить на орбите радиомаяк. Конечно, мы проверим и Луну, но я убежден, что катастрофа произошла здесь. Илиум похож на Марс, а на таких планетах хорошо подготовленной экспедиции ничто не грозит.

— Быть может, она высадилась на какой-нибудь другой планете? — предположил Хидаки.

— Какой? Здесь таких нет, если не считать группу небольших астероидов. Теория планетообразования исключает их появление вокруг двойных звезд. Они не могут иметь стабильных траекторий. Квазистабильность Троаса объясняется лишь влиянием поля тяготения Илиума.

— Может быть, «Да Гама» попал в катастрофу по пути к Земле? — нерешительно произнес Эвери.

Капитан смерил психолога презрительным взглядом.

— Чуть, с кораблем ничего не может случиться в подпространстве. Нет, с ним что-то случилось здесь, на этой планете... Но почему наши радары не нашли корабля на орбите? И куда исчезли челноки? Утонули в океане? Или их кто-то утопил?

Эвери недоуменно округлил глаза.

— Но кто мог такое сделать? — спросил он.

Лоренцен поддержал психолога:

— Капитан, мы не обнаружили и следа разумной жизни. На таком расстоянии мы разглядели бы в телескоп любой город и даже соломенные хижины.

— Возможно, те, кто утопил челноки «Да Гама», не умеют строить даже хижин, — с иронией заметил Эвери.

Гамильтон свирепо посмотрел на него.

— Замолчите! Кстати, вам в обсерватории делать нечего.

Пытаясь выручить психолога, Лоренцен воскликнул:

— О какой разумной жизни вы говорите, капитан! Взгляните на эту бедную планету — да это же просто ком из снега и льда.

— Не совсем, — возразил Фернандес. — Около экватора климат не холоднее, чем, скажем, в Норвегии или в штате Мэн. Более того, леса и поля тянутся до самых приледниковых болот. А ледниковые периоды никогда не были такими безжизненными, как полагают многие — в плейстоцене на Земле было полно разных видов животной жизни. Более того, резкие похолодания стимулируют развитие разума. На Земле это привело к ухудшению охоты, и людям пришлось заняться земледелием и стать оседлым племенем. На Троасе же ледники, без сомнения, отступают. Посмотрите на эти фотографии: на них отчетливо видны морены. Когда мы высадимся, вы наверняка удивитесь, как молоды на Троасе его тропические районы. Держу пари, им всего несколько сотен лет. С точки зрения геологии это ничто.

— Сначала надо высадиться, — заметил Гамильтон. — Лоренцен, когда вы закончите картографические работы?

— Хм... На это уйдет не меньше недели. Но разве мы будем столько времени находиться на орбите?

— Да. Мне нужны общая карта поверхности планеты в масштабе один к миллиону и карта отдельных районов экваториальной области, которые я отберу для возможной высадки, в масштабе один к десяти тысячам. Затем размножьте каждую из карт по пятьдесят экземпляров. Начальный меридиан проведите через Северный полюс. Пошлите для его определения робота-картографа. Пока все.

Лоренцен грустно вздохнул. Конечно, он запрыгает в работу картографическую машину, но все равно возни предстоит немало.

— Я, пожалуй, возьму челнок и отправлюсь взглянуть на Луну, — сказал капитан. — Так, на всякий случай... Что погрустнели, Джон? Вы можете по своему вкусу дать названия самым выдающимся деталям планетарного рельефа. Только не сыграйте такую же шутку, которую подстроил чилийский картограф из экспедиции на Эпсилон-3! Его карты стали официальными и использовались лет десять, и только потом обнаружилось,

что на арауканском языке все данные им названия звучали как площадная брань.

Капитан ободряюще похлопал по плечу молодого астронома и выплыл из отсека. Лоренцен обнаружил, что смотрит вслед ему с улыбкой.

«А Гамильтон умеет заставить людей работать, — подумал он с уважением. — И он вовсе не такой зануда, каким показался мне сначала. Бьюсь об заклад, скоро весь экипаж будет у него в руках. Эвери за ним не угнаться... хотя, возможно, Эду просто не везет».

Лоренцен решил воспользоваться греческой мифологией о путешествии Геракла: гора Олимп, гора Ида, большая река — Скамандра. Конечно, эти названия вряд ли станут окончательными. Когда на планету придут колонисты, они могут все переименовать по-своему: например, Старый Бэлди, Кончинжан Гуа, Новая Нева...

Если колонисты придут...

— Надо приниматься за работу, — сказал он, пытливо оглядывая находящихся в обсерватории людей. — Мне необходимы помощники. Кто из вас хотя бы немного смыслит в картографии?

— Я, — неожиданно отозвался Эвери. — Готов помочь вам, Джон, если хотите.

— Где вы этому научились? — удивленно спросил Фернандес.

— Это входило в мой курс обучения. Видите ли, прикладная психодинамика включает картографирование личности, так что я был обязан знать соотношение масштабов и некартезианские координаты. Я не хуже вас, Джон, справлюсь с картографической машиной.

Лоренцен только заморгал в ответ. Он редко заглядывал в труды по психологии, но мог утверждать: в них было не меньше математических символов, чем в монографиях по астрономии.

У него вновь все поплыло перед глазами — это был очередной приступ космической болезни. Эвери утверждал, что в основе этого недуга лежали чисто психологические причины.

— Насколько она точна, ваша... ваша прикладная психология? — слабым голосом спросил он. — Обилие математических формул еще ни о чем не говорит.

Эвери взлетел в воздух и повис там, скрестив ноги, словно маленький Будда.

— Мы и не пытаемся соревноваться в этом отношении с естественными науками, — объяснил он, почесывая подбородок. — В нашей сфере деятельности куда сильнее действует принцип

неопределенности, влияющий и на наблюдаемого, и на наблюдателя. Но достижения налицо.

— Например? — спросил Умфандума. — Я немало знаю о достижениях неврологии — это моя специальность. Но что вы, психологи, узнали нового о человеке, именно о человеке, а не о его сложном биофизическом организме?

— О-о, за последние века сделано немало, — ответил Эвери. — Перед третьей мировой войной психологи впервые использовали теорию игр в прогнозировании исхода боевых действий. Затем применение больших компьютеров помогло исследовать психологические факторы такого сложного явления, как бизнес, а затем и экономику в целом. Выяснилось, что теория коммуникаций применима к поведению человека — ведь он также управляется различными символами. Постепенно создали математическую теорию поведения человека, в которой исходными параметрами служили его возможности, желания и так далее. Появилась возможность предсказывать поступки в тех или иных условиях не только отдельного человека, но и целых общественных групп, а также прогнозировать целые экономические циклы.

— А разве диктаторы всех мастей не владели этим искусством? — спросил Лоренцен. — У каждого из них были большие мастера пропаганды, которые могли направить народы в любом желаемом направлении — и без всякой математики. Кстати, как обстоят дела с пропагандой сегодня?

Эвери презрительно фыркнул.

— Исторический опыт в этом отношении мало что стоит, — сказал он. — Возьмем для примера историю моей родины — Северной Америки. Пропагандисты капиталистических отношений, индивидуализма и создатели всех видов рекламы работали так примитивно, что зачастую вызывали у населения эффект, обратный ожидаемому. В конце концов они подорвали веру людей в общественные ценности, в государство, что во время войны привело к панике и поражению. Их сменили диктаторы, ослепленные своей идеологией и плененные жестокими догмами. Их пропаганда работала лишь на одну цель: любыми методами удержать власть. Самозванные освободители использовали свои пропагандистские методы, но стремились к той же власти, и это оттолкнуло от них многих людей. Во времена Перемирия порой использовали психостатистический анализ, но единственная серьезная работа была проделана в Бразилии во время ее выхода из тяжелейшего экономического кризиса. Более серьезные политико-математические прогнозы проводились позднее в связи с угрозой со стороны империи Монку. Но только после победы Венеры в межпланетной войне, установле-

ния на Земле Перемирия и изгнания теократов из Америки были сформулированы основные законы психодинамики общества. Они были использованы для прекращения войны между Венерой и Марсом, а позже — при объединении Солнечной системы. Кстати, основную часть этих работ выполнили университетские профессора, типичные книжные черви, больше всего на свете интересующиеся своей наукой. Почти бескорыстно, кстати...

— У них, часом, не появились нимбы над головами? — рассмехался Умфандума.

— Выходит, психодинамика еще только-только оперилась... — разочарованно сказал Лоренцен.

— Да, и работы продолжают непрерывно. Получены уже серьезные результаты. Например, прогнозирование экономических циклов, предложения по наиболее эффективному размещению новых городов, решение проблемы стабилизации валюты... Человечество постепенно делает шаг за шагом от варварства к подлинно развитой цивилизации. — В бесцветных глазах Эвери блеснула неприкрытая гордость. — Мы проводим сложнейшую работу, которая может занять столетия и наверняка будет сопровождаться множеством ошибок и неудач, но зато впервые в истории у нас появилось средство стать действительно сообществом гомо сапиенс!

— Дай Бог, чтобы вы были правы, — тихо сказал Лоренцен, а про себя подумал: «Этот энтузиазм может завести нас в тупик. Некогда Уэллс предлагал избирать руководство Земли из числа инженеров; теперь на эту же роль претендуют психократы со своими прогностическими методами. Суть при этом не меняется: это будет власть элит. История Земли знала немало подобных случаев, и ничем хорошим это не кончалось. При всех своих недостатках парламентская форма правления остается самой демократической. Психократы могут быть полезными советниками, но решать должны другие, выбранные народом люди...» Он оттолкнулся от стены и плавно полетел в сторону картографической машины. — Хватит, пофилософствовали, и будет, — сказал он. — Пора приниматься за работу, не то капитан Гамильтон разберется с нами без всякой психодинамики.

Глава 6

Лоренцен впервые принимал участие в высадке на незнакомую планету и испытывал вполне понятное волнение.

Когда карты были готовы, на поверхность спустились четыре челнока с сорока астронавтами на борту. Остальные остались на

борту «Хадсона», продолжавшего кружить по орбите. Больше всех, казалось, переживал Фернандес — это он выбирал место высадки и опасался, что челноки попадут в болота или в район землетрясений. Но ничего этого, к счастью, не произошло.

Земляне приземлились в нескольких километрах от реки, названной Скамандра, на широкой зеленой равнине, кое-где покрытой лесами. Когда двигатели челноков смолкли, люди прильнули к иллюминаторам. Трава вокруг места посадки вскоре перестала гореть, и они увидели зеленый, залитый солнечным светом мир.

Химики и биологи выпустили наружу несколько роботов-анализаторов, а когда те вернулись, занялись их исследованием. Торнтон провел замеры радиационного фона и сообщил, что он безопасен. Роботы вывезли наружу клетку с макаками-резусами и оставили их там на неделю. В течение этого времени никто из людей не выходил из челноков, а роботы подвергались тщательной стерилизации.

Большинство астронавтов оказалось не у дел. Лоренцен взялся было за чтение микрочиток, но даже Шекспир, Йенсен и «Песнь о людях Юпитера» показались ему безнадежно скучными. Остальные бродили по тесным помещениям, трепались, играли в шахматы и спали, спали, спали... От пересыпа головы у всех были затуманены, и люди были раздражены. Капитану Гамильтону приходилось тратить немало сил, чтобы контролировать по видеосвязи ситуацию на челноках и не допускать взрыва эмоций.

Первым потерял терпение Фернандес. Темпераментный уругач потребовал, чтобы его выпустили наружу.

— Неужели вы так боитесь заболеть? — с презрением спросил он капитана Гамильтона.

— Да, боюсь, — сухо ответил капитан. — Эволюция на этой планете, похоже, шла подобными же путями, что и на Земле. Это замечательно, но здесь вполне могут найтись один-два микроба, которые скосят нас, словно траву. Не знаю, как вы, а я предпочел бы возвратиться домой, сидя в своей каюте, а не лежа в холодильнике.

Вскоре Хидаки и его группа доложили о результатах исследований местной флоры. Многие деревья внешне были похожи на земные, но древесина оказалась значительно прочнее. Часть растений была ядовита для людей, но остальные были вполне съедобны и даже довольно калорийны. Попробовав салат из листьев и трав, Лоренцен пришел в восторг. Вкус был неопишем —

в нем чувствовались имбирь, корица, чеснок. Однако Гамильтон разрешил попробовать салат только половине экипажа и в течение следующего дня следил за астронавтами. Но все обошлось.

Вблизи места посадки нередко появлялись животные, в основном мелкие грызуны. Они серыми комочками проносились по краю обожженного пространства в высокой густой траве. Однажды неподалеку показалось стадо четвероногих, похожих на пони: у них были серо-зеленые чешуйчатые тела, волосатые ноги и плоские, как у рептилий, головы. Умфандума страшно переживал, что не может посмотреть на них вблизи.

— Похоже, рептилии являются хозяевами этой планеты, — сказал он. — А это значит, что млекопитающих здесь либо нет, либо они очень мелкие.

— Рептилии — в ледниковый период? — скептически заметил Фернандес.

— Хм... строго говоря, это не совсем рептилии. Поскольку существует смена теплых и холодных сезонов, у них должны быть теплая кровь и хорошо развитое сердце. Но способ размножения у них наверняка не плацентарный.

— Это еще одно доказательство отсутствия здесь разумной жизни, — возбужденно сказал Лоренцен. — Планета ждет нас, людей!

— Да... ждет, — с грустью заметил Эвери. — Ждет наших шумных городов, грязных шахт, дорог, ради которых чудесные пейзажи попадут под асфальтоукладывающие машины. Ждет толпы людей, которые вытопчут зеленые равнины и загадят хрустально-чистые реки. А чуть позже здесь появятся тысячи земных собак, свиней, коров, и местной живности придется уносить ноги.

— Вы не любите человечество, Эд? — саркастически спросил Кемаль. — Это странно для человека вашей профессии.

— Я люблю человечество — когда оно у себя дома, на Земле, — улыбнулся Эвери. — Не обращайтесь внимания на мои слова.

Капитан Гамильтон пытливо посмотрел на психолога.

— У нас достаточно своей работы, — резко сказал он. — Не наше дело сидеть сложа руки и горевать о возможных неприятных последствиях.

Эвери вздохнул.

— Многие в истории Земли думали так же. Политики, солдаты, инквизиторы, ученые, создавшие атомную бомбу. Ладно... — Он огорченно махнул рукой и отвернулся.

Лоренцена больно задела его слова. Он вспомнил зеленый шелест листвы в лесах Аляски, дикую красоту лунных гор.

В Солнечной системе осталось немного мест, где человек может побыть наедине с девственной природой. Жаль, если и Троас...

Через неделю роботы принесли клетки с обезьянами. Животные казались здоровыми и веселыми. Умфандума внимательно исследовал их, затем усыпил и сделал вскрытие. Анализы он проводил с помощью Хидаки.

— Все в порядке, — доложил он. — Я обнаружил в крови несколько типов местных бактерий, но они совершенно безвредны и никак не действуют на организм. Похоже, внутри тела земного животного у них нет подходящей среды для размножения. Ручаюсь, мы не почувствуем даже легкой лихорадки.

Гамильтон кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Считаю, пора выходить.

Он покинул челнок первым. На площадке с выжженной травой прошла короткая церемония поднятия флага Солнечной системы. Лоренцен стоял вместе с остальными, его волосы развевал прохладный ветер. Никто и ничто не обращало внимания на непрощенных гостей, и ему показалось, будто он участвует в каком-то кощунственном действе.

В течение нескольких дней были заняты обустройством лагеря. Люди и роботы трудились почти круглосуточно. Впрочем, на Троасе никогда не было полной темноты. Днем планету освещали два ярких солнца — зеленое и красное, а по ночам на поверхность лились лучи огромного диска Луны, окруженного россыпью тысяч звезд. Если что-то мешало работе, так это постоянные конфликты между членами экспедиции. Казалось странным, что здесь, на неизведанной, таинственной планете, люди могут находить причины для пустяковых ссор — но вспышки следовали одна за другой. И все же работа продвигалась вперед. Рядом с челноком появилась группа сборных домиков. Инженеры включили генератор, и тот дал электрический ток. Недалеко от лагеря обнаружили источник, от него провели к домикам трубы, поставили фильтры, и люди получили свежую воду. Рядом с жилыми постройками появились лазарет, лаборатории, механические мастерские. Все эти металлические кубы и цилиндры плохо вписывались в окружающий пейзаж, и Эвери часто ворчал по этому поводу.

В конце концов Лоренцен почувствовал себя ненужным. Астроному на поверхности Троаса нечего было делать. Он установил телескоп, но из-за яркого света солнц наблюдения оказались неэффективными. Он часто бродил по лагерю, не находя себе места, и тосковал по дому.

Однажды вместе с несколькими товарищами он отправился к Скамандре на единственном флаере. Река медленно катила свои

бурые воды и была настолько широкой, что с одного, покрытого тростником берега почти не был виден другой. Рыбы, насекомые и растения мало интересовали Лоренцена, но животный мир поражал воображение. Около реки часто можно было встретить крупных ящеров, которых биологи называли парафилонами и астимаксами. В небе то и дело проносились стаи четырехкрылых птиц — тетраптериусов. Охотиться было легко, поскольку местные животные никогда не видели людей и доверчиво приближались к ним на расстояние выстрела. Все астронавты носили оружие на поясе, и, хотя здесь водились хищники — по ночам в лагере был слышен их рев, — опасаться в общем-то было нечего.

На равнине не росли высокие деревья, зато ее во многих местах устилал низкий кустарник. Стволы были настолько крепки, что их удавалось срубить лишь плазменным резаком. Биологи изучили срезы и установили, что этим зарослям никак не меньше трех сотен местных лет. Пользы от них оказалось мало, так что людям, по-видимому, предстояло развести на Троасе земные породы деревьев и кустарников.

Однако список съедобных растений и пригодных в пищу животных быстро рос. Человек, затерявшийся в лесу и имевший лишь одно огниво, вполне мог выжить, не испытывая мук голода.

Но что же тогда случилось с экипажем «Да Гама»?

В исчезновении первой экспедиции нельзя было винить природу Троаса — она была не более суровой, чем во многих обитаемых районах Земли. Сейчас, летом, дни были теплыми, а дожди — умеренно прохладными. Конечно же, зимой выпадет снег и настанет тридцатиградусная стужа, но землянам к такому не привыкать. Воздух вполне годился для дыхания, и даже низкое содержание углекислого газа почти не ощущалось. Освещение было, конечно, странным: то зеленым, то красным, то смешанным, с многочисленными оттенками, дающим сразу две тени, — но оно не могло вызвать у людей никаких эмоций и, тем более, психических расстройств. Порой встречались ядовитые растения, и несколько человек заработали сильную сыпь, когда попробовали их, но дважды в такую ловушку попался бы только болван. Вокруг царил непривычный для землян умиротворение, не было слышно ни шума машин, ни скрежета станков — только свист ветра, шелест дождя, раскаты грома, пение птиц и крики животных...

Лоренцен по несколько часов в день проводил в своей маленькой обсерватории, пытаясь измерить периоды обращения планеты и главных небесных тел. Остальное время он помогал товарищам, играл с ними в шахматы, болтал на разнообразные

темы или просто сидел в тихом уголке и читал. Это нельзя было назвать полным бездельем, но все же он чувствовал себя немного виноватым.

Со времени высадки прошло двенадцать суток (на Троасе они составляли тридцать шесть часов). И однажды вблизи лагеря появились чужаки...

Глава 7

Появление аборигенов обнаружила одна из следящих видеокамер. В ее поле зрения попали фигуры каких-то существ, идущих в сторону лагеря. Сработала сирена, и воздух завибрировал от тревожного воя.

Первым прыгнул с койки фон Остен. С криком «Либер готт!» он схватил автоматический пистолет и выбежал из домика. Остальные, одевшись с лихорадочной быстротой, поспешили занять места в заранее намеченных местах обороны.

Фон Остен прыгнул в траншею, опоясывающую лагерь, и поднес к глазам бинокль. Туземцев было... три... шесть... восемь. Они находились еще довольно далеко, так что трудно было разглядеть их фигуры.

Рейнджер достал интерком и хрипло произнес:

— Говорит фон Остен. Всем занять опорные точки обороны. Капитан Гамильтон слушает?

— Да. Я на корме первого челнока. Аборигены похожи на разумных существ?

— Кажется, да.

— Хорошо. Всем оставаться на огневых позициях, но стрелять только по моему сигналу. Это приказ. Слышите — стрелять только по моей команде!

— Даже если они нападут первыми? — возмущенно спросил фон Остен.

— Да, даже тогда.

Сирена продолжала завывать. Тревога, общая тревога!

Лоренцен бросился к убежищу, которое было отведено для людей, неопытных в военном деле, — чтобы те не мешали во время боя. Лагерь был охвачен смятением. Со всех сторон доносились крики, топот ног, пыль поднялась серым облаком, мешая видеть. С гулом взлетел флаер, чтобы наблюдать за происходящим с высоты птичьего полета. «Нет, с высоты тетраптериуса, — поправил себя на бегу Лоренцен. — Здесь нет обычных птиц, это — не наш мир».

Он ворвался в убежище и остановился, тяжело дыша. Рядом стоял озабоченный Эвери. В красном свете Лагранжа-2 его круглое лицо выглядело не похожим на человеческое.

— Неужели туземцы? — спросил психолог.

— Похоже на то... — выдохнул Лоренцен. — Их не меньше полудюжины, и они идут в нашу сторону пешком. Какого черта мы так перепугались?

— Неосторожность — мать многих роковых ошибок, — отозвался из темного угла Торнтон. — Мы не знаем, каковы намерения этих существ. Нельзя давать шансов возможному противнику. Надо быть мудрыми, словно змеи...

— ...и кроткими, как голуби, — добавил Эвери. — Но таковы ли мы? Человек — дитя в колыбели Галактики, и на все неизвестное он реагирует, как ребенок, — со страхом и агрессивностью.

— «Да Гама» не вернулся, — сухо напомнил Торнтон.

— Сомнительно, что туземцы, не имеющие даже городов, были способны уничтожить космолет, — отпаривал Эвери и поджал губы.

— Но кто-то его уничтожил! — сказал Лоренцен, дрожа то ли от холода, то ли от возбуждения. — У аборигенов может оказаться мощное оружие, например бактериологическое.

— Говорю вам: это детские страхи, — ответил Эвери. — Все мы смертны, и все мы знаем, на какой риск идем. Надо по-дружески встретить местных жителей...

— И поговорить с ними по душам, не так ли? — с кривой усмешкой заметил Торнтон. — Надеюсь, вы уже выучили язык аборигенов?

В убежище наступило молчание. Лагерь тоже затих, ожидая развития событий.

Лоренцен взглянул на свои ручные часы. Минуты еле ползли. В убежище было душно и пыльно.

Прошел час, прежде чем сирена успокаивающе загудела: «Все в порядке, тревога отменена».

Лоренцен первым выскочил наружу и увидел невдалеке группу туземцев. В центре лагеря их поджидали астронавты с ружьями в руках. Впереди всех стоял безоружный Гамильтон, выразительно сложив руки на груди. Почти не мигая, он смотрел на гостей.

Лоренцен не раз видел фильмы о жителях дальних планет. Обитатели Троаса оказались далеко не самыми экзотичными из всех, но одно дело смотреть на экран телевизора, а другое — встретиться с инопланетянами лицом к лицу. Молодой астроном только сейчас впервые осознал, что люди вовсе не уникальное

создание природы, а лишь одни из бесчисленных видов живых существ.

Туземцы, как и люди, использовали для ходьбы задние конечности, в то время как передние казались непропорционально маленькими и хилыми. Тела их были покрыты короткой серой шерстью, образующей вокруг глаз черные круги. Круглые головы были увенчаны короткими ушами с кисточками на концах. Черты их лиц поражали: плоские черные носы, узкие заостренные подбородки, щетинистые усы над широкими ртами с черными губами — и большие золотистые глаза. Лоренцена поразило, что у аборигенов были тяжелые и длинные, как у кенгуру, хвосты, — вероятно, они уравнивали тела при ходьбе и могли служить оружием в ближнем бою. На руках находилось по четыре пальца, причем один противостоял другим. Длинные синие ногти больше походили на когти какого-нибудь хищника, но туземцы явно были разумными существами, потому что носили одежду: свободные блузы и широкие брюки. О поле существ трудно было судить, поскольку они были одеты одинаково. На ногах они носили нечто вроде кожаных мокасин. Все имели пояса, на которых висели самые разнообразные сумки, ножи или топоры и что-то вроде рога с порохом. За плечами у них были небольшие рюкзаки, а в руках туземцы держали длинные предметы с круглыми дулами, — возможно, гладкоствольные ружья.

Поначалу гости показались все на одно лицо, но вскоре Лоренцен стал находить индивидуальные отличия.

Один из них заговорил — если можно было считать речью невнятное мяуканье. При этом можно было разглядеть длинные синие зубы, явно приспособленные для пережевывания как растительной, так и животной пищи.

Гамильтон обернулся к своим людям.

— Они не похожи на военный отряд, — сказал он. — Эвери, вы опытный лингвист. Можете что-то понять из их речи?

— Нет... еще нет... — Лицо психолога было красным от возбуждения, голос его дрожал. — Кажется, я различаю отдельные слова, но это пока все.

— Черт побери, я даже этого не слышу, — процедил сквозь зубы Кемаль.

Группа туземцев остановилась в метрах десяти от землян. После долгой паузы стоявший в центре вновь заговорил. Лоренцен уловил паузу между фонетическими группами. Он некогда изучал в колледже курс сравнительной лингвистики, но мало что запомнил из него.

— Не знаю, о чем говорит этот парень, но мы для него явно не боги, спустившиеся с неба, — вполголоса произнес капитан.

— Этого трудно было ожидать, — заметил Эвери. — Туземцы владеют пороховым оружием, а это значит, что их общество достаточно высоко развито. Их ружья лучше, чем земные мушкеты времен Ньютона.

— Но откуда они взялись? — недоуменно спросил Фернандес, не сводя глаз с молчаливо стоящих гостей. — Мы не видели из космоса ни городов, ни деревень.

Гамильтон пожал плечами:

— Эту загадку нам предстоит решить. Эвери, я приказываю вам немедленно заняться изучением их языка. Фон Остен — вы будете отвечать за охрану лагеря. Сделайте так, чтобы за каждым из туземцев постоянно наблюдал кто-нибудь из наших людей. Не вздумайте применять силу без крайней необходимости. Если гости захотят уйти, не задерживайте их. Остальные пускай займутся своими делами, но держатся настороже. Никто не должен выходить за пределы лагеря без моего разрешения. Туземцы не выглядят враждебными, но всякое может случиться.

Земляне неохотно разошлись, а туземцы последовали за Эвери в один из домиков. Фернандес проводил их горестным взглядом.

— Черт побери, это на самом деле разумные существа и достаточно высокоразвитые... — пробормотал он.

— Да, похоже, дело с колонизацией не выгорит, — вздохнув, согласился Кемаль. — Это может отбить у людей желание летать к звездам.

Лоренцен поспешил вслед за Эвери.

— Могу я вам помочь, Эд? — спросил он. — Особых дел у меня нет, так что я с удовольствием...

Психолог недовольно взглянул на него.

— Вы не лингвист, Джон, — неожиданно резко возразил он. — Боюсь, вы только будете мешать.

Несмотря на довольно прямой отказ, Лоренцен продолжал настаивать:

— Эд, вам не мешает помощь. Кто-то должен вести записи, заниматься черновой работой...

Эвери нахмурился и неохотно кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Пора браться за дело.

Глава 8

Туземцам отвели часть одного из сборных домиков, и они охотно согласились там временно поселиться. Эвери устроил для них экскурсию по лагерю, показал челноки и оборудование,

но троасцы никак не отреагировали на увиденное. Вскоре выяснилось, что они держатся настороже и кто-то из них все время находится на дежурстве, когда остальные спят. Принимали пищу они отдельно от людей и упорно отказывались от предложенных им земных консервов. Почти все остальное время они проводили вместе с Эвери и Лоренцем.

Туземцы называли себя рорванами — так это слово звучало с точки зрения землян. У каждого из них оказалось свое имя: Силиш, Янвусарран, Аласву... Люди начали изучение их языка с того, что указывали им на различные предметы и вслушивались в звучание соответствующих названий. Оказалось, что в языке рорван около пятидесяти фонем и большую роль в нем играют интонации.

— Не сомневаюсь, что слова в их языке изменяются по грамматическим формам, но никак не могу уловить их суть. Возможно, это происходит именно с помощью интонаций... — как-то сказал Эвери своему помощнику.

— Тогда, может быть, стоит сначала обучить их английскому или испанскому? — предложил Лоренц.

— Это будет сложная и, возможно, зряшная работа. Эта группа рорван, скорее всего, случайно наткнулась на наш лагерь. В любой момент они могут уйти, и тогда все труды пойдут насмарку. Конечно, туземцы могут быть посланниками, но я не удивлюсь, если они окажутся охотниками, или бандитами, или еще Бог знает кем. Пока мы ничего не знаем ни о структуре их общества, ни о них самих. — Эвери пригладил взъерошенные волосы и взглянул на тетрадь с записями. — Черт побери, да я ровным счетом ничего не могу понять в языке рорван!

— Разрешите мне поработать с вашими записями, — попросил Лоренц. — Я немного разбираюсь в лингвистическом анализе и могу...

— Не сейчас, Джон, — мягко возразил Эвери. — Я хочу сначала перепечатать их и сделать несколько копий. Вечером я займусь этим. Или лучше завтра утром.

Но на следующий день капитан послал Лоренца на флаере собирать образцы минералов, так что изучение языка пришлось отложить. Когда он вернулся, Эвери с кривой усмешкой протянул ему пачку листов.

— Изучайте на здоровье, — сказал он. — Вчера, когда вас не было в лагере, я добыл кое-какую информацию от наших новых друзей, но она еще больше запутала меня. Она противоречит тому, что я, казалось, знаю.

Лоренц прокорпел над записями много часов и в конце концов вынужден был признать свое поражение. Названия для

большинства самых важных вещей варьировались без каких-либо важных причин. Например, луна упоминалась как Орту, Оманий, Валакаш, Орбву-Джангиз, Зелуй и еще какой-то странный свистящий звук, не имеющий аналогов в земных языках. Однако в других фразах эти же самые слова, похоже, имели совсем иной смысл. Каким-то таинственным образом значение того или иного слова зависело от контекста...

Он с разочарованием вернул записи Эвери. Психолог сочувственно кивнул, а сам продолжал работать, засиживаясь допоздна. Больше никто в эту затею не верил.

— Какого черта мы здесь делаем? — вопрошал Кемаль. — Мы нашли туземцев, и они оказались, к несчастью, достаточно цивилизованными. Выходит, на колонизации можно поставить крест. Почему бы нам не отправиться домой, надраться там как следует и забыть об этой паршивой планетке?

— Жалко бросать исследования на полпути, — возразил ему Лоренцен.

Кемаль вытащил из кармана старую трубку, набил ее табаком и не спеша раскурил.

— Исследуйте лучше мою задницу! Джон, вы не хуже меня знаете, что нас сюда послали не бабочек ловить. Наша задача — найти подходящую для людей планету. Лучше потратить оставшееся время на разведку в этом созвездии. Кто знает, может быть, нам еще повезет.

Лоренцен вздохнул:

— Вряд ли мы что-нибудь найдем. Троас — уникальный мир, другого такого еще не встречали во всей Галактике. Если мы вернемся с пустыми руками, то парламент ухватится за этот факт и прекратит финансировать другие подобные экспедиции. Скажут, что в Солнечной системе полно более неотложных дел. Придется искать богатых спонсоров из числа тех, кто хотел бы покинуть Солнечную систему.

— А вы хотели бы поселиться здесь? — спросил турок.

— Э-э... да. Пожалуй, да. Правда, не навсегда, а лишь на несколько лет... — Внезапно он догадался, почему турок был так настойчив. — Неужели вы хотели бы осесть в другой звездной системе?

Кемаль кивнул.

— Я уже в том возрасте, Джон, когда хочется оседлой жизни, семьи, детишек... Но что делать такому свободолюбивому человеку, как я, в Системе? Все более или менее приличные места давно захвачены, и для бывшего астронавта там остается только самая грязная работа. Что же мне делать — горбатиться на чужого дядю до старости? Нет, я хочу быть хозяином самому

себе! Я надеялся, что здесь... Эх, что тут говорить... — он с тоской посмотрел на зеленую равнину, уходящую до самого горизонта.

Лоренцен сочувственно взглянул на турка, не зная, как его утешить.

— Еще остается небольшая надежда, — сказал он. — Возможно, туземцы живут где-нибудь под землей. Тогда они не станут возражать, если мы поселимся на поверхности. Они даже выиграют — я имею в виду торговлю и прочее.

— Очень может быть! — с энтузиазмом поддержал его Кемаль, но огонь в его глазах быстро погас. — Но что-то произошло с первой экспедицией... Я подозреваю, что туземцы убили наших людей и уничтожили все следы.

— Сомневаюсь, — возразил Лоренцен, хотя ощущал в душе нарастающий страх. — Как рыване смогли добраться до корабля на орбите? Как им удалось уничтожить всех астронавтов до единого? Нет, я по-прежнему считаю, что «Да Гама» погиб где-то по пути к Земле. Скажем, случайный метеорит или...

— Подобные вещи давно не происходят с космолетами, — холодно напомнил ему Кемаль.

— Могут и случиться при определенном стечении обстоятельств. Или... послушайте, вы говорили, что на «Хадсоне» имела место попытка саботажа?

— Да. Постойте, Джон, неужели вы имеете в виду...

— Я ничего не имею в виду, Кемаль. Но на Земле есть влиятельные общественные группы, которые выступают против идеи колонизации. Например, секта ресурреакционистов полагает, что она противоречит воле Господа. Все фанатики — монархисты, коллегалисты, евангелисты и прочие понимают, что их и без того незначительные шансы захватить власть совсем сойдут на нет, если люди выйдут за пределы Системы. Вспомните этого психа Хилтона с его псевдонаучными идеями о жутких внеземных болезнях, мутациях колонистов, прирожденной враждебности туземцев и тому подобное.

— Хм... вы считаете, что кто-то из этих кретинов спрятал на «Да Гама» бомбу? — Кемаль задумчиво потер подбородок. — Что ж, это было не так сложно сделать, ведь корабль купили у одной крупной фирмы... Хотя всех рабочих, готовивших его к полету, тщательно проверила служба безопасности, но... Но всякое могло случиться.

— Хорошо, что наш корабль строился для института Лагранжа с самого начала, — с облегчением вздохнул Лоренцен. — Думаю, нам нечего опасаться бомбы.

— Зато тем, кто погубил «Да Гама», придется опасаться меня! — угрюмо сказал Кемаль, поглаживая приклад ружья.

Прошел еще один день. Наутро из-за горизонта показалось сине-зеленое солнце, и туман стал рассеиваться. Трава покрылась росой, имевшей странный металлический отблеск. Еще через шесть часов встало красное солнце, и стало быстро теплеть. В небе поплыли перистые красные и зеленые облака. Каждый предмет отбрасывал двойные тени тех же цветов. Первый вечерний закат был не очень эффектен, но, когда за горизонт ушло меньшее, красное, солнце, небо взорвалось фейерверком малиновых, оранжевых и красных огней. Затем на несколько часов наступило царство звездной ночи. Она стала блекнуть, когда на западе из-за волнистого горизонта поднялась луна. Один край ее был красным, другой — сине-зеленым, а центр был темным — его освещал лишь отраженный свет Троаса. Илиум казался невероятно огромным, он занимал почти четверть неба, и людям казалось, что он вот-вот упадет им на головы. Ночь длилась непривычно долго и вызывала у землян неясные страхи.

Один Лоренцен любил это время и нередко бродил по ночам вокруг лагеря, погруженный в размышления. Он с удивлением понял, что, несмотря ни на что, ему нравится это место. Быть может, ему со временем захочется переехать на эту планету. Он сможет построить собственную обсерваторию на орбитальной космической станции и будет до конца изучать это фантастическое звездное скопление. А на Троасе у него будет свой дом, семья...

«А туземцы?» — подумал он, и настроение его вновь ухудшилось.

Прошло еще несколько дней.

Лоренцен сидел за столом с книгой в руках, когда услышал, что его зовут. Он подошел к дверям и услышал голос капитана Гамильтона, усиленный лагерным громкоговорителем:

— Всем срочно явиться в штаб.

Недоумеая, Лоренцен отправился в другой конец лагеря.

Гамильтон сидел за столом, вокруг стояли чем-то взволнованный Эвери, а также Торнтон, Фернандес, Гуммус-Луджилл и фон Остен. Когда Лоренцен вошел, капитан кивнул психологу:

— Все собрались. Докладывайте, мистер Эвери.

Психолог покашлялся.

— Мне удалось немного продвинуться в рорванском языке, — сказал он негромко. — Не очень далеко — я по-прежнему не могу понять их грамматику, но мы уже можем обмениваться простыми фразами. Сегодня рорване заявили, что хотят

уйти домой. Я не совсем уверен в причинах — скорее всего они хотят рассказать племени о своих открытиях.

— Они уйдут все? — спросил Торнтон.

— Да. Я предложил отвезти их на флаере, но они отказались. Возможно, не доверяют нам. Они хотят уйти пешком.

— И где же живет их племя? — спросил Лоренцен.

— Где-то на западе, в горах, на расстоянии четырех недель пути. Это все, что я сумел выяснить.

— И что же мы будем делать? — угрюмо спросил фон Остен.

— Рорване очень не хотят, чтобы мы следили за ними с воздуха, — предупредил Эвери. — Вероятно, они опасаются, что мы станем сбрасывать бомбы на их поселение. Не забывайте — они так же плохо знают нас, как и мы их. Если мы попытаемся следить за ними, они могут спрятаться в горах, и мы больше не сумеем восстановить с ними контакт. — Помедлив, он добавил: — Однако, как мне кажется, они не будут возражать, если мы будем сопровождать их пешком.

— Самим сунуть голову в ловушку? — с сомнением покачал головой фон Остен.

— Не будьте ослом, — раздраженно возразил Кемаль. — Они отлично понимают, что оставшиеся в лагере сумеют им отомстить.

— Неужели? — ядовито усмехнулся фон Остен. — И как же наши товарищи узнают, где мы попали в плен к аборигенам?

— Конечно, по радио, — нетерпеливо сказал Гамильтон. — Вы возьмете с собой переносную рацию.

— Но если туземцы узнают об этом?

— Сомневаюсь, чтобы они разбирались в таких вещах, — возразил капитан. — И мы не будем их просвещать на этот счет. — Он выразительно постучал костяшками пальцев по столу, привлекая к себе внимание. — Мистер Эвери хочет отправиться в путь вместе с рорванами, — сказал он. — Я считаю, что его должны сопровождать еще несколько человек. Возможно, это наш единственный шанс установить контакт с местным населением или правительством — если оно здесь есть. Надо поближе познакомиться с технологиями рорван, их культурой, обычаями и прочим. Возможно, они не будут возражать против колонизации их планеты.

Вы, господа, сейчас в лагере не очень нужны, основная часть вашей работы уже выполнена — потому логично из вас и создать группу контакта. Поддерживайте с лагерем постоянную радиосвязь и сообщайте обо всем более или менее интересном. Не скрою, ваша миссия опасна. Вас могут подстерегать болезни,

ядовитые животные и тому подобное. Но я надеюсь, что все обойдется. Понятно, дело это чисто добровольное, и никто не осудит отказавшегося. Итак, все согласны отправиться в путь?

Лоренцен не был уверен, что *ОН СОГЛАСЕН*. Пожалуй, он слегка побаивался и предпочел бы остаться в лагере. Но все остальные без колебания согласились, и он также кивнул.

— Да, — сказал он. — Конечно.

Позднее он подумал: а ведь остальные, скорее всего, тоже боялись прослыть трусами, потому и не стали возражать. Человек — это забавное существо.

Глава 9

Первые три-четыре дня похода оказались для землян мучительно трудными. Затем они привыкли и стали ежедневно проходить по сорок километров без особого напряжения. Путешествие было однообразным — вокруг простирались прерии со скудной растительностью. С неба часто сыпал дождь, но туземцы его не замечали, а люди предусмотрительно захватили с собой плащи с капюшонами. По пути встречалось немало широких рек, но все они оказались довольно мелкими, их можно было перейти вброд, к тому же пополнив запас воды во флягах. Голода путники не испытывали. Из своих длинноствольных ружей рорване убивали достаточно дичи, а в те дни, когда животные не встречались, туземцы собирали множество видов съедобных растений. Кемаль, несший рацию, ежедневно связывался с лагерем. Он на всякий случай использовал азбуку Морзе, о которой туземцы не имели никакого представления. Капитан Гамильтон установил три лагерные радиостанции треугольником на довольно значительном расстоянии друг от друга; таким образом он всегда знал, где находятся путники.

Рорване использовали для определения направления пути карты и компасы, заметно отличавшиеся от земных. Карты были начертаны от руки, в Меркаторовой проекции, с характерной решеткой параллелей и меридианов, причем начальный меридиан проходил через Южный магнитный полюс.

Постепенно Лоренцен научился различать индивидуальные черты каждого из туземцев. Аласву был порывист и разговорчив. Силиш — медлителен и неуклюж, Янвусарран — вспыльчив... Самым знающим из всех рорван казался Джугау — он часто беседовал с Эвери, обучая психолога местному языку. Лоренцен также принимал участие в их беседах, но без особого успеха. Эвери быстро ушел вперед и довольно бойко разговаривал с або-

ригенами, хотя и утверждал, что не понимает и половины сказанного Джугау.

— Вы должны научить меня всему, что узнали, — сердился астроном. — Вдруг с вами что-то случится? Что тогда нам делать?

— Вы свяжетесь с лагерем, и Гамильтон пошлет за вами флаер, — спокойно отвечал Эвери.

— Черт побери, мне просто интересно! Я тоже хочу поговорить с Джугау и остальными.

— Ладно, ладно. Так и быть, я составлю для вас словарик, но убежден — это вам не очень понадобится.

Так оно и оказалось. Вскоре Лоренцен знал существительные, означавшие дерево, звезду, а также глаголы: ходить, бегать, стрелять. А что дальше делать с таким скудным словарным запасом? Никто из туземцев не желал общаться с ним. А Эвери с Джугау просиживали все вечера у костра, бойко разговаривая друг с другом. Лоренцен с чувством собственного бессилия вслушивался в мяукающий, громахающий, свистящий голос туземца, наблюдал его энергичную жестикуляцию — и ничего не понимал. Ничего!

Фернандес захватил с собой гитару и по вечерам наигрывал на ней. Аласву, глядя на него, изготовил из ствола высохшего дерева небольшую четырехструнную арфу и присоединился к землянину. Вместе они производили комичное впечатление. Аласву любил наигрывать «кукарачу», а Фернандес выучил простую рорванскую мелодию. Кемаль также быстро нашел себе партнера. Он взял в поход шахматы. Ими заинтересовался Силиш, быстро уловил суть игры, и с тех пор оба приятеля все свободное время проводили в поединках.

Путешествие оказалось мирным и спокойным, но Лоренцен чувствовал растущее неудовлетворение. Порой ему хотелось поскорее вернуться на Луну, в свою обсерваторию. Что они делают здесь, на другом конце Галактики? Да, они открыли новую, разумную расу — но что толку? Проблем человечества это не решит...

— К чему все наши наблюдения? — говорил он Торнтону. — Землянам нужны не они, а новая, пригодная для колонизации планета. Троас же, увы, занят.

Марсианин усмехнулся.

— Вы действительно верите, Джон, что эмиграция на звезды может решить проблему перенаселения? — спросил он. — Таким путем нельзя расселить больше нескольких миллионов человек, а это — капля в море. Пусть даже сто миллионов! На

это потребуются лет пятьдесят и огромные средства. За это время население вновь вырастет до прежних пределов.

— Знаю, — согласился Лоренцен. — Я много раз слышал подобные аргументы там, на Земле. Но вы не учитываете важнейший фактор — психологический. Люди совсем иначе поведут себя, если будут знать, что звезды открыты для них, что они могут, если очень захотят, начать новую жизнь на далеких колониях.

Марсианин с сомнением покачал головой:

— Вы меня удивляете, Джон. Откуда такой оптимизм? Не забывайте, что самые жестокие войны последовали вскоре после открытия Америки и заселения планет Солнечной системы. Открытие новых возможностей, свобода действий зачастую способствуют проявлению не лучших, а худших качеств людей: агрессивности, жестокости, алчности. Почему же на других звездах будет иначе?

— Да, сейчас все будет иначе! Человечество устало от войн. Оно нуждается ныне в чем-то значительном.

— Оно нуждается в Боге! — страстно возразил ему Торнтон. — Последние два столетия показали, как опасно для людей забывать своего Создателя. Они не спасутся от дьявола в себе, улетев к звездам; но изгонят его, обратившись к своей душе.

Лоренцен покраснел, не зная, как возразить на слова религиозного фанатика.

— Не понимаю, почему вы всегда так смущаетесь, когда я говорю о религии? — заметил Торнтон. — Мне кажется, нам есть о чем поговорить, вы не относитесь к числу окончательно заблудших.

— Напрасная трата времени! — возразил Лоренцен. — Мы никогда не пойдем друг друга.

— Вы просто не желаете меня слушать, — пожал плечами Торнтон. — Что ж, вы не верите в Бога, а я — в колонизацию планет. Но мне любопытно посмотреть, что из этого получится.

— Скорее вы просто опасаетесь Божьего гнева, который может пасть не только на Землю, но и на ваш Марс. Напрасно волнуетесь, ваш дом минует чаша сия.

— Не обязательно, — со смиренной улыбкой заметил Торнтон. — Господь может наказать и нас. Но мы выживем. Марсиане — живучий народ.

Лоренцен вынужден был согласиться с этим. Как бы ни относиться к верующим, они совершили настоящий подвиг, освоив пустынный, бесплодный Марс. Поющие псалмы батальоны сокрушили империю Монгу и победили Венеру. Кто бы ни были

эти верующие: христиане, мусульмане, буддисты или представители любой другой религии, они обладали способностью изменять ход истории. Ни один разумный человек не мог понять до конца сути их фанатизма — а если все-таки начинал понимать, то это означало, что он перестал быть разумным.

Джон посмотрел на мешковатые фигуры туземцев, сидящих вокруг костра. Какие мысли скрывались в их нечеловеческих головах? Могут ли и они раболопствовать, обманывать и убивать?

Например, спасая Троас во имя своего Господа?

Глава 10

Мигель Фернандес родился в Уругвае. Семья его была родовой и богатой, так что он был одним из немногих граждан этой страны, кто никогда не знал чувства голода. К услугам юноши были театры, книги, лошади, женщины; он играл за свой континент в сборной по поло и переплыл на собственной яхте Атлантику. Увлечшись планетографией, он провел несколько лет на Луне и Венере, прославившись своими работами. Несмотря на молодость, он уже прожил бурную, полную приключений жизнь, имел множество друзей.

Он умер на Троасе.

Это произошло неожиданно. Спустя две недели после начала похода прерии кончились, и путники стали медленно двигаться к подножию далеких голубых гор. В этих местах была высокая, почти до пояса, трава, раскидистые деревья, быстрые, холодные реки. Ветер дул почти непрерывно, затрудняя движение. На пути то и дело попадались глубокие овраги и груды валунов, и рорванам приходилось петлять, выискивая наиболее удобные тропы. И тем не менее отряд проходил около тридцати километров в день. Земляне изрядно устали, и по их просьбе Эвери не раз спрашивал, далеко ли до конца пути. Ответа, к сожалению, он не мог понять.

Путники растянулись длинной цепочкой среди живописных групп валунов. Вокруг кипела жизнь: в небе носились стаи тетраптериусов, возле камней шныряли маленькие пушистые зверьки, на берегу соседнего ручья за чужаками пристально наблюдали несколько рогатых рептилий. Лоренцен шел рядом с Аласву, стараясь пополнить свой скудный запас рорванских слов. Он указывал на различные предметы и просил назвать их. Внезапно он заметил впереди большую радужную ящерицу и показал на нее.

— Воланзу, — равнодушно ответил рорван.

— Нет, — возразил астроном по-английски (почему-то язык туземцев не содержал таких важных слов, как «да» и «нет»), — воланзу означает «камень», а я имею в виду ту ящерицу. — Он подошел поближе к животному, которое спокойно грелось в лучах двойного солнца.

Аласву, казалось, колебался.

— Шинарран, — сказал он наконец, взглядевшись получше в ящерицу. Лоренцен занес это слово в свой блокнот и пошел дальше.

Вскоре он услышал позади чей-то пронзительный крик. Обернувшись, он увидел лежащего на земле Фернандеса. Ящерица впилась зубами ему в ногу, и геолог истекал кровью.

— Что за черт!

Лоренцен побежал назад, карабкаясь по крутому склону, но Торнтон поспел раньше. Он ухватил ящерицу за шею, отбросил ее в сторону и раздавил башмаком. Все столпились вокруг Фернандеса. Геолог смотрел на них полными боли глазами.

— Холодно... — прошептал он по-испански.

Торнтон разрезал штанину, и они увидели разбухший красный след от укуса.

— Яд! Дайте мне аптечку первой помощи! — встревоженно вскрикнул марсианин.

Эвери отстранил его движением руки — психолог был хорошо знаком с медициной. Простерилизовав спиртом скальпель, он уверенным движением сделал глубокий разрез.

— Не могу дышать... — прохрипел Фернандес. — Божья мать... Не могу... дышать...

Эвери наклонился, намереваясь прижаться ртом к ране, а затем выпрямился.

— Нет смысла высасывать, — мрачно произнес он. — Яд уже добрался до груди — посмотрите на эти пятна...

Рорване толпились позади землян, взволнованно глядя на умирающего. Похоже, они тоже были растеряны и не знали, что делать.

Глаза Фернандеса закатились, он дернулся и затих.

— Парализовало легкие, — сказал Кемаль. — Постараюсь сделать искусственное дыхание.

Он положил свои огромные руки уругвайцу на грудь, но Эвери остановил его.

— Бесполезно, — хрипло сказал он. — Пульса нет, сердце остановилось.

Лоренцен стоял, пораженный до глубины души. Впервые у него на глазах умер человек. В этой картине не было ничего величественного. Фернандес лежал в неудобной позе, лицо его

посинело, маленькая струйка слюны все еще вытекала из уголка рта. Ветер взъерошил ему волосы. Смерть — непривлекательное зрелище.

Кемаль присел и достал из рюкзака рацию.

— Вызываю лагерь, — взволнованно сказал он. — Лагерь, вы слышите меня? Срочно высылайте флаер, Фернандеса нужно доставить в реанимационный отсек! Лагерь, лагерь...

— Бесполезно, я говорю, — прервал его Эвери. — Этот яд действует как синильная кислота. Он уже напитал всю кровь.

Они долго стояли молча вокруг тела погибшего товарища.

Кемаль вызвал Гамильтона и доложил о несчастном случае. Капитан выругался:

— Дьявол, до чего не повезло бедняге!

Ответ пришел в виде азбуки Морзе. Рорване никак не отреагировали на это, — быть может, они уже привыкли к тому, что люди так разговаривают со своим Богом.

— Спросите, что нам делать дальше, — сказал Эвери. — Рорване собираются продолжить путь, и я хочу идти вместе с ними.

— Похороните геолога и поставьте опознавательный знак, — ответил капитан. — Бессмысленно везти его в лагерь в таких обстоятельствах. Может быть, кто-нибудь из вас хочет вернуться? Я могу выслать флаер... Нет? Тогда идите дальше и, ради Бога, будьте осторожнее.

У землян не было лопат, поэтому прошло немало времени, прежде чем они выкопали могилу. Рорване помогли им, а затем натаскали груды обломков, из которых был сложен могильный холмик.

— Не скажете ли несколько слов? — растерянно спросил Эвери, обратившись к Торнтону.

— Я мало знал Фернандеса, — ответил марсианин. — Одно могу сказать: он придерживался иной веры, чем я, и был хорошим человеком.

Все дружно согласились с этим и несколько минут постояли над могилой, склонив обнаженные головы.

«Вот прекрасный пример человеческого лицемерия, которое часто проявляется перед лицом смерти, — подумал Лоренцен. — Еще вчера Торнтон называл уругвайца ничтожным папистом, Кемаль проклинал его бездарную игру на гитаре, а фон Остен обзывал латиноамериканской собакой. Эвери как психолог обязан был гасить все эти вспышки злобы, но почему-то предпочитал не вмешиваться. Теперь они делают вид, что скорбят, — таковы у землян правила игры. Неужели рорване такие же лживые, неискренние существа? Они выглядят такими простыми и естественными...»

Когда печальная церемония завершилась, было уже слишком поздно, чтобы отправляться дальше. Запылал костер, и все поужинали в тягостном молчании. Затем Эвери и Джугау отошли в сторону и начали свои лингвистические занятия. Фон Остен залез в спальный мешок и заснул, а Торнтон уселся поближе к костру и начал читать при его колеблющемся свете Библию. Рорване собрались в кучку и стали что-то тихо обсуждать.

За освещенным костром кругом была видна холмистая равнина, залитая светом луны. Ветер раскачивал кроны деревьев. Нередко слышались крики животных. Лоренцен подумал: «Никогда я не видел такой странной ночи, залитой светом сотен незнакомых созвездий. Душе бедного Фернандеса придется долго блуждать по Галактике, прежде чем она найдет успокоение там, на далекой Земле».

Кемаль подошел к нему и уселся рядом.

— Одного уже нет, — тихо сказал он, глядя застывшим взглядом на пламя костра. — Сколько еще погибнет?

— Гамильтон боялся именно этого, — ответил Лоренцен, пожившись от ночного холода. — Не землетрясений, чудовищ и коварных туземцев, а змей, болезнетворных микробов и ядовитых растений. И он оказался прав.

— Эта ящерица... с цианидом в зубастой пасти... какой же у нее должен быть метаболизм? — поежился Кемаль. — У нее, вероятно, совсем иная кровь, чем у нас. Чужой мир, чужой мир...

— Если опасность для нас представляют только ящерицы, то дело обстоит еще неплохо, — отозвался астроном.

— Ода, конечно. Я бывал в переделках и похуже. Просто все произошло так неожиданно... Эта тварь могла напасть на кого угодно, и на вас в первую очередь — ведь вы первыми прошли мимо нее.

— Верно... — Лоренцен вздрогнул. Только сейчас до него дошло: Аласву был рядом и не предупредил его! Почему?

Он посмотрел на группу туземцев, сидевших по другую сторону от костра. О чем они говорили? Что готовили для пришельцев со звезд?

Лоренцен хотел было поделиться с Кемалем и остальными землянами своими подозрениями, но сдержался. Возможно, это было чистой случайностью. Может быть, эти ящерицы относились к редкому виду, и рорване никогда раньше не видели их? Аласву сам прошел рядом с ней, не выказав ни малейших признаков беспокойства. Если бы туземцы на самом деле хотели их убить, то вряд ли они стали бы полагаться лишь на подобные несчастные случаи.

Но «Да Гама» не вернулся!

Лоренцен не знал, что предпринять. Он устал, был возбужден и мог сейчас наломать дров. Что касается фон Остена, то он просто бы расстрелял туземцев на месте. Нет, нужно во всем окончательно убедиться самому, а только потом делиться своими подозрениями с остальными.

Он посмотрел в темноту, на запад. Путь их отряда лежал туда, в каньоны и ущелья предгорий, где на узких тропках могло случиться всякое. И они не могут повернуть назад, хотя и не знают о том, какие сюрпризы их еще поджидают.

Глава 11

Местность начала круто подниматься, и вскоре путники уже были вынуждены петлять среди нагромождений скал, зарослей кустарников, переходить вброд бурные реки с ледяной водой. Людям было трудно поспевать за рорванами, чьи легкие, гибкие фигуры были отлично приспособлены к ходьбе по пересеченной местности.

Спустя неделю после гибели Фернандеса, во время вечернего сеанса связи, Гамильтон недовольно спросил:

— Что за дьявольщина происходит с вашими проводниками? Вы в очередной раз свернули севернее. Почему они не ведут вас по прямому пути?

Кемаль переадресовал вопрос Эвери.

— Эд, спросите об этом ваших волосатых уродцев. Действительно, сколько можно петлять? У меня уже ноги опухли от этой проклятой ходьбы.

— Я уже спрашивал, — со вздохом сказал психолог. — Разве я не говорил об этом? Из слов туземцев я ничего не понял. Похоже, впереди простирается какая-то опасная территория, но я не уверен в этом.

Турок передал это капитану Гамильтону, который разразился проклятиями и отключил связь.

Торнтон усмехнулся:

— Возможно, рорване хотят окончательно измотать нас, чтобы затем взять голыми руками.

Фон Остен схватился за ружье.

— Клянусь всем святым, они ведут нас в ловушку!

— Спокойнее, спокойнее, — поднял руку Эвери. — Это только догадки, и ничего более. Мы все равно не знаем пути к поселению туземцев. Надо идти за нашими проводниками и держаться настороже.

Лоренцен хмуро выслушал слова психолога. Ему все меньше нравилось происходящее.

Подойдя к костру, он достал из рюкзака карту этого района, сделанную из космоса, и долго изучал ее. Насколько можно судить, впереди не было ничего необычного. Конечно, там могли жить враждебные племена...

Отложив карту, он задумался, глядя на пляшущие на ветру языки пламени. В том, что произошло во время похода, было немало странного. Например, совершенно очевидно, что рорванам не был знаком вид ядовитых ящериц, одна из которых укусила беднягу Фернандеса. Но почему? Любое опасное животное имеет обширный ареал обитания, и туземцы не могли хотя бы не слышать о нем. И этот трудный для понимания язык туземцев... Эвери утверждает, что в нем нет множества самых простейших понятий, что он почти во всем чужд разуму землян. Странно. Даже ему, Лоренцену, он казался весьма похожим на типичные индоевропейские языки. Рорване имели достаточно развитую цивилизацию, и между ними и землянами не могло быть непродоходимой пропасти взаимного непонимания.

Эвери и Джугау подолгу общались каждый вечер и всегда в стороне от остальных спутников. Почему? Эд утверждал, что это были обычные уроки языка, но...

Но?..

Лоренцен попытался отогнать возникшую неожиданно мысль, забыть ее или хотя бы спрятать в глубь подсознания. Эвери нравился ему, и к тому же сейчас ничего не было хуже, чем взаимное недоверие. Не хватало еще стать параноиком!

Однако еще оставался неизвестно куда пропавший «Да Гама» — этот огромный знак вопроса, висящий во тьме космоса.

Лоренцен замерз и забрался в спальный мешок. Он слушал шум ветра, журчание ручья, крик какой-то птицы и никак не мог заснуть.

Что же все-таки случилось с первой экспедицией? Кто был таинственным саботажником, едва не сорвавшим проведение второго полета на Троас? Почему во время подготовки к экспедиции происходило так много неурядиц? Почему был скомплектован такой разношерстный, психологически несовместимый экипаж? Почему рорване были единственным видом млекопитающих, встретившимся им до сих пор? Они, очевидно, достаточно цивилизованны — почему же из космоса не было заметно ни малейших следов их деятельности? С чем связаны особенности их языка, якобы недоступного пониманию людей? Вопросы, вопросы, десятки вопросов... И еще эта ядовитая яще-

рица, неизвестная туземцам, и непонятное петляние на довольно ровной местности...

На каждый из вопросов можно было найти более или менее правдоподобный ответ, но все вместе они нарушали известный принцип «бритвы Оккама». Каждое объяснение отвергало остальные, порождало новую гипотезу, противоречащую остальным. Было ли что-то объединяющее в этой груде фактов? Или всему причиной лишь странное стечение обстоятельств?

Один из аборигенов, Силиш, ходил кругами вокруг затухающего костра, держа ружье наперевес. О чем он думает? Он научился играть в шахматы, был внешне дружелюбно настроен к людям — и все же мог оказаться более чуждым для них, чем та ядовитая ящерица. Кто знает, быть может, он и его соплеменники заманили в ловушку экипаж «Да Гама», а затем растерзали землян, словно хищные звери?

Эвери... Психолог казался правдивым, добродушным человеком, и все же у него ровным счетом ничего не получалось. Сплотить экипаж он так и не смог и как лингвист ничем пока не блеснул. Может быть, рорване попросту обманывают его? Или чем-то подкупили? Но чем?

Лоренцен заворочался, пытаясь заснуть, но сон никак не приходил. Слишком многое надо было обдумать. Слишком много приходилось опасаться.

Наконец он пришел к решению: пока никому ничего не рассказывать о своих подозрениях. В конце концов, никаких фактов у него не было. Кроме того, рорване никогда не оставляли людей наедине друг с другом, — кто знает, быть может, они уже освоили английский?

Зато он должен использовать малейшую возможность, чтобы пополнять свой рорванский словарь. Надо постоянно вслушиваться в речь туземцев, и если их язык на самом деле близок по структуре к индоевропейским, то со временем ему удастся уловить не только смысл отдельных слов, но и их грамматические формы. Многие слова можно узнать, задавая, казалось бы, вполне невинные вопросы. Да, этим необходимо срочно заняться!

Успокоенный этой мыслью, Лоренцен наконец заснул.

Глава 12

— А я вам говорю, что это было убийство! — закричал фон Остен и зло топнул ногой. Эхо, отразившись от серых скалистых стен, гулко ответило ему.

Скалы теснились со всех сторон, их острые вершины четко вырисовывались на фоне голубого неба, а нижние склоны резко обрывались во мглу ущелий, в которых бурлили горные реки. Местность за последние дни пути заметно поднялась, и до горного хребта осталось совсем недалеко. Похолодало, и по утрам путники все чаще видели тонкий слой снега на каменистой земле. Охота стала скудной, и уже несколько дней все жили впроголодь. Продвижение вперед замедлялось из-за бесконечных подъемов и спусков. Измотавшись вконец, путешественники решили встать лагерем на несколько дней, чтобы отдохнуть и сделать запасы пищи перед последним переходом.

Торнтон погладил приклад ружья и спокойно встретил разъяренный взгляд немца.

— Рорване могли и не знать этого вида ящериц, — сказал он. — Признайтесь, вы знаете все виды животных у себя в Германии?

— Нет, — неохотно признался фон Остен. — Но согласитесь, они в любой момент могут без труда разделаться с нами. Мы не можем все время держаться вместе, и туземцы запросто перережут нас поодиночке. Что-то в них не так, в этих тварях... Надо перебить их, оставив в живых только одного, а затем выпытать у него все, что нас интересует.

— Мы не знаем их языка, — сухо напомнил ему Торнтон.

— Язык? Ха-ха! Да эти обезьяны попросту не хотят, чтобы мы его знали. Не может быть, чтобы он оказался таким сложным. Они просто дурят этого слабака Эвери, а он слушает их вранье, развесив уши. Ручаюсь, они заговорят как следует, когда с ними побеседую я.

Торнтон попытался было возразить, но фон Остен ткнул ему в грудь кулаком.

— А куда они нас ведут? — продолжал он возбужденно. — Я изучал карту и ручаюсь: сюда мы могли бы прийти вдвое быстрее, если бы с самого начала пошли на юг и дальше двигались вдоль берега реки. Думаю, что и все эти разговоры насчет какой-то опасной местности — полная чушь.

Торнтон пожал плечами:

— Разве я возражаю? Откровенно говоря, я думаю так же. Но почему вы обратились именно ко мне?

— Вам единственному я могу доверять. Эвери — глуп, Лоренцен — слабак, а этот чертов турок откажется помогать только потому, что это не его, а моя идея. Только мы вдвоем можем что-то предпринять.

— Хм... — Торнтон с сомнением потер небритый подбородок. — Возможно, я и могу помочь вам, но что-то не очень

хочется. Конечно, если «Хадсон» не вернется, то третьей экспедиции скорее всего не будет. Но для этого мало убить нас — надо как-то справиться и с людьми в лагере. А как они доберутся до корабля? И как они уничтожили «Да Гама» таким образом, что от него не осталось даже следа? Все это выглядит совершенно невероятно.

Фон Остен нахмурился:

— Не исключено, что у туземцев есть мощное оружие, о котором они предпочитают пока помалкивать.

— Мощное оружие? Почему же они вооружены гладкоствольными ружьями типа допотопных мушкетов? Не будьте дураком.

Обожженное солнцем лицо немца побагровело. Однако он сдержался и негромко сказал:

— Поосторожнее с выражениями, приятель. Я хотел бы действовать с вами заодно, так что ссориться нам ни к чему. А что касается мушкетов... Кто знает, быть может, это только часть хитрой игры? Этим обезьянам выгодно, чтобы мы чувствовали себя в полной безопасности и потеряли бдительность.

Торнтон присвистнул.

— Далеко же вы зашли, фон Остен... Идемте, нам надо охотиться.

— А что же с моим предложением?

— Мне надо подумать.

Они продолжали подъем по крутому склону. Время от времени охотники останавливались и оглядывали в бинокль заснеженные скалы. Увы, никаких признаков жизни не было заметно. Торнтон ощущал сильный голод, но еще больше его тревожили подозрения, высказанные фон Остеном.

Если рорване не так примитивны, как казалось до сих пор, то последствия могут быть весьма печальными. Туземцам известен порох — почему бы им не иметь и телескопы? Когда «Хадсон» приближался к Троасу, он не раз пересекал видимые с планеты диски луны и обоих солнц, так что его легко было заметить. При определенной технологии туземцы могут жить под землей, синтезируя пищу. Подобное у них могло случиться, скажем, после давней атомной войны... А почему бы и нет? Эта идея многое объясняла. Война могла уничтожить других млекопитающих, но одновременно оставить в наследство немногим выжившим аборигенам шахты с атомными ракетами. С их помощью нетрудно было уничтожить «Да Гама». Почему же тогда они не расстреляли и «Хадсон»? Может быть, потому, чтобы узнать у пришельцев побольше о Земле, понять, насколько

человечество опасно для жителей Троаса. В этом случае им выгодно было прикинуться полудикими туземцами...

Торнтон покачал головой. Даже эта гипотеза не объясняла многого, оставляла немало вопросов. И все же не исключено, что фон Остен прав. Что же делать? Немец предлагал уничтожить всех туземцев, оставить лишь одного и подвергнуть его допросу. Можно не сомневаться, опыт в таких вещах у бывшего солдата Патруля был. А что дальше? Они, конечно, быстро вернутся в лагерь на челноках, переберутся на борт корабля — и что с этого? Троас останется загадкой, и им придется взять на себя ответственность за неизбежные последствия. А они будут очевидными: парламент Солнечной системы не захочет рисковать, пошлет на Троас космический Патруль, и тот уничтожит на планете все живое.

Но сначала членам экипажа надо разобраться между собой. Понятно, что Эвери выступит против любых насильственных действий. Лоренцен будет колебаться, но скорее всего поддержит его. Капитан Гамильтон наверняка будет настроен решительно и в наказание может оставить этих двоих на планете — для него дисциплина и долг выше всего.

«А я — что буду делать я? — лихорадочно размышлял Торнтон. — Мне придется пойти до конца и взять на свою душу грех не только за уничтожение жителей Троаса, но и за гибель товарищей, выступивших против. Бог не простит мне такого. Но если я скажу хоть слово возражения... По возвращении в Систему меня будут ожидать суд, тюрьма, насильственное изменение психики... Что тогда произойдет с моей семьей там, на Марсе?

Правда, рорване не люди. Наши священники сомневаются, что у инопланетян есть душа. В любом случае они язычники...»

Торнтон понимал, какую мучительную борьбу с самим собой ему придется выдержать, прежде чем он примет окончательное решение. Увы, на обеих чашах весов лежало множество жизней.

— Смотри! — крикнул фон Остен.

Торнтон поднял бинокль и увидел, что впереди, на краю обрыва, стоит рогатое животное, похожее на оленя. Казалось, оно собиралось вот-вот прыгнуть.

Два выстрела прозвучали почти одновременно. Раздался крик, и животное исчезло. Торнтон бросился бежать, перепрыгивая через камни. Он едва удерживал равновесие на крутом склоне, но торопился, чтобы успеть схватить раненого или убитого зверя. Край обрыва был в нескольких метрах. Фон Остен шумно дышал где-то рядом, выискивая точки опоры. Наконец они достигли вершины.

И внезапно провалились!

Это произошло так быстро, что Торнтон не успел толком ничего понять. Он почувствовал ужас падения, что-то острое рассекло его спину, послышался грохот осыпающихся камней, а затем стало темно...

Он медленно приходил в себя, ощущая лишь резкую боль. Затем в глазах прояснилось, и он сумел сесть, обхватив раскалывающуюся голову ладонями.

Фон Остен уже поднялся на ноги и оглядывался по сторонам.

— Вы в порядке? — небрежно спросил он. Здоровье марсианина его не тревожило — он уже успел осмотреть своего спутника и убедился, что тот не получил серьезных ранений.

Торнтон ощупал себя. На спине он обнаружил длинную царапину, голова отчаянно болела, из носа шла кровь, на теле оказалось множество ссадин — но это было все.

— Да, я в порядке, — хрипло ответил он.

Фон Остен помог ему подняться.

— Проклятая планета! — зло сказал он. — Кажется, здесь все против нас, людей. Одна ловушка следует за другой.

Торнтон огляделся. Они находились на дне ямы метров в шесть глубиной. Стены ее были отвесными, покрытыми льдом и снегом. Подстреленного животного видно не было, — вероятно, оно успело перепрыгнуть на противоположную сторону.

Фон Остен, меньше пострадавший при падении, сделал несколько отчаянных попыток выбраться из ямы, но в конце концов ему пришлось сдаться. Без инструментов это сделать было попросту невозможно.

— Еще два очка в пользу туземцев, — сказал он, шумно дыша, вытирая пот с лица.

— Они могли и не знать...

— Это они привели нас в опасную местность! Здесь у них всегда есть шанс загнать нас в ловушку. Нет, они не зря послали нас охотиться именно в этом направлении... Боже небесный! — и немец потряс в воздухе кулаками.

— Не упоминайте имя Господа всуе, — сурово напомнил ему Торнтон.

Затем он встал на колени и принялся молиться. Он не просил помощи: все в этом мире во власти Всевышнего. Окончив молитву, он почувствовал себя спокойнее.

— Нас станут искать, если мы не вернемся к вечеру, — сказал он. — Друзья должны были услышать наши выстрелы и крики.

— Да, но мы ушли чертовски далеко от лагеря, — проворчал фон Остен, обхватив себя руками. — Б-р-р, до чего здесь холодно!

— Придется потерпеть — в ближайшие часы нас искать не будут. Будьте добры, перевяжите мне спину.

Когда зашло сине-зеленое солнце, стало еще холоднее. Тени стали наполнять яму. Внизу не было ветра, но люди слышали его завывание на скалистом склоне. Чтобы не замерзнуть, они прыгали на месте, хлопая руками, но это мало помогало.

После захода солнца они прижались друг к другу, пытаясь сохранить остатки тепла. Где-то в бесконечной вышине сияли звезды, равнодушно глядя на мучения двух людей. Время от времени несчастные проваливались в неглубокий сон, но вскоре просыпались от холода. Их начали терзать галлюцинации. Торнтону слышалось, будто его кто-то зовет, но не сверху, а из глубины земли. Голос звучал глухо и обвинял марсианина в грехах, пророча ему ад вместо врат небесных.

Наконец долгая ночь кончилась. Когда первые лучи восходящего солнца озарили край неба над головами горемык, они удивились, что еще живы.

С трудом размяв окоченевшие руки, они взялись за ружья и стали стрелять в воздух. Эхо гулко отражалось от скал, так что вряд ли звук выстрелов распространялся далеко по отрогам гор. Наверное, их никогда не найдут, и их кости превратятся в прах под лучами двойного солнца...

Стало теплее, и вскоре снег на стенах ямы стал таять. Вниз побежали десятки ручейков. Фон Остен, тихо постанывая, оттирал отмороженный палец на правой руке, пытаясь вернуть его к жизни. Торнтон хотел было помолиться, но слова молитвы не шли на ум. Возможно, Бог покинул его.

Солнечный свет залил всю яму, когда на краю обрыва появились рорване. Торнтон не сразу узнал их — его мозг был затуманен, словно он продолжал находиться в полузабытьи.

Фон Остен разразился проклятиями и схватился за ружье.

— Собаки! Ублюдки!

Торнтон вовремя схватил его за руки.

— Кретин! Они пришли спасать нас!

— Черта с два! Они пришли полюбоваться, как мы будем подыхать.

— И чего вы добьетесь, стреляя в них? Отдайте ружье, болван!

Они вяло боролись. Трое туземцев, стоявшие на краю ямы, молча наблюдали за ними. Их лица-маски казались совершенно бесстрастными.

Наконец Торнтон сумел отобрать ружье у обессиленного немца и с надеждой посмотрел наверх. Если рорване хотят убить

их, то просто уйдут, а затем сообщат, что не нашли и следа пропавших.

Погибнуть так просто и так глупо... Мысли Торнтон путались.

— Господи, уничтожь этих тварей... — прошептал он. — Смети их с лица земли!..

Быть может, Бог устал от грешников-людей, а эти существа — его слуги, которым приказано столкнуть пришельцев в геенну огненную?

Сомнений не было — Господь отвернул лицо от своего верного слуги. Ему предстоит умереть здесь, в тридцати тысячах световых лет от Земли. Слезы появились на глазах марсианина.

— Да пусть исполнится воля твоя... — прошептал он, склонив покорно голову.

Между тем рорване сбросили вниз веревку, а затем один спустился в яму — чтобы спасти землян.

Глава 13

Тропа завершилась крутым спуском. Серые уступы скал обрывались над сияющим далеко внизу морем. Лоренцену этот пейзаж напоминал калифорнийское побережье: суровая красота гор, склоны, заросшие кустарником и низкими деревьями, белые отмели берега... Но здесь горы были выше и круче. По словам бедняги Фернандеса, нынешний ледниковый период наступил на Троасе после продолжительного периода активной тектонической деятельности. Процесс диастрофизма усиливается влиянием силы тяготения огромной луны, говорил Мигель. Жаль, что они потеряли этого красивого, темпераментного парня...

Хорошо еще, что удалось спасти Торнтон и фон Остена. Лоренцен вспомнил свой недавний разговор с марсианином. Торнтон неожиданно поделился с ним своими подозрениями и признался, что был не прав. Ибо зачем было рорванам спасать их, если бы они замыслили перебить всех землян? Лоренцен не стал никому рассказывать об этом, но его сомнения по отношению к аборигенам были поколеблены.

Фон Остен по-прежнему враждебно относился к рорванам, в то время как марсианин ударился в другую крайность. Ныне он доверял им не меньше, чем Эвери. Более того, Торнтон стал задумываться над теологической проблемой: имеют ли рорване душу? Ему казалось, что имеют, — но как доказать это? Что

касается Кемаля, то турок ругал всех и вся, устав от бесконечного, изматывающего путешествия.

Последние дни Лоренцен активно занимался языком рорван и начал делать заметные успехи. Он даже смог украдкой подслушивать беседы Эвери и Джугау и убедился, что это были вовсе не уроки. Тем не менее психолог с безмятежной улыбкой все еще продолжал утверждать, что еще не настолько овладел языком туземцев, чтобы тратить время и силы на обучение остальных землян. «Джугау поведал мне немало о своей расе, — говорил он. — Я все расскажу, но не сейчас, позже...»

Лоренцен терялся в догадках. Прекрати мучить себя, говорил он. Поверь Эвери, забудь о своих подозрениях. Рано или поздно все выяснится.

И он ни с кем не стал делиться своими тревогами, а лишь еще с большим рвением изучал язык туземцев, но так, что никто об этом не догадывался. Лоренцен даже не отдавал себе отчета в том, как сильно изменился за последнее время. Раньше он охотней подчинялся другим, чем проявлял инициативу, и никогда не отличался настойчивостью и скрытностью. Троас сделал его другим.

Спуск к морю оказался весьма изнурительным и занял несколько дней. Ступив на влажный песок береговой линии, все вздохнули с огромным облегчением. По словам Джугау, до цели их путешествия осталось всего несколько дней пути.

Берег в этом месте был похож на калифорнийский: широкая, почти километровая полоса белого песка, испещренная пологими дюнами, переходила у подножия скал в травянистые склоны, кое-где заросшие приземистыми деревьями. Но на Земле редко где бывает такой яростный прибой и нигде нет такого мощного прилива, который дважды в день заливает почти весь берег, поднимаясь на добрые полсотни метров. Увы, никакой добычи в этих местах не встречалось, и путешественникам пришлось идти дальше голодными.

Лоренцен чувствовал, как с каждым километром пройденного пути в нем нарастает напряжение. Еще несколько дней, и они узнают ответ на все вопросы. Но каким он будет?

Смерть вновь навестила их, прежде чем они закончили путешествие.

Отряд подошел к месту, где скалы отвесно обрывались прямо в кипящее море. За этой стеной располагался узкий и длинный залив, по ту сторону которого стояла еще одна стена десятиметровой высоты. Вода в заливе была утыкана зубьями острых рифов, отточенных яростным прибоем пенистых волн.

Лоренцен остановился перед входом в залив, неуверенно глядя на гигантскую петлю, которую им предстояло обойти по узкой

полоске песчаного берега, у подножия отвесных каменных исполинов.

— Черт побери, да во время прилива этот залив должен целиком заполняться водой! — встревоженно сказал он. — А прилив начинается...

Он посмотрел на туземцев, но те без колебаний обогнули стену и пошли дальше.

— Успеем, — сказал Кемаль, глядя им вслед. — Осталось не меньше получаса — за это время мы обойдем весь залив и даже ноги не успеем замочить. Туземцы, конечно, довольно глупы, но не настолько же, чтобы самим сунуть головы в петлю! Пошли.

Они были на полпути, когда море с оглушительным шумом вдруг ринулось в залив. Над рифами появился белый занавес бурлящей пены. Гул превратился в ревущую канонаду, и вода стала быстро подниматься, прижимая путников к отвесным скалам. Все, даже обычно спокойные рорване, побежали, увязая ногами во влажном песке. Но пенистый вал опередил их.

Лоренцен закричал от ужаса, когда ледяная волна достигла ему до колен. Вторая волна была еще выше и накрыла его с головой. Лоренцен упал, едва не захлебнувшись в соленой воде, затем поднялся и вновь упал от могучего удара.

Барахтаясь в бурлящих волнах, он пытался удержаться возле гряды скал, но море упрямо тащило его прочь от берега. Сапоги наполнились водой и, словно гири, тянули его на дно. Затем очередная волна стремительно понесла его назад, грозя разбить о скалы.

Он успел ухватиться за острый клык одного из рифов, и вода вновь захлестнула его с головой. Вынырнув на поверхность, он услышал чей-то предсмертный крик. Через несколько мгновений море вновь сомкнулось над ним.

Его качало вверх-вниз, и руки не могли как следует уцепиться за гладкий камень. Его вновь понесло к берегу, и он лишь чудом успел ухватиться за еще один подводный риф.

Вода шумела вокруг него, но он ничего не видел и не слышал. Из всех сил он пытался удержаться на месте в этой бешеной болтанке и не захлебнуться. Время остановилось...

Потом все внезапно кончилось, и вода с недовольным воем стала отступать, пытаясь утянуть Лоренцена за собой в открытое море. Невероятными усилиями ему удалось вскарабкаться на вершину рифа. Когда течение ослабело, он прыгнул в воду и побрел по пояс в грязной пене к берегу. Выбравшись на песчаную полосу, он упал ничком и истерически зарыдал, сотрясаясь всем телом.

Постепенно он пришел в себя и сел. Ветер бросил ему в лицо клочья пены, а шум моря все еще был оглушительным, но Лоренцен уже мог видеть. Оказалось, что рядом стоят несколько людей и рорван — мокрых, усталых, перепуганных...

Потери оказались значительными. Не хватало Кемалья, Аласву и Янвусаррана. Силиш застонал, обхватив тощими руками голову, — это был первый случай, когда рорванин так открыто выражал свои эмоции.

Эвери, оглядевшись вокруг диким, полным страха взглядом, хрипло сказал:

— Надо все осмотреть... может быть, они еще живы...

Море быстро отступало, оставляя за собой пологую полосу выглаженного песка, устланного камнями и крупными раковинами. Фон Остен вскарабкался на одну из скал и оглядел залив. Вскоре он радостно закричал, указывая на противоположную сторону залива. Оказалось, что там стоят, размахивая руками, две фигуры.

Это были Кемаль и Аласву. Второго пропавшего туземца нигде не было видно, — похоже, его унесло в море.

— Что... что это было? — едва ворочая языком, спросил Эвери. — Прилив... неужели это был только прилив?

— Этот залив — настоящая ловушка, — мрачно ответил Лоренцен. — Взгляните на его конфигурацию, на крутой наклон дна в сторону берега... Прилив обрушился сюда, словно гигантский водопад. Если бы мы только знали, что нас здесь ожидает!

— Это сделали рорване! — заорал спустившийся вниз фон Остен. — Они не могли не знать, какой в этом проклятом месте прилив! Ясно, они хотели нас погубить!

— Не будьте дураком, — устало возразил Лоренцен. — Они потеряли одного из своих людей и сами едва остались живы. Это был несчастный случай.

Фон Остен яростно посмотрел на него, но промолчал.

День клонился к закату. Путники торопливо покинули опасный залив и остановились на отдых на высоком берегу, среди редких деревьев. Рорване собрали высохший плавник для костра, а Кемаль передал о случившемся в лагерь по чудом уцелевшей рации. Поиски Янвусаррана ни к чему не привели, — видимо, он утонул.

Рорване совершили обряд прощания с умершим. Они выстроились в ряд вдоль уреза моря, опустили на колени и вытянули руки вперед. Лоренцен вслушивался в их песнопение и смог перевести большую часть того, что слышал: «Он ушел, он исчез, он больше не ходит, для него больше нет ветра и света, но память о нем останется жива среди нас...»

Наступила тьма, и свет вокруг костра превратился в небольшой круг. Большинство путников спали. Один из туземцев, как обычно, ходил вокруг с ружьем наперевес, охраняя своих товарищей. Эвери и Джугау, как обычно, сидели чуть в стороне и тихо разговаривали. Лоренцен улегся неподалеку от них и притворился спящим. Вначале он не очень хорошо понимал, о чем шла речь, но затем уловил нить беседы. Оказалось, что его словарь рорванского языка был уже достаточно велик.

Эвери говорил:

— Я (непонятно) не делать — остальные не думать. Многие (непонятно) не смеются над тем, что я говорю.

Лоренцен перевел это так:

«Надеюсь, что остальные ничего не подозревают. Они не очень рады тому, что я сказал им».

Джугау угрюмо ответил:

— Быстро (непонятно) их ты, (непонятно) время(?) к Зурле мы пройдем, и они (непонятно) тень?

Лоренцен понял это так: «Ты должен быстрее рассеять их подозрения, раньше, чем мы придем к Зурле и они увидят тень (или обман)».

Диалог продолжался, все больше пугая Лоренцена:

— Сомневаюсь, что они подозревают. Почему? Кроме того, у меня есть власть (?), они будут слушаться меня. В худшем случае (?) с ними можно поступить так же, как с первой экспедицией, но я надеюсь, что в этом не будет необходимости. Это не очень приятно делать.

Туземец резко ответил:

— Если понадобится, сделаем. Цена (?) здесь больше, чем несколько жизней.

Эвери устало потер лицо ладонями.

— Знаю. Пути назад нет. Даже ты не понимаешь, как много поставлено на карту (?). — Он взглянул на россыпь холодных звезд. — Возможно, все время и пространство (?). Это слишком для одного человека.

— Ты должен сделать это!

— Иногда я боюсь... — Эвери грустно усмехнулся. — Ты даже не понимаешь, насколько важнее...

— Пусть так, — ответил туземец. — Но ты зависишь от нас (?) даже больше, чем мы от тебя. И ты будешь подчиняться мне.

— Да, да, я готов...

Разговор перешел на отвлеченные темы, и Лоренцен перестал понимать его. Но он слышал более чем достаточно. Укрывшись с головой спальным мешком, он почувствовал, как его начал бить озноб.

Горный хребет наконец начал понижаться, и его склоны стали более пологими. Он отодвинулся от морского побережья, уступая место зеленым лугам, рощам, холмам и множеству ручьев. Рорване заметно повеселели и убыстрили шаг.

Вскоре им повстречался еще один туземец, точно так же одетый и вооруженный. Послышались резкие свистящие звуки приветствия. Джугау и Силиш отошли с незнакомцем в сторону и стали о чем-то совещаться. Затем туземец кивнул и убежал.

Переговорив с Джугау, психолог объяснил:

— Этот охотник поспешил передать своим соплеменникам новость о нашем появлении. Вся деревня хочет встречать нас. Они очень дружелюбно настроены.

— Хи... — пробурчал Кемаль, с сомнением глядя на Эвери. — Кажется, вы все-таки неплохо овладели туземным языком.

— Э-э... да. В последние дни я сумел подобрать к нему ключ, и все стало ясно. У этого языка очень своеобразная семантика. Я не понимаю еще значения многих слов, но все же могу общаться с рорванами довольно свободно.

— Вот как? — холодно улыбнулся Кемаль. — Очень приятно, что вы поставили нас об этом в известность. Тогда, будьте добры, объясните: кто эти парни? Как они нашли место высадки на планету?

— Это делегация, посланная в соседний город для ведения каких-то переговоров. Они случайно натолкнулись на нас и довольно быстро разобрались, что мы прилетели из другого мира. Астрономия у них развита неплохо — приблизительно на уровне нашего восемнадцатого века, так что Джугау быстро усвоил мои рассказы об устройстве Вселенной, о месте в ней Земли и Троаса и прочее.

Лоренцен не удержался от вопроса:

— Выходит, у них есть обсерватория? Как же они определили скорость света? Они не могут повторить опыт Ремера в своей системе двойной звезды...

— Понятия не имею, — раздосадованно ответил Эвери. — Вы слишком догматичны, Джон. Их астрономия могла развиваться совсем иными путями, чем у нас.

Лоренцен прикусил язык. Не было смысла провоцировать Эвери, иначе можно легко заполучить нож в бок.

— Где живут эти обезьяны? — хмуро спросил фон Остен.

— В подземных поселениях, как я и предполагал, — ответил психолог. — Этот обычай возник давно, несколько тысяч лет назад, когда климат на планете был значительно холоднее, чем сейчас. Подземные жилища требуют значительно меньше

строительных материалов, их легче обогревать. Однако ныне это скорее дань традициям, чем жизненная необходимость.

— И фермы тоже находятся под землей? — недоверчиво продолжал допытываться фон Остен.

— Нет. Рорване не имеют сельского хозяйства, по крайней мере зернового — на поверхности много съедобных дикорастущих растений. Но они содержат стада животных, которых затем используют для еды. Почему-то их пасут вдали от поселков, но я не понял почему.

«Все ты понял, предатель», — с тоской подумал Лоренцен. — Талантливая раса, — задумчиво произнес Торнтон. — Она шла иным путем, чем мы, люди, но достигла многого. Возможно, рорване даже не знают первородного греха... Вы знаете, какова их общая численность?

— Точного числа не знает никто, но, насколько я понял, их не менее ста миллионов. Мы скоро увидим небольшую деревеньку, каких на планете тысячи. Впрочем, крупных городов у рорван нет.

Лоренцен внимательно наблюдал за психологом. За недели путешествия Эвери похудел, загорел, но по-прежнему оставался незаметным человечком, вежливым и добродушным. Всякий сказал бы, что он скучен, но надежен, как страховой полис. И этот-то маленький крепыш принял участие в грандиозном обмане! Какая-то тайная цель заставляла его пренебрегать судьбой двух звездолетов и жизненными перспективами всего человечества. Но кто поверит этому? Может быть, Кемаль? Нет, рано, рано...

Впереди показалась огромная гора, чьи отроги спускались к самому морю. Неподалеку от берега располагалась группа холмов, заросших приземистыми деревьями. Земля между ними была вытоптана, кое-где виднелись деревянные укрепления.

Когда отряд приблизился к холмам, из-за деревьев вышла группа туземцев. Их было около пятидесяти или шестидесяти, мужчин и женщин приблизительно поровну. Женщины были одеты в юбки и сандалии. У них было по четыре груди, и, хотя это выглядело не по-человечески, Лоренцен с облегчением вздохнул: слава Богу, рорване все-таки являлись млекопитающими. Некоторые мужчины держали в руках ружья, но вели себя отнюдь не агрессивно. Рорване окружили людей, с любопытством оглядывая их, и в целом держались дружелюбно.

— Почему среди них нет детей? — спросил Торнтон.

Эвери передал вопрос Джугау, выслушал ответ и перевел:

— Все дети находятся... думаю, это можно назвать яслями. Племя и семья здесь устроены очень своеобразно и непривычно для нас.

Вместе с толпой гости подошли ко входу в один из холмов. Это был большой туннель около десяти метров высотой и трех — шириной. Лоренцен с трудом заставил себя войти в него, с тревогой думая: а увидит ли он вновь свет дня?

Мощные колонны поддерживали потолок туннеля, уходящего в глубь холма и имевшего множество ответвлений. Воздух здесь оставался прохладным и свежим за счет многочисленных шахт, в которых с шумом вращались лопасти вентиляторов.

— Неплохо для восемнадцатого века, — с иронией заметил Кемаль, кивнув в их сторону. — Рорванам, оказывается, известно электричество. — Он указал на светящиеся трубки, встроенные в потолок и стены.

— Здесь нет ничего удивительного, — поспешил заметить Эвери. — Многие технические изобретения на Земле были сделаны совершенно случайно. Если бы исследователи прошлого внимательнее изучили трубку Крукса, то у нас задолго до двадцатого века появились бы радио и радар.

Туннель тянулся под уклон добрых полкилометра. Лоренцен с любопытством оглядывал боковые коридоры, — по-видимому, они вели в жилые помещения.

Главный ход заканчивался большой пещерой кубической формы. Из нее вело множество других коридоров, закрытых тканью, похожей на шерстяную.

— Не очень-то много у этих туземцев эстетического вкуса, — заметил Лоренцен. — Все чисто и аккуратно, нет спора, но никаких украшений не видно.

Джугау что-то сказал, и Эвери перевел:

— Это новое поселение, скорее даже военный пост. У них не было времени как следует обжить его. Похоже, женщины здесь сражаются наравне с мужчинами. Сейчас на планете мир, но еще недавно на ней прокатилась целая серия ужасных войн, и потому многие нации все еще сохранили армии.

Фон Остен недобро улыбнулся.

— Они могут снова начать это замечательное дело! — сказал он.

— Сомневаюсь... даже если мы попытаемся помочь им в этом, — возразил Эвери. — Они испили горькую чашу страданий до конца и ныне хотят наслаждаться плодами долгого мира.

Джугау указал на один из коридоров, выходящих из пещеры, и что-то сказал.

— Мы почетные гости племени, — объяснил Эвери. — Нас приглашают отдохнуть здесь как у себя дома.

Земляне отодвинули матерчатый полог и оказались в просторной «гостиной», из которой две двери вели в спальни, а одна — в ванную. Обстановка здесь была столь же скучной, как

и в остальной части пещеры. Мебель была низкой, неудобной, да еще и вытесанной из камня, но зато в ванной, к общей радости, оказалась не только холодная, но и горячая вода, а также нечто вроде мыла. Кухни не было, — видимо, еду в поселении готовили сообща.

Эвери ушел с Джугау и несколькими рорванами, представлявшими руководство подземного поселения. Фон Остен обошел комнаты и недовольно буркнул:

— И мы шли четыре недели, рискуя жизнью, чтобы увидеть эту земляную нору?

— А мне здесь нравится, — возразил Торнтон. — Я впервые вижу своими глазами инопланетян. Чертовски любопытно наблюдать за их образом жизни.

Немец нахмурился и сел на каменный стул.

— Это ваше дело, — сказал он. — Лично я не вижу, ради чего мы преодолевали аж целых тридцать тысяч световых лет. Нет даже доброй драки в конце!

Кемаль вытащил из кармана трубку и стал не спеша раскуривать ее. Лицо его было кислым.

— Да, я согласен. Все наши усилия пошли коту под хвост. На планете, населенной ста миллионами достаточно цивилизованных туземцев, нам делать нечего. Если мы попытаемся основать здесь колонию, они запросто устроят нам ад даже с помощью своего примитивного оружия. А затем обрушат на наши головы геенну огненную — когда освою *НАШЕ ОРУЖИЕ*.

— Их можно покорить! — пылко возразил немец.

— Да, но какой ценой? Сколько миллионов жизней нам придется отдать, чтобы подготовить здесь жизненное пространство для других нескольких миллионов? Парламент Солнечной системы никогда не пойдет на это.

— Почему же... Рорван можно убедить...

Торнтон произнес эти слова, сам не веря в них. И никто в них не поверил. Рорване имели науку, технику, перед ними были открыты широкие перспективы для развития. Вряд ли они отказались бы от всего этого ради блага нескольких миллионов чужаков, которым не нашлось места у себя дома.

Эвери вернулся примерно через час. Он старался выглядеть бодрым, хотя на его лице лежала тень усталости.

— Я говорил с местными вождями. Они отправили своему правительству сообщение по телеграфной линии — есть у них, оказывается, и такая. Нас просят подождать, пока сюда не придут ученые.

— Плевать я хотел на ученых! — заорал Кемаль. — Скажите прямо: у нас есть шанс основать на планете колонию?

Эвери пожал плечами:

— Откуда я знаю? Это будет решаться на правительственном уровне... хотя ответ очевиден.

— Понятно.

Турок отвернулся. Плечи его поникли.

Глава 15

Остаток дня прошел в экскурсии по поселению рорван. Здесь было на что посмотреть. Кемалю особо заинтересовали вентиляторы. Ему объяснили, что они получают энергию от электростанции в горах. Инженер также с интересом осмотрел небольшую, но прекрасно оборудованную химическую лабораторию. Фон Остен познакомился с арсеналом, включавшим несколько примитивных танков, гранаты, мины и даже недостроенный вертолет. Торнтон отправился в библиотеку, перелистал несколько научных монографий и с помощью Эвери расспросил местных техников о состоянии рорванской физики. Оказалось, что она дошла до уравнений Максвелла и ныне была занята разработкой теории радио.

Вечером состоялся праздник в честь прибытия гостей. Все жители поселения собрались в украшенном цветами центральном зале, за длинными столами, уставленными блюдами с самыми изысканными местными кушаньями. Небольшой оркестр улаждал собравшихся не очень мелодичной на вкус землян музыкой. Глава поселения произнес речь о «рукопожатии братьев по разуму». Эвери от имени землян ответил в том же духе. Лоренцен сидел со скучающим видом, делая вид, что не прислушивается к разговорам туземцев, но внутри его все дрожало от напряжения. Происходящее казалось ему пошлым фарсом. Рорване вроде бы беседовали со всеми пришельцами, расспрашивали их о земной науке, культуре, верованиях, обычаях — в общем, задавали самые естественные вопросы. Но фактически они общались только с Эвери, который зачастую даже и не думал переводить слова туземцев своим товарищам. Быть может, все это представление устраивалось только для него, Лоренцена? Эвери мог подозревать, что этот настырный астроном лучше разбирался в рорванском языке, чем делал вид...

«Что делать, что делать?» — лихорадочно думал Лоренцен, глядя на пирующих. По левую часть стола сидели ярко наряженные туземцы, по правую — усталые земляне в перепачканных пылью комбинезонах. Представители обеих рас смотрели друг на друга и улыбались, каждый по-своему. Кто они были, эти странные существа с золотистыми глазами? Станут ли они со временем властителями Вселенной или превратятся в

жалких ее пасынков, обреченных на вымирание? Во всяком случае, сочетание вполне разумных глаз с длинными клыками казалось поразительным.

Наконец кошмарный пир завершился, и Лоренцен поднялся с низкого стула на ватные, непослушные ноги. Несмотря на прохладу, он весь взмок от пота. Эвери подошел к нему с дружеской улыбкой. «Бог мой, — подумал Лоренцен, — а вдруг его лицо — лишь искусно сделанная маска?»

— Вы плохо выглядите, Джон, — заботливо сказал психолог.

— Я... да, я немного устал, — пробормотал Лоренцен. — Надо выспаться как следует, и все будет в порядке. — Он зевнул, изобразив беззаботную улыбку.

— Да, конечно. День был длинным и трудным.

Они вернулись в свои комнаты в сопровождении группы туземцев (почетный караул или стража?). Эвери предложил, чтобы Лоренцен и Кемаль заняли одну спальню, а остальные трое, включая его, — другую. В этом был смысл, поскольку немец и турок не ладили друг с другом, но... но в схватке только эти двое кое-чего стоили.

Лоренцен отодвинул занавесь и вошел в свою спальню. Это оказалась пещера с низким потолком и электрическим светильником. Стояла глубокая тишина, которой никогда не бывает в земных городах. Кемаль с довольной улыбкой подошел к столу, на котором стояла объемистая бутыл.

— Местное вино весьма недурное, — заметил он. Выбив одним ударом пробку, он протянул ее Лоренцену. — Выпейте, друг мой, а то у вас какой-то зеленый цвет лица, — с улыбкой сказал турок.

Лоренцен поднес горлышко к губам — и с проклятием поставил бутыл на стол.

— В чем дело? — удивился Кемаль.

— Наркотик! — воскликнул астроном, пораженный неожиданной догадкой. — Вино может быть отравлено!

— Что? Вы себя хорошо чувствуете, Джон?

— Да... — Лоренцен сделал глубокий вздох, пытаясь прийти в себя. — Послушайте, Кемаль, я давно ждал, когда мы окажемся одни. Хочу кое-что вам рассказать.

— Валяйте.

— Пока я буду говорить, вы лучше проверьте пистолет и ружье. Вы уверены, что они заряжены?

— Да. Но, черт побери, почему...

Кемаль замолчал, увидев, как Лоренцен на цыпочках подошел к занавеси и осторожно выглянул наружу. Все было тихо. Казалось, обитатели подземного поселения спали. Впрочем, спали ли?

— Джон, я попрошу Эвери заняться вами, — обеспокоенно сказал Кемаль. — У вас что, начался приступ шизофрении?

— Я не болен, — тихо ответил молодой астроном. Он положил турку руки на плечи и с неожиданной силой заставил того сесть на кровать. — Все, чего я хочу, — чтобы вы выслушали меня. А затем уж сами решите, сошел ли я с ума или мы на самом деле вляпались в ловушку, в которую некогда угодил «Да Гама».

Лицо турка посуровело.

— Говорите, — сказал он.

— Вас ничто не удивляет в рорванах, Кемаль? Много ли в них странного на ваш взгляд?

— Конечно, много — но это вполне естественно. Чужая раса, чужой мир...

— Да, на это можно списать каждый факт в отдельности. Но в целом все эти странности складываются в очень неприятную картину. Подумайте сами: группа рорван направляется для переговоров в другое поселение и встречает нас. Удивительное совпадение, не так ли? Затем выясняется, что других видов млекопитающих здесь нет. Любой биолог свихнулся бы от этого. Но это еще не все. Оказывается, туземцы живут под землей, и у них на поверхности нет даже ферм. Якобы они питаются лишь плодами охоты да съедобными растениями. Это еще можно принять для отдельной деревни, но для цивилизации с населением в сто миллионов граждан? Никакими обычаями не объяснить подобной нелепости.

Дальше. Наши проводники — наверняка бывалые рорване, иначе их бы не послали в четырехнедельное путешествие — не сумели распознать ядовитую ящерицу. Представьте американца, который никогда не слышал о кобре! Затем они завели нас и самих себя в ловушку на берегу моря. Такого жуткого залива наверняка больше нет в этом районе, это — уникальное и дьявольское создание природы, но аборигены о нем и не слыхивали! А залив, между прочим, находится в шестидесяти километрах от их поселения. Странно? Нет, просто невероятно!

Вот что я скажу, Кемаль. Рорване — это примитивная фальшивка, рассчитанная на простаков. Они такие же туземцы, как и мы с вами!

Турок слушал его молча, и с каждой минутой глаза его все больше наливались гневом. Наконец он выпалил:

— Иуды! Если вы правы...

— Говорите тише. Конечно, я прав. Теперь все стало на свои места. Ясно даже, почему они вели нас так долго окружным путем. Рорванам надо было успеть построить этот лжепоселок!

Кемаль удивленно покачал головой:

— Никогда бы не подумал...

— Нас вели вперед и толком ничего не объясняли. Вначале рорванам помог языковой барьер, затем Эвери начал утверждать, что он почти непреодолим. Но это не так. Я самостоятельно выучил их язык и выяснил, что никаких особенных сложностей в нем нет. Например, в нем я не обнаружил вариативных изменений наименований предметов, — во всяком случае, их не больше, чем в английском или турецком.

— Но зачем они делают это? Чего они хотят?

— Конечно, планету. Если мы сообщим парламенту, что Троас обитаем разумными существами, то на колонизации будет поставлен крест. Вот тогда планета окажется в их полном распоряжении, и рорване сами заселят ее. Когда мы разберемся, что нас надули, будет уже слишком поздно.

Кемаль вскочил на ноги с проклятием. Лицо его потемнело от гнева.

— Черт побери, неплохо задумано! И вы считаете, что они хотят убить нас?

— Нет. Они спасли Торнтон и фон Остена, хотя могли оставить их погибать в расщелине. Наш отрицательный доклад куда важнее, чем наши жизни. Но если они заподозрят, что мы раскусили их игру, то за наши жизни я не дам и дохлой мухи.

— Хорошо, тогда мы начнем *СВОЮ ИГРУ*, — улыбнулся Кемаль. — Мы тихо-мирно вернемся в свой лагерь, а затем...

— Не так все просто, Кемаль! Эвери в сговоре с рорванами.

Глава 16

На сей раз турок не сказал ничего, но его рука потянулась к висящему на поясе пистолету.

— Эвери... старина Эвери... — с нервным смехом произнес Лоренцен. — Он играл в этом обмане, быть может, главную роль. Это он говорил про непреодолимый барьер между нашими языками, мешал мне разобраться в этом самому. Он отвечал на наши вопросы от имени рорван — и делал это так, как считал нужным. Это он подолгу общался с ними, обсуждая все детали игры...

Лоренцен коротко пересказал подслушанный недавно ночью разговор Эвери и Джугау.

— Вы считаете, что Эвери причастен и к исчезновению «Да Гама»? — ошеломленно спросил Кемаль.

— Все сходится, не так ли? Первая экспедиция исчезла при невыясненных обстоятельствах. Вторая встретила при своей подготовке множество помех, включая неожиданную замену руководства институтом Лагранжа. Земное правительство взяло

на себя подбор и подготовку членов экспедиции — и получила в результате самый конфликтный и недееспособный экипаж, который когда-либо уходил в космос. Эвери как психолог должен был гасить все ссоры и стычки, обеспечить наши нормальные взаимоотношения — но ничего не сделал для этого. Кстати, он относится к числу психократов, которые ныне являются главными советниками земного правительства. А это означает, что Эд вряд ли действовал в одиночку, у него наверняка были помощники, а возможно, и руководители. Но наш корабль все-таки вышел в космос и достиг Троаса. Тогда нам словно случайно подставили группу рорван и начали разыгрывать игру «в туземцев». Даже если по возвращении мы будем настаивать на колонизации, у Эвери и его сообщников есть мощный козырь — исчезнувший «Да Гама».

— Но как же правительство... — пробормотал турок, вытирая выступивший на лице пот.

— Я же говорю: оно уподобилось аквариуму с золотыми рыбками, за которым ухаживают психократы. Ныне они, незаметные народу советники — и есть настоящая, незримая власть. Своих людей они имеют повсюду. Одного патрульного корабля с тяжелым вооружением было вполне достаточно, чтобы вывести «Да Гама» из игры. И о нас могут позаботиться таким же образом.

— Но почему? Во имя Господа, почему?

— Не знаю. Возможно, мы никогда не узнаем об этом. Не исключено, что рорване и есть истинные властители Галактики, а психократы — лишь их послушные слуги. А может, у тех и других есть иные, более могущественные хозяева. Например, некая суперцивилизация не хочет, чтобы люди вышли в большой космос.

Оба молчали, думая о миллионах солнц, о тысячах планет, которые могли бы стать форпостом будущего человечества.

— И что нам теперь делать? — наконец спросил Кемаль.

— Не знаю, — с отчаянием ответил Лоренцен. — Быть может, надо ждать удобного случая, чтобы все сообщить по радио капитану Гамильтону. Но такого случая может и не представиться...

Кемаль кивнул с задумчивым видом.

— Вы правы, может случиться все что угодно. Если Эвери догадается, что мы раскусили его... То-то он в последнее время как-то странно посматривает на вас! — Турок взглянул в угол комнаты, где в рюкзаке лежала переносная рация. — Рорване в пять минут передуют нас, словно цыплят, а затем обрушатся на наш лагерь и сметут его с лица земли... Нет, надо предупредить капитана — и будь что будет. Только отсюда, боюсь, пере-

дачи вести нельзя — стены будут экранировать. Придется выйти наружу.

— Ладно, — решительно сказал Лоренцен и взялся за ружье. — Тянуть действительно бессмысленно.

Астроном выглянул в коридор, но ничего опасного не заметил. Вокруг царила тишина, которую нарушало лишь легкое потрескивание осветительных ламп. «Сможем ли мы выбраться незамеченными? — подумал он. — А ведь затем надо будет еще и вернуться...»

Он дрожал от нервного возбуждения, с лица скатывались крупные капли пота. Он сознавал, что не годился для таких дел, но другого выхода не было. На карту, возможно, поставлено будущее всего человечества, и жизнь нескольких астронавтов по сравнению с этим ничего не значила.

Кемаль вынул из рюкзака рацию, повесил ее на плечо, затем передернул затвор автоматической винтовки. Его смуглое лицо было решительным и твердым.

Они пересекли гостиную и одновременно взглянули на соседнюю комнату, закрытую матерчатым пологом. Хорошо бы предупредить Торнтона и фон Остена, но вместе с ними находится милый, добродушный Эд Эвери...

Выйдя в коридор, они пошли мимо ряда комнат, закрытых серой тканью. Казалось, все обитатели подземного поселения спали. Однако вскоре из соседнего коридора им навстречу вышел охранник с длинным ружьем в руках. Желтые его глаза тревожно сверкнули при виде двух вооруженных землян.

— Куда вы идете? — спросил он.

Лоренцен едва удержался от заранее заготовленного ответа: он только сейчас вспомнил, что не должен обнаруживать знания рорванского языка.

Астроном улыбнулся, недоуменно пожал плечами и подошел ближе. Ружье инопланетянина угрожающе поднялось. Свободной рукой он сделал жест, не понять который было нельзя: «Возвращайтесь назад».

— Конечно, — горько прошептал Кемаль. — А завтра нам Эвери объяснит, что это было сделано для нашего же блага, ибо в окрестностях полно хищных зверей... Джон, попытайтесь убедить этого парня убраться с нашего пути.

Лоренцен кивнул и подошел к инопланетянину, ружье уперлось ему в живот.

— Послушайте, мы хотим всего лишь прогуляться, — сказал он на смеси английского и рорванского языков, но так, чтобы охранник его понял. — Разве нельзя? Мы скоро вернемся.

Часовой выкрикнул «Нет!» и попытался оттолкнуть землянина.

Кемаль больше не медлил. Подскочив, он одной рукой ухватился за ствол мушкета, а другой нанес сокрушительный удар рорванину в челюсть. Тот упал с глухим стоном. Турок, не теряя времени, оторвал от его одежды несколько полос, связал охранника и воткнул ему в рот кляп.

— Все в порядке, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Может быть, стоило бы убить этого ублюдка, да ладно...

Они торопливо пошли дальше вдоль туннеля. Схватка с охранником, к счастью, осталась незамеченной, но в любой момент пещера могла ожить.

Наконец они достигли выхода. Их встретили сине-черная тьма и небо, устланное сотнями ярких созвездий. Уже не скрываясь, они побежали в сторону соседней рощи. Их провожал отдаленный крик какого-то животного.

— Чертов часовой... — проворчал Кемаль и присел на корточки рядом с передатчиком. Его пальцы пробежали по тумблерам. — Надо дать время передатчику прогреться... Что будем делать после, Джон?

— Не знаю, где-нибудь спрячемся.

Лоренцен пытался успокоиться. Ему казалось, что сильные удары его сердца доносятся даже до пещеры. Загорелась красная лампочка, осветив панель передатчика. Кемаль надел наушники и сделал несколько пробных ударов ключом.

И в этот момент послышались звуки, которые, без сомнения, были сигналами тревоги. Лоренцен вскочил, крепко сжав ружье.

— Господи, они нашли часового...

— Или у них где-то спрятан детектор, который засек нашу передачу, — пробормотал турок и крепко выругался.

Около входа в туннель появились гибкие фигуры. Один из рорван закричал:

— Прекратите передачу по радио, иначе мы уничтожим вас!

Когда Лоренцен перевел ему эти слова, Кемаль презрительно усмехнулся и начал передачу.

Лоренцен встал, громко закричал, а затем побежал направо, продираясь через заросли цепкого кустарника. Он хотел отвлечь преследователей на себя, пока Кемаль не передаст в лагерь всю информацию о происшедшем.

Вслед ему грянули выстрелы, и пули с гневным жужжанием пролетели рядом. Он едва успел спрятаться за одним из стволов, и в дерево вонзилось несколько пуль.

С яростным криком он выскочил из своего укрытия и стал стрелять в мелькающие среди деревьев тени. Он готов был драться до последнего, и все же ему было бы жаль, если бы

жертвами стали рорване, с которыми они столько вместе пережили: Джугау, Аласву, Силиш, Меншуа, Сипарру...

Озадаченные таким отпором, рорване поспешили покинуть рошу, а затем окружили ее. Время от времени кто-то из них пытался броситься в атаку, но каждый раз пули Лоренцена останавливали смельчака.

Однако у инопланетян нашлось и другое оружие кроме мушкетов. Лоренцен вскоре услышал, как со стороны пещеры послышался рокот пулемета, и между стволами замелькали белые нити траассирующих пуль. Он вновь отступил за дерево, сменил обойму автоматического ружья и стал ждать новой атаки.

Враги появились рядом словно из-под земли. Они больше не стреляли, видимо, желая захватить землянина живьем. С проклятиями Лоренцен встретил их свинцовым дождем, но было уже поздно. Вскоре ружье отлетело в сторону, его повалили на землю, и кто-то из рорван наступил ему на грудь. Остекленевшими от страха глазами Лоренцен глядел на висевший в небе огромный диск луны и ожидал смерти.

Вновь послышались выстрелы, и окружившие его трое рорван упали как подкошенные, даже не вскрикнув. Лоренцен привстал и увидел, как у входа в туннель появились две знакомые фигуры. Это были фон Остен и Торнтон. Их огонь внес замешательство в ряды рорван, и они отступили. Но это продолжалось недолго, и инопланетяне ответили дружным залпом. Фон Остен вскрикнул и, выронив ружье, упал навзничь. Торнтон оказался проворнее. Он прижался к земле и пополз к роше, скрываясь в густой мгле.

Рорване вновь окружили рошу, стреляя наугад. Воздух наполнился свистом смертоносных пуль.

— Джон? Где вы? — послышался сдавленный крик.

— Здесь. Кемаль, идите сюда!

Турок пополз к дереву, за которым скрывался Лоренцен. Полосы лунного света осветили его усталое лицо.

— Я успел передать несколько фраз, — отдышавшись, сообщил он. — Объяснил, что у нас случилась стычка с туземцами и что они вовсе не туземцы, а инопланетяне. Что будем делать, Джон?

Лоренцен пожал плечами:

— Держаться сколько можем — что нам еще остается?

— Я еще попросил прислать сюда несколько челноков с вооруженными парнями. Думаю, капитан успел засечь наш пеленг, так что помощь придет скоро. Только дождемся ли мы ее?

Вновь послышались выстрелы. Среди деревьев мелькнула чья-то невысокая тень.

— Сюда! — крикнул Лоренцен. — Сюда, Джоаб!

узнать правды, это грозит ей гибелью! Я позже все объясню — только вам троим. А теперь срочно вызывайте лагерь. Остановите челноки, пока не произошла катастрофа!

Кемаль заколебался и опустил ружье. Торнтон с сомнением взглянул на передатчик.

Тогда Лоренцен рассмеялся.

— Отличная выдумка, Эд, — сказал он. — Только она не пройдет. Больше вам не удастся морочить нам голову.

— О чем вы говорите, безумец! — со стоном воскликнул Эвери. — Если челноки прилетят, то рорване уничтожат их дезинтегрирующим лучом, а затем нападут на лагерь и сметут его с лица земли. Эта трагедия будет на вашей совести, Джон!

Лоренцен не дрогнул под этим напором.

— Если рорване обладают таким мощным оружием, то почему же они не уничтожили нас раньше? — спросил он. — А зачем они подняли панику, если могли просто заглушить помехами нашу передачу? Нет, Эд, вы опять блефуете. Если бы рорване на самом деле были суперцивилизацией, то им не нужен был бы этот спектакль с подземным поселением, мушкетерами и дурачками: «Моя твоя не понимай». А теперь рассказывайте правду — или убирайтесь отсюда!

Что-то сломалось в Эвери. Он как-то сразу съехался, скис. Смотреть на это превращение было неприятно.

— Челноки скоро должны подняться в воздух, — негромко напомнил Торнтон. — Им потребуется всего несколько минут, чтобы долететь сюда.

Луна высоко встала над горами, ее серый череп постепенно приобрел сине-зеленый цвет. Легкий предутренний ветерок пронесся по роще и зашуршал листвой. Издалека доносился едва слышный шум прибора.

— Хорошо, я готов все рассказать, — упавшим голосом произнес Эвери.

— Признайтесь: все происходящее — часть плана вашей тайной клики психократов, опутавшей земное правительство? — спросил Лоренцен. — Это ваши парни ответственны за исчезновение «Да Гама» и за все помехи на пути нашей экспедиции? Скажите прямо, вас подкупили рорване?

— Нет, нет! Они случайно оказались на Троасе, когда прилетел «Хадсон»... Их дом находится, насколько я понял, в десяти тысячах световых лет от Солнца. Это планета, похожая на Землю, и наши цивилизации находятся приблизительно на одинаковом технологическом уровне. Рорване так же, как и мы, ищут пригодные для колонизации планеты. Эта экспедиция нашла Троас и стала исследовать ее, когда обнаружила радарными наш корабль.

Ясное дело, рорване встревожились. Они не знали, кто мы такие, чего хотим... ничего не знали. На всякий случай они перевели свой звездолет на орбиту, перпендикулярную нашей, — поэтому мы его не обнаружили. Они успели замаскировать свои посадочные шлюпки и лагерь до того, как мы начали фотографировать поверхность планеты. Из космоса рорване следили за нашей высадкой и за устройством лагеря. Нетрудно было догадаться, что мы — конкуренты в будущей колонизации Троаса. Тогда рорване решили изобразить из себя примитивных туземцев, чтобы таким образом побольше выведать у нас, ничего в свою очередь не рассказывая о себе. Они быстро изготовили мушкеты, нарядили часть астронавтов в нелепые одежды и высадили их в нескольких километрах от нашего лагеря.

— Отличная идея... — прошептал Торнтон. — Рорване видели наше оружие, челноки, перехватили наши радиопередачи... А мы до сих пор ничего толком не знаем о своих конкурентах.

— Тем временем остальные срочно строили этот подземный поселок, — словно не слыша его, продолжал Эвери. — Это было нелегко даже с их техникой, имеющей атомные двигатели... Рорване ловко сыграли роль полудивилизованных туземцев, но я разгадал их еще в лагере. В их рассказах было несколько очевидных противоречий, кое-что оказалось сшитым явно на живую нитку — для опытного психолога этого было вполне достаточно. И тогда я прямо сказал об этом Джугау и предупредил, что хочу помочь им. С этого времени я действовал заодно с рорванами.

— Но почему? — взорвался Кемаль, поедая злыми глазами психолога. — Почему ты предал нас, собака?

— Я не хотел, чтобы «Хадсон» разделил судьбу «Да Гама», — тихо ответил Эвери.

Наступило молчание.

— Вы имеете в виду гибель первой экспедиции? — спросил после паузы Торнтон.

— Нет, нет, позвольте объяснить. Вы знаете правило: когда корабль возвращается после высадки на другую планету, его капитан должен предварительно сделать доклад на одной из баз Патруля: Церере, Тритоне, Ганимеде или Япете. Там же экипаж должен пройти карантин перед высадкой на Землю. Мы догадывались, что «Да Гама» может сообщить, что Троас пригоден для колонизации, и потому приняли меры. Ближайшей базой для корабля была Церера, и мы сменили ее персонал на своих людей. Когда «Да Гама» пришвартовался в местном космопорту, мы попросту перевели его экипаж на другой корабль и отправили на Новый Эдем. Помните эту приятную планетку в системе

тау Кита, где живут цивилизованные туземцы? Мы заключили с ними договор, и люди с «Да Гама» с тех пор живут там. Это не тюрьма, астронавты живут там в шикарных условиях. Мы даже привезли им женщин — только возвращаться в Солнечную систему пока не позволяем.

— У многих парней были семьи, — сквозь зубы сказал Кемаль, с ненавистью глядя на психолога.

— Для некоторых жены были только обузой. А что касается самих супругов... они получили прекрасную пенсию... Мне не хотелось, чтобы вы разделили судьбу ваших предшественников. К сожалению, экспедицию не удалось сорвать, но когда я увидел рорван, то очень обрадовался — у вас появился шанс вернуться домой! Если бы мы сообщили о неудаче нашей миссии, то все бы обошлось. Троас оставили бы в покое, и вас — тоже.

— Замечательно, — сухо сказал Лоренцен. — Да вы просто наш благодетель, Эд! Но почему ваши друзья-психократы решили отлучить людей от звезд?

— Потому что человечество еще не готово к такому шагу! — горячо воскликнул Эвери. — Развитие науки опережает укрепление нашей мудрости и нравственных начал. Мы только что выбрались из двухсотлетней межпланетной войны, которая едва не уничтожила человечество, — неужели это нас ничему не научило? Мы, психократы, провели прогностические исследования и установили, что колонизация звезд неизбежно приведет к другим, уже межзвездным войнам, которые покончат с нашей цивилизацией. Но кто нас готов выслушать? Никто. Люди вцепились в звездолеты, словно в новые игрушки, и не отдадут их без серьезных причин. И тогда мы решили, что такой причиной может стать лишь одно: **РАЗОЧАРОВАНИЕ**. Может быть, со временем, через тысячу лет, человечество созреет, но пока рано. Рано!

— Это только ваша дурацкая теория, и ничего больше! — вскипел Торнтон. — Вы берете на себя право решать за все человечество. Не забывайте, вы не боги!

— Да, мы не боги, но мы — ученые, — спокойно возразил Эвери. — Хватит нашей бедной цивилизации идти вперед вслепую, расплачиваясь за бесконечные ошибки миллионами жизней, войнами, голодом, нищетой. Тысячи лет люди живут, словно во тьме, — и многим ли помог ваш Бог? Человек остался почти таким же слепым, алчным, безжалостным животным, как и в каменном веке. Потребуются многие века, чтобы мы, психократы, смогли наделить это животное культурой, мудростью и нравственностью. Когда каждый человек будет мыслить так же естественно, как и дышать, мы вновь сможем выйти в Галактику.

— Долго же придется ждать... — задумчиво пробормотал Кемаль.

— Но это необходимо, говорю я вам! Или вы хотите, чтобы наша раса навсегда осталась полудикой? Технически мы неплохо развились — пора заниматься нравственным прогрессом. У нас, психократов, есть ясное представление о пути, по которому надо идти, об управляемой эволюции общества. Мы уже создали научную базу строительства будущей Утопии. Вскоре в Англии будет основан наш университет, а еще через два столетия полуразрушенная ныне Европа вновь станет центром земной цивилизации. Мы наконец-то создадим зону экономического процветания в Азии; в ближайшее время Индия станет ведущим государством Земли, а созерцательная индийская философия распространится по планете и смягчит агрессивность, свойственную Западу...

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Лоренцен. — По вашему мнению, межзвездные полеты уничтожат все это возможное благополучие?

— Да, да! Если парламент Солнечной системы примет решение колонизировать Троас, то рорване отступятся — у них нет нашей военной мощи и агрессивности. Именно поэтому они и пытались нас обмануть. Для человечества такая победа окажется пирровой. Косморазведчики ринутся в Галактику, и вскоре мы получим возможность для практически безграничной экспансии в космос. Общественные интересы с той поры будут направлены на движение вовне, а не на глубинные преобразования внутри самого общества. Мы получим звезды, но окончательно потеряем Человека. И никто не сможет остановить этот разрушительный процесс.

Наши психодинамические прогнозы потеряют в таких условиях всякий смысл, и человечество вновь погрузится во мрак. Волна эмиграции сметет все наши посевы доброго, разумного и вечного, и они уже никогда не дадут всходы. А дальше повторится история освоения Солнечной системы. Колонисты будут формироваться главным образом из недовольных, агрессивных людей авантюристического склада. Встав на ноги, они захотят независимости, выступают против парламента Солнечной системы и возьмутся за оружие. Это вызовет массу беспорядков, последствия которых непредсказуемы. Ясно одно — управлять этим процессом будет нельзя. Вскоре человечество расселится так широко, что попросту рассыплется на множество колоний, каждая из которых вряд ли сможет позволить себе межзвездные полеты. Идеи Объединенной Галактики, регулярных сообщений, космической торговли — все это чепуха. Сотни, тысячи крошечных цивилизаций пойдут своим, обособленным путем,

и первым их шагом будет неминуемый регресс. Человек вновь станет жертвой случайностей, игрушкой хаоса. На него вновь обрушатся войны, угнетение со стороны более сильных — отныне и во веки веков!

Эвери замолчал, задышавшись от волнения. Остальные земляне молча смотрели друг на друга.

— Итак, я все рассказал вам, — сказал Эвери, пытливо глядя в лица бывших друзей. — Теперь я жду ответа. Готовы ли вы помочь мне и сохранить эту тайну до конца жизни? Подумайте — сможете ли вы в ином случае смотреть в глаза внукам, которых вы предали?

Глава 18

Все молчали.

— Решайте быстрее, — улыбнулся психолог, слегка успокоившись. — Челноки будут здесь с минуты на минуту, и тогда может случиться непоправимое.

Кемаль с мрачным видом ковырял носком сапога землю. Торнтон размышлял о том, как идеи Эвери выглядели с позиции религии. Лоренцен понял, что от них обоих помощи не дождешься, и решил взять инициативу на себя.

— Эд, вы на самом деле верите в то, что говорите? — спросил он.

— Я работал над этим всю жизнь, Джон.

— Это не ответ. Я спрашиваю, насколько точны ваши оценки того, что может случиться с человечеством после расселения в Галактике?

— Все процессы во Вселенной носят вероятностный характер, — осторожно ответил Эвери. — Всякое может случиться. Например, если человечество останется в Системе и туда неожиданно вторгнется Черная звезда...

— Интересно. Выходит, что ваши мрачные прогнозы относительно колонизации тоже могут не сбыться?

Кемаль и Торнтон одновременно подняли головы и с надеждой взглянули на Лоренцена.

— В деталях — да, — сказал Эвери с раздражением. — Но в общем, я могу предположить...

— Неужели можете? Сомневаюсь. Вселенная слишком велика, и мы слишком мало знаем о ней, чтобы распространять на нее свои доморощенные теории. Да, возможно, что где-то в Галактике у поселенцев дела пойдут неважно — но зато на другой планете колония начнет процветать.

— Я же не говорю, что мы должны вечно остаться запертыми в Солнечной системе, Джон, — торопливо возразил психолог. — Когда люди обретут необходимые нравственные качества, научатся сдержанности, станут мыслить как положено Человеку Разумному...

— То есть люди должны отказаться от звезд до тех пор, пока не будут скроены по единому образцу — вашему образцу! — резко оборвал его Лоренцен. — Вы хотите загнать нас в кельи и заставить с умным видом созерцать свой пуп, дабы таким путем идти к нравственному совершенству. А я утверждаю, что человечество таким образом только выродится, лишенное больших целей и великих свершений. Я утверждаю, что, несмотря на наши многочисленные ошибки, мы далеко ушли от полуживотного, бегавшего с дубинкой в руках всего двести поколений назад. Мне нравится человек таким, какой он есть, а не распятый на кресте ваших представлений об идеальном хомо сапиенс. Никто не позволит подгонять целую цивилизацию под единый образец, в ней всегда будут различные расы, свои герои и глупцы, еретики и бунтовщики, фанатики и мыслители. И все они необходимы человечеству — понимаете, все!

— Вы поддаетесь эмоциям, Джон, — возразил Эвери.

— Все в человеческой жизни — вопрос эмоций, этим мы и отличаемся от машин. Да, я *не хочу*, чтобы какая-то самозванная группка людей навязывала свою волю всем и каждому, пускай даже из самых лучших побуждений. Именно это и делаете вы, психократы. Мягко, почти незаметно — но даже из шелкового шнура можно сделать петлю для виселицы. Думаете, семьи астронавтов «Да Гама» стали счастливыми, получив вашу замечательную пенсию? Не сомневаюсь, что жены и дети этих бедных парней считают себя обездоленными! — Лоренцен обернулся к своим друзьям. — Пора решать, — сказал он взволнованно. — Я голосую за то, чтобы рассказать парламенту всю правду. Пускай люди сами решают, уходить ли им к звездам или оставаться в Системе до лучших времен. Лично для меня вопрос ясен, и я надеюсь, что многие придут к такому же выводу.

Эвери вопросительно взглянул на Торнтона и Гуммус-Луджиля.

— Я... пожалуй, с вами, — после долгих колебаний сказал марсианин. — Не знаю, чью сторону в этом споре принял бы Господь, но, по моему мнению, человек должен быть свободным.

Турок был более категоричен.

— Мне нужна маленькая ферма, дом, несколько верховых лошадей, хорошие места для охоты, — твердо заявил он. — На Земле для таких, как я, нет места, а на Марсе и Венере мне делать нечего. Хочу, чтобы хотя бы мои праправнуки пожили

по-человечески. А на ваши иезуитские страшилки, Эд, я чихать хотел!

Эвери отвернулся, почувствовав, что его глаза наполнились слезами.

— Мне очень жаль, Эд, — сочувственно сказал Лоренцен и положил ему руку на плечо.

Оставалось только вернуться в лагерь, рассказать все Гамильтону и остальным членам экипажа и направиться домой, в Солнечную систему. Чтобы избежать судьбы «Да Гама», они не будут высаживаться на дальних базах, а свяжутся по радио с парламентом. Затем, скорее всего, падет правительство Земли и психократы лишатся власти. Конечно, ни о каких репрессиях и речи не должно идти, многие из этих людей по-своему желали добра человечеству и еще могут быть полезны. Но они уже не будут преградой на пути к звездам.

— Я попрошу рорван убить всех вас, — неожиданно сказал Эвери. — Не хочу этого, но другого пути нет. Вы угрожаете будущему человечества, и я просто обязан остановить вас. Прощайте!

Он проскользнул через частокол из стволов деревьев и растворился во мгле. Вскоре на опушке замелькали тени — это рорване отходили куда-то на восток. Быть может, невдалеке от поселения были спрятаны их космошлюпки, инопланетяне собирались дать землянам серьезный бой. А возможно, они просто улетят, захватив с собой психолога.

В предрассветном небе послышался гул — это приближались челноки. Наступал решающий момент, и на кону стояло нечто гораздо большее, чем жизни нескольких десятков землян и рорван. Лоренцен поднял ружье и вместе с Торнтоном и Кемалем вышел из убежища. «Может, Эвери все-таки был прав?» — думал он, шагая к опушке рощи. Он чувствовал, что не знает до конца ответа на этот вопрос. Возможно, ответа на него и не существовало.

ВОЙНА ДВУХ МИРОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дэвид Арнфельд

Если он такой истинный землянин, то почему у него нет ненависти к марсианам?

Кристин Хоторн

У нее имелся свой собственный кодекс чести, но он не мешал ей подсматривать в замочную скважину.

Севни Реджелиин дзу Корутан

Антенны на лбу выдавали в нем марсианина, но дела отмечали его как друга Земли.

Фред Геллерт

А не был ли он на самом деле двумя существами или просто искусным артистом-трансформатором?

Элис Хоторн

В возрасте трех лет она стала заложницей в необычайно важной войне.

Доктор Хансен

Он не кончил бы так плохо, если бы побольше заботился о своих больных и поменьше слушал новости по радио.

ПРОЛОГ

Закат отгорел удивительно быстро, ночь хлынула с Атлантики и затопила весь мир. В городе мерцало несколько фонарей, но большая часть огромного пространства лежала в темноте, и, может быть, поэтому звездное небо казалось таким ослепительно ярким. Прим-Интеллект, владыка Солнечной системы, открыл окно и стал рассматривать созвездия, вдыхая теплый воздух, струившийся с бескрайних бразильских просторов. «Какой прекрасный мир, — подумал он, — какая просторная и милая планета эта Земля — она достойна битвы, достойна того, чтобы обладать ею и не выпускать из объятий, как любимую женщину».

Он ничем не рисковал, выглядывая из окна. Его тайная обитель находилась так высоко над затемненным Сан-Паулу, что сюда не доходили звуки земной суеты. Выше, в океане безмолвия и одиночества царил лишь тихий и печальный ветер.

Когда освещение в комнате автоматически усилилось, он вздохнул и отвернулся от окна. Усталость горой навалилась на плечи.

Да, охота закончилась; и ее последний этап завершен — но так ли это? И что будет потом? Сколько еще предстоит сделать, но их осталось так мало, чтобы уследить за всем; даже он сам, избранный правитель своего народа, стал рабом собственной победы. Кто нанесет им следующий удар и как скоро? Узнают ли они когда-нибудь пбкой под мирными звездами?

Он сел за стол, пытаясь отогнать навязчивое смутное ощущение безысходности. «Переутомление, — раздраженно подумал владыка, — просто нервное напряжение, и не более того. Но в этот ужасный век для подобных вещей нет ни места, ни времени». Он придвинул к себе пачку документов и начал изучать донесения с Марса.

Звон колокольчиков, разорвавший величественную тишину, заставил его вздрогнуть. Когда же, наконец, они дадут ему работать?

— Войдите, — произнес он.

Селектор перенес его голос в приемную, и дверь открылась.

Прим-Интеллект взглянул на вошедшего адъютанта.

— Что тебе надо? — спросил он. — Я занят.

Адъютант замер; рука его взлетела вверх и вытянулась в салюте.

— Данные по делу Арнфельда, мой повелитель, — доложил он. — Совершенно новый материал, который мне только что передали.

— Так что же ты стоишь? Давай его сюда. Смерть и порча! Это дело оказалось самым сложным со времен Исхода.

Адъютант медленно приблизился и положил на стол небольшую тетрадь.

— Ее нашли, когда разбирали дом, мой повелитель. Очевидно, Арнфельд до самого конца не расставался с надеждой рассказать о нас своему народу. Он спрятал записи под настилом пола.

— Вполне достойно уважения, — сказал Прим-Интеллект. — Я могу лишь восхищаться этим человеком и его друзьями. Они показали себя храбрецами. И даже женщина, которая предала их в последний момент, сделала это далеко не из корыстных побуждений.

Он склонился над находкой, и холодный свет люминесцентных ламп отразился от его огромного, увенчанного гребнем черепа. Первые несколько страниц грязной и потрепанной школьной тетради пестрели детскими каракулями, столбиками арифметических примеров и примитивными небрежными рисунками. Далее начинались записи взрослого человека, заполнявшие оставшуюся часть тетради, — твердый мужской почерк, в мелких и сжатых буквах которого угадывалась торопливость.

— Какое длинное послание, — удивился владыка. — Вероятно, Арнфельд потратил на него несколько дней.

— Но они провели в том доме довольно долгое время, не так ли, повелитель? — почтительно напомнил адъютант.

— Да, полагаю, так.

Бесцветные глаза владыки скользнули по первым строкам дневника:

Написано Дэвидом Марком Арнфельдом, гражданином Соединенных Штатов Америки, планета Земля, 21 августа 2043 года. В данный момент я нахожусь в полном здравии и рассудке, а изучение моей служебной психиатрической карты покажет,

что, вопреки заявлениям властей, меня не так-то просто свести с ума. Я хочу рассказать всю правду о деле, которое имеет отношение не только к моей расе, но и ко всем марсианам.

— Гм-м, — задумчиво произнес Прим-Интеллект и поднял голову. — Надо рассмотреть вопрос о внесении изменений в его служебную карту на случай, если кто-нибудь решит проверить ее. — Он усмехнулся. — Я благодарен мистеру Арнфельду за то, что он напомнил мне об этом!

— По-видимому, записи представляют собой отчет о...

— Я сам могу разобраться, что к чему. Приведи сюда женщину. У меня появилось к ней несколько вопросов.

— Слушаюсь, мой повелитель. Я мигом.

Адъютант выбежал из комнаты, и Прим-Интеллект углубился в чтение.

Чтобы не упускать деталей, которые придадут рассказу правдоподобие и которые, кстати, можно будет проверить для подтверждения изложенных фактов, я собираюсь описать все происшедшее со мной, вплоть до малейших подробностей бесед и субъективных впечатлений, насколько мне удастся их вспомнить и воссоздать. Я сожалею, если в результате мой труд приобретет вид вымысла, но в любом случае я умоляю того, кто прочитает дневник, тайно отнести и передать его лично в руки Рафаэлю Торресу, отставному полковнику Службы наблюдения ООН в Бразилии (город Сан-Паулу). И поверьте, соблюдение полной секретности просто необходимо.

Как бы там ни было, я прошу проявить небольшую терпимость. Когда-то мне хотелось стать писателем, и я много времени проводил за бумагомаранием. А раз уж это мои последние записи и больше я, пожалуй, ничего не напишу, позвольте мне рассказать свою историю на собственный манер.

— Торрес, — задумчиво прошептал Прим-Интеллект. — Женщина не упоминала этого имени... Ах да, он работает с марсианами... Гм-м, тогда нам лучше побыстрее позаботиться о нем — на всякий случай.

Вновь зазвенели колокольчики. Дверь беззвучно открылась, и вслед за адъютантом в комнату вошли два охранника, между которыми шагала женщина. При более благоприятных обстоятельствах она могла бы считаться миловидной, подумал владыка; даже сейчас ее волосы, словно спутанные нити золотой паутины, переливались на свету и сияли тысячью искр. Но худое и бледное лицо портили покрасневшие от слез глаза, а тело сотрясала непрерывная дрожь.

— Кристин Хоторн, — произнес он без всякого вступления, — вы видели раньше эту тетрадь?

Его голос звучал тихо и невыразительно. В мгновение ока преобразив свои голосовые связки, он заговорил на английском почти без акцента.

— Где моя девочка? — закричала она. — Что вы с ней сделали?

— Пока о вашем ребенке заботятся, — ответил он. — И если вы будете оказывать нам содействие, его вам со временем вернут.

— А разве я недостаточно сделала? — вяло спросила она. — Разве вам мало того, что я предала Дейва, Реджи и все человечество?

— Вы никак не можете понять, что наша победа окончательна.

В словах Прим-Интеллекта послышались холодные нотки.

— Дэвид Арнфельд и Реджелин дзу Корутан мертвы. Их тела находятся у нас, — вернее, то, что от них осталось. Впрочем, вы же сами их убили!

— Да, это сделала я, — прошептала она.

— Сведения о вас, а точнее, те малые крохи, которые просочились в массы, будут полностью изменены и опровергнуты. Вашей истории никто не поверит, и вскоре ее предадут забвению. Вы — последняя, оставшаяся в живых свидетельница — находитесь у нас в плену. По официальной версии вы покончили жизнь самоубийством, и мы никогда не выпустим вас на свободу. Поэтому ведите себя соответственно. А теперь вернемся к делу. Вы видели раньше эту тетрадь?

Женщина подошла к столу и взглянула на потрепанный дневник.

— Да, — ответила она через какое-то время. — Мы нашли тетрадь в том самом доме. День за днем Дейв делал в ней записи, а перед самым концом спрятал ее в укромном месте. Он не сказал о тайнике ни слова, чтобы мы не проболтались о нем под пытками, если нас захватят живыми.

— Вашему другу следовало бы догадаться, что мы проведем тщательный обыск. Хотя терять ему было нечего.

Прим-Интеллект дернул большим пальцем.

— Уведите ее.

Когда охрана дошла до двери, он добавил в порыве благодушия:

— И отдайте ей ребенка.

— Благодарю вас, — прошептала она.

Дверь закрылась. Прим-Интеллект вздохнул, откинулся на спинку кресла, и на него вновь навалилась усталость. Охота получалась долгой и напряженной.

Не очень хочется, но придется прочитать этот опус самому. Полный отчет о событиях, изложенный с точки зрения врага, может содержать какие-то полезные намеки.

Владыка бегло просмотрел автобиографический абзац. Эти подробности он уже знал. Дэвид Арнфельд родился в 2017 году в богатой аристократической семье. Детство провел в северной части штата Нью-Йорк. Когда ему исполнилось пять лет, началась война. В двенадцать лет его приняли в Лунную академию, а в шестнадцать как выпускника направили в космические войска, и с тех пор он служил офицером на различных кораблях и межпланетных базах. В двадцатипятилетнем возрасте он управлял базой «Паллас». Затем война закончилась, и он вернулся домой.

Прим-Интеллект прищурился, проклиная мелкий почерк, и начал читать с большим интересом.

Глава 1

С нами довольно долго не выходили на связь, и, когда мы получили пакет новостей с курьерского судна, с момента события прошло несколько недель. Мы предчувствовали поражение Земли, и, когда марсиане взяли Луну, конец был очевиден. Тем не менее эта весть опустошила наши души. Многие рыдали. Но я не плакал, я автоматически продолжал выполнять свои обязанности, и только внутри у меня все скорчилось, сторело дотла и превратилось в пепел. Хуже всего было по ночам, когда я лежал в темноте и одиночестве, часами вглядываясь в никуда.

Мы работали не покладая рук, и, как ни странно, я радовался этому, потому что труд не оставлял времени для тяжелых дум. Я принял руководство астероидом на себя. Старик впал в полукomatозное оцепенение, и мы почти не видели его. Оформление многочисленной документации требовало массы времени, кроме того, приходилось присматривать за инженерами, чтобы они не ломали оборудование. Я сам однажды поймал человека, который намеренно вывел из строя защиту основного реактора, и теперь центральная установка нуждалась в замене. Когда я вызвал парня на ковер, он начал мне грубить.

— Неужели мы все отдадим марсианам? — кричал он. — Неужели мы просто уйдем и, расцеловав их тощие задницы, оставим врагам нашу технику и оружие?

— Уставной формой обращения к вышестоящему офицеру является слово «сэр», — устало ответил я. — Мы получили из штаба приказ о капитуляции. Нам предписывается сдать базу в хорошем состоянии, и я вынужден проследить, чтобы последние распоряжения нашего правительства выполнялись безукоризненно. — Немного оттаяв, я добавил: — Марс держит нас за горло. Если мы откажемся выполнять их условия, в первую очередь не поздоровится Земле. А у тебя там осталась семья, разве не так?

— Может быть, и осталась, — ответил он. — Если только они не погибли под бомбами.

— Мы дали им хороший бой, — сказал я. — Двадцать лет войны! Возможно, когда-нибудь мы сумеем отомстить за свое поражение, но это произойдет не скоро. А пока мы будем вылизывать каждого марсианина, если это потребуется для того, чтобы выжил наш народ.

Он получил десять суток тяжелых работ, и я предупредил его, что следующее нарушение дисциплины будет означать полевой суд и немедленную казнь. В общем, команда знала, что я прав. Но что-то погасло в них; они приняли свое поражение, и это было очень печальное зрелище. Я придумывал для них дела и развлечения — все, что могло вернуть их к жизни, но мои усилия почти ни к чему не привели.

Ожидание длилось четыре месяца, штаб молчал, и меня начали одолевать сомнения. Мы давно перешли на урезанный паек, и теперь запасы еды катастрофически подходили к концу. Я все чаще подумывал о том, чтобы нарушить приказ, реквизировать ракету и отправить ее за помощью. Планетовид Хилтон по меркам астрономических расстояний находился не очень далеко, а у них имелись гидропоника и баки с закваской.

Наш астероид стремительно рассекал огромную холодную тьму, направляясь к миллионам ледяных звезд и сверкающему поясу Млечного Пути. Солнце осталось далеко позади и казалось крохотным тлеющим диском, чей свет тускло отражался от диких искромсанных скал. За стенами базы царило вечное безмолвие, и лишь хриплое дыхание гулко отдавалось в шлеме.

Смена пришла неожиданно и без предупреждений: извергая яркое пламя из дюз, на орбите появилось четыре огромных транспортных корабля, которые конвоировал тонкий, черный марсианский крейсер. Мы выстроились, как на параде, и приня-

ли офицеров с соблюдением всех правил устава. Нам хотелось, чтобы они навек запомнили ребят с базы «Паллас» — элитарную часть боевых сил Объединенных Наций Земли, которая отражала по три смертоносные атаки в год и не хирела от долгого тоскливого ожидания между боями. Я думаю, наш вид и выправка произвели впечатление на марсианского командира. Он проявил такт и не стал пожимать нам руки, но в знак уважения, в лучших традициях их военной аристократии, отдал низкий поклон, согнув в талии длинное семифутовое тело.

— Вы тут за старшего, командор? — обратился он ко мне.

Марсианин говорил на португальском лучше многих из нас. Основным языком Земли считался бразильский диалект, но так уж случилось, что на астероиде в основном подобрались британцы и североамериканцы, и мы несколько лет пользовались только английским.

— Временно исполняю обязанности, севни, — ответил я официальным тоном. — Капитан Робертс... нездоров.

Конечно, я знал, что Старик валяется в постели и, прижав бутылку к груди, размазывает по лицу пьяные слезы. В последние дни он сдал окончательно, но мне не хотелось предавать это гласности.

— Приношу извинения за задержку вашей демобилизации, — сказал марсианин. — Сами, наверное, понимаете, сколько на нас теперь навалилось работы. Сначала корабли выгрузят нашу команду, а затем доставят вас на землю. Мы отправим всех людей в Кито, где вам выдадут билеты в те крупные города, которые находятся недалеко от ваших домов.

— Вы очень добры, — произнес я.

— Спасибо.

Марсианин взмахнул тощей рукой, и я снова удивился, но на этот раз не шести пальцам с дополнительным суставом и не гладкой коричневой коже, которые придавали руке марсианина странный нечеловеческий вид. Меня удивили его необычные квадратные ногти.

— Довольно битв и сражений! — воскликнул он. — Настало время объединить наши народы узами дружбы.

«Дружбы? — со злостью подумал я. — И это после того, что вы сделали с Землей?»

А потом нас погрузили на корабли и отправили в долгий путь к родному дому. Большую часть времени мы провели на орбите, и я регулярно заставлял людей выполнять физические упражнения. После нескольких лет жизни при низкой гравитации астероида и многих недель полета в открытом космосе мы отвыкли от земного притяжения. Думаю, я привел парней в

хорошую форму. Естественно, мы недоедали, но по-прежнему оставались крепкими и подвижными, загорев под жгучим космическим солнцем.

Офицеры и экипаж корабля были марсианами, они держались на своей стороне, и мы их почти не видели. Полет прошел без происшествий, а на заключительном этапе я начал замечать у себя и у других какой-то душевный подъем. Пусть нам довелось хлебнуть горя и унижения, но мы возвращались домой! И снова на свет появились старые, затертые фотографии, истрепанные и перепачканные письма, ставшие тоньше папиросной бумаги; снова кто-то спорил, звучали воспоминания, раздавались голоса и даже песни. Ребята договаривались о ежегодных встречах, и, несмотря на горечь, я начинал понимать, что прошлое хранит немало стоящих моментов, которые, возможно, будут ожидать нас и в будущем.

Мы вышли на земную орбиту. Я часами мог стоять у обзорных экранов, глядя, как голубая и прекрасная родная планета вращается на фоне далеких звезд. Война не оставила отметин на ее безмятежном лице — да и как же иначе? Люди и марсиане слишком малы в сравнении с необъятным пространством и временем.

Космические паромы в несколько заходов переправили нас в Кито. Город жестоко пострадал от массированных бомбардировок. Он превратился в огромные руины, заваленные обломками скал и костями мертвецов, но радиоактивность к этому времени уменьшилась, а горы по-прежнему казались такими же красивыми, какими я запомнил их в юности. Люди построили новый космодром и окружили его множеством барачков и хижин, надеясь, что небольшой поселок когда-нибудь станет возрожденным городом. Я не падал на колени и не целовал землю, как это делали многие, но мои мышцы напряглись под мощным прессом ее притяжения. Я глубоко вдохнул чистый терпкий воздух, на глазах у меня появились слезы.

Нас встретили офицеры связи, и я провел пару дней в хлопотах, расформировывая наше подразделение. Парни получали билеты домой и небольшое жалованье с надбавкой на покрытие инфляции, которая уже вонзила зубы в угасающую экономику. Нам выдали продовольственные карточки в соответствии с зонами обитания и отпечатанные брошюры с перечнем новых законов, главным из которых являлось беспрекословное подчинение оккупационным властям. Каждому из нас вручили документы о демобилизации и в связи с дефицитом одежды разрешили носить форму без знаков отличия. Я долго смотрел на снятую с

кителя крылатую звезду, прежде чем завернуть ее в платок и спрятать в карман.

Меня провожал помощник коменданта округа — приятный человек по фамилии Гонзалес.

— Почему бы вам не остаться на какое-то время у нас? — предложил он. — Я не советую вам уезжать в Нью-Йорк. Ведь он фактически уничтожен. И жить там будет очень трудно.

— А где теперь легко? — уныло усмехнулся я.

— Воистину так. Нас отбросили на уровень примитивной экономики, которая просто не в состоянии поддерживать большие массы народа. — Его лицо скривилось в гримасе. — Вам повезло, что вы прилетели почти через год после окончания войны. А сколько унесли прошлые зима и весна... о-хо-хо!

— Голод?

— И чума. Марсиане почти ничем не могли помочь, хотя, должен признать, они пытались сделать это. Но миллионы погибли и продолжают погибать.

Он мрачно взглянул на поле. Наш «глобус» и «оливковая ветвь» по-прежнему развевались на ветру, но знамя с двойным полумесяцем Марса трепетало на самом высоком флагштоке.

— Это конец нашей независимости, — прошептал Гонзалес. — Отныне мы просто скоты.

— Нет, мы вернем себе свободу, — ответил я. — Дайте нам двадцать лет, чтобы оправиться. Мы добудем оружие и тогда... — Он вздрогнул.

— Мне кажется, я скорее смирюсь с властью марсиан, чем с фашизмом, который повлечет за собой наше возрождение, — сказал Гонзалес. — И знаете, командор, они не дадут нам ни одного шанса. Вскоре мы потеряем всю промышленность и превратимся в жалких провинциалов. Они веками будут держать нас в этом состоянии — да вы и сами знаете характер марсиан. Они не мстят, но очень осторожны и дальновидны.

Я впервые задумался об этой драконовской мере. Наша популяция должна уменьшиться наполовину, прежде чем людям удастся вернуться к агрокультурной экономике. А затем начнутся нескончаемые века поруганной цивилизации — века крестьян, ремесленников, рыбаков, лесорубов и горняков; в лучшем случае избранных будут назначать на должности мелких чиновников марсианской империи. Люди навсегда окажутся прикованными к Земле, их свяжут по рукам невежеством, а наука, индустрия и полеты к звездам останутся на долю Марса.

Впрочем, на их месте я сделал бы то же самое! Уже по своей природе мы имели столько преимуществ, что без труда могли уничтожить всю их планету, — да если бы в Генеральном штабе

думали мозгами, мы одолели бы Марс за какие-нибудь пять лет! Но вместо этого отцы-командиры нагромодили кучу страшных ошибок, и только невероятно глупые действия марсиан позволили войне затянуться надолго. Конечно, в истории наших миров это была первая космическая война, и, в принципе, никто не ожидал, что удастся все учесть и предвидеть, но я чувствовал какую-то фатальность в том, как обе стороны неумело уничтожали друг друга, превратив быстрый и неудержимый обмен ударами в двадцать изнурительных лет.

Ладно... теперь слишком поздно скулить о прошлом. Слишком поздно.

— Прощайте, командор, — сказал Гонзалес. — Счастья вам.

— И вам, — ответил я, пожимая ему руку. — А еще удачи.

— Да, удача нам теперь не помешает...

Полет в Нью-Йорк прошел без особых событий. Пассажиры небольшой ракеты — все как один земляне, в жалкой одежде, с угрюмыми лицами и поджатыми губами — забросали меня вопросами о космических боях. А мне не терпелось узнать о том, что случилось дома. Я не был на Земле около пяти лет.

Последние несколько месяцев беда здесь сменялась бедой — атомные бомбардировки из космоса, капитуляция, голод, чума... Вокзалы и индустриальные центры подвергались полному разрушению. Население огромных городов не имело средств к существованию, отсутствовала элементарная медицинская помощь. Из руин вырвалась волна преступлений и анархии. Она с ревом промчалась по миру, и ее отголоски звучали до сих пор, хотя оккупационные власти марсиан с помощью ООН и местной полиции пытались притушить безумную вспышку насилия.

— И все это зря, — мрачно рассказывал пожилой американец. — Если население не сократится до необходимых размеров, впереди нас ждут долгие голодные годы. Нам уже никогда не подняться на ноги. Марсиане планомерно разрушают все мало-мальски значимые отрасли промышленности, которые у нас остались. Пройдет пять-шесть лет, и мы будем плавать под парусом и ездить на лошадях. Эту линию ракетных перевозок планируют закрыть через несколько месяцев, когда закончатся наиболее срочные переброски грузов.

— Надо продолжать сражаться, — вмешался в разговор другой мужчина. — Не так их и много. Каких-нибудь пять миллионов в войсках, но гарнизоны разбросаны по всей планете. К тому же учтите непривычную для них гравитацию. Нам надо объединиться и выбить их с Земли.

— А чем? — устало спросил я его. — Охотничьими ружьями и кухонными ножами? Идти грудью на пулеметы, огнеметы,

танки и воздушные корабли? А вы не забыли о базах на Луне? Как только мы поднимем голову, они накроют нас новой волной ракет.

— Так, значит, ты сдался, космонавт?

Молодая, не по годам строгая и суровая женщина бросила на меня презрительный взгляд.

— Наверное, да, — ответил я, — если вам хочется это услышать.

Глава 2

Мы приземлились под вечер. Я поднялся в башню управления наспех отстроенного аэропорта и, затаив дыхание, долго осматривал город. Мне говорили, что Нью-Йорку досталось больше всех, но я бы никогда не поверил, что такое возможно.

Надменные очертания Манхэттена превратились в скопище стальных скелетов, ободранных, изломанных и непристойно голых на фоне серого неба. Некоторые здания попали в причудливый огненный вихрь, оплавившись, а затем застыли, словно фантастические скалы из комковатого, искореженного, почерневшего от огня железа.

За огромной чашей основного кратера виднелись лишь каменные осыпи и мертвые дебри обвалившихся глыб, над которыми ветер развесил вуаль из пепла и пыли. В районе Бруклина начинались беспорядочные завалы, и только несколько голых каркасов домов все еще торчали относительно прямо. Мгла и ступавшиеся сумерки скрывали от меня остальную часть города, но я нигде не видел огней — ни одного огонька на всем этом огромном пространстве.

Начальник аэропорта, разрешивший мне взобраться на вышку, печально кивнул, когда я спустился вниз.

— Не стоило этого делать, командор Арнфельд, — сказал он. — Я вас предупреждал. — Его голос казался таким же унылым и безжизненным, как и лицо. Ввалившиеся глаза лихорадочно блестели. — Это просто страшно.

— Сколько людей теперь здесь живет? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Кто знает? Наверное, около миллиона. Когда вспыхнула эпидемия и обрушился голод, все, кто могли, убежали из города. Потом начались столкновения между фермерами и толпами беженцев. Теперь мы обмениваем в деревнях товары на продукты, а в городе предлагаем работу по расчистке развалин, и, можно

сказать, условия начинают улучшаться. Не очень сильно, но немного улучшаются.

— Как мне пробраться на север штата? — спросил я. — Там мой дом.

— На своих двоих, командор, если только вам не удастся пристроиться в одном из фермерских фургонов. Но после прошлой зимы они не очень любят горожан.

— Вот как...

Я посмотрел в окно. Огни аэропорта казались маленькими точками на фоне тьмы, которая напозла с моря.

— Тогда я лучше заночую здесь. Вы не могли бы порекомендовать мне какое-нибудь место?

— Сколько у вас с собой денег?

Я горько усмехнулся:

— Мне начислили пятьдесят тысяч долларов ООН. Так что с добавкой на инфляцию — около миллиона.

— Эта добавка что-то значила четыре месяца назад. Теперь за такие деньги можно три раза поесть и снять койку на две ночи. Город расплачивается с рабочими продуктами, одеждой и той небольшой медицинской помощью, которую мы можем предложить.

Он нервно подергал мочку уха и отвел глаза в сторону.

— Я с радостью предложил бы вам ночлег, командор, но нас семеро в одной комнате, да и та не больше этого кабинета, поэтому...

— Я понимаю. Спасибо вам. Найду что-нибудь другое.

— Попробуйте устроиться в общежитии бенедиктинцев. Тут небольшая группа монахов построила хижину, и они пускают на ночь тех, кто помогает им работать. Если у них осталось какое-нибудь свободное место, они позволят вам переночевать, но потом попросят выполнить определенную работу.

— Мне это подходит. Я даже могу пожертвовать им деньги, — скажем, полмиллиона долларов.

— Они это оценят. Им приходится присматривать за инвалидами, которые не могут работать.

Начальник аэропорта рассказал мне, как пройти к общежитию; оно находилось в трех милях отсюда.

— Но будьте осторожны, — предупредил он. — В городе много бандитов. Если вы попадетесь, вас убьют. Последние несколько месяцев довели людей до отчаяния.

Я похлопал по кобуре, в которой прикорнул многозарядный «магnum». Мне, как офицеру, позволили сохранить личное оружие. К тому же серая форма космонавтов пользовалась в

народе уважением — хотя ради этого костюма меня запросто могут убить по дороге.

Еще не совсем стемнело. Когда я вышел из здания аэропорта, сумерки сгустились. Это меня не опечалило; в темноте дома по обеим сторонам улицы казались не такими мрачными, не было видно пустых окон, распахнутых дверей и обгоревших развалин. Тротуары опустели, редкие прохожие молча обходили меня стороной, и в их глазах не было ни цели, ни надежды. Тишина превратилась в монолит — вокруг царило полное и сплошное безмолвие, густое и тяжелое, в котором стук моих каблучков и вой промозглого ветра звучали неестественно громко. Я зашагал быстрее, надеясь найти где-нибудь свет, тепло и ласку.

Кто-то коснулся моего плеча. Я отпрыгнул в сторону, обернулся и с рычанием выхватил пистолет. Передо мной стояла женщина. И только тогда я понял, какая напряженность клокотала во мне. Сердце стучало в ушах неистовой дробью.

— Привет, космонавт, — сказала она.

Я опустил оружие и шагнул ей навстречу.

— Что тебе надо?

Пытаясь придать голосу твердость, я перестарался, и вопрос прозвучал слишком грубо.

— Мне просто хотелось узнать...

Она отвернулась и быстро вошла в дверной проем, рядом с которым стояла. Я последовал за ней. Услышав шаги за спиной, женщина судорожно вздохнула, расправила худенькие плечи и робко обернулась.

— Ищешь приют на ночь? — спросила она.

Я молча разглядывал ее.

— Ты, наверное, только что из космоса?

Низкий бархатный голос дрожал, как крылья бабочки, но это не было похоже на дребезжащий выговор обитателей трущоб, а манеры и весь облик женщины говорили о хорошем воспитании.

— Да, — ответил я.

— Может быть, хочешь провести ночь со мной?.. — Она тяжело слотнула и с трудом закончила: — У меня есть место.

Я поднялся на ступеньку и, встав рядом с девушкой, постарался рассмотреть ее в темноте. Она была чуть ниже меня и когда-то имела хорошую фигуру, но ноги под изорванным платьем выглядели до жалости тонкими. Совсем еще молодая — около двадцати лет. На бледном лице выступали скулы, но огромные глаза, дерзко вздернутый нос и мягкие нежные губы придавали ей неповторимое очарование. Она вздрагивала, порывисто переводя дыхание, и все время смотрела куда-то в сторону.

— Кто ты? — спросил я.

Ее голос зазвенел и наполнился злостью.

— Слушай, давай без этих штук. Если ты... хочешь меня, так и скажи. А нет, и так проживу... подумаешь!

Я провел в космосе почти десять лет. Мне редко доводилось бывать на Земле и земных колониях, но я встречал проституток и кое-что понимал в этом деле.

— Наверное, первая попытка, сестренка?

Она молча кивнула.

— Мне говорили, в городе дают работу, — сказал я. — Ты могла бы этим и не заниматься.

— Та работа, которая осталась, мне не по силам. — Она перешла на грустный шепот: — Я не могу таскать кирпичи... я пыталась, но ничего не получилось. В деревне мне тоже делать нечего. Там не осталось мест, и вряд ли какой-нибудь фермер согласится взять еще одну приبلудную. К тому же у меня маленькая дочь, за которой надо присматривать.

Я покачал головой и выдавил из себя жалкую улыбку:

— Извини, сестренка, но я не могу воспользоваться твоим тяжелым положением.

— Если не ты, то это сделает кто-нибудь другой, — безнадежно всхлипнула она. — Пусть уж лучше ты. Мой муж тоже был космонавтом.

Я решил.

— А сколько надо заплатить... какую цену?

— Я...

Ее голос сохся, как осенний лист.

— Полмиллиона. Это не слишком много?

— Нормально, — ответил я. — Мне все равно нужен ночлег, а ты говоришь, что у тебя есть место. Я заплачу эти деньги за постель и завтрак... большего мне не надо.

И вдруг она заплакала. Я прижал ее к себе и стал нежно гладить длинные золотистые волосы, которые казались удивительно прекрасными. И еще меня изумила ее одежда — когда-то довольно приличная, но даже теперь чистая и опрятная. Я не мог понять, как ей это удавалось без мыла и стиральных порошков. Скорее всего песок и вода.

Взявшись за руки, мы пошли к ней. Она уверенно вела меня через груды бетона, мимо нагромождений разбитых вдребезги плит, сломанных балок, битых стекол и человеческих костей. Уже совсем стемнело, и я спотыкался на каждом шагу.

При обвале огромной гостиницы в горе осколков и искореженной арматуры образовалась небольшая пещера. Моя спут-

ница замаскировала вход двумя поломанными дверями и ветками кустов, которые снова начали расти в городе.

Мы втиснулись в узкий туннель и пробрались в квадратную нору — около семи футов в длину и четырех футов в высоту. Пещера казалась такой же чистой, как и одежда женщины, и почти такой же унылой: кое-какая уцелевшая посуда, тюфяк, закопченная масляная лампа и несколько книг. На полу играла девочка. Она выглядела немного маленькой для своих трех лет — худое лицо, блестящие, как у матери, волосы и огромные зеленые глаза. Она подбежала к женщине, и та сжала ее в объятиях.

— Ах, Элис, малышка, ты не скучала без меня?

— Ну что ты, мамуля, я подумала о Гоппи, и Гоппи прилетел ко мне. Он сел на лампу, и у него были такие большие глаза и крылья, а потом ты привела домой дядю, как хотела, и Гоппи мне сказал...

Я сел в углу, грустно покачал головой и тихо спросил:

— Значит, ты позволила бы дочери смотреть на все это?

В моей груди появилась тупая щемящая пустота.

Женщина повернулась ко мне. Ее лицо исказилось от ярости.

— Если не нравится, — закричала она, — можешь уходить! Конечно! Тебя всегда окружал порядок, о тебе заботились, тебе давали еду и работу, а если бы ты даже умер, это произошло бы быстро и прилично. Тебе не приходилось скрываться от банд и всякой сволочи, ты не знаешь, как трудно здесь выжить... поэтому давай, уходи!

— Ладно, прости меня. Я не хочу тут строить из себя святошу. Тот, кто бомбил Зунет, не может смотреть на других свысока.

— И ты там был?

Она успокоилась и смущенно улыбнулась.

— Мы считали это самой большой победой. Вы тогда перебили не меньше миллиона марсиан.

— Да, — ответил я. — Сначала мы без пощады долбили их из космоса. А потом они забросали бомбами Землю. Миллионы живых и разумных существ превратились в куски кровавого мяса. И я давно перестал гордиться этим.

— А я бы убила каждого из них, — прошептала она. — Я этих выроdkов давила бы до последнего.

— Лучше забудь об этом.

Я провел пальцем по стопке книг, которые, судя по черным печатям, она выкопала из развалин библиотеки. Шекспир, греческие трагедии, «Фауст» Гете на немецком языке, Уитмен, Беннетт и — как трогательно! — Брук. Да, ее воспитывали в

приличной семье. Я покачал головой, представив, как она, сжавшись в комочек, читает в этой норе «Троянских женщин».

— Как тебя зовут?

— Кристин Хоторн, — ответила она. — А друзья называли меня Киской.

Я заметил, как покраснели ее щеки; она подумала, что по неосторожности дала мне добро на все прочее.

— Не бойся, Крис. Конечно, я тоже, как все... к тому же давно не видел женщин... но не бойся. Меня зовут Дейв. Дейв Арнфельд.

Наш разговор затянулся допоздна. Она, как и я, выросла во время войны, но до последнего года решающих битв и капитуляции Земли вела вполне приличное существование. Ее настоятельные родители постарались привить дочери культурные и космополитичные взгляды. Она много путешествовала, училась в колледже и знала кое-что из литературного наследия. Четыре года назад она познакомилась с лейтенантом Джеймсом Хоторном — Крис показала мне поблекшую фотографию с симпатичным мальчишеским лицом — они обвенчались, но, когда она родила малышку, он погиб в битве за Юнону. Какое-то время Крис работала лингвистом в Комцентре, а потом Нью-Йорк сровняли с землей, и ей лишь чудом удалось спасти себя и дочь. Началась жестокая борьба за выживание. В конце концов у нее опустились руки, и она вышла на панель. Мы долго говорили, и я заметил, что вера вновь возвращается к ней. Я видел, как снова вскипает решимость. Да только какой в них толк, если у нее не было другого выхода?

— Куда ты идешь? — спросила она.

— На север штата, — ответил я. — У меня есть участок земли около Олбани — родительское наследство. Вся семья погибла... кроме меня, никто не выжил. Земли там давно заброшены, но я надеюсь, что могу поднять их. Попробую стать фермером... а что еще в наши дни остается людям?

Я знал, о чем она подумала, но гордость заставила ее переменить тему.

— Мне кажется, немногие немцы согласились бы на такую жизнь.

Ее фраза вызвала у меня улыбку.

— Я швед, а не немец. Хотя, если считать с времен колониальных войн, большую часть моего рода составляли голландцы и англичане.

«Сначала мы сражались с французами и индейцами, — подумал я, — потом с другими народами. И вот теперь потерпели окончательное поражение».

— Слушай, Крис. Мне понадобится экономка и помощница по дому. Ты как раз подходишь для такой работы. Может быть, пойдешь со мной?

Она прижала к себе ребенка.

— Это очень опасный переход.

— Ты права, — быстро согласился я, внезапно почувствовав злость от усталости и голода. — Тогда оставайся.

Мы какое-то время дулись друг на друга, потом помирились и отправились спать. Конечно, она согласилась. А я сэкономил полмиллиона долларов.

Наш завтрак состоял из небольшой банки консервированной солонины и воды, принесенной с реки. Потом мы собрали скудную утварь и двинулись в путь. Большую часть времени я нес Элис на плечах. Она оказалась милым и спокойным ребенком. Те ужасы, через которые она прошла, казалось, не оставили в ее душе глубоких ран, хотя по ночам девочка часто кричала и плакала.

— Когда она станет старше, — сказал я Крис, — тебе надо бы отвести ее к психиатру, чтобы он поработал над этой проблемой.

И тут мне подумалось, что на Земле, наверное, больше никогда не будет психиатров. В лучшем случае мы можем надеяться на полуобученных докторов — других не предвидится, потому что квалифицированный специалист мог бы придумать какие-нибудь бактерии, которые одолели бы марсиан.

Нам потребовалось почти целый день, чтобы выбраться из города. Голод терзал нас все больше и больше. Благодаря моей форме нам удалось купить еды и устроиться на ночлег на сеновале у одного фермера, который предупредил меня, что он редкое исключение.

— А мне казалось, что теперь мы просто братья-земляне, — сказал я.

— Вот и я так думал когда-то, — ответил он. — Но из города повалили беженцы и мародеры. Мне повезло, и я не очень обозлился на людей, а многим пришлось гораздо хуже. Они видели, как горели их дома, как убивали их детей, насиловали женщин, крали скот и зерно. Поэтому не жди от них милости и участия. Даже городу с трудом удастся уговорить их меняться.

— Да, теперь все ясно, — сказал я.

— Конечно, вам в космосе тоже досталось, — продолжал он с горькой усмешкой. — От этой войны многие чокнулись. Ходят слухи, что ее начали с Земли... Возможно, сплетни распускают сами марсиане, утверждать не берусь, но ведь это вы,

космачи, проиграли войну, а потом они зацапали Луну и забросали нас бомбами!

— Я ни в чем не виноват перед тобой, — ответил я. — Но спасибо за науку. Теперь я понимаю, что от людей, оказавшихся в вашем положении, нельзя ожидать хладнокровия и логики.

Вскоре мне пришлось превратиться в бандита, и здесь пригодилась моя военная подготовка и хорошая физическая форма. Я украл лошадь и фургон — теперь мы могли передвигаться на колесах. Корова давала молоко, цыплята и овощи служили едой — я просто приходил и брал их, обещая через мушку пистолета заплатить за все, когда появятся деньги.

Закон бездействовал, и у нас не возникало проблем с полицией, которая и без того разрывалась на части; хотя пару раз пули свистели над нашими головами. Крис держалась молодцом. После того что она успела повидать, смерть для нее почти ничего не значила. Она понемногу набирала вес, на лице появился румянец, и я начинал все чаще заглядываться на нее.

Мы колесили по дорогам, трясясь на ухабах, проезжали зеленые поля и холмы. Воспоминания пронзали мое сердце острой болью. Я помнил, узнавал все это — и деревушку у моста, и этот памятник, и речку, которая сверкала среди длинных холмов извилистой лентой. Время от времени меня одолевала молчаливая грусть, и тогда Крис с улыбкой касалась моей руки.

Прошло почти две недели, а потом наступил день, когда мы свернули с шоссе и поехали по разбитой, усыпанной гравием дороге. Сердце громко стучало в груди, я вскочил на ноги, обвел рукой горизонт и закричал:

— Это наша земля!

Зеленые глаза Крис расширились от восторга.

— Вот это все?

— Четыреста акров. — Мой голос звенел от гордости.

Я тогда еще не знал, какой бесприютной станет моя жизнь — жизнь беглеца, по следу которого будут гнаться два мира.

Возделанные поля зеленели молодой пшеницей. Видимо, на них работали соседи. «Ничего, — подумалось мне, — пусть так. Я пока обустроюсь и кое-что приобрету, чтобы начать сев со следующей весны. А если они не захотят поделиться со мной по-хорошему...» Моя рука потянулась к оружию. Но я знал, что до этого не дойдет. Все эти Смиты, Рекхемы и Челенджеры были старыми друзьями моей семьи. Я вернулся домой.

Небольшая роща по-прежнему тянулась до самых ворот, за ней виднелись два ряда буков, посаженных вдоль длинной аллеи. А еще дальше возвышался большой белый дом, построенный в колониальном стиле. Но внезапно с моих губ слетело

проклятие, я передернул затвор, а Крис, вскричав, прижала малышку к груди.

Марсианин у ворот поднял автомат и прицелился в меня.

— А ну, стоять!

Глава 3

Ну что тут скажешь! Враги решили разместить в этом доме своего офицера, и мои протесты здесь ничего не значили.

Охранники провели нас по аллее. На широкое крыльцо, украшенное колоннами, вышел офицер. Солнечный свет, проникая сквозь листву земных деревьев, покрывал лицо пришельца круглыми пятнами. Я стоял и молча рассматривал его.

Некоторые считают марсиан уродливыми, но это не так — даже по человеческим стандартам. Когда смотришь на их длинные прямые ноги, осиную талию, тонкие руки, огромную грудь и широкие плечи, то начинаешь понимать, что они не жалкая карикатура на человека, а в каком-то смысле утонченные существа. И эту голову с лысым коричневым черепом, выпиравшими скулами, куполообразным лбом, узким подбородком и длинными остроконечными ушами могла бы изваять только рука Бранкузи; небольшой плоский нос лишь подчеркивал симметрию, подвижный рот напоминал человеческий, а большие раскосые золотистые глаза под грациозными маленькими антеннами являли собой прекрасное сияющее чудо.

Тем не менее я ненавидел этого типа в безупречной черной форме, с посеребренным воротником и орденом Двойного Полумесяца на груди.

Он бесстрастно ждал объяснений, высокомерно рассматривая мой запылившийся китель. Прозрачные третьи веки предохраняли глаза от ослепительного блеска заходящего солнца; это придавало ему подслеповатый и немного отстраненный вид.

Я собрал все свое достоинство боевого офицера и решительно представился:

— Меня зовут Дэвид Марк Арнфельд. Я бывший командир межпланетных сил Объединенных Наций. Эти земли и дом по закону принадлежат мне. Могу ли узнать причину вашего появления в моем доме, севни?

Он смотрел на меня еще какое-то время. Очевидно, мой средний рост, плотное телосложение и грубоватое, покрытое морщинами лицо не подходили, по его мнению, военному аристократу. И все же он поклонился мне.

— Я признаю ваши права на собственность, сэр, — ответил он. — В гостиной висит ваш портрет, и я иногда задавал себе вопрос, вернетесь вы когда-нибудь сюда или нет.

Он говорил по-английски очень хорошо, но слишком отрывисто и витиевато для жителя Земли. Марсианский ваннзару настолько резок, что половина слов произносится в ультразвуковом диапазоне, поэтому люди не могут говорить на нем.

— Разрешите представиться. Я севни Реджелин дзу Корутан, окружной наблюдатель Архата планеты Марс.

Лицо офицера напоминало деревянную маску, а вопросительный взгляд устремился на Крис, которая с вызовом разглядывала его высокую фигуру.

— Эта юная леди моя гостья, — холодно произнес я.

Мне очень хотелось добавить: «В отличие от вас», но он и так понял, что я имел в виду.

— Прошу вас, проходите, — сказал он, и на его лице появилась странная улыбка. — Впрочем, вероятно, мне следует ждать, когда вы пригласите меня в дом.

Резким приказом он отослал охрану, и мы вошли в прохладный полумрак.

Все осталось таким, как прежде, — полированные полы из твердого дерева, золотистые дубовые панели, блеск зеркал и серебра, старые книги, картины и мебель. Все стояло на своих местах. Мне захотелось зарыдать. Но вместо этого я повернулся к Реджелину и потребовал объяснений; слова прозвучали податски нагло и задиристо.

Он вежливо ответил на мои вопросы. Большая часть оккупационных войск на Земле располагалась в гарнизонах, но некоторые офицеры выполняли на планете роль наблюдателей и окружных администраторов. В ведении Реджелина находилась вся область Новой Англии. Чтобы не стеснять людей, его вместе с охраной и помощниками (всего десять марсиан) поселили здесь, в этом незанятом доме.

— Боюсь, слишком поздно что-либо менять, — сказал он. — Но мы постараемся не мешать вам и, конечно же, будем хорошо оплачивать занимаемую площадь.

— Ах, как мило с вашей стороны! — не выдержав, закричала Крис. — Она повернулась к марсианину, который был на полтора фута выше; золотистые волосы разметались по худеньким плечам. — Откуда такая учтивость, после того как вы сожгли наши дома, перебили половину человечества и превратили нашу планету в руины? Мне почему-то показалось, что вы посмели считать себя великодушным!

— Крис, — одернул я ее. — Прошу тебя, Крис, не надо.

— Боюсь, леди, вы слишком устали, — бесстрастно произнес Реджелин и повернулся ко мне. — Я хотел бы предупредить вас, мистер Арнфельд, что, хотя в намерения Архона не входит чрезмерное вмешательство в личную жизнь землян, мы будем пресекать любую попытку саботажа или противодействия нашим решениям.

— Сила на вашей стороне, — согласился я. — Можете отшлепать нас мокрыми розгами.

На его темном лице промелькнуло выражение печали.

— Мне хотелось бы стать другом, — сказал он. — Мы оба космонавты. Помимо всего другого, я сражался на Юноне и Второй орбите. Как и вам, мне пришлось пережить потерю многих близких друзей. Но война закончилась! Неужели нельзя забыть старые дразги?

— Нельзя, — ответил я.

— Как хотите, мистер Арнфельд.

Он поклонился, гордо выпрямился во весь рост и ушел.

Марсиане оказались деликатными жильцами. Они освободили занимаемые помещения и перешли в северное крыло дома, где имелось несколько комнат, которые солдаты оборудовали под кабинеты и общие спальни. За исключением времени, отведенного для еды, они старались не заходить на нашу половину. У ворот и возле северной двери всегда находились часовые, которые медленно шагали взад и вперед. Время от времени на юрких реактивных скутерах прибывали службисты, которые докладывали о чем-то Реджелину. И даже они не создавали большого шума. Марсиане часто сидели в саду или прогуливались в роще, но, завидев нас, с поклоном уходили прочь. Мы никогда не отвечали на их приветствия.

Во многих отношениях они проявили себя довольно заботливыми жильцами. Марсиане договорились об аренде моей земли с теми соседями, которые ее возделывали. Солдаты установили передвижную электростанцию, и мы пользовались электричеством без ограничений. Они нашли людей, которые помогали нам вести хозяйство. Мы разместили эту пожилую пару по фамилии Гус в коттедже для прислуги за особняком. Наши постояльцы щедро оплачивали аренду помещений и оказывали поддержку в финансовых делах. Короче, я ничего против них не имел, за исключением того, что они были марсианами — завоевателями Земли.

Чуть позже возникло несколько неловких ситуаций, связанных с временем для еды. Военный этикет требовал, чтобы Реджелин пользовался столовой, в то время как его подчиненные ели в большой кухне. После двух-трех унылых совместных

обедов, проведенных в гробовом молчании с обеих сторон, мы заключили тактичное соглашение: Реджелин ел на час раньше нас. С тех пор мы с ним почти не встречались.

Иногда я даже жалел марсиан. Оторванные от семьи, вдали от родного дома, они день за днем переживали ад земных условий. Я представляю, с каким трудом им приходилось терпеть отяжелевшее тело, атмосферное давление, жару, влажность, ослепительный солнечный свет и крикливую зелень на каждом шагу.

— Несмотря на все это, мы оказались бы в худшем положении при оккупации Марса, — сказал я как-то Крис.

Она нахмурилась. Между изогнутых бровей появились маленькие складки, которые я уже успел полюбить.

— Почему?

— Видишь ли, в случае необходимости они могут жить на Земле без специального снаряжения, — ответил я. — Но помести человека на Марс без скафандра или защитной сферы вокруг него, как он тут же задохнется. Или просто замерзнет после наступления темноты.

— Неужели они там вообще не дышат? — удивленно спросила она.

— Конечно, дышат, — сказал я, — но совершенно по-другому. Марсианские легкие отличаются от наших — это огромная губчатая масса, которая не только поглощает кислород из воздуха, но и с помощью анаэробных бактерий извлекает его из пищи. У них очень странный метаболизм, хотя, наверное, наш обмен веществ тоже кажется им необычным.

Солнечные лучи лились в окно и ласкали волосы Крис. Я откинулся на спинку кресла и, с тоской подумав о сигарете, произнес:

— Они намного крепче нас и стойко переносят лишения. Но благодаря физическому строению мы можем действовать при гораздо большем ускорении, чем они, а это во время войны дает огромное преимущество. — Мои кулаки непроизвольно сжались. — Если бы адмиралу Свейну хватило ума использовать наше превосходство в скорости, мы вообще не имели бы потерь на Троянских астероидах. А это была самая важная битва, и некоторые говорят, что она повлияла на исход всей войны.

— Теперь уже ничего не изменишь, Дейв, — со вздохом сказала она.

Крис проводила большую часть времени с Элис, но ей хватало сил и на хозяйство, и на работу в огороде. Она много читала и любила слушать музыку из нашей обширной подборки дисков. Тихая жизнь пошла ей на пользу; мать и дочь буквально расцвели. Что касается меня, то я не знал, как убить время. Мне

хотелось чем-нибудь помочь соседям, но я ничего не смыслил в фермерском деле. И хотя они охотно обучали меня своим премудростям, им не хватало для этого времени. Я совершал длительные прогулки, катался на лошади, бродил по дому и навещал старых друзей. Время от времени меня тянуло в поселок или в Олбани, чтобы немного покутить. Я пытался писать, но из этого ничего не вышло. Да и о чем писать в такие дни?

В конце концов от тоски и скуки мне даже захотелось поговорить с Реджелином. Как-то на прогулке я шел к роще по заросшей старой тропе. Кругом стояла тишина — лишь шелест листьев и щебет птиц. По мшистому стволу красным огнем промелькнула белка. А меня терзали тяжелые раздумья.

Ты должен признаться, парень, говорил я себе. Киска для тебя слишком много значит. Если хочешь, можешь назвать это близостью душ, но факт остается фактом: она смелая, верная и интеллигентная девушка, к тому же со временем тебе все равно захочется обзавестись семьей. Вот только, черт возьми, слишком многим она мне обязана! Крис, конечно, не подает виду, но я знаю, что, как бы мы с ней ни дружили, в ее сердце по-прежнему живет Джим Хоторн. А если нет? Не так легко тут разобраться. В своей полумонашеской жизни я видел слишком мало женщин. Откуда мне знать, о чем они думают... Если я попрошу ее выйти за меня замуж, она, скорее всего, согласится, — из чувства благодарности. Крис будет рада, что ее дочь обретет дом и семью... но мне таких отношений не надо. Неужели опять мои джентльменские манеры? Да нет же, черт возьми, просто мужской эгоизм. И мне от него не избавиться.

Я бесцельно шагал вперед, обходя рощу по кругу, как вдруг неожиданно увидел Реджелина. Доверившись тишине и одиночеству, он погрузил лицо в бутоны диких роз, и его высокая чопорная фигура, облаченная в черную форму, выглядела при этом довольно смешно.

Я хотел незаметно уйти, но он поднял голову и взглянул на меня — у марсиан удивительно острый слух в нашей плотной атмосфере. Его лицо, как всегда, оставалось бесстрастным, но колючий резкий смех выдавал смущение.

— Как поживаете, мистер Арнфельд? — спросил он. — Вы застали меня в стратегически слабой позиции.

Я усмехнулся, наслаждаясь его неловкостью.

— Неужели вашим офицерам не разрешается нюхать цветы?

— О, у нас на Марсе абсолютно иная профессиональная этика, — язвительно ответил он. — Как вы знаете, наш офицерский корпус набирают из древних аристократических семей, поэтому на нашей планете никого не удивляет, что мы выражаем свои эстетические чувства.

Марсианин коснулся пальцами нежных лепестков.

— Какая изысканность, — прошептал он и громко добавил: — Однако вы на Земле отчего-то считаете, что мужественность должна включать в себя... э-э... некоторое безразличие к подобным вещам.

Я прислонился к стволу и сунул руки в карманы.

— Недаром же ваша цивилизация старше нашей. Хотя некоторые называют ее загнивающей.

Ответ получился немного грубым. В глазах марсианина сверкнули ледяные искорки. Он поклонился и повернулся, чтобы уйти.

— Нет, постойте... — Я импульсивно устремился за ним и даже взял под руку. — Прошу прощения, севни. Судя по тому, как вы утерли нам нос на Юноне, слухи о загнивании преждевременны.

— Я признателен вам за проявленную тактичность, — ответил он.

Эта традиционная марсианская фраза всегда сопровождала принятие извинений.

— Если вы не спешите, мы могли бы присесть, — предложил я, опускаясь на упавший ствол.

Немного подумав, он присоединился ко мне. Мы молча сидели в тени, испятанной солнечными бликами, а затем он, глядя куда-то вдаль, тихо произнес:

— Да, сорок тысячелетий документально подтвержденной истории — это долгий срок. До вашего появления мы никогда не покидали пределов своей планеты и не имели склонности к техническому прогрессу. Когда вы прилетели к нам, марсианская цивилизация переживала расцвет феодальных отношений. Вы научили нас создавать машины, извлекать энергию из атома; ваши призывы и опыт сплотили нас в Таркет дзу Зантеву, или то, что вы теперь называете Архатом Марса. У нас появились новые цели и новая сила. Наши взгляды устремились к звездам. Юное племя дарило знание своим старшим братьям. Марс многим обязан Земле.

— А теперь вы истребляете нас, — отозвался я.

Внезапно злость оставила меня. Казалось, что время остановило бег, и мы, словно старые товарищи, вспоминали о далеких днях, подернутых дымкой минувших столетий.

— Это вынужденная мера в целях самообороны, — сказал он со вздохом. — Вы первые объявили нам войну.

— После того, как ваш флот захватил Геру.

— Да, мы заняли ее. Мы давно претендовали на эту группу астероидов, с которых получали большую часть тория. Нам при-

шлось захватить ее. Мы нуждались в опорной базе для защиты своего пространства.

— Давайте не будем ворошить старое, — сказал я. — Это длинная и мерзкая история торговых споров, имперских противоречий и гонки вооружения. В конце концов, нас просто столкнули лбами.

Реджелин покачал головой. Свет дня превращался в его глазах в расплавленное золото.

— Я не могу вот так все взять и забыть, — сказал он. — Я не политик Законодательного собрания и не член Совета лордов. Я боевой командир и, возможно, чего-то не понимаю. Но почему началось это противостояние? Почему отношения между нашими планетами отягощались серией нелепых инцидентов? Неужели нам не хватило бы пространства?

— Не знаю, — ответил я. — Меня это тоже часто сбивало с толку. Конечно, нам говорили, будто все началось из-за агрессивности марсиан, а вам, наверное, твердили что-то похожее о нас. Но потом занавес лжи и пропаганды стал настолько плотным, что, боюсь, мы никогда не узнаем истины.

— И даже при всей этой лжи война могла бы стать короткой, — сказал он. — Почему нельзя было решить все проблемы в одном-единственном сражении, как вы, земляне, делали это в пятнадцатом и восемнадцатом веках?

Я заморгал, удивляясь тому, что он так много знает о нашей истории; мне вдруг стало до смешного ясно, насколько слепо мы отвергали историю марсиан.

— Война оказалась слишком затянутой, зловещей и роковой, — со вздохом добавил Реджелин.

— Да, — согласился я. — Но ведь и пространство велико. Вначале, я помню, происходило не больше одной стычки в год.

— И одной стычки могло быть достаточно, если бы каждая из сторон имела по-настоящему компетентных командиров. Не в моих правилах критиковать начальство, мистер Арнфельд, но вы и сами знаете, как часто наши армии упускали возможность одержать решительную победу. Да если бы мы пошли в атаку после победы на Юноне, а не вернулись домой... — Его кулаки сжались, голос зазвенел. — О, пылающие небеса! Я находился тогда в нашем разведцентре. И мы знали, что можем настичь вашу Третью штурмовую бригаду по ту сторону Венеры. Мы могли бы искромсать ее на куски. И тогда войне пришел бы конец. Но нет, нас вернули на Марс!

— Не у одних вас бывали такие просчеты, — ответил я. — Мы чуть не подняли бунт, когда вашим кораблям позволили

уйти со Второй орбиты. И если бы наш адмирал не запаниковал около Марса и не вернул нас назад, если бы мы продолжали бомбардировки ваших городов...

— Кстати, вашей самой ужасной ошибкой стало разрушение Зунета, — мрачно произнес он. — До этого момента мы довольно умеренно выражали свое недовольство и даже смирились бы с полным поражением. Но когда вы превратили в пустыню наш величайший и древний город — гордость всего Марса, — столь отвратительная жестокость заставила нас возжелать крови. После этого Архон и Законодательное собрание единогласно проголосовали за то, чтобы покончить с Землей как угрозой в пространстве.

— Да, нам не стоило разрушать Зунет, — пробормотал я, заподозрив, что ему известно о моем участии в этой операции. — Если бы велась повсеместная бомбардировка городов, то я бы еще понял, а так... одна огромная ошибка.

— К тому же, учтите, — напомнил Реджелин, — мы не склонны к мести. И я думаю, в самом начале мы могли бы остановиться на вашем полном разоружении и каких-нибудь гарантиях возмещения ущерба. Но ваши политики и адмиралы оказались слишком безрассудными. Когда мы прорвали оборону Земли и взяли Луну, они, видимо, поняли, что игра подошла к концу. Они могли бы тут же признать поражение. Но нет, им удалось скрыть истинное положение дел от своего народа, иначе земляне подняли бы мятеж. Ваш Генштаб приказал остаткам флота собраться на земной орбите, чтобы дать последний бой. И тогда у нас просто не осталось другого выбора. Мы захватили ракетные базы ООН и уничтожили вашу оборону. А теперь Марс намерен навсегда подрезать вам крылья.

— Это мне уже известно, — ответил я.

— Четверть нашего небольшого населения погибла, — мрачно продолжал он. — Экономика трещит по швам и стонет под бременем налогов. Народ доведен до нищеты, а развитие расы отброшено в прошлое. Нам потребуются сотни лет, чтобы восстановить былую мощь. О, какая это холодная победа!

Мы долго сидели, не говоря ни слова. Я думаю, нас донимали почти одни и те же мысли. Получалось так, будто против Земли и Марса восстали орды злых гениев и словно какая-то неведомая сила столкнула два наших несчастных мира, вопреки смыслу, желаниям и порядочности. Нас подтолкнули к никому не нужной войне, которая принесла лишь горе и разруху. Впрочем, нечего валить на чертей и дьяволов. Во всем виновата наша собственная глупость, и любые другие домыслы — чистая паранойя. Но разве война не является безумием?

— Как долго вы собираетесь оставаться у нас, севни? — спросил я его в конце концов.

— На Земле? Не знаю. Боюсь, что несколько лет. Реорганизация вашей планеты будет длительным и трудным делом. — Реджелин криво усмехнулся. — И все же вы, побежденные, находитесь у себя дома — вам удобно, вы в безопасности. Вы снова можете начать мирную жизнь по своему собственному усмотрению. А мы, победители, привязали себя к миру, в котором не можем жить. Какая странная война! Какая странная победа!

— Они могли бы прислать сюда и вашу семью, — с сочувствием произнес я.

— О, только не это. Я никогда бы не пожелал такого. Пусть уж они остаются в старом замке на краю Пурпурной Бездны. Пусть они дышат воздухом, который чист и прохладен, пусть собирают колючие соцветия и слушают на закате кристальные колокола далеких песчаных равнин.

Я не видел ничего привлекательного в его мрачном и бесплодном мире, но на всякий случай кивнул.

Он неторопливо начал нащупывать что-то в кармане кителя.

— Ага, вот! Позвольте мне вам их показать. На этой фотографии моя жена и трое детей...

Марсианские женщины похожи на людей еще меньше, чем мужчины, но я постарался выразить восхищение.

— У вас тоже очень привлекательная молодая женщина, — застенчиво произнес он.

— Она не моя, — ответил я и поднялся. — Мне пора возвращаться домой.

Мы медленно шли по тропе, болтая о всяких мелочах. Оказалось, что Реджелину нравилась наша классическая музыка, но при своей занятости он не мог посещать концерты в Олбани. Прежде марсианин пользовался моими дисками, но с тех пор как я вернулся, ему пришлось отказаться от этого удовольствия.

— Так в чем же дело? Можете брать все, что захотите.

— Вы очень любезны, командор, — ответил он.

Я достаточно хорошо знал кодекс чести марсиан, до странности схожий с рыцарскими манерами, и понимал, что он, незаконно называя меня старым воинским званием, выказывает мне значительное уважение.

— Очень жаль, что вы не можете услышать нашей народной музыки. Но я как-то на досуге развлекался тем, что транспонировал некоторые мелодии в ваш диапазон слышимости, и если вам это интересно...

— О, конечно! В доме есть прекрасное фортепиано, к тому же я сам неплохо играю на скрипке. Давайте как-нибудь попробуем.

Беседа перешла на новую тему. Меня поражала его осведомленность в области нашей литературы. Многие книги ставили марсианина в тупик; но он упорно пытался представить себя в образе человека. Я предложил ему несколько книг, а он подсказал мне наиболее удачные переводы марсианской классики, выполненные на английском и португальском языках.

Вскоре мы вышли к лужайке перед домом. Крис играла с малышкой на траве; свет и тени подчеркивали все изгибы ее тела.

Она подняла голову и заметила нас. Реджелин поклонился, но она смотрела только на меня, и в ее глазах появился такой лютой холод, которого я никогда не видел прежде.

— Ну что ты делаешь? — закричала она. — Ее голос переполняла обида.

— А что такого? — запинаясь, спросил я. — Мы просто поговорили. Я встретил севни Реджелина, и он...

— Я это вижу. — Она произносила каждое слово отдельно, с подчеркнутым презрением. — Теперь мне все ясно. Всего хорошего, мистер Арнфельд. Завтра же ноги моей здесь не будет. Благодарю вас за гостеприимство.

— Но послушай, подожди!

Я схватил ее за руку. Она яростно оттолкнула меня.

— Крис! Киска, ты же не можешь так...

Ее губы задрожали, и я увидел в глазах у нее слезы.

— Оставь меня в покое, — произнесла она чуть ли не по слогам.

Реджелин превратился в колонну из черной стали; его длинная тень пролегла между нами темной и узкой полосой. Взглянув ему в лицо, я увидел, что оно стало холодным и невозмутимым. Голос марсианина наполнился сухим треском и походил на шелканье спускового крючка.

— Мистер Арнфельд, примите мои извинения за то, что я побеспокоил вас, но меня к этому побудили служебные обязанности. Что касается записей, о которых мы говорили, не беспокойтесь, я не буду требовать их от вас. Надеюсь, мне больше не придется нарушать покой вашей семьи.

Он поклонился, зашагал прочь и, пройдя мимо отсалютовавшего часового, уединился в своем кабинете. После этого я не видел его несколько дней.

Крис вытерла слезы, извинилась и вошла вместе со мной в дом. В тот же вечер я отправился в поселок и напился до потери пульса.

Глава 4

Не всегда события, меняющие в корне жизнь людей, отмечены особыми приметами. Цепочка бед, которая ныне привела нас к беспомощному ожиданию гибели, началась через пару недель после моей беседы с Реджелином. Как-то раз он сообщил, что у нас будут гости. Марсианин сказал мне это вежливым и холодным тоном, который вошел у нас в привычку. Третьи веки скрывали от меня его глаза.

— Завтра к нам приедут двое гостей. Они пробудут здесь три-четыре дня. Одного из них зовут Дзуга ай Замудринг, он инспектор комендатуры Северной Америки. Второй — какой-то землянин, выполняющий обязанности офицера связи. Поскольку помещения в нашем крыле переполнены, а в вашей части есть свободная спальная, я прошу вас предоставить им эту комнату.

— Но наш договор не содержит подобного пункта, — ответил я таким же натянутым тоном.

— Вам будет выплачена значительная сумма. И я предпочел бы не переносить эту просьбу в разряд требований, мистер Арнфельд.

Конечно, мой голос здесь ничего не решал. В случае отказа он просто приказал бы мне подготовить комнату для приезжих, а это еще больше подорвало бы те тонкие узы взаимной симпатии, которые и без того вот-вот могли порваться. Любезным тоном я выразил согласие и пошел искать Киску. На втором этаже нашего крыла располагались три спальни — моя, ее и одна пустая, которая находилась в конце коридора. Услышав новость, Крис состроила гримасу.

— Прямо у меня под боком, — возмущалась она. — Я бы еще могла согласиться жить рядом с марсианином, но с предателем...

— Некоторым людям приходится сотрудничать с ними, чтобы сохранить на Земле хоть какие-то остатки самоуправления, — устало ответил я. — Если хочешь, мы можем поменяться комнатами.

— Мм-м... хорошо.

Крис потеряла подбородок рукой, и по ее глазам я понял, что она о чем-то задумалась.

— А что представляют из себя эти гости?

— Пара инспекторов. Они проверяют разные районы и готовят сводки коменданту континента. Это очень важные чиновники.

— Ладно, я останусь в своей комнате. — Ее голос стал каким-то далеким и отрешенным. — Мы не будем меняться. — Внезапно ее настроение переменялось, и я снова услышал милый бархатный смех. — Дейв, ты сделаешь кое-что для меня?

— Конечно, — ответил я, а про себя добавил: «Все что угодно, Киска».

В нашем доме имелся небольшой музей семейных реликвий, и оказалось, что она захотела позаимствовать оттуда слуховую трубу моего предка из девятнадцатого века. Крис придумала новую игру для Элис. Я согласился, и она засмеялась, но уже по-настоящему. Киска чмокнула меня в щеку, и мне с трудом удалось удержаться от ответного поцелуя — ничего не поделаешь, братские чувства.

Вечером я заметил, что в душе пропал шланг. Это вывело меня из себя, потому что заменить его было нечем. Я позвал миссис Гус и начал выяснять подробности, но она поклялась, что ничего не знает, и, ворча, начала поиски, которые успехом не увенчались. Вскоре это небольшое происшествие выскочило у меня из головы.

Инспектор появился на следующий вечер. Длинная приземистая машина с ревом промчалась по аллее в сопровождении отряда охранников на реактивных скутерах. Солдаты в легких защитных костюмах держали в руках оружие; очевидно, марсиан не раз обстреливали по ночам из засад. Охрана расположилась в палатках на заднем дворе, а важных особ провели в гостиную. Инспектор — высокий морщинистый марсианин, который, казалось, скрипел от старости, — опирался на руку единственного в его команде землянина. Как потом оказалось, этого полного лысого мужчину средних лет звали Хэлом. Меня и Крис попросили присоединиться к ним, и она, к моему великому удивлению, повела себя с необычайным обаянием, все время улыбалась, смеялась и без устали обносила гостей напитками. Я еще тогда подумал: к чему бы это?

Хэл подарил мне пачку сигарет, которых я не видел несколько месяцев, и поднял бокал.

— Я счастлив, что встретил таких радушных и... умных людей, — сказал он с добродушием старого политика.

Его громкий голос совершенно не соответствовал этой скромной уютной комнате. Семейное предание гласило, что однажды здесь принимали самого Томаса Джефферсона. Я кивнул, изо-

бразив на лице холодную улыбку, но Крис с восторгом поддержала его тост.

— Мы пережили грубую и варварскую войну, — продолжал Хэл, — но теперь, слава Богу, она кончилась, и мы можем начать процесс восстановления. — Он с интересом взглянул на меня. — Мистер Арнфельд, возможно, и вы не против того, чтобы получить хорошую работу. Мы очень нуждаемся в посредниках на оккупированных территориях. — Он прочитал ответ на моем лице и повернулся к Крис: — Мисс... э-э... миссис Хоторн, а что вы на это скажете?

— Боюсь, что нет, — ответила она. — Мне надо приглядывать за маленькой дочкой. Но я представляю, какая это интересная работа.

Тут Хэла понесло. Он рассказал пару непристойных историй, которые явно смутили марсиан, однако они продолжали механически улыбаться. Дзуга произнес лишь несколько слов, а Реджелин говорил не больше, чем я. Беседу вели в основном Крис и Хэл. Это продолжалось вплоть до ужина, на который нас пригласили остаться. Из разговора я понял, что Хэл и Дзуга решили использовать наш дом в качестве своей базы в течение нескольких дней, отведенных для осмотра этого района. Я даже обрадовался, когда пришло время отправляться спать, и нам осталось показать гостям их комнату. Я перепоручил это Крис, и она повела гостей в спальню моих родителей.

Когда чуть позже мы встретились в коридоре, меня удивило ее покрасневшее от ярости лицо.

— Он ущипнул меня, — в бешенстве прошипела Киска.

— Ты сама напрашивалась на это, милочка, — ответил я.

Она очень странно посмотрела на меня и тихо сказала:

— Они закрылись на ключ, но ты мог бы послушать, о чем они говорят.

Я подошел к двери и прислушался. Из комнаты доносилось невнятное бормотание, и мне не удалось разобрать ни слова.

Прошло два часа. Я сидел в своей комнате и читал. В спальне горела только лампа. Теплый ветерок влетал в открытое окно, покачивая шторы. И я настолько увлекся Хаусманом — удивительно прозорливым поэтом в наши дни, — что не заметил, как открылась дверь.

Крис тихо приблизилась ко мне и прошептала:

— Дейв.

Я удивленно поднял голову. Свет лампы вырисовывал на фоне ночи ее силуэт — маленькое чудо из тканей и мерцавших бликов. Она накинула халат на ночную рубашку, под которой угадывалась стройная фигурка. Мое сердце гулко заколотилось.

— Да? — ответил я.

— Пошли со мной, Дейв.

В ее голосе появились незнакомые напряженные нотки; глаза наполнились испугом.

— Мне хочется... чтобы ты тоже это услышал.

Я встал, по-прежнему думая только о ее длинных локонах, ниспадавших на белые плечи.

— В чем дело? Твои соседи рассказывают пошлые анекдоты?

— Нет, и поверь, здесь не до смеха. — Ее напряженные дрожащие пальцы впились в мою руку. — Я... я подслушала их. С помощью той слуховой трубы. Сначала я хотела сделать это просто из мести. Мне и в голову не приходило, что все так обернется.

Я нахмурился:

— Это очень опасная привычка, Крис.

— Может быть, ты меня все же слушаешь?

Она сердито топнула ногой, и в ее голосе появилась внезапная настойчивость.

— Они там о чем-то говорят, но это не похоже ни на один земной язык, понимаешь? Это не английский и не португальский... и вообще никакой.

— Наверное, они говорят по-марсиански, — ответил я, пожимая плечами. — А что тут такого?

— Да проснись же, Дейв! — вскричала она. — Я работала в Комцентре. — Крис снова перешла на шепот: — Меня считали там неплохим лингвистом. Я могу говорить на шести земных языках, знаю ваннзару и три других марсианских диалекта, причем понимаю большую часть их слов. Но это что-то совсем иное. Они говорят совершенно по-другому!

Она схватила меня за руку и потащила к двери. Я пошел за ней, почувствовав вдруг какую-то тревогу и неуверенность.

— А если это шифрованный язык? — прошептал я.

Мы вошли в ее комнату. Элис спала в детской кроватке, тихо похныкивая во сне. Я вздрогнул, представив то, что наполняло ее кошмары. Крис достала из-под кровати слуховой аппарат. Она привязала его к концу швабры и надела на узкий конец трубы тот самый шланг, который исчез из душа.

— Теперь все готово, — прошептала она, вытирая со лба капельки пота. — Дальше действуй сам.

Ко мне вернулась решительность. Я перегнулся через подоконник и, взяв швабру в правую руку, поднес трубку к открытому окну комнаты, в которой находились гости. Я прижал раструб шланга к уху и прислушался.

— Таховва шаб-ху гамиль вайчхак.

— Шакхир! Кесшуб умшаш вотиха.

По моей спине пополз холодок. Я тихо выругался и покачал головой.

Этот разговор на неизвестном языке и странное шипение казались нереальными в нашем мире. Но еще больше меня удивили свистящие полутона, какой-то рваный ритм слов, медленное восхождение и резкое ниспадание фраз, утробное бульканье и треск, которые сопровождали звуки. Я знал, что горло марсианина, а уж тем более человека, не могло бы осилить такие слоги.

Как бы там ни было, эти голоса не принадлежали Роберту Хэлу и Дзуге ай Замудрингу!

Я осторожно втащил трубку в комнату. Мои руки дрожали. Не говоря ни слова, мы долго смотрели друг на друга.

— Так кто же они? — наконец спросила Крис. — И какие они из себя?

Элис застонала во сне. Старые дедушкины часы громко отстукивали время, разгоняя ночную тишину.

— Не знаю, — шепотом ответил я.

Она подошла ко мне, и я прижал ее к груди. Крис дрожала так сильно, что я слышал, как стучат ее зубы.

— Мы должны это узнать, — проговорила она сквозь зубы.

— Но как? — Все еще обнимая ее, я старался что-нибудь придумать, но мозги казались заржавевшими шестеренками. — К Реджелину обращаться нельзя. Кто его знает, как он отреагирует, а другой помощи нам ждать неоткуда.

— Надо получить какие-то доказательства, — сказала она испуганным диковатым тоном. — Тогда можно убедить марсиан...

— А если это их секретная новинка? — зашептал я. — Знаешь, так оно, наверное, и есть.

— Мы должны все это разузнать, — не унималась она. — Пойми, здесь Элис, а те... существа... прямо в соседней комнате.

Я целовал ее, слепо и жестко тыча губами в лицо; Крис прижималась ко мне, пытаясь обрести в объятиях бывшее спокойствие и уют.

— Нам ничего не удастся сделать, — сказал я. — Ничего! Мы бессильны. Но я останусь здесь и буду охранять вас всю ночь.

— Ах, Дэйв...

Я пошел в свою спальню, взял пистолет и вернулся. Мы заперли дверь, я сел рядом с Крис и держал ее за руку, пока она, наконец, не забылась беспокойным сном. Эти странные голоса лишили меня присутствия духа, и в тот момент я мог думать только о том, как нам защититься. Около полуночи желтый

прямоугольник света на лужайке исчез — наши гости выключили лампу. Я всю ночь просидел в кресле, проваливаясь временами в короткий сон, из которого меня тут же выбрасывало обостренное чувство опасности.

Прохладный рассвет окутал серой пеленой широкие и пустые поля. Я дождался момента, когда Дзуга и Хэл спустились по лестнице вниз, и только потом отважился выйти. Киска пошевелилась, открыла затуманенные сном глаза, и я склонился над ней, чтобы поцеловать в щеку.

— Они уже ушли, милая. Можешь спать спокойно.

Крис сонно улыбнулась и отвернулась к стене.

Я принял душ, побрился и спустился вниз. Хэл и Дзуга завтракали. Чужак в облике человека, приветствуя меня, лукаво подмигнул.

— Доброе утро, мистер Арнфельд, — весело произнес он. — Вы выглядите немного усталым.

Я молча попробовал отвар из цикория, который мне подала миссис Гус.

— Проходя мимо, мы заметили, что дверь вашей спальни открыта настежь, а кровать не разобрана, — еще раз подмигнув, добавил Хэл. — Везет же некоторым.

— Мистер Хэл, я бы вас попросил... — произнес Дзуга, уязвленный подобной бесцеремонностью.

Я взглянул на них. Какая игра! Какое перевоплощение! Передо мной сидели откормленный грубоватый землянин и мрачный щепетильный марсианин. Совпадало все до мельчайших деталей — изгиб скул, блеск глаз, одежда, голос, манеры. Я даже подумал, а не приснился ли мне их вчерашний разговор.

Нет, не приснился. Голова гудела от бессонной ночи, под кроватью Крис лежала припрятанная слуховая трубка, а Хэл заметил, что я не ночевал в своей комнате.

— Я полагаю, нас не будет весь день, мистер Арнфельд, — сказал Дзуга. — Мы вынуждены закрыть нашу комнату, и я прошу ни при каких обстоятельствах не входить в нее; в противном случае это будет расценено как шпионаж. Мы оставляем там важные документы.

— Можете не беспокоиться, — вяло ответил я.

Мне захотелось выйти на лужайку и насладиться ярким утренним солнцем. Чуть позже ко мне присоединилась Крис. Она села рядом и положила руку на мою ладонь.

— Дейв, нам надо пробраться туда.

— И получить по пуле за подрывную деятельность? — возмутился я. — Довольно глупостей. Это просто какая-то

тайная операция марсиан. Забудь о ней. Сегодня ночью мы поменяемся комнатами.

Крис улыбнулась и взъерошила мои волосы.

— Ты такой галантный джентльмен, Дейв, — сказала она. — Прямо как марсианин.

— Их комната должна остаться запертой. Ты меня поняла? Крис опустила глаза.

— Да, мой повелитель, — скромно и жеманно ответила она.

Ее поведение начинало меня тревожить. Я понимал, что по своей натуре мы оба бойцы, но мой дух познал терпение и осторожность, война научила меня полагаться на расчет и преимущества; ее же, почти неудержимо и часто безрассудно, несло в самое пекло, на мины. Она уже забыла ужас прошлой ночи, по-змеиному выскользнув из объятий страха. После обеда Крис вела себя довольно спокойно, поэтому я поддался приступу усталости и пошел вздремнуть.

Кто-то встряхнул меня за плечо, сон ускользнул, и я, ничего не соображая, сел на кровати. Алые тона полосок солнечного света говорили о том, что близится вечер. Очевидно, я проспал несколько часов. При одном взгляде на бледное лицо Крис меня буквально выбросило из постели.

— О нет, только не это! — застонал я.

Она кивнула:

— Да, я пробралась туда. Не бойся, меня никто не видел. Пойдем! Только быстро. Ты тоже должен на это посмотреть.

Я накинул халат и последовал за ней. Во рту у меня пересохло, тело покалывало от ручейков липкого пота. Ругать ее не имело смысла. Я лишь надеялся, что мне удастся устранить какие-то улики.

Отмычка из семейного музея без труда открыла старый замок. Комната выглядела обычно, кровати были опрятно застелены, все стояло на своих местах. На полу лежал дорожный марсианский чемодан. Крис ловко открыла его, и я увидел несколько смен ничем не примечательного белья.

— Во-первых, здесь нет бритвенного набора, — сказала Крис.

Мне вспомнился выбритый до синевы подбородок Хэла.

— Он мог потерять свою бритву, — ответил я. — Или, возможно, он взял ее с собой. К тому же...

Она открыла верхнее отделение на крышке чемодана. Там находились документы. Я вытащил пачку бумаг, быстро просмотрел ее, стараясь не нарушать порядок страниц, — списки, записи, карты... Шрифт отличался от всего, что я видел прежде.

Ничего подобного на Земле и Марсе не знали. Передернув плечами, я положил стопку бумаг на место и приподнял сложенное белье.

На дне чемодана лежало два пистолета. Вернее, это я решил, что они использовались как оружие. Всю поверхность массивных предметов из синеватой стали покрывали какие-то бугры. Рукоятка, с оттиском странного символа, никоим образом не укладывалась в мою ладонь. Она не подошла бы и для руки марсианина.

— Ну и как? — тихо спросила Крис.

— Ты об этих штуках? Какое-то оружие, — ответил я, кладя тяжелые предметы на место.

— Нет, я говорю о чужаках. Об этих существах.

— Не знаю. Может быть, у марсиан появились союзники с другой планеты?

— Союзники, которые могут принимать облик любого представителя двух наших рас? — В ее свистящем шепоте появились нотки ярости.

— Давай уйдем отсюда, — предложил я.

Мы восстановили порядок, закрыли чемодан и заперли за собой дверь комнаты. Я быстро оделся, Крис подождала меня, а потом мы вместе спустились вниз и направились в гостиную, чтобы отнести отмычку в музей.

Там нас уже поджидал Реджелин. Рядом, покачивая автоматом, стоял один из его охранников.

— Где вы были? — тихо спросил марсианин.

Мне удалось сохранить невозмутимый вид и спокойный тон, но дрожь внутри лишила меня сил.

— Мы отдыхали у себя наверху. Я даже немного вздремнул.

— Мне хотелось бы узнать... — начал он, поглядывая на мою руку. — Это отмычка из вашего музея, не так ли?

Каждое его слово казалось ударом хлыста.

— Я...

— Мы не могли открыть мою дверь, — вмешалась Крис.

— Вы заходили в комнату гостей. — Он уже не спрашивал. Он обвинял. — Грязные шпионы!

Что-то оборвалось у меня внутри. Я не обучался таким делам и, наверное, с самого начала навлек на себя подозрения. Мне нечего было сказать, и в его глазах я прочитал смертный приговор.

— Да, мы заходили туда! — закричала Крис. — И я сейчас расскажу вам, что мы там нашли.

— Мне некогда слушать вашу болтовню.

Голос Реджелина казался сотканным из льда и тьмы.

— С этой минуты я считаю вас арестованными.

— Нет уж, послушайте меня! — взвизгнула Киска. — Это касается и вас, марсиан. Ваши гости вовсе не те, за кого себя выдают. Они не земляне и не марсиане.

Она говорила быстро и путано, резко и судорожно бросая фразы.

Лицо Реджелина оставалось по-прежнему бесстрастным, но пронзительный голос свидетельствовал о сильном волнении.

— Клятва и честь обязывают меня подчиниться вышестоящему начальству. И я представлю им подробный доклад об этом инциденте.

Взглянув на меня, он добавил с ноткой великодушия:

— Тем не менее я буду просить их о снисхождении.

— Неужели вы ничего не поняли? — в ярости закричала Крис. — Да вы просто идиот!

Реджелин повернулся к охраннику и холодно прорычал:

— Зурдет агри.

Он велел увести нас прочь.

Мы сидели в спальне Крис. Она рыдала и прижимала к себе Элис. А я смотрел, как умирает день. Потом Киска утерла слезы и, все еще всхлипывая, повернулась ко мне.

— Прости, — сказала она. — Я втянула тебя в такое дерьмо.

— Не надо извиняться, — ответил я. — Ты сделала все как надо.

Конечно, я врал, но мне хотелось немного ее успокоить.

Один часовой стоял под окном, другой — за дверью; путей для побега не осталось. Я обнял Крис за плечи, и мы сидели так, пока не стусилась темнота. Около десяти часов вечера дверь открылась. Адъютант Реджелина жестом приказал нам следовать за ним. Мы спустились в гостиную, где нас со всех сторон окружили охранники.

Хэл и Дзуга сидели за столом, Реджелин стоял у окна, а четверо солдат-марсиан напряженно застыли у стены. Желтоватый свет торшера навевал мысли о покое и тепле, но в комнате царила кладбищенская тишина.

Дзуга повернулся ко мне; его старческий голос задрожал от печали и усталости.

— Севни Реджелин рассказал мне неприятную историю, — тихо произнес он.

— Вам не надо было этого делать, — добавил Хэл, сочувственно покачав головой. — На его лысом черепе заиграли блики света. — Теперь вашему положению не позавидуешь.

— По законам военного времени таких, как вы, без суда приговаривают к смерти, — продолжал Дзуга. — Завтра мы

отправим вас в штаб. Конечно, вы можете рассчитывать на снисхождение, но лично я сомневаюсь в этом.

— Еще бы! — с сарказмом воскликнула Крис. — Вы теперь ни за что не оставите нас в живых. Если мы расскажем о вас властям, это будет означать конец для всей вашей шайки. Поэтому вы бросите наши трупы в первой же канаве!

— Миссис Хоторн, я бы вас попросил... — начал Реджелин.

— Можете считать себя покойником, — сказала она ему. — Вы знаете столько же, сколько и мы. Они вас тоже пригласили в штаб, не так ли?

— Мне приказано сопровождать вас, чтобы дать свидетельские показания, — ответил он.

— Этого вам никогда не позволят, — сказала Крис.

— Ваши выводы лишь плод больного воображения, — произнес Дзуга. — Да, иногда мы используем шифры и коды, а в данный момент в нашем снаряжении имеются экспериментальные образцы нового оружия, но ваши нелепые предположения... это, знаете ли, слишком...

Он махнул рукой, отдавая приказ на ваннзару. Нас, видимо, хотели отвести обратно наверх и запереть там до утра.

Я обычно тяжеловат на юмор, но в тот миг в порыве отчаяния мне удалось выдавить из себя ехидную колкость.

— Вот тут вы плохо сыграли, инспектор, — с усмешкой сказал я. — Ни один марсианский аристократ не отправил бы пленников голодными в постель.

— Ах, мы совсем забыли об этом, — воскликнул Хэл. — Вы получите еду немного позже.

На меня накатило огромное спокойствие. «Ладно, допустим, я передернул с выводами, поверил в совершенно дикую гипотезу, но...

А что мы, собственно говоря, теряем?»

Все предметы в комнате приобрели сверхъестественную четкость. Одним скольльзящим мимолетным взглядом я быстро оценил ситуацию. У дальней стены стояли четверо вооруженных марсиан, но они не понимали по-английски, а значит, не знали, о чем идет разговор, и, следовательно, не ожидали никаких проблем; торшер находился в трех шагах от меня, чуть дальше сидел Дзуга; французские окна в шести футах открывали путь на лужайку — прямо в темноту. У космонавтов довольно быстрая реакция.

Я захныкал, пустил слюну и раболепно приблизился к Дзуге, с любопытством подметив презрительное выражение, промелькнувшее на лице Реджелина.

— Сэр, мы просто ошиблись, — скулил я. — У нас сдали нервы, и мы загладим свою вину...

— Что сделано, то сделано, — оборвал он меня.

Я схватил торшер и ткнул им, как копьем, прямо ему в лицо. Лампа разбилась, полыхнула дуга разряда, и нас окутала темнота.

— Крис, в окно! — закричал я. — В окно!

Метнувшись вперед, я столкнулся во мраке с чем-то твердым. Реджелин! Мой кулак угодил ему в живот. Он хрюкнул, но успел обхватить меня руками, и мы повалились на пол.

— Беги, Киска! — кричал я. — Беги!

К нам подбежали охранники. Два луча карманных фонарей заплесали по потолку и стенам. И в их свете мы увидели ужасную картину. Дзуга больше не был марсианином.

Он принял свой собственный облик!

Глава 5

Чужак в полубессознательном состоянии растянулся в кресле и стонал. Такие стоны не могли исходить из горла человека или марсианина. Я заметил, что черная форма туго обтянула его внезапно потолстевшее, расплывшееся тело; в треснувших швах виднелась бледная мягкая кожа. На морде торчало огромное рыло, подбородка не было, а на макушке вздымался мясистый гребень. Существо походило скорее на какое-то животное. Электрический разряд разбитой лампы опалил выпиравший лоб, и выпуклые бесцветные глаза таращились на нас из-под пятна обожженной плоти.

Когда луч фонаря настиг меня, я все еще прижимал Реджелина к полу. Солдат пролаял приказ, который я запомнил еще со времен войны. Все кончено — теперь не убежать. Медленно отпустив марсианина, я поднял руки вверх.

Кто-то включил верхний свет. Я увидел Крис, которую держал один из охранников. Парень с трудом отбивался от ее кулаков, ногтей и зубов. Под растрепанными золотистыми волосами виднелось разъяренное личико, стройная грудь вздымалась и опадала от быстрого дыхания. Пусть наша попытка не удалась, но мы боролись до конца...

На миг все замерли, рассматривая тварь, которая скорчилась в кресле. Один из солдат прошептал проклятие, другой осенил себя двойным полумесяцем. В комнате слышалось лишь наше тяжелое дыхание. Из открытых окон доносились звуки ночи.

Хэл в облике небольшого, лысого и упитанного человека с железным спокойствием стоял в стороне.

— Как жаль, — сказал он. — Вы вмешались в дела государственной важности.

Открылась дверь, ведущая в северное крыло. Марсиане услышали шум в гостиной и вышли посмотреть, что случилось. Хэл прокричал им команду на ваннзару, и солдаты поспешно скрылись на своей половине.

— Но вы тоже один из них, — сказал я.

Он кивнул. Его усмешка напоминала обнаженный клинок.

— Конечно. Мы являемся экспериментальными образцами. Последнее достижение марсианских лабораторий.

Тонкая рука Реджелина потянулась к кобуре.

— Не делайте глупостей, — прошипел Хэл. — Я ваш вышестоящий офицер.

Севни отдернул руку.

Мой ум набирал такие обороты, каких я от него не ожидал. Холодные и ясные мысли проносились, как молнии в небе.

— Хватит заливать, Хэл, — сказал я, но даже в моем напускном спокойствии чувствовалась смутная неуверенность. — Вы такой же марсианин, как и я.

Его глаза сузились, словно он действительно был человеком.

— Немедленно отправляйтесь в свою комнату, — зарычал он.

Я повернулся к Реджелину и сказал:

— Они говорили между собой на языке, которого нет на наших планетах. Они хранят записи с неизвестным шрифтом. У них есть оружие, которого не делают на Марсе. Если бы этих существ создали на Марсе, они стали бы военной тайной высочайшего ранга. И их бы не отправили шлаться по этой планете, где с ними может произойти какой-нибудь несчастный случай.

— А вот нас отправили! — огрызнулся Хэл. — Севни, посадите этих землян под арест.

— Если вы сделаете это, — сказал я Реджелину, — то заплатите за ошибку собственной планетой; и к тому же вас тоже убьют.

Охрана по-прежнему держала меня на мушке. Солдаты недоуменно поглядывали друг на друга, ожидая приказов.

— Севни! — вскричал Хэл. — Вспомните вашу клятву.

— Клятву верности Архату, — добавил я. — А не пришельцам, которые пробрались в ваши ряды.

Реджелин молчал. Мне показалось, что прошла целая вечность. Его немного вытянутое лицо ничего не выражало, но золотые глаза сверкали огнем. Все ждали от него решения.

Я взглянул на тварь, которая прежде звалась Дзугой ай Замудрингом. Она... Нет, униформа расплзлась, и теперь я видел, что это самец. Он начал приходить в себя. Безобразное существо немного выпрямилось. Из пасти вырывалось тяжелое дыхание. Кожа без малейших признаков растительности подрагивала, как белый студень; на круглом звероподобном лице выделялись выпученные глаза. Огромная черепная коробка придавала голове ни с чем не сравнимый вид. Зубы и когти отсутствовали, на каждой руке имелось по семь шишковатых пальцев, а квадратное тело напоминало резиновую куклу без костей. Ростом он был примерно с меня, но, конечно, гораздо шире.

Реджелин вздохнул, вытащил револьвер и отдал солдатам какой-то приказ. Те с заметным удовольствием навели автоматы на Хэла и Дзугу.

— Вы еще пожалеете об этом, севни, — холодно пообещал Хэл.

— Я вынужден связаться со штабом, — ответил Реджелин. — Вы и... ваш друг находитесь под арестом. — Он повернулся к нам: — Что касается вас, земляне, то до особого распоряжения вы должны оставаться в пределах дома на виду у моих людей. Прошу простить меня, я обязан немедленно доложить о происшедшем.

— А я повторяю, это важная государственная тайна! — закричал Хэл.

— Мой рапорт будет адресован непосредственно коменданту континента, — ответил Реджелин. — Со своей стороны обещаю, что больше вас никто не увидит.

Пленников отвели на верхний этаж и заперли в спальне. Их охраняли четверо солдат. Реджелин дал Дзуге какую-то мазь от ожогов, а потом с моей помощью перенес чемодан чужаков в гостиную. Мы осмотрели каждый предмет.

— Вполне возможно, Хэл прав, и нас расстреляют за чрезмерное любопытство, — спокойно сказал Реджелин. — Тем не менее... — Он с поклоном извинился перед нами. — Прошу прощения за прежнее недоразумение. Вы оказались более дальновидными, чем я.

Крис импульсивно сжала его руку. Марсианин тяжело вздохнул, отвернулся и ушел в северное крыло.

На всякий случай мы отвели Элис к Гусам, затем вернулись в гостиную, немного перекусили и, забыв о сне и усталости, начали ждать. Разговор не клеился; каждый думал о своем.

Около полуночи к нам присоединился Реджелин. Он сел напротив нас; в его глазах сквозило уныние.

— Мне удалось выйти на закрытую линию связи с комендантом. Со мной говорил сам Руани дзу Варек. Он приказал соблюдать абсолютную секретность и пообещал немедленно отправить к нам оперативную группу.

— А он не говорил о том, что это какой-то марсианский проект? — спросил я.

— Нет, не говорил. И это очень странно.

Крис задумчиво посмотрела на Реджелина.

— Если ваш звонок поднял его с постели, нет ничего странного в том, что он немного растерялся, — сказала она. — Наверное, поэтому он и не справился с ролью. Совсем чуть-чуть, но не справился.

Марсианин сжал кулаки.

— Что вы этим хотите сказать?

— Вы сами прекрасно знаете, что я хочу сказать, — жестко ответила она. — Пришельцы умеют принимать любой облик и вид, поэтому, проникая в эшелоны власти, они могут занимать самые высокие государственные посты.

— Эта пара инспекторов не такие уж и важные персоны, — возразил марсианин.

— Скорее всего, они вели наблюдение для своих собственных нужд, — сказала Киска. — Или просто хотели убедиться, насколько успешно продвигаются их военные планы.

— Их военные планы?

— Ах, черт! — воскликнул я. — А ведь все совпадает, верно? Никому не нужна война. Две миролюбивые цивилизации, доведенные до безумия чередой досадных инцидентов. Неумелые действия с обеих сторон, которые привели к долгой, кровавой бойне и почти уничтожили население наших планет. Да, я думаю, они уже несколько десятилетий контролируют правительства Земли и Марса.

— Хорошо, — согласился Реджелин. — Допустим, это действительно пришельцы, которые в обличье марсиан и землян подчинили себе весь цвет наших миров. Но зачем им тогда уничтожать наши расы, — вернее, заставлять нас воевать друг с другом?

— Не знаю. Возможно, они хотят ослабить нас перед вторжением. И может быть, армада с альфы Центавра находится уже в пути.

— О нет! В этом нет смысла! Ваши логические построения просто нелепы.

Марсианин вскочил и нервно зашагал по комнате.

— Поймите, чтобы организовать межзвездное вторжение, раса должна развить свою технологию настолько, что ей уже не понадобится никого завоевывать.

Почувствовав внезапную усталость, я откинулся на спинку кресла и вяло произнес:

— Ладно, пусть будет по-вашему. Но я могу предсказать дальнейшие события. Оперативный отряд передаст вам приказ освободить двух этих тварей. К тому времени Дзуга снова станет Дзугой. Нас троих и ваших четверых охранников ликвидируют, и больше никто не услышит об этом деле.

От непреклонности Реджелина не осталось и следа.

— Я не могу не подчиниться приказам, — застонал он.

— Ну конечно, — со злостью сказала Крис. — И поэтому мы все должны умереть.

— В таком случае отпустите хотя бы нас, — настаивал я. — Дайте нам машину, и мы уберемся отсюда.

— Мне надо подумать, — хрипло произнес он. — Я еще не решил, что буду делать.

Он снова зашагал по гостиной. Каблуки его ботинок глухо стучали по ковру.

Я склонился к Крис и прошептал, что собираюсь напасть на Реджелина, — связав его, мы могли бы бежать. Я совсем забыл о прекрасном слухе марсиан. Он взглянул на меня с вымученной улыбкой и сказал:

— Не стоит.

Еще через какое-то время, приняв окончательное решение, Реджелин успокоился и расправил плечи.

— В этом деле я на вашей стороне.

Киска подбежала к нему и поцеловала в щеку. Я крепко пожал его руку.

— Только не обольщайтесь, — быстро добавил он. — Прежде всего я марсианин. Если Хэл говорит правду, меня расстреляют как мятежника, но еще до этого нам, по всей видимости, придется забрать несколько жизней. Тем не менее я не могу рисковать — и даже десяток смертей мало что значит в сравнении с той опасностью, которая грозит Марсу изнутри.

Мы наметили несколько планов, но все они не шли дальше бегства; о дальнейших шагах мы еще не думали. Крис вышла из дома, чтобы взять Элис, а я за это время собрал кое-что из необходимых вещей, уделив основное внимание продуктам. Реджелин приказал подготовить свою персональную машину и передал мне большой сверток банкнотов. Потом мы поднялись наверх и прошли по коридору к комнате гостей.

Реджелин отправил охранников отдыхать. Возможно, он поступал слишком жестоко, бросая солдат на произвол судьбы, но в любой момент они могли повернуть оружие против нас, поэтому выбора у него не было. Открыв дверь, мы вошли в спальню, и я включил свет.

Хэл по-прежнему сохранял вид человека, а Дзуга восстанавливал марсианский облик. Они вскочили с постелей и замерли, завороченно поглядывая на наше оружие.

— Сейчас вы расскажете нам правду, — сурово произнес Реджелин. — Всю правду.

Лицо Хэла покрыла краска гнева.

— Я уже сделал это, — ответил он.

— Мне доводилось изучать биологию, и я знаю, что революционный переворот в вооружении не происходит за одну ночь, — заявил Реджелин. — Я не верю, что вас создали в какой-то марсианской лаборатории. Вы прилетели из внешнего пространства?

Хэл молча покачал головой. Я понял, что здесь без силы не обойтись, и приготовился выбивать из них ответы. Не знаю, дошел бы я до пыток или нет, но мы опоздали с расспросами.

Как только я двинулся к Хэлу, Реджелин поднял руку.

— Подождите! Я что-то слышу.

Вскоре мы тоже услышали ровный рев ракеты, который, разрывая небо, стремительно приближался к нам. Оперативная группа из штаба!

Но нет... они не могли добраться сюда так быстро. Наверное, Руани позвонил в ближайший гарнизон и потребовал отправить к нам боевой корабль. Видимо, он действительно воспринимал нас как смертельную опасность...

Мы прострелили пришельцам головы, без сожаления избавившись от пары убийц, уничтожавших оба наших мира. Я надеялся, что в момент смерти они изменят свой облик, но с трупами на полу ничего не происходило. «Они даже умирали, как люди», — подумал я с мрачной усмешкой.

— Надо спешить! — закричала Крис.

Реджелин швырнул на пол лист бумаги с отчетом о полученных сведениях. Мы понимали, что это, скорее всего, окажется бесполезным и отряд враждебных пришельцев избавится от всех свидетелей и улик. Но если Хэл сказал правду, документ мог стать некоторым оправданием нашего бунта, и в этом случае власти сохранили бы нам жизни. А может быть, и нет.

Мы с грохотом спустились по лестнице и побежали по аллее. У ворот нас поджидало вытянутое черное яйцо — марсианская машина, оборудованная дизельным двигателем. Крис с малыш-

кой разместились на заднем сиденье, Реджелин и я устроились впереди. Он позволил мне сесть за руль, и мы выехали из усадьбы.

— Куда теперь? — спросил марсианин.

— Попытаем счастья в Олбани, — ответил я. — Нам надо переждать ночь в какой-нибудь дыре.

Мотор взревел. Стрелка спидометра на приборной панели поползла до отметки 200 — двести марсианских миль в час. Ветер с ревом хлестал лобовое стекло, но я слышал безутешный плач Элис и монотонное бормотание Крис, которая успокаивала малышку на заднем сиденье.

Реджелин склонился ко мне.

— С утра за нами начнется охота, — сказал он. — Им известен номер моей машины.

Я кивнул:

— Мы избавимся от нее в Олбани.

Через несколько минут показали окраины города. Я сбросил скорость, и машина с тихим рокотом помчалась по пустынным улицам. Свет луны заслоняли высокие здания; уличные фонари не горели — Земля пыталась сберечь те жалкие крохи энергии, которые у нее еще оставались.

Я остановился на какой-то темной улочке, и мы вышли в ночь. Наши шаги на безлюдных тротуарах звучали громкой гулкой дробью. Мы специально выбрали этот унылый и неприглядный район, в котором обитало все отребье города. Я знал здесь одну гостиницу с довольно сомнительной репутацией, и вскоре мы остановились перед ее тускло-голубой неоновой вывеской. Мои спутники остались на улице, а я вошел в фойе, стараясь зарыться до носа в шейный платок, чтобы скрыть большую часть лица. Сонный клерк поднял голову.

— Что надо?

— Номер на ночь, — невнятно произнес я. — И если можно, побыстрее — меня замучило кровотечение из носа.

Перед тем как войти сюда, я порезал руку и вымочил шейный платок в крови.

Клерк потребовал четверть миллиона, я отсчитал ему задаток и понес чемодан со всем нашим имуществом по темной скрипучей лестнице к потертой двери с номером 18, который он процедил мне сквозь зубы. Заперев дверь изнутри, я спустился вниз по пожарной лестнице и помог остальным подняться в комнату. Киска и Элис тут же заснули на кровати, мы с Реджелином устроились в креслах, но вскоре я сполз вниз и растянулся на грязном полу. Странно, а ведь до этого мне почти не хотелось спать.

Ранним утром мы открыли банку бобов на завтрак и стали обсуждать свое положение.

— К этому времени по всей стране объявлен розыск, — сказал Реджелин. — У вас есть какой-нибудь план действий?

— Надо идти к тем, кому мы можем доверять, — ответил я. — Нам нельзя ограничиться беседой с простым шерифом, марсианским офицером или не имеющими влияния чиновниками. Даже если нам поверят, что уже само по себе маловероятно, сообщение пойдет по инстанциям, и, значит, вскоре его перехватит враг. — Я почесал щетину на подбородке. — Мне бы очень хотелось повидаться с Рафаэлем Торресом. Он мой старый друг, и я знаю, что на него можно положиться. Как полковник служб наблюдения ООН, он имел многочисленные связи с высшими марсианскими чинами. Да, Торрес мог бы здорово нам помочь, но, к огромному сожалению, он находится сейчас в Бразилии.

— А если мы пошлем ему письмо? — спросила Крис.

— Которое обязательно вскрыет почтовая служба? Нет, этот вариант отпадает, если только мы не найдем верного человека, который мог бы отправиться в Бразилию и передать письмо ему лично в руки.

Реджелин нахмурился:

— Мне кажется, я могу поручиться за севни Юита дзу Талазана. Он работает в нашем разведуправлении и имеет гораздо большее влияние, чем ваш Торрес. Но он не поверит такой фантастической истории без обоснованных доказательств. Впрочем, я бы и сам не поверил.

— Но если севни Юит работает в марсианском ЦРУ, он, скорее всего, находится в расположении общевойскового штаба Северной Америки, — удрученно произнес я. — С такой же вероятностью он может быть сейчас в той же самой Бразилии. А до штаба полторы тысячи миль.

— Тем не менее...

— Мамуля, я еще хочу кушать, — сказала Элис.

Ее голосок спустил меня на землю и напомнил, в какой чертовски неловкой ситуации мы все оказались.

Обоснованное доказательство. Лучшим доказательством будет только одно — пришелец. Если мы убьем его, он должен сохранить свой облик, хотя, возможно, анатомическое вскрытие выявит какие-то отличия даже у трупа. Хотелось бы мне знать, сколько их теперь на Земле. Неужели любой из нас, землян, может оказаться существом из другой звездной системы? Любой первый встречный — владелец кафе, служащий на станции

«Скорой помощи», полицейский на углу или мальчик с велосипедом.

Нет, такого не может быть. Они принимают наш облик по необходимости и в основном заменяют собой руководящий состав — офицеров, титулованных лиц, политиков, крупных бизнесменов и администраторов на ключевых постах. Общество — это огромная машина, и, чтобы контролировать ее, они занимают наиболее важные позиции.

Я интуитивно подозревал, что их численность не так и велика; тем не менее в данный момент они могли отдавать любые приказы, настраивая против нас и людей, и марсиан.

Но в таком случае... пришельцы сосредоточили свои силы в крупных штабах и в наиболее важных службах. И если мы явемся в крепость Руани дзу Варека, он почти наверняка окажется нашим врагом. Значит, нам надо пробраться в Миннеаполис, а заодно сбить со следа погоню, в которой будет участвовать вся страна.

По крайней мере, там нас не ждут. По логике мы должны отправиться на север — в леса. Кроме того, в Миннеаполисе работает Юит, друг Реджелина.

Я поднялся с грязного пола и сказал, что мне пора идти.

Глава 6

Транспорт я взял на себя — Крис и Реджелин были бы слишком заметны в этом районе. Пока марсианин развлекал Киску рассказами о своей семье, я вышел из номера и спустился вниз. Простой костюм широкого покроя оставлял мое лицо открытым, а великолепная погода на улице не давала повода надеть плащ с капюшоном. Мне приходилось полагаться только на то, что большинство людей по своей природе невнимательны. Наверное, поэтому, проходя через фойе, я почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

За стойкой суетился новый клерк. Мне не понравился его настороженный взгляд, и я на всякий случай пробурчал через плечо, что вернусь после завтрака. Не хватало еще, чтобы он по ошибке вселил кого-нибудь в мою комнату.

Прежде я довольно часто приезжал сюда, чтобы покутить и на пару часов забыться от горьких дум о смысле жизни и нашем поражении. Перебирая в памяти знакомые улочки, я вспомнил, что рядом с гостиницей находится небольшой гараж, где продавались поддержанные машины. Мне еще не доводилось беседовать с его владельцем, но по слухам я знал, что этот молодой

парень когда-то воевал в космосе, а теперь, лишившись руки, носил протез. Я застал его в самый разгар работы — он занимался сваркой. Кроме нас, в ангаре никого не было, и у меня даже вырвался вздох облегчения.

Он выпрямился, взглянул мне в лицо, и в его глазах я узнал прищур космонавта, который появляется у всех, кто побывал рядом с заревом лазерных сопел.

— Что вам угодно? — с вызовом и злостью спросил он меня.

— Мне бы хотелось купить небольшой грузовик.

В его взгляде появилось удивление, а чуть позже и затаенная радость. Очевидно, дела у парня стояли на твердом нуле.

— У меня есть пара хороших машин, — ответил он. — Можем выйти и взглянуть, если хотите.

Когда мы выбирались из тени ангара и солнце осветило мое лицо, его глаза превратились в колючие буравчики. Я почти читал его мысли, пока он вспоминал приметы: пять футов одиннадцать дюймов, коренастого телосложения, коричневые волосы, серые глаза, курносый нос, раздвоенный подбородок... Награда...

— В какой части служили?

Мне с трудом удавалось сохранять спокойный тон.

— Сам-то я из Шестой.

— «Шаровые молнии», — тихо ответил он.

— Значит, из Девятой. Хорошая флотилия. Мы вместе сражались на Второй орбите.

— Там я и потерял свой плавник, — произнес он. — А вам, я смотрю... повезло.

— Не очень. И, честно говоря, если я еще немного задержусь в городе, мне вообще будет крышка. Но есть еще хорошие места. И мы еще можем кое-что сделать, чтобы помочь Земле подняться на ноги.

— Возможно, — сказал он с сомнением. — Хотелось бы на это посмотреть, но у меня жена и детишки. Так что мне лучше не дразнить марсиан.

— Да, некоторые так и делают, — согласился я. — Но мудрый человек, которому хотелось бы увидеть лучшие дни, может попридержать свой рот на замке и не ввязываться в чужие дела. Нет ничего хуже жадных подлецов. И тех, кто продает других за награду. Меня зовут Робинсон.

Он усмехнулся:

— Хорошо, мистер Робинсон. Я продам свой фургончик подешевле. Но запомните, он не увезет вас слишком далеко. Теперь не только бензин, но и уголь достать невозможно.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся. Я просто обычный па-рень, которому захотелось поскитаться по свету. И такой, знае-те, обычный, что люди часто даже не помнят, как я выгляжу.

— Да, ваше лицо легко забыть. А вот, кстати, и машина...

Мы покончили с делом довольно быстро; битый старый пикап с брезентовым верхом обошелся мне в приемлемую сумму, хотя эта покупка нанесла по нашим финансам сокрушительный удар. Я сторяча пожал ему руку и почувствовал в своей ладони твердую прохладу пластиковой клешни.

— Удачи вам, мистер Робинсон, — сказал он на прощание.

Я подъехал к гостинице и остановился в подворотне за кирпичным зданием. Место казалось безлюдным, никто за мной не наблюдал, но в любую минуту в окне могла появиться голова будущего свидетеля. Я тихо свистнул, мои спутники спустились вниз по пожарной лестнице и спрятались в фургоне, после чего мне оставалось лишь забрать чемодан и расплатиться за ноч-лег.

Когда мы выехали из Олбани и помчались в направлении Рочестера, я почувствовал себя заново рожденным. По обе стороны дороги мелькали зеленые поля, старые высокие деревья и дома, омытые солнечным светом. Высоко над головой простира-лось голубое небо Земли, и меня распирало от восторга и сча-стья.

Страдающий одышкой старый пикап вряд ли довез бы нас в Рочестер до темноты, но меня это вполне устраивало. Мы все равно не пробрались бы в Миннеаполис по автомагистралям. Отсутствие горючего, механические поломки и оккупационная полиция, пущенная по нашему следу, — все это делало даль-ний переезд почти невозможным. Но мы выбрали другой марш-рут.

Я сделал небольшую остановку, и остальные пересели ко мне в кабину. Реджелин надел шляпу и один из моих костюмов. На первый взгляд он вполне мог сойти за обычного земного челове-ка. Между мной и марсианином сидела Крис, на ее коленях свернулась калачиком Элис. Нас можно было принять за семью местных фермеров, — вернее, я надеялся на это.

— Мамуля, а куда мы едем? — спросила девочка.

Ветер врвался в окно и ерошил ее прекрасные светлые во-лосы. Большие зеленые глаза удивленно смотрели на мир, ко-торый в этом возрасте прекрасен, как сказка.

— Мы отправились в долгое путешествие, миленькая, — нежно ответила Киска.

— А я могу взять с собой Гоппи?

— Конечно, — ответила Крис. — Куда же мы без него?

Реджелин улыбнулся.

— Кто этот Гоппи? — спросил он. — Твоя кукла?

— О нет, — ответила Элис. — Гоппи — это такое чудовище. У него есть крылья! Он прилетает ко мне, садится на кровать и болтает о всяких вещах. Я всегда зову Гоппи к себе, когда мне становится скучно или одиноко. А вы знаете каких-нибудь чудищ, мистер марсианин?

— Да, нескольких, — серьезно ответил Реджелин. — На Марсе и на Земле.

Крис покачала головой.

— Это какой-то кошмар, — прошептала она, — такой же затянувшийся, с погоней и кровью. А теперь мы едем прямо в паучье логово.

— Может быть, нам лучше оставить вас с ребенком в каком-нибудь укромном месте? — предложил Реджелин.

— А где это место? — со злостью спросил я его. — Кому мы можем доверять? Человек приютит их, а потом испугается и выдаст за награду или чтобы шкуру свою спасти. С развалом средств связи людям не хватает общения, они начинают совать свои носы в дела соседей. И если у кого-то появится незнакомая женщина с ребенком, они всегда будут на виду и станут темой общих сплетен.

Тот парень из гаража как бы совсем случайно рассказал мне о заявлении властей, которое вышло в эфир на рассвете, а затем периодически повторялось по радио и телевидению. Нас троих, живых или мертвых, разыскивали за мятеж, убийство и заговор. Нас представили психически ненормальными больными с маниакальной идеей, на которую никто не должен обращать внимания. За любую информацию предлагалась значительная награда — сто миллионов долларов ООН, которые при желании могли быть переведены в твердую валюту Марса. Вскоре на каждом углу появятся объявления и афиши с нашими фотографиями и приметами.

Крис тихо присвистнула, услышав эту новость.

— Значит, они решили выставить нас психами! — На ее лице появилась обиженная улыбка. — Никогда не думала, что буду так много стоять для кого-то.

— Для меня ты еще дороже, Крис.

Я похлопал ее по руке, и она как-то странно взглянула на меня.

Лицо Реджелина исказилось в гримасе отчаяния.

— Когда моя семья услышит об этом...

Он покачал головой и погрузился в тяжелое раздумье.

Ближе к вечеру мы услышали сирену. Проезжая через небольшой городок, я увидел, как из переулка выскочила и помчалась за нами полицейская машина. Мое сердце неистово застучало.

— Пригнитесь! — закричал я. — Пригнитесь и не высовывайтесь!

Крис и Элис сползли на пол. Реджелин распластался на сиденье. Я накрыл его одеялом и положил рядом с собой пистолет. Сирена завывала громче, синяя яйцеобразная машина начала прижимать меня к обочине.

Я остановился и выглянул в окно, рассматривая мужчину, который выбрался из автомобиля. Его напарник в кабине нацелил на меня пистолет-пулемет. Оба полицейских оказались из наших — простые симпатичные парни с зеленых долин Земли. Мой голос прозвучал слишком напряженно:

— Что случилось, офицер? Я нарушил правила движения?

— Мы проверяем все машины. Таков приказ.

Он склонился к окну, дуло его револьвера почти касалось моего виска.

— Постарайтесь держать обе руки на рулевом колесе.

— Да за кого вы меня принимаете...

Он взглянул мне в лицо, и я увидел, как отвисла его нижняя челюсть.

— Ну-ка, выходи, — тихо произнес он. — И выходи с поднятыми руками.

— Но я не...

— Мы вынуждены задержать вас до выяснения личности. Руки на голову, мистер, и быстро из машины!

Мое терпение лопнуло.

— Что, офицер? — спросил я тусклым голосом. — Выслуживаешься перед марсианами?

— Так это точно вы...

Они упустили свой шанс. Я действовал, не задумываясь. Моя левая рука молниеносно опустилась на его револьвер, отвела ствол в сторону и обхватила запястье; правая рука приподняла пистолет. Я выстрелил, и его голова разлетелась на куски прямо передо мной.

В тот же миг из-под одеяла выбрался Реджелин. Бросившись ко мне на колени, он несколько раз выстрелил в парня, который сидел в полицейской машине. Тот огрызнулся короткой очередью, а затем упал на сиденье и медленно сполз на пол. Если пуля от «магнума» попадает в цель, одним трупом на свете становится больше.

Мы вышли из машины. Вокруг нас раскинулись пустые поля. Сквозь небольшую рощу белыми пятнами проглядывали дома; солнечный свет казался слишком ярким и горячим; на дороге виднелись кровь и брызги мозгов. А где-то совсем рядом чирикал дрозд.

— Простите меня, парни, — прошептал я мертвым полицейским. — Простите, если можете.

Крис плакала — без истерики, но тихо и безнадежно. Она прижимала голову дочери к груди, чтобы Элис не видела кровавого зрелища. Реджелин и я усадили мертвых в машину и вытолкали ее на обочину. Марсианин тщательно вытер с меня разможенную плоть, мы перенесли боеприпасы в наш пикап и отправились в путь.

Чуть позже Крис взглянула на меня и коснулась ладонью моего рта. Ее холодные пальцы немного дрожали.

— Дейв, ты ранен? — спросила она. — У тебя течет кровь.

— Наверное, слишком сильно прикусил губу, — ответил я сухим, невыразительным голосом.

— Это не убийство, Дэвид, — сказал Реджелин. — Это война!

В первый раз он назвал меня по имени.

— Сомневаюсь, что здесь есть какая-то разница, — проворчал я.

Мы свернули с шоссе и помчались по пыльной сельской дороге, пламеневшей красными искрами в лучах заходящего солнца. Реджи и я почти не говорили, а Крис все время о чем-то шепталась с Элис, стараясь поддерживать у малышки хорошее настроение. Когда вокруг стемнело, мы остановились перекусить, а затем снова двинулись в путь.

Озеро Онтарио тихо серебрилось под луной, синеватую тьму нарушала лишь рябь холодного света. Волны лениво вылизывали берег, а над головой величаво сияли звезды.

— Мне приходилось бывать в этом районе, — сказал я друзьям. — Скоро начнутся курортные поселки. А не так далеко находится кемпинг с яхт-клубом.

Мы с грохотом въехали в засыпавший городок — небольшое местечко, где под деревьями виднелись пластиковые коттеджи и газоны, сверкавшие росой в молочном лунном свете. В некоторых окнах мелькали огоньки керосиновых ламп; у властей Земли не хватало ни времени, ни средств, чтобы восстановить электростанции; это, очевидно, были дома постоянных жителей. Мы свернули в гавань и с удовольствием размяли кости после долгой езды в маленькой тесной кабине. Мышцы живота по-прежнему побаливали от напряжения.

Прогуливаясь по настилам доков, я выбрал для нас яхту — красивое судно, которым, видимо, очень гордился бывший владелец. Мне даже стало его немного жаль.

Пока Крис и Реджелин делали необходимые приготовления, я отогнал пикап из города и выбрал тихое место у пустого дома, где заросшая травой лужайка плавно спускалась к озеру. Переключив управление на автоматический режим, я направил машину в воду и выскочил из кабины. Если мой приятель из гаража позаботился о починке водоотталкивающего экрана, то до остановки двигателя пикап мог уйти на порядочную глубину. И к тому времени, когда кому-то удастся проследить наш путь — а похитителей яхты не обязательно посчитают сошедшими с ума убийцами, — все следы и улики исчезнут.

Я вернулся в яхт-клуб и взобрался на судно. Мы отчалили от берега, поймали в парус бриз, задувавший с суши, и отправились в плавание.

— Могу я узнать, куда вы нас повезете? — спросил Реджелин.

— Прямо в Дулут, — ответил я, — если только канал Святого Лаврентия не пострадал при бомбардировке. На озерах теперь почти нет движения, а значит, не будет ненужных встреч, да и о горючем не надо беспокоиться.

Мне досталась первая вахта. Крис и Элис заняли единственную койку в каюте. Реджелин завернулся в одеяло, лег на полу и тут же заснул. Несмотря на напускную браваду, он здорово сдал — земная гравитация изматывала его до предела. Я сидел у румпеля, перебирая в одиночестве мысли, образы и воспоминания. Прошло около часа, потом дверь небольшой каюты открылась. Крис тихо вышла на палубу и села рядом со мной.

— Не могу заснуть, — сказала она. — Ты не хочешь поговорить со мной, Дейв? Я чувствую себя ужасно тоскливо.

— Давай поговорим, — согласился я.

Она посмотрела на небо, где, сунув нос под лапу, дремала Большая Медведица, где туманность Андромеды казалась невообразимо далеким завитком серебра и среди созвездий бледной рекой струились скопления солнц галактического пояса.

— Интересно, с какой звезды они прилетели? — прошептала она.

— Об этом можно только гадать, — ответил я. — Вселенная такая большая.

— Большая и холодная, — пожившись, добавила она.

Я обнял ее за талию и притянул поближе к себе.

— За себя-то я не боюсь, — ответила она жалобным и тоненьким голосом — голосом ребенка, в котором чувствовался стон

непонятной боли. — Слишком много пришлось пережить за последний год, чтобы бояться судьбы и смерти. Но Элис... она все, что у меня осталось.

Мне захотелось взять ее на руки.

— Знаешь, Крис. Я тоже не герой. Но не мы заварили эту кашу. И если честно, то я не столько спасаю Землю, сколько собственную голову. Боюсь, что Реджелин среди нас троих единственный альтруист.

— Он... хороший, — сказала она. — Я даже не знала, что марсиане могут быть такими чуткими людьми. — В ее голосе вдруг послышалась ярость. — Но эти твари рассорили два наших мира! Это они заставили нас убивать друг друга.

— Возможно, им просто некуда деться, и они пошли на это ради жен и детей, — ответил я. — Война всегда была мерзким и пакостным делом.

Крис удивленно посмотрела на меня и спросила:

— А в тебе когда-нибудь просыпается ненависть?

Я только пожал плечами:

— Конечно. Но мне удастся отогнать ее прочь. Побывав в космосе, человек меняется. О чем там только не передумает... И вещи больше не выглядят такими простыми, как тебе бы этого хотелось.

— Дейв, если бы каким-то чудом мы добились успеха... если этих чудовищ можно каким-то образом разоблачить и победить... что тогда?

— Не знаю. Мне кажется, Марс упростил бы для нас условия мира. Они, конечно, не отказались бы сразу от контроля за ситуацией, но дали бы нам возможность отстроиться. А через несколько лет два наших мира могли бы организовать межпланетный союз типа ООН. По крайней мере, появилась бы какая-то надежда.

— А ты... что делал бы ты?

— Так сразу и не скажешь. Скорее всего, пошел бы в ракетостроение. Ты даже не представляешь себе, какая это огромная область для исследований и развития. А возможно, я бы вернулся домой и попробовал писать по-настоящему. Мне очень хочется поведать людям о тех мыслях, которые одолевают человека среди звезд, и рассказать всю историю космоса.

— А ты хотел бы когда-нибудь иметь семью?

— Да, — прошептал я и заставил себя рассмеяться. — Если хочешь, можем вместе подумать над этим.

— Знаешь... — Она замолчала, а затем тихо и очень нежно добавила: — Мне кажется, я бы не возражала.

Вскочив на ноги, я едва не врезался головой в конец румпеля, который выпустил из рук.

Наверное, не стоит описывать все детали нашего путешествия. Это была странная и невыразимо счастливая интерлюдия. Солнце, дождь и ветер, сияние озер, зеленые леса на берегах, а вокруг, словно крепостные стены, — безмолвие и одиночество... Нам приходилось экономить запасы еды, мы жались друг к другу от холода и сырости во время дождей, нас трепали колючие ветра, но радость зарождавшейся любви дарила веру и силы. Нас швыряло на волнах, страх сжимал сердца при виде редких самолетов над головой, и каждый день приносил все новые и новые неудобства, но нам хотелось, чтобы это плавание длилось вечно.

Реджелин тактично притворялся слепым и глухим и большую часть времени проводил с Элис, развлекая ее играми. Иногда он присоединялся к нашим разговорам, но чаще Крис и я оставались вдвоем. Мы вспоминали прошлое, и годы юности проносились перед нами — такие же яркие и нереальные, как солнечный свет или унесенные ветром облака. Нашу жизнь с двух концов сжимала тьма безысходности, но мы жили этими краткими мгновениями, мы держали их в руках, и они казались нам вечностью.

Через две недели плавание подошло к концу, мы посадили судно на прибрежную гальку у северных пляжей Дулута и побрели по берегу к лесу. Нам пришлось спать на сосновых ветках, в густой чаще, где ветер всю ночь шептался с деревьями. Птица счастья вырвалась из рук, и на следующий день мы отправились в новую столицу Северной Америки.

Глава 7

Дулут стал оживленным портом, но после разрушения Чикаго он не выдерживал нагрузки, и верхние среднезападные города, избежавшие бомбардировок, все равно были обречены на скорое вымирание. Мы обошли порт стороной и начали пробираться в глубь страны, путешествуя по пустым дорогам и ночным полям, пока над нами сияли безжалостные звезды. Днем мы прятались в рощах, стогах сена и пшеничных полях. В отличие от восточных районов, фермеры здесь почти не страдали от беженцев из городов. Мне без труда удавалось выпрашивать у них еду для нашей группы — со своими запасами мы расправились еще на яхте.

Сиамская пара Миннеаполис—Сент-Пол приобрела после третьей мировой войны исключительное значение и превратилась в транспортный узел для быстро набиравших силу воздушных перевозок; однако уже через десяток лет технология сделала такие центры ненужными, и сдвоенный город, с второстепенным космопортом и причудливым промышленным комплексом, остался величавым пережитком прошлого. Учитывая его уцелевшие строения и выгодное местоположение в центре охраны, марсиане решили разместить в Миннеаполисе свой континентальный штаб. Крис и я здесь прежде не бывали, но Реджелин знал город довольно хорошо, поэтому, несмотря на мрачный юмор ситуации, мы полагались теперь на его руководство.

Переход от Верхнего озера к Сент-Полу занял неделю. Мы остановились в небольшой роще, чтобы привести себя в порядок, помыться и постирать в реке нейлоновую одежду. Вскоре Крис и я выглядели, как обычная городская пара. Достав из своего узла форму, Реджелин полдня драил и высушивал ее, пока пластиковая ткань, с засиявшим серебром на черной поверхности, не стала соответствовать его понятиям о воинской опрятности.

— Сейчас мы временно рассредоточимся, — сказал он. — Если кто-нибудь из нас не дойдет до места встречи, остальные должны продолжать борьбу.

В его словах звучала решимость, в шестипалом рукопожатии чувствовалась твердость намерений. Я восхищался им, поскольку самого меня переполняла тупая безнадежная боязнь, или, вернее, разбитая вдребезги храбрость, которая толкала вперед лишь потому, что ничего другого не оставалось.

Присев в высокой траве, мы следили за его фигурой, уверенно шагавшей по шоссе. Чуть позже с севера показался марсианский грузовик; Реджелин жестом приказал водителю остановиться и хладнокровно залез в кабину. Ему не требовалось никаких объяснений, если только там, конечно, не находился другой офицер.

— Счастливчик, — прошептал я.

— До тех пор, пока его кто-нибудь не узнает; — ответила Киска.

Мы отправились в путь на закате — мужчина, женщина и ребенок. К полуночи нам удалось добраться до темной Линделавеню в северном жилом районе города. На углу Бродвея царил оживление: из нескольких открытых баров раздавалась музыка, время от времени по улице проезжали машины. Мое сердце дрогнуло, когда я увидел марсианина, стоявшего на углу с блок-

нотом в руках. Крис втянула меня в темную подворотню; ее рука в моей ладони казалась кусочком льда.

— Давай обойдем квартал вокруг, — прошептала она.

— Нет, от всех не спрячешься, — ответил я сквозь зубы. — Он следит за порядком, и это, видимо, ему уже надоело. Скорее всего, парень записывает номера машин. Идем.

Мы прошли мимо него. Желтые глаза безразлично скользнули по нашим фигурам, и постовой снова перевел взгляд на дорогу. Для необученного марсианина все люди выглядят на одно лицо. Вот мы и решили полагаться на этот факт.

Кто нам только ни встречался на пути: по улицам шагали патрули, группа пьяных наемников горланила одну из своих непонятных баллад, мимо нас со скучающим лицом прошел молодой солдат. Всего в нескольких шагах проносились машины и грузовики, рычали огромные бронированные чудовища, стволы которых напоминали рога. Временами над головами с ревом пролетали самолеты и, подвывая, шли на посадку. А когда мы оказались в районе железнодорожной станции, я увидел марсианских солдат, сновавших среди домов, в которых размещались военные казармы. С каждой минутой их становилось все больше и больше. Мне не передать своих чувств, возникших при виде этого странного зрелища, — нечеловеческие головы в шлемах, высокие худые фигуры, а вокруг потрепанная жеманная невзрачность небольшого провинциального города. И эта картина стала для меня символом всей оккупации.

Мы свернули на Седьмую улицу и, ориентируясь по иллюминации деловой части города, прошли через опрятный район многосемейных домов. Я знал, что вскоре здесь появятся трущобы.

Станция располагалась на сравнительно небольшой площади и занимала около десяти кварталов, ограниченных складами, дешевыми гостиницами и фабриками. Реджелин назначил встречу в гостинице «Космопорт», которая находилась всего в трех кварталах от общевойсковой штаба. Мы вошли в темный вестибюль и направились к стойке.

— Комнату на двоих, — сказал я.

Разбуженный клерк сонно приподнял голову и, с трудом различая меня, ворчливо ответил:

— Прошу прощения, мистер, но наше заведение забито под завязку. Сами понимаете, кругом одни марсиане.

— Ну вот, — с кривой усмешкой прошептала Крис. — Опять непредвиденное осложнение.

— Послушайте, — возмутился я, — мы только что приехали из Де-Мойна и едва не валимся с ног. Мы обошли уже

несколько гостиниц, и нам везде отвечают отказом. У меня жена и ребенок — поймите сердце!

— А я вам говорю, у нас перебор, — сердито ответил клерк. — Даже ванне заняты.

На стойке передо мной лежал журнал регистрации. Я быстро взглянул на список жильцов и выбрал первую попавшуюся фамилию — Фред Геллерт из Дулута.

— Ну и чудеса! Да ведь здесь живет мой старый приятель! Кто бы мог подумать!

От усталости мой возглас прозвучал слишком невыразительно, но я попытался скрасить это улыбкой.

— Мистер Геллерт, видите? Если бы я знал, что он живет у вас, нам не пришлось бы таскаться по улицам ночью. Он потеснится, можете не сомневаться.

— Это проблемы вашего друга, — пожимая плечами, ответил клерк.

Его безразличие казалось почти осязаемым — еще одна сложенная душа на лице униженной Земли.

— Ключа на доске нет, значит, он в номере.

— Тогда мы пойдем посмотрим. И знаете...

Я положил на стойку несколько оставшихся тысячедолларовых купюр.

— Меня зовут Робинсон. Джеймс Робинсон. Я позвоню вам сверху, если мы договоримся. И не забудьте вписать мое имя на номер Геллерта. Видите ли, я ожидаю одного посетителя.

В каждом коридоре стояло по три-четыре группы марсиан, но отступать было поздно. Не смея поднять глаза, мы быстро поднялись на третий этаж. Я заметил, что здесь в основном живут солдаты срочной службы — рядовые и сержанты. Высший офицерский состав занимал большие отели, а офицеры среднего звена размещались в частных домах. Я видел спокойные, почти флегматичные лица охотников и крестьян со дна высохших морей и каменистых холмов. Мы слышали обрывки их песен, похожих на жалобный плач и причитания.

В какой-то момент коридор опустел, мы остались одни, и я громко постучал в дверь Фреда Геллерта.

— Дейв, — зашептала Киска, — не сходи с ума. Он нас не впустит, а лишний шум привлечет к нам внимание...

— Мы договорились с Реджи встретиться в этой гостинице, — раздраженно ответил я. — И теперь уже поздно что-нибудь менять. Если он не боится в открытую ходить по городу, то и нам не мешало бы...

— Да? Кто там? — раздался брюзгливый полусонный голос. Дверь со скрипом отворилась. — Эй, черт бы вас побрал! Что вы себе позволяете?

Я молча вошел в номер, и мой пистолет уперся в живот Фреда Геллерта. Крис закрыла дверь и, с тревогой поглядывая на нас, усадила дочку на кровать.

— Только без криков и шума, — сказал я ему. — Мне не хотелось бы вас убивать, но, если потребуется, я сделаю это, не задумываясь.

Он удивленно щурил на меня глаза. Ничем не примечательный мужчина — небольшого роста, полный, с всклокоченными волосами песочного цвета, которые растрепались после сна. На розовом полушарии живота широко распахнулась пижама. Однако, судя по тому, как быстро он пришел в себя, от него можно было ожидать внезапных и решительных действий.

— Неужели это вы? — воскликнул он. — Тот самый Дэвид Арнфельд!

— Тот самый, — ответил я, кивнув головой. — Мы проведем здесь всю ночь. Возможно, ваша комната понадобится нам и утром. Вас никто не тронет при условии, что вы не будете создавать проблем. Если вы хотите сходить в туалет, то лучше сделать это сейчас, потому что мы на какое-то время вас свяжем и вставим кляп.

Разорвав простыню на полосы, я старательно связал нашего пленника, тщательно проверил узлы и уложил его в углу комнаты — освободиться он не мог. Крис позвонила клерку, а затем передела Элис. Они забрались в постель и заснули.

Я прикрыл глаза, но забытье не приходило — сказывалось напряжение последних часов. И тогда, сев рядом с Геллертом, я рассказал ему всю историю, не ожидая веры, не ожидая помощи. Мне просто хотелось, чтобы люди узнали правду о пришельцах, чтобы они разнесли эту весть по свету, и, может быть, тогда какие-то слухи о них сохранились бы и после нашей смерти. В какой-то миг мне захотелось узнать, почему он оказался в городе, — скорее всего, ему достался один из тех жирных постов, которые марсиане предлагали людям, — но я почувствовал себя слишком усталым, чтобы задавать вопросы и выведывать планы. Липкие пальцы сна закрыли мне веки, и я задремал.

Меня разбудил стук в дверь; сон растекся, как пролитая вода. Сжимая в руке пистолет, я выглянул в коридор. Там стоял Реджелин, высокий и черный на фоне тусклого света. Я втащил его в комнату и растолкал Крис, смягчив ее ворчание легким поцелуем. Реджи пристроил свою длинную фигуру в кресле, устало

вздохнул и вопросительно взглянул на связанного Геллерта. Я объяснил ему нашу ситуацию.

— Хорошая работа, — сказал он, и на секунду его лицо скривилось в усмешке. — Что касается моих приключений, дела складываются довольно неплохо. Здесь так много марсиан, что мне оставалось лишь смешаться с толпой. Я отправился прямо в Фошей Тауэр, где располагается штаб национальной армии, и просмотрел там адресную книгу. Потом мне удалось поболтать с милой девушкой у коммутатора, которой польстило внимание марсианского офицера. Мы немного погуляли, выпили кофе, и я получил приличную информацию о руководящем составе.

Крис нахмурила брови.

— Вы меня начинаете удивлять, — сказала она.

— Да, оказывается не все ваши соплеменники питают к нам ненависть, — ответил Реджелин. — Те, кто не очень сильно пострадал от войны и ее последствий, а сейчас получили хорошую работу и паек, справедливо решили, что с нами можно как-то уживаться... Тем не менее мне повезло, что никто из землян обычно не может отличить одного марсианина от другого. — Он склонился вперед и сцепил руки. — Итак, мы хотели найти марсианского офицера, который оказался бы пришельцем и которого мы могли бы захватить для демонстрации и доказательства. Мне кажется, я обнаружил возможную жертву. Йоак Аландзу ай Кромта, адъютант коменданта Руани, заведует архивом и отчетами инспекционных пар. В его распоряжении находится вся штабная документация регулярных оккупационных властей. Короче говоря, он получает всю информацию с этого континента и помогает соотносить ее с данными, которые поступают из остальных частей планеты. Это очень выгодная для пришельцев должность. Чуть позже я узнал, что Аландзу очень молчаливый и неприветливый офицер, который никогда не отдыхает или, возможно, отдыхает только в своем кругу; причем о судьбе его предшественников никто ничего не знает — а это показалось мне решающим аргументом. Моя новая подружка узнала для меня его координаты — люкс под номером 1847 в отделе «Нью Дикмен». У него есть телохранитель, который, без всяких сомнений, тоже является пришельцем. Но у нас есть преимущество — они не ожидают нападения.

— Мы отловим их и позвоним твоему другу Юиту, чтобы он приехал взглянуть на доказательства, — с воодушевлением произнес я. — Пока все идет хорошо. А как мы заставим Аландзу изменить свой облик?

— Как?... — На губах Реджелина промелькнула легкая усмешка. — Ты можешь еще раз ткнуть лампу в его лицо.

Я ощутил дрожь азарта. На страх и сомнения не оставалось времени. Подарив Киске долгий поцелуй, я вышел вслед за Реджелином из комнаты. Мы выбрались на улицу, и, следуя нашему уговору, он зашагал немного впереди.

Время близилось к трем часам ночи. Темнота и молчание, как безмолвный океан, накрыли город. Несколько фонарей, словно одноглазые великаны, сияли на Хенепит-авеню, изредка по ее пустой полосе проносились машины, а вдали, почти на грани видимости, в пятнах света мелькнула пара марсианских патрульных. У меня появилось ощущение чего-то огромного вокруг, и казалось, что спавший город, этот единый монолитный организм, вдруг сжался от страшного кошмара и почти готов издать отчаянный вопль, с которым придет пробуждение.

Вскоре мы увидели тускло-голубое сияние «Нью Дикмена», до которого оставалось полквартала. Свет неоновых огней поблескивал на шлемах двух солдат, охранявших вход отеля. Небрежно отмахнувшись в ответ на приветствие, Реджелин прошел мимо них и исчез внутри. В такой темноте узнать его было невозможно. Надвинув шляпу, я прокрался по Хенепит, а затем свернул в туннель, который заканчивался на стоянке заднего двора. Стоянка наверняка охранялась, но выбирать не приходилось. Я вошел во внутренний двор отеля.

— Эй, ты! Стоять на месте!

Команду произнесли с неопишуемым акцентом. Я обернулся и увидел двух солдат, которые подходили ко мне. Судя по автоматам, болтавшимся на боку, они ничего не подозревали — да и что мог означать для них один бродяга? Я двинулся к ним, покачиваясь, словно пьяный, и, когда высокие черные силуэты в металлических шлемах оказались рядом, мое тело сжалось, как пружина.

— Вы меня? Что надо, парни? — спросил я хриплым голосом и еще раз покачулся. — Мне приказано везти енераля. Енерал велел приготовить машину, а он шутить не любит...

— Тебе уходить, — приказал ближний из них.

Очевидно, он знал по-английски несколько слов. Солдат схватил меня за руку и попытался оттащить обратно к въездным воротам.

— Уходить... давай-давай.

Я нанес удар; ребро моей ладони врезалось в его горло — а это смертельный прием, если вы имеете какой-то навык. Он со всхлипом упал и с шумом распластался на асфальте. Я сделал другому подсечку, толкнул его в грудь и, когда охранник

повалился на землю, добил его ударом ботинка в висок. Мне не хотелось их убивать, но в таких делах ничего наперед не скажешь.

Я побежал. Если кто-нибудь из марсиан услышал шум, через несколько секунд здесь появятся солдаты. Пара охранников у туннеля теперь не в том состоянии, чтобы говорить или тыкать пальцем в мою сторону. И нападение на них, скорее всего, посчитают бессмысленным актом мщения, — вернее, мне хотелось надеяться на это.

Проскользнув между машинами, я добрался до пожарной лестницы, затем, подпрыгнув, уцепился за нижние ступени и полез вверх. С мимолетным юмором висельника мне подумалось, что где-то в душе у меня кроется необъяснимая тяга к пожарным лестницам. Но на этот раз я не поднимался по ступеням, как принято говорить в народе, а плавно перетекал по ним.

Когда мне удалось добраться до седьмого этажа, внизу началась какая-то суета. Я замер; к тому же мне все равно требовалось перевести дыхание и унять боль в легких. Луч фонаря скользнул по пролету, на котором я лежал. Тело сжалось в ожидании раздирающего шквала пуль, но меня спасли темная одежда и неподвижная поза.

Планируя операцию, мы не договаривались о времени. Сначала в люкс под номером 1847 должен войти Реджелин, потом я... а что дальше? Мне предстояло стать второй волной атаки — на случай, если это понадобится. Я лежал, прижимаясь к мокрому от росы железу, и думал о том, что мое участие в общем-то бессмысленно. Если Реджи удастся войти в номер, можно считать, что мы свое дело сделали. И вряд ли Аландзу что-то заподозрит, когда голос марсианина окликнет его и сообщит о срочном донесении. Пришелец откроет дверь и увидит перед собой ствол оружия... Но вот потом, если помощь не подоспеет вовремя, возможно, придется принимать бой. И тогда потребуюсь я.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем суматоха внизу начала утихать. Я встал на четвереньки и полез дальше, надеясь, что марсиане в пылу суеты не услышат тихого поскрипывания ступеней. Восемь, девять, десять... Неужели только десятый этаж? А если я сбился со счета? С моих уст слетело беззвучное проклятие.

Семнадцать, восемнадцать. Мои колени были ободраны и стертые до крови. Я открыл дверь и шагнул в тускло освещенный коридор. Комната рядом со мной имела номер 1823, — значит, я не ошибся в счете.

Я крался на цыпочках по пустому коридору, изредка посматривая на двери с номерами. Вот сюда, теперь за угол... У порога

люкса с номером 1847 виднелась тонкая серебристая полоска света. Видимо, Реджелин уже там и держит чужаков под прицелом. Наверное, он волнуется и гадает о причинах моей задержки.

Я замер. Тело подрагивало, нервы едва не лопались от напряжения. Во мне зародилось кошмарное предчувствие, но для мелодрам не оставалось времени. Хотя постой-ка, мистер Арнфельд... а зачем же рисковать?

Как можно тише я прокрался мимо двери, пару раз свернул за угол и отыскал пожарную лестницу на восточной стороне. Она располагалась на боковой стене и спускалась прямо к подъездной дорожке. Я заметил широкий карниз, который проходил под окнами вокруг всего здания, — очевидно, он предназначался для моющих машин. Засунув пистолет за пояс, я выбрался на выступ, прижался к стене и начал медленно продвигаться вперед. Странно, но эта акробатика действовала успокаивающе — меня окружала густая тьма, и, кроме собственной неловкости, бояться было нечего. А для космонавта такие карнизы и высота — не слишком важное дело.

Обогнув угол, я увидел нужное мне окно, которое ярко светило в ночи. Мне оставалось лишь подползти к нему поближе, вытянуть шею и быстро заглянуть в комнату.

Клянусь, сначала я подумал, что Реджелин сюда еще не добрался. А войти в номер мог только он — услышав человеческий голос, чужак заподозрил бы неладное. Но потом я увидел его. Он стоял с поднятыми руками, без оружия, и в грудь целились четыре ствола.

Кроме Реджи в комнате находились четыре марсианина, а вернее, четыре пришельца. И я почти не сомневался в их истинном происхождении.

Они каким-то образом узнали о наших планах. Но кто их предупредил? И так быстро! Я вцепился пальцами в раму: под ногами тихо посвистывал ветер. Что делать? Что делать?

Если я ворвусь туда, как пехотинец ООН, и с криком «Руки вверх!» попытаюсь освободить Реджелина, они успеют пристрелить не только его, но и меня, а мне не уложить их всех за одну секунду. На какой-то миг меня охватил страх, мне захотелось вернуться к Киске и убежать с ней, убежать куда-нибудь далеко-далеко.

Нет, они все равно не сойдут со следа и будут вести охоту, пока не перебьют нас до последнего. А это не займет у них много времени. Скрипнув зубами, я вытащил оружие, перевел его на автоматический режим, а затем, пригнувшись, уцепился левой рукой за подоконник и начал стрелять прямо сквозь стекло.

Грохот поднялся, как в день Страшного Суда. Я видел, как они падали, словно жалкие марионетки, которым без предупреждения обрезали ниточки. Истерзанная плоть и куски костей разлетались в стороны. Я перемахнул через подоконник и растянулся на полу.

— Вот так, приятель! — мрачно произнес Реджелин. — Когда я вошел, они уже ждали меня. Эти парни не дали мне и пальцем шевельнуть. Какое невероятное невезение... Фред Геллерт оказался чуяком!

Время поджимало, и я даже не успел подумать о Крис и Элис, которые остались в одной комнате с монстром. Надо было уходить. Но Реджелин кое-что просчитал, пока стоял, вскинув руки над головой. Видимо, он все-таки таил в душе слабую надежду, что я приду и спасу его. Реджи открыл дверь в спальню и указал мне на кровать. Я забрался под нее. Он тоже затаился в этой комнате.

Через секунду дверь в номер выломали. Я лежал, напряженно прислушиваясь к топоту тяжелых сапог и встревоженным крикам марсиан.

В гостиной собралась целая толпа — толпа возбужденных марсиан. И тогда Реджелин с безумной дерзостью вырвал наш шанс — единственный из тысячи. Он вышел из спальни и смешался с толпой.

— Здесь тоже никого нет, — услышал я его голос. — Наверное, убийца удрал через окно.

Он начал отдавать приказы: «Вы трое обеспечиваете наблюдение за пожарными лестницами», «Вы немедленно должны позвонить в военную полицию», «Вам я доверяю передать сообщение в главное управление», «Остальным очистить помещение, вы можете затоптать следы; я сам буду охранять место происшествия».

Невероятно, но это сработало. Хотя, возможно, здесь нет ничего странного. Марсиане мало чем отличаются от нас: произошло убийство; толпа слишком возбуждена, чтобы о чем-то думать; и вдруг появляется офицер высшего эшелона; а таким уверенным мог быть только тот, кто знал, что делать. Короче, через пару минут мы остались одни.

Я выполз из-под кровати и увидел, что Реджи выворачивает карманы ординарца Аландзу.

— Вот они, — сказал он. — Ключи от его машины. Она где-то внизу, на стоянке.

Мы вылезли в окно и, пренебрегая опасностью, быстро перебрались по карнизу к пожарной лестнице, которая выходила на

задний двор. Реджелин проворно спускался вниз, и я едва поспевал за ним. У самой земли его окликнули несколько голосов.

— На лестнице никого нет, — ответил он. — Эй, помогите мне спуститься... Немедленно проведите меня к машине Йоака Аландзу. Он приказал мне подогнать машину к выходу.

Солдаты не знали толком, кого убили наверху, а приказ офицера являлся для них непререкаемым законом. Время тащилось с черепашей скоростью. Пока Реджелин открывал машину и выезжал из гаража, каждая секунда казалась мне последним мгновением жизни. Он приказал охранникам осмотреть выездные ворота, солдаты побежали туда и вскоре затерялись в темноте. Реджи притормозил возле лестницы. Я спрыгнул вниз, приземлился на ноги и, нырнув на переднее сиденье, тут же перекатился на пол. Машина плавно двинулась вперед.

— А теперь подумаем о Крис, — спокойно произнес Реджелин. — Если только она все еще в той комнате.

«И если она вообще еще жива», — подумал я.

Глава 8

Отчаяние толкало нас на огромный риск, но мы почти ничего не теряли. Наш разум действовал теперь в основном на подсознательном уровне, и его умозаключения спускали тетиву туго натянутого осознания. Нас больше не останавливали доводы логики — мы просто спасали свои жизни.

Проскочив несколько кварталов, машина проехала мимо «Космопорта» и свернула за угол. Здание выглядело темным и безопасным — ни света на этажах, ни солдат, толпившихся у входа. Хотя, возможно, нас поджидали в засаде. Реджелин обогнул квартал и остановился перед гостиницей. Я вылез и побежал к подъезду. Едва освещенный вестибюль оказался пустым, даже клерк ушел спать. Я медленно поднимался по лестнице, но вокруг меня клубились лишь призрачные тени воображаемых врагов.

«А ведь в этом есть какой-то смысл», — подумал я сквозь гул, заполнявший мою голову. Предположим, Геллерт — чужак, который в человеческом облике выполнял для своей расы какую-то работу: шпионил за людьми, участвовал в наших тайных собраниях, заседал в законодательных органах или просто наблюдал за ходом событий. В любом случае он не захочет раскрывать перед марсианами свое истинное лицо. И надо отдать ему должное — он действовал дерзко и хладнокровно.

Сначала пришелец выдал себя за беспомощного пленника, узнал все наши планы, а затем избавился от пут и, словив сопротивление Крис, позвонил по телефону Аландзу, чтобы предупредить того об опасности. Он остался с Крис и малышкой, за которыми должны были приехать его сородичи. Чужак полагал, что после предупреждения Аландзу и охрана уберут нас с дороги. И черт возьми, им почти удалось это сделать.

Я остановился перед дверью, оценивая ситуацию, — пустой коридор, безмолвное здание, тишина, ступившаяся вокруг, но внутри комнаты горел свет. Сжав в правой руке тяжелый пистолет, я тихо вставил ключ в замок и, резко повернув его, ворвался внутрь.

Монстр обернулся и встретил меня свистящим проклятием. Мельком взглянув на оружие в его руке, я вывернул ему запястье и изо всех сил ткнул стволом в звериное рыло. От удара у меня даже заныли мышцы. Я увидел кровь. Геллерт застонал от боли, встряхнул уродливой головой и попытался высвободить руку с оружием. Я треснул его рукояткой пистолета по запястью и одновременно ударил коленом в живот. Геллерт отшатнулся. Вырвав у него странное оружие, я подпрыгнул и нанес удар ногой в челюсть. Чужак тихо взвыл и, пару раз дернувшись, рухнул на пол.

Киска бросилась в мои объятия и отчаянно зарыдала.

— Он вдруг уменьшился, — объясняла она, всхлипывая. — Он сделался тоньше.

Я взглянул на полосы ткани, которыми несколько часов назад связал нашего пленника. Да, его гибкое тело выскользнуло из веревок, а затем он напал и одолел безоружную Киску.

Элис вцепилась в меня, ухватила за ноги и тоже плакала.

— Папочка, папочка!

Я поднял малышку, поцеловал ее в мокрое испуганное личико и отдал матери. Представляю, какой ужас пришлось пережить ребенку!

Какое-то время наши взгляды были прикованы к двери, но любопытных на этот раз не оказалось. Во время схватки Геллерт и я старались не шуметь — мы оба не хотели привлекать к себе излишнее внимание. Но если какой-то марсианин и услышал грохот упавшего тела, он, скорее всего, решил, что это не его дело, и вернулся к своим сновидениям. А мне... о Боже, мне удалось поймать чужака!

Я несколько раз ударил ногой по тяжело вздымавшимся бокам.

— Вставай! Вставай, или я пристрелю тебя на этом самом месте!

Геллерт, пошатываясь, встал на ноги. Он... нет, она, придерживая порванную мятую пижаму, привалилась к стене. Я засунул за пояс ее оружие и махнул пистолетом в сторону двери.

— Вперед.

Она медленно вышла в коридор. Я настороженно рассматривал ее короткую, толстую и довольно мощную фигуру — те же гибкие резиноподобные члены, как у самца, который представлялся Дзугой; парик, слетевший с головы, оголил мясистый гребень; небольшие пигментные пятна, которые придавали нижней челюсти вид бритого мужского подбородка, уже успели превратиться в бесцветную кожу, но брови, ресницы и светлые волоски на теле, наклеенные с удивительным мастерством, выглядели по-прежнему безукоризненно. Она едва передвигала ноги, раз за разом вытирая семипалой рукой окровавленное рыло.

— Реджи ждет нас на улице, — шепнул я Киске. — Мы отвезем эту тварь в дом Юита, как и планировали. А потом он обеспечит нам защиту до тех пор, пока не закончится расследование.

Мы спустились по лестнице и вышли на тротуар. Так уж случилось, что именно в этот момент мимо проезжала полицейская машина. Ее прожектор ослепил меня. Луч скользнул было в сторону и снова возвратился к нам. Я услышал, как в ночной тишине громко прозвучало марсианское проклятие:

— Кевран янтсу!

— В машину!

Я подтолкнул Крис, и она, схватив Элис, бросилась бежать. Моя пленница мгновенно повернулась ко мне и, ухватившись за руку, в которой я держал оружие, нанесла сильный удар в лицо. Я прыгнул на нее, подмял под себя верткое и крепкое тело, но во время драки выронил пистолет.

Раздался выстрел, потом еще один и еще. Завыла сирена. Я потащил разъяренную тварь к машине. Крис перегнулась через спинку переднего сиденья, открыла заднюю дверь, и я, сжав горло прищельца, сделал отчаянный рывок. Мы повалились на заднее сиденье, машина помчалась вперед, и я услышал треск пулеметной очереди.

Мы продолжали бороться, нанося удары ногами и руками и пытаясь придушить друг друга. Реджелин свернул на Седьмую улицу. Луч прожектора из полицейской машины тянулся к нам, как длинный светящийся палец. Погоня не отставала, и их пулемет не прекращал свой лай. Я продолжал избивать «фрау» Геллерт, молотя кулаками резиноподобное лицо. Рука на моем горле сжималась все крепче. Я впился зубами в ее запястье и едва не прокусил руку до кости.

Крис снова перегнулась через спинку сиденья и нащупала в темноте наши сцепившиеся тела. Она сдвинула гребень на голове прищельца и рванула его на себя. Геллерт взвыла от боли, ее голова дернулась вверх, и в этот момент мой кулак врезался в толстое горло. Она выпустила когти и начала царапать меня.

Машина с визгом свернула за угол. Мы неслись по Линдел на скорости двести миль в час, дома смутными пятнами пролетали мимо. Нас занесло, выбросило на газон, и Реджи чудом удалось справиться с управлением. Полиция упорно мчалась следом, отстав всего на пятьдесят ярдов. Кто-то из них, склонившись к приборной доске, запрашивал по радиации помощь.

Еще один удар, второй, третий. Внезапно Геллерт отключилась. Я лежал рядом с ней, с трудом переводя дыхание, и липкая тьма заливала мое меркнувшее сознание.

Придя в себя, я вскарабкался на сиденье и, прижав ногами тело Геллерт, осторожно ощупал свою голову.

— Эта тварь у меня на прицеле, — сказала Крис.

Я увидел в ее руках револьвер Реджелина, который она направила в сторону монстра.

Машину тряхнуло, разрывы пулеметной очереди заплескали на сфере защитного поля. Мы знали, что долго нам не продержаться. Рано или поздно шальная пуля найдет свой путь к бензобаку или шинам. Кроме того, они могли послать против нас вертолеты, а от их шквального огня не защитит никакая сфера. Я заставил себя встряхнуться и начал понемногу приходить в себя.

— Может быть, нам лучше сдаться... — Рев мотора и свист рассекаемого воздуха приглушали голос Реджелина, но я понял каждое слово. — У нас теперь есть чужак, и лучшего доказательства не придумаешь.

Почувствовав под ногами слабое шевеление, я взглянул вниз и в свете прожектора, озарившего кабину, увидел лицо Фреда Геллерта. Гребень исчез... и теперь этот маленький неказистый землянин не представлял для марсиан никакого интереса.

— А ну, изменяйся назад! — пронзительно закричала Крис. — Меняйся назад, черт бы тебя побрал, или я всажу в твой живот всю обойму.

— Вы думаете, это меня как-то тревожит? — ответил хриплый голос.

Машина застучала и начала дергаться. Оружие чужака за моим поясом неприятно врезалось в живот.

— Возможно, у нас есть шанс, — устало произнес я. — Не знаю, на что способна эта штука, но мы можем попробовать.

Тем более у нас нет другого оружия, чтобы отделаться от погони.

Реджелин мрачно кивнул:

— Тогда приготовься стрелять. Я подпущу их сбоку.

Он немного снизил скорость, и черная вытянутая машина военной полиции начала приближаться. Я пригнулся у окна. Тяжелое прохладное оружие казалось ужасно неудобным для моих пяти пальцев, но и здесь имелась своя спусковая кнопка. Геллерт выругался и попытался сесть.

— Лучше не делай этого! — крикнула ему Киска.

Полицейские больше не стреляли, но два грозных пулеметных ствола держали нас под прицелом. Я навел на них оружие и нажал на кнопку.

Не было ни шума, ни отдачи, и все же полицейская машина вдруг рассыпалась на части. Я увидел клуб дыма и пара, затем огненную вспышку; воздух наполнился мелкими кусочками стали. А потом между капотом и багажником осталась только груда горящих обломков. Реджелин надавил педаль газа и снова повел машину на полной скорости.

Мы услышали над головой оглушительный свист и, взглянув вверх, увидели снижавшийся вертолет. Я высунулся из окна навстречу ревящему ветру и выстрелил еще раз. Вертолет взорвался, и на нас посыпался град обломков.

— Так им и надо, — сурово проворчала Крис. — Поехали дальше.

Мы решили на время отказаться от поисков Юита. Возвращаться в город не имело смысла. Позади бушевало потревоженное осиное гнездо, и оставалось только бежать.

Окраины скрылись из виду; мимо окон проносились поля и холмы. Реджелин свернул на какую-то боковую дорогу, и мы, как снаряд, помчались на север по пыльному гравию.

— Крис, ты можешь доверить нашего пленника мне, — сказал я. По мере нашего бегства из моих мышц как будто выходила сила. И казалось, прошла тысяча лет с тех пор, как я ел и спал, миллионы лет с тех пор, как я знал мир без страха. — Дай мне только револьвер.

Мы усадили Геллерта на полу в дальнем углу от меня. Крис перебралась на заднее сиденье и, рыдая, вытерла кровь с моего лица и поцарапанного тела. Я прижал ее к себе, и нам стало немного лучше.

Вскоре наступил рассвет. В небе клубились тучи, и пелена дождя поглотила солнце. Видимость все больше ухудшалась, погода словно играла нам на руку, а мы к тому времени очень

нуждались в помощи. Через час или около того Реджелин обнаружил брошенную ферму.

На севере страны теперь их было много — заросшие травой дворы; поля, где пробивалась тонкая поросль будущего леса; разрушенные дома и постройки. Но эта ферма имела довольно приличный сарай. Мы въехали в осевшие ворота, заглушили мотор и вышли из машины. Мои ноги дрожали и подгибались.

— Вы с Крис и Элис можете спать в машине, — предложил Реджелин. В его голосе чувствовались усталость и безнадежная тоска. — Мы останемся здесь до наступления ночи.

Элис захныкала и прижалась к матери. Ее всю трясло. Киска поднесла мою руку ко лбу ребенка. У малышки поднялась температура и участился пульс. Крис с мольбой смотрела на меня, в ее запавших глазах кричало горе.

— Элис заболела, — прошептала она. — Что же теперь делать?

— Ждать, — ответил я. — Ничего другого пока не остается.

— Без еды, без лекарства, без надежды...

Она скорбилась и отвернулась от меня, унося девочку на руках. Мое лицо задрожало.

Холодный сарай наполняла сырость, в воздухе пахло плесенью. За стенами, скрывая ельник и превращая дорогу в грязь, лил непрерывный дождь. Реджелин начал кашлять — еще надсаднее, чем я.

Мы сели на солому. Геллерт скорчился в нескольких шагах от нас и бесстрастно разглядывал наши лица. Я направил револьвер прямо ему в лоб, чтобы выстрелить при первой необходимости.

— Итак, — начал Реджелин, — что мы будем делать?

— Не знаю, — ответил я. — На самом деле не знаю.

Дождь громко барабанил по крыше. Вода сочилась через дыры и капала на грязный пол.

Реджелин вдруг улыбнулся и сказал:

— За чашку зардака я, наверное, отдал бы свой титул и всю родословную. А если бы мне предложили еще и блюдо рузана, они могли бы забрать и мою правую руку.

— Бекон и яйца, гренки и кофе, — добавил я.

Мы постепенно приходили в себя. Голод притупил усталость, боль в мышцах превратилась в пульсировавшие спазмы, оцепенение прошло, и в голове прояснилось. Ко мне вернулась решительность.

— Не так все плохо, — сказал я. — Мы еще живы, по-прежнему свободны, и к тому же у нас есть пленник, пусть даже

пока не ясно, как вернуть ему истинный облик. Но я уверен, мы что-нибудь придумаем.

Глаза Реджелина сузились, и он направил свои антенны на Геллерта.

— А ведь и верно, — холодно согласился он. — Мы могли бы устроить ему допрос.

На псевдочеловеческом лице промелькнула улыбка.

— Если вы думаете, что я боюсь вас... — начал Геллерт.

— Слушайте, вы! — не выдержав, закричал я. — Мы не садисты. И у нас нет желания пытать вас. Но в нашем положении уже не до щепетильности.

— В моем положении тоже, — спокойно ответил Геллерт.

— Почему бы вам, по крайней мере, не открыть нам своего настоящего имени? — спросил Реджелин почти небрежным тоном.

Пришелец пожал плечами:

— Если хотите, можете называть меня Радифь л'ал Кесшуб.

Это самое похожее сочетание, которое мне удалось подобрать для тех непередаваемых слогов. Когда Геллерт произносил их, я заметил, что его горло внезапно сжалось, — человеческие голосовые связки не справились бы с подобными звуками.

— Давайте договоримся, — предложил я. — Нам уже известно, что вы прилетели со звезд и что ваши соплеменники, используя особые свойства, проникли в правительственные органы обеих планет. Вам удалось сравнить два мира и развязать войну, из которой только вы вышли победителями. Мы можем предположить, что вас сравнительно мало; иначе с таким оружием, как ваш пистолет, вы могли бы открыто объявить о своей власти. Как видите, у нас уже есть основополагающие факты, и, выясняя детали, мы просто хотим удовлетворить свое любопытство.

— Ничем помочь не могу, — угрюмо ответила Радифь.

— Взять, к примеру, это оружие... — продолжал я, повертев неуклюжий предмет в руке. — Как оно работает?

— Неужели вы думаете, что я выдам вам военные секреты моего народа?

— Не такой уж это и большой секрет, как вы думаете. — Просто странно, какими холодными и ясными стали мои мысли. — Я даже могу вкратце описать принцип действия вашего оружия. Создавая механизмы без трущихся частей, Земля и Марс экспериментировали с субмолярными полями. Мне довелось просматривать результаты рассекреченных опытов. По теории, каждую часть таких механизмов должно было защищать компактное силовое поле. И оно действовало так же бесшумно и

без отдачи, как эта штука. Если подобное поле сфокусировать в плотный луч и направить его на некий предмет, оно будет воздействовать на внутримолекулярные силы и передавать молекулам свою энергию. Сохраняя механический момент, они с огромной силой разлетятся в стороны, во всех направлениях, но, если оружие хорошо отлажено, выброс материи будет происходить в основном в перпендикулярной плоскости к силовому лучу. Теоретически объект, по которому наносится удар, расщепляется на молекулы и атомы, то есть превращается в газовое облако; но на практике он просто разваливается на небольшие куски. Молекулярные связи невероятно сильны, поэтому части разлетаются не так далеко друг от друга, всего на несколько дюймов, но при этом не возникает никакого шума. Объект просто распадается на несколько фрагментов.

Радишь хранила молчание.

— Зачем вы затеяли все это? — мягко спросил Реджелин. — Разве мы представляем для вас какую-то угрозу?

— Вы существуете! И этого достаточно, — ответила Радишь.

Она говорила без ненависти и злобы. Мне даже показалось, что в ее голосе промелькнуло смутное сожаление. Поэтому я решил еще раз взять инициативу на себя.

— Я ни за что не поверю, что ваша группа является авангардом сил межзвездного вторжения. Возможно, логика и допускает такую операцию, но возникает вопрос мотива. Нет ни одной причины, по которой высокоразвитая цивилизация стала бы покорять другие культуры и народы. Гораздо легче представить, что некой расе потребовалась планета для обитания. Но в таком случае вы выбрали бы кого-нибудь другого, а не два наших мощных мира. Вы ограничились бы более отсталыми расами, с примитивной технологией и вооружением, не так ли?

Короче говоря, я сомневаюсь, что это вторжение или подготовка к нему. Мне кажется, вы представляете собой небольшую группу, которая, действуя на свой страх и риск, совершает нечто вроде пиратского набега. И вы напали на нас только потому, что у вас не было другого выхода; иначе вы имели бы дело с какими-нибудь дикарями и варварами. Так по какой же причине вы ввязались в эту грязную историю?

Ответа не последовало. Мне очень не хотелось применять допрос третьей степени; к тому же я боялся, что наши расспросы ни к чему не приведут.

— Я до сих пор не могу понять, почему Дзуга принял свой естественный облик, когда ты его ударил, — задумчиво произнес Реджелин. — На других это никак не действовало. Ты и сам

знаешь — в них вонзались пули, мы били их и даже убивали, но они не изменялись. Возможно, твое нападение на Дзугу оказало какое-то особое воздействие.

Меня осенила догадка.

— А если ожог? Он ведь обгорел, помнишь?

— Вполне вероятно, но я сомневаюсь в этом. Во время войны раскаленный металл встречался на каждом шагу, но о прищельцах так ничего и не узнали. Кроме того, не забывай — пуля, попадая в тело, вызывает значительный ожог.

— Тогда...

В небе сверкнула молния, и раскаты грома заполнили дрогнувший сарай.

— Электрический удар!

— Ну конечно! — вскричал Реджелин. — Я думаю, это правильный ответ. Кстати, мы можем запросто его проверить.

Радишь вздрогнула и неловко шевельнулась.

— Можете делать что хотите, — с усмешкой сказала она. — Но вы только зря потеряете время.

— А нам все равно больше делать нечего, — мягко ответил Реджелин.

Он взял охрану пленницы на себя, а я осмотрел багажник машины и нашел марсианский фонарь с мощной батареей в 12,3 вольта. Вывернув линзу, лампу и отражатель, я прикрепил футляр с источником питания к трехфутровой жерди, которую вытащил из просевшей крыши сарая. Присоединив к клеммам батареи оголенные провода, я вывел их на торец палки и закрепил таким образом, чтобы кончики проволоки торчали на несколько дюймов. Стоило мне коснуться их и нажать на кнопку, как я почувствовал укус электрического тока. Не очень сильный, но тем не менее...

— Подойдите ко мне! — приказал я.

Радишь зарычала и отпрянула. Реджелин, наставив на нее револьвер, повторил приказ. Я загнал ее в угол и ткнул концом жерди.

Наша догадка подтвердилась — тело резко осело и разбухло, лицо будто расплавилось, на голом, в миг изменившемся черепе появился гребень. Она прокричала проклятие, но быстро пришла в себя и вновь начала принимать человеческий облик. Я еще раз ткнул в нее кончиком проводов, а затем ударил палкой по рукам, когда она попыталась ухватиться за жердь. Радишь зашипела и, приняв свой звериный вид, перестала сопротивляться.

Я повернулся и с триумфом взглянул на Реджелина.

— Вот так! Теперь мы можем подтвердить свой рассказ. И эта простая проверка выявит каждого из них.

— Гм-м, да, — произнес Реджелин, глубокомысленно по-сматривая на врага. — Насколько я понимаю, сложные элементы гистологии и даже внутренние органы не могут изменяться так быстро, как внешний облик. Верно?

Радишь как-то сникла и, сев на солому, закрыла лицо руками. Надо воздать ей должное — она долго и отважно оказывала нам сопротивление, но сила была на нашей стороне, и дальнейшее неповиновение могло окончиться для нее очень печально.

— Да, — прошептала она. — Мы можем приспособлять дыхательную систему к широкому диапазону различных атмосфер, но, если вы расчленили брюшную полость кого-нибудь из нас или исследуете под микроскопом мозг и некоторые клетки, вашему взору предстанет то неизменное, что отличает нас от землян и марсиан.

— Значит, нам помогут и рентгеновские лучи, — воскликнул Реджелин. — Еще один тест!

— Но все военнообязанные в наших армиях проходят флюорографию, — возразил я.

— Да, но не забывай, что чужаки занимали высшие офицерские посты. Они без труда проходили медицинские комиссии у тех докторов, которых предварительно заменили своими братьями. Единственная опасность состояла в том, что кто-то мог погибнуть в бою или во время несчастного случая. Но они посчитали этот риск незначительным. Да и кому бы понадобился доскональный осмотр и экспертиза изорванных кусков кишечника?

Я взглянул на нашу пленницу, которая съехала у моих ног.

— Откуда вы прилетели, Радишь?

Она опустила голову и тихо ответила:

— С Сириуса.

— Но почему к нам? Что вам от нас нужно?

— Это началось очень давно, — сказала она. — Около двухсот лет назад или более того. В системе Сириуса существовали четыре разумные расы. Они достигли примерно такого же уровня развития, что и вы, — пусть ваши миры в чем-то обогнали их, а в чем-то отстали, в целом уровень один и тот же. Однажды в системе началась великая война. Жители Ша-Эба слыли знатоками биологии и достигли таких результатов, о которых вы в Солнечной системе не можете даже мечтать. С помощью искусственных мутаций им удалось создать нас, и основным

предназначением нашего вида стали шпионаж и внедрение в ряды противника.

Я покачал головой, пораженный громадностью происходящего. Меня восхищал этот величественный путь от Сириуса длиною в девять световых лет по черной бесконечности открытого космоса; я всем сердцем принимал идею других рас и цивилизаций, изолированных в этой огромной бездне мрака; но более всего меня впечатляло достижение Ша-Эба. Я довольно хорошо знал биологию и понимал, что требовалось для создания таких протеиновых существ: пигментационные клетки, подвижные ткани, фантастическая система подачи кальция, чтобы за несколько секунд воспроизводить необходимые кости и зубы (их, скорее всего, одновременно размещали вокруг хрящевой структуры, а в самом хряще, очевидно, находились клетки, запасавшие кальций). А если добавить к этому разработку искусственной нервной системы, которая вплоть до мелочей могла бы управлять невообразимо сложными преобразованиями.

Неудивительно, что удар током нарушил равновесие отлаженной программы. Я склонялся к мысли, что их нервная система функционировала с помощью электрических импульсов. Но тогда оставалось только гадать, как им удавалось сохранять стабильный облик при всех других воздействиях.

— Сколько времени потребовалось для создания вашей расы? — спросил я Радифь.

— Не знаю, — угрюмо ответила она. — Возможно, около десяти лет. Наши творцы использовали стимуляторы роста. К тому же они могли манипулировать отдельными генами. Но мы знаем об их науке не больше вашего. — Она вздохнула. — Благодаря нам и с помощью хитроумного вооружения планета Ша-Эб победила в великой войне. В системе Сириуса установился мир. И мы, раса меняющих лик, стали никому не нужной обузой. Нас боялись и ненавидели, нам создавали невыносимые условия и запрещали принимать облик других существ, которые прошли естественный путь развития. Как будто любая форма жизни не порождается одними и теми же силами! В конце концов нам запретили иметь детей и обрекли нашу расу на вымирание.

Тогда мы тайно собрались вместе и попытались захватить власть на Ша-Эбе, используя свои способности к перевоплощению. Попытка не удалась, и многих из нас перебили. Но кучке храбрецов удалось захватить огромный звездолет, который планировалось использовать для изучения планет других солнечных систем. И мы, все те, кому удалось остаться в живых,

бежали от своих создателей. Наш лидер избрал ваше солнце, так как астрономы Сириуса утверждали, что вокруг одиночных звезд вращается много планет. Он считал, что это увеличит наши шансы на успех и мы найдем новую родину. Полет длился почти сто лет. Чтобы растянуть скудные запасы воды и пищи, большинство из нас проводили время в анабиозе. — Она мрачно рассмеялась. — Вам может показаться странным, что я говорю не о «себе», а о «нас». Моих сородичей создавали в лабораториях, и я для вас «существо из пробирки». Но мы, таховвы, считаем себя расой разумных существ — существ, которым не нашлось места в этой Вселенной.

Пятьдесят лет назад наш корабль вошел в пределы вашей Солнечной системы. Тайно исследовав ее, мы обнаружили, что только Земля и Марс пригодны для заселения; на остальных планетах нам пришлось бы жить в скафандрах из стали и пластика, без солнца и ветра, среди мертвого металла, без клочка земли, который мы могли бы назвать своим. Принимая облик местных жителей, наши разведчики годами изучали ваши миры. И мы поняли, что снова будем лишними. Да, нам могли оказать помощь и даже выделить для обитания несколько небольших резерваций, но не более того. И опять появились бы подозрения, непрерывный контроль и затаенный страх — кто бы стал доверять чужакам? А нам хотелось обрести планету, которую мы могли бы считать своей. Планету, где каждый из нас чувствовал бы себя хозяином и мог принимать свой естественный облик; планету, где мы могли бы вынашивать детей и воспитывать их свободными жителями родного мира. Вам не понять наше стремление к свободе — у вас все это есть. А нам с первых дней предназначено судьбой оставаться пасынками, лишенными собственности.

Некоторые предлагали продолжить полет, другие хотели открыто заявить о себе, но окончательно все решила тайная битва за будущее расы — битва по нашим собственным правилам. На огромном звездолете, который мы оставили на орбите за Плутоном, имелось мощное оружие. Заставив Землю и Марс вести изнурительную войну и ослабив мощь обеих планет, мы могли бы затем расправиться с вами поодиночке.

Мне не хочется описывать подробности прошедших пятидесяти лет. Я думаю, вы можете обо всем догадаться сами. Несколько тысяч моих соплеменников, не жалея времени и сил, проникали во все сферы общественной жизни. Работа велась на обеих планетах. Мы выявляли тех, кто занимал ответственные посты на самом высоком уровне, внедряли в их охрану своих людей, а затем уничтожали вместе с семьями, и каждому из них

требовалась замена. Нас катастрофически не хватало. К тому же приходилось создавать и охранять тайные места, где воспитывались дети, рожденные в эти тревожные годы. И наши малыши, не успев повзрослеть, уже получали задания и принимали участие в процессе освоения территорий. Я сама родила несколько детей и с тех пор их больше не видела. А такое пережить нелегко.

Голос Радифи затих. Дождь по-прежнему барабанил по дырявой крыше, и маленькие ручейки на грязном полу, причудливо извиваясь, исчезали во мраке сарая.

— И вот вам удалось сломить сопротивление Земли, — тихо констатировал я. — Не совсем, ведь мы еще можем восстановиться, если получим шанс, но все идет к тому, что Марс превратит нас в беспомощных слабаков. А что вы намерены сделать с Марсом?

Она не ответила.

Реджелин хрипло рассмеялся.

— Мы побеждены, — сказал он. — Побеждены изгоями!

— Это не новость для истории, — ответил я. — Вспомни великий Рим: готы бежали от гуннов, а тех, в свою очередь, вышибли из Китая. Только эти... таховвы... оказались более расторопными. Они бросили нам кость раздора, и мы перегрызли друг другу глотки.

— Но их так мало, — процедил сквозь зубы Реджелин. — Так мало, и они настолько разбросаны. Теперь мы знаем, что искать, и могли бы выявить каждого из них. Но мы по-прежнему бессильны перед ними. Это какое-то сумасшествие.

— Давай еще раз переберем все варианты, — предложил я. — Допустим, звонок Юиту по междугородной связи? Нет, все линии под их контролем. Может быть, письмо? Но мне кажется, что за всеми служащими почтовых отделений наблюдают по мониторам. Проскочить в город нам пока не удастся. Значит, надо придумать что-то еще. И мы найдем, найдем это решение.

Меня встревожил громкий плач Элис. Я подошел к машине. Крис прижимала девочку к груди. И тоже плакала. Элис что-то лепетала. Я не мог понять ее слов: это был бред.

Глава 9

Едва стемнело, мы отправились в путь. Двигались наугад, направление не имело значения — лишь бы найти людей, врача, какую-нибудь помощь. Около десяти часов вечера нам

повстречался небольшой поселок — несколько домов, неказистый универмаг, банк, скупка сельхозпродуктов. Реджелин остановился, я подошел к дому, в окнах которого горел свет, и постучал в дверь. На порог вышел мужчина. Стараясь держаться в тени, я спросил его, где можно найти доктора.

— У меня небольшая травма, — объяснил я. — Заплутал в лесу, упал и повредил руку.

Мужчина прищурился, пытаясь разглядеть меня.

— А сами вы откуда? — спросил он.

Я подумал, что новости здесь довольно скудные, почта ходит нерегулярно, а по телевизору работает только один марсианский канал — вот ему и интересно.

— Так, иду себе по дороге. Побывал в Дулуте, но там нет никакой работы, поэтому я двинулся дальше.

— О, вы прошли долгий путь.

Я почти читал его мысли: «Этот парень может оказаться вором: возможно, он уже что-то украл».

— У меня есть дядя в Северной Дакоте, который примет меня, если я только к нему доберусь. Скажите, где мне найти доктора?

— Это через два дома. Его зовут Хансен, Билл Хансен.

— Спасибо.

Я медленно пошел в указанном направлении, надеясь, что не выдал себя каким-нибудь неверным словом. Меня немного тревожил мой восточный акцент, хотя годы, проведенные в космосе, сделали его почти незаметным.

Особняк доктора встретил нас темными окнами. Реджелин остановил машину у дороги, в густом мраке высоких деревьев. Я поднялся на крыльцо и постучал. Мне так хотелось, чтобы он оказался дома.

На руках у меня хныкала Элис. Ее глаза посветлели и стали пустыми. Она больше не узнавала меня.

Над головой открылось окно.

— Кто там? — раздался звучный и требовательный голос пожилого человека.

— Пациент, — ответил я как можно тише. — Несчастный случай, доктор.

— Ладно. Сейчас спущусь.

В поселке имелось электричество, и это казалось необычным. Им, наверное, удалось приспособить к генератору мотор, который работал на древесном угле. Свет из открывшейся двери ослепил меня, я переступил через порог, вошел в прихожую, и дверь за мной закрылась.

Хансен молча рассматривал меня. В его облике чувствовалось аристократическое благородство, седая шевелюра подчер-

кивала тонкие черты худощавого морщинистого лица, а за старомодными очками лучились добротой голубые и немного строгие глаза. Он подтянул пижамные штаны и вопросительно кивнул.

— Малышка заболела, — пояснил я. — Около двенадцати часов назад поднялась температура, а теперь начался бред.

— Гм-м.

Он бережно взял Элис на руки и понес ее в гостиную.

— Вы не могли бы погасить свет в коридоре? Нам разрешается включать только одну лампу зараз.

Уложив девочку на кушетку, доктор открыл сумку. Я стоял в дверях, наблюдая за ним, но мысли мои уносились к Крис, которая сейчас сидела где-то в темноте и крепко держала шестипалую руку Реджеллина, потому что подбодрить ее было больше некому, абсолютно некому во всем этом мире.

Хансен закончил осмотр и повернулся ко мне.

— Как вы ее довели до такого состояния? — спросил он.

— А мой ответ будет иметь для вас значение?

— Конечно. Я же должен знать, что ей довелось испытать.

— Все верно, — согласился я, опуская руку в карман куртки, где лежал револьвер Реджеллина. — Несколько недель девочка голодала и питалась тем, что нам удавалось достать. Последние два дня она вообще ничего не ела, потому что у нас не оставалось времени подумать о еде. Она пережила ужасный испуг полгода назад и совсем недавно. Все это время малышке приходилось спать урывками, а сегодняшний день она провела в холодном и сыром сарае. Вам этого достаточно?

Он долго смотрел на меня. Наверное, я и сам выглядел как ходячая смерть — грязный, небритый, истощенный, с черными кругами под глазами.

— Так вы мистер Арнфельд, — тихо прошептал он. — Теперь я все понимаю.

— Значит, вы тоже слышали об их предупреждении?

— Да уж как тут не услышать? Ваш побег стал национальным событием. Сегодня утром они передали сообщение, что ваша группа совершила новое убийство в Миннеаполисе. По мнению властей, вы направляетесь на север.

Я пожал плечами:

— Все верно. А как насчет девочки?

— Тяжелая форма гриппа, осложненная бронхиальным воспалением. И знаете... Люди, которые окажут помощь этому ребенку, будут расстреляны.

Он сказал это очень спокойно, без страха и злобы, но на его лице читалась тревога.

— Они не оставили нам выбора, — ответил я. — Те, что пошли по нашему следу, не станут заботиться о ней, разве что выкопают могилу.

— Ладно, — сказал доктор. — Кажется, я могу поставить ее на ноги. Пенициллина, к сожалению, нет, но у меня имеется хороший запас абииотина, а он помогал и в худших случаях. Однако ей потребуется абсолютный покой, хороший уход и нормальное питание, хотя бы на какое-то время.

— Но мы не в силах создать ей такие условия. Нам нельзя здесь оставаться. Я даже представить себе не могу, где мы тут будем прятаться.

— Да и я с трудом представляю это.

Он снова взял девочку на руки.

— Почему бы вам не пригласить ваших друзей в дом, пока я буду заниматься малышкой?

— Вы хотите позвонить шерифу? Тогда я вам сразу скажу: мы будем сражаться до последнего патрона. А на нашей совести и так уже достаточно трупов.

— Не валяйте дурака, мистер Арнфельд. Вы обратились ко мне за помощью? Так будьте любезны ее получить. Кроме того... — на этот раз он усмехнулся, — ... мне бы хотелось услышать вашу историю.

Он понес Элиса наверх, а я вышел из дома и привел своих друзей. Услышав наши шаги в прихожей, доктор выглянул из спальни и ошеломленно замер на лестничной площадке. Он уже не казался невозмутимым.

Конечно, мы представляли собой очень странную группу. Я выглядел, как обычный бродяга, но рядом стояла Крис, и ее гибкая фигура, распущенные золотистые волосы, усталое и все же удивительно прекрасное лицо навевали воспоминания о феях и сказочных принцессах. Позади нас возвышался Реджелин, на его темном неземном лице сияли янтарные глаза, а черная марсианская форма по-прежнему сохраняла безупречную опрятность. Впереди вразвалку шла Радифь, которую я держал на мушке, — она уткнулась рылом в отвисшую грудь, и свет лампы отражался в ее увенчанном гребнем черепе. На фоне этого тихого провинциального дома мы выглядели, как пришельцы из дикой потусторонней реальности.

Хансен сделал глубокий вздох.

— Прошу вас, проходите, — произнес он. — Располагайтесь в гостиной. Я скоро к вам спущусь. Вы не хотели бы, мэм, помочь мне с вашей девочкой?

Чуть не упав впопыхах, Крис взбежала по лестнице.

Их не было довольно долго, но, когда они спустились в гостиную, Хансен кивнул и улыбнулся мне.

— Я сделал ей первый укол, — сказал он. — Она тут же успокоилась, и теперь дела пойдут на поправку.

Его взгляд пробежал по нашим лицам.

— Смею заметить, что вам всем не мешало бы подкрепиться. Пойдемте на кухню, и я займусь ужином.

Пока доктор готовил еду, мы вкратце рассказали ему нашу историю. Как любой разумный человек, он не поверил бы ни слову, но рядом на полу, обхватив руками колени, сидела Радифь. Улыбка исчезла с его лица, Хансен притих и задал лишь несколько вопросов, чтобы прояснить некоторые моменты. В конце концов он поджал губы и покачал головой:

— То, о чем вы говорите, просто ужасно.

— Вам не следует бояться, доктор, — внезапно вмешалась Радифь. — Вас вводят в заблуждение. На самом деле...

Я оборвал ее на полуслове и приказал изменить свой облик. Но она только усмехнулась в ответ.

— Если бы я могла. То, о чем вы говорите, абсолютно невозможно. — Радифь повернулась к Хансену: — Доктор, истина, в двух словах, такова. Я член экипажа исследовательского корабля, который несколько месяцев назад прилетел к вам с Сириуса. Мы вошли в контакт с правительством Марса, так как только оно в данный момент контролирует ситуацию и способно принимать эффективные решения...

— Она лжет! — пронзительно закричала Крис. — Эта дрянь хочет выставить нас сумасшедшими, а мы... мы...

— О нет, — спокойно возразила Радифь. — Эти люди абсолютно разумны. Но политическая ситуация несколько... необычная. Мы предложили правительству Марса присоединиться к межзвездному союзу, который уже объединяет дюжину цивилизаций, и Архон очень заинтересовался подобной возможностью. Однако одним из обязательных условий являлся отказ от жесткого суверенитета, и, поскольку это требование могло вызвать мощный протест оппозиции, Архон решил вести переговоры тайно, чтобы через какое-то время поставить общественность перед свершившимся фактом. Прослышав об этом, силы оппозиции попытались сорвать переговоры. Они хотели похитить несколько членов нашей группы для дальнейшей дискредитации. Но их план не удался, и после серии отвратительных убийств они пленили только меня.

Хансен спокойно осмотрел нас всех.

— А почему им помогают земляне? — спросил он.

Где-то вдалеке заухала сова, и ее крик в ночной тишине казался зловещим знамением.

Радишь пожала плечами:

— Я и сама не понимаю, особенно если учесть, что данное соглашение пойдет Земле только на пользу. Если бы Солнечная система вошла в наш союз, у Марса больше не было бы причин бояться могущества Земли, а значит, порабощение вашей расы потеряло бы свою актуальность. Лично мне кажется, что этих людей купили, пообещав им большую награду.

Ее наглая ложь заставила меня взрывать от ярости.

— Хансен! Я сражался за Землю с шестнадцатилетнего возраста.

— Говорить можно все что угодно, — парировала Радишь. — Да, забрали в армию, и что из этого? В любом случае он бы не отвертелся от службы.

Какой кошмар! Что делать, как убедить старика? Как заставить его понять? Мы не могли остаться здесь даже на день — если запереть доктора в доме, это сразу заметят соседи; если выпустить — он выдаст нас властям. И мы не могли таскать его с собой, даже ради здоровья Элис... Что же теперь делать?

Затянувшееся молчание нарушил хриплый смех Реджелина.

— Аклан тубат! — вскричал он. — О Радишь! Я восхищен вашей попыткой опорочить нас. — Он склонился над ней и холодно спросил: — Итак, вы утверждаете, что не можете менять форму? Вы готовы еще раз подтвердить, что мы лжем?

— Конечно, — ответила Радишь. — Доктор Хансен, вы же медик и понимаете...

Реджелин метнулся вперед. Ударом ноги он отбросил ее к стене, а затем подтащил к плите. Схватив и вывернув левой рукой запястье Радиши, он молниеносно снял с плиты ковш с закипавшей водой и поднес к ее ладони.

Все произошло так быстро, что реакция пришельца была чисто рефлекторной. Отдернувшись от ковша, рука удлинилась, стала тонкой и необычайно длинной. Радишь зарычала и тут же восстановила свой облик.

— Доктор, — запричитала она. — Все верно, мы иногда можем менять форму тела...

— Не надо оправданий, — произнес Хансен. — Вы сделали все, что могли.

Облегченно вздохнув, мы прошли в гостиную. Наши усталые тела почти растекались в широких и удобных креслах. Сцепив руки за спиной, Хансен мерил комнату шагами, упорно пытаясь придумать для нас какой-нибудь план.

— Обычная полиция не поможет, — рассуждал он вслух. — Как им и положено, они доложат о происшествии в главный штаб марсиан, а чуть позже пришельцы уничтожат всех свидетелей заодно с вами. Если же копы сохраняют это дело в тайне, им все равно не удастся наладить контакт с теми, от кого зависит принятие решений.

Комендант континента наверняка окажется чужаком, а значит, настоящие марсианские офицеры, узнавшие о заговоре пришельцев, будут объявлены участниками государственного переворота или мятежа. Их тихо уберут, и офицеры других штабов на Земле, Луне и Марсе узнают правду лишь в тот момент, когда любое сопротивление будет бесполезно. Все, что нужно пришельцам, так это время.

— Нам может помочь только Юит дзу Талазан, — сказал Реджелин. — Его ранг недостаточно высок, так что его вряд ли заменили, поэтому я уверен, что он настоящий марсианин; в то же время это очень смелый и способный офицер. Если нам удастся его убедить...

— Хорошо, — сказал Хансен. — Я могу передать ему от вас весточку. Не знаю, как вы это сделаете, но попросите его приехать к вам, — возможно, даже с какими-то доверенными коллегами. Только обязательно предупредите вашего друга о соблюдении строжайшей секретности. Если он откликнется на просьбу, вы покажете ему эту... Радифь. Я думаю, он отправит вас куда-нибудь в безопасное место, а сам предпримет необходимые действия.

— Неужели вы надеетесь, что я еще раз куплюсь на ваш трюк? — с усмешкой спросила Радифь. — Тогда мне вас просто жаль!

— О, есть много других способов, — спокойно ответил Хансен. — Ваш метаболизм, по-видимому, во многом подобен нашему, если не считать особенности управления клеточным уровнем. Я почти уверен, что скополамин или нечто похожее окажет на вас прекрасное воздействие. В самом крайнем случае можно вызвать инсулиновый шок, который на все сто процентов спровоцирует у вас видеоизменяющие конвульсии.

Радифь отшатнулась и потупила взгляд. Во всем ее облике чувствовалась безнадежная тоска. Я не хотел бы быть на ее месте — в плену у заклятых врагов, которым нечего терять.

Потерев лоб над поникшими от усталости антеннами, Реджелин задумчиво посмотрел на доктора.

— Хорошо, я напишу Юиту письмо, поясню ему суть ситуации и попрошу ради нашей старой дружбы приехать и убедиться во всем самому. Конечно, он сделает это — даже в том случае,

если не поверит мне. Он такой. Но как вручить ему послание и при этом обеспечить секретность?

— Мне придется остаться здесь, — ответил Хансен, — но я могу устроить такую доставку. Неподалеку живет молодой паренек, который иногда выполняет мои поручения. Ему не сидится на месте, и он с огромным удовольствием поедет хоть на край света. Я расскажу ему, что ночью через поселок проезжали марсиане, которые разыскивали вас. Кстати, это объяснит появление машины — а ее наверняка кто-нибудь заметил. Так вот, я скажу парню, что слышал от марсиан о раздаче пенициллина, которую организует Юит. Короче говоря, мой гонец повезет письмо, а уж что я ему наплету, одному только Богу известно.

Я почувствовал прилив язвительного раздражения, но поспешно взял себя в руки и сказал:

— Юит работает в разведуправлении, и марсиане тут же обнаружат ваш обман.

— Они ничего не узнают. Эта история предназначается только для моего парня, и я попрошу его никому о ней не рассказывать. Если кто-то из марсиан начнет приставать к нему с расспросами, он всегда может сослаться на то, что является информатором. А таких, мне кажется, среди людей сейчас хватает. Каждому хочется жить, но некоторым хочется жить хорошо.

— Унвен! — согласился Реджелин, и его глаза сверкнули. — Думаю, вы на верном пути, доктор. Мне кажется, нам надо остановиться на вашем предложении!

— Тогда все в порядке. Вот стол. Можете садиться и писать письмо.

Когда высокая фигура Реджелина неуклюже согнулась над низким журнальным столиком, доктор Хансен повернулся ко мне.

— Вы и сами понимаете, что вам нельзя здесь оставаться, — сказал он. — Я не могу укрыть у себя всю вашу компанию, а в поселке найдется немало людей, которые с радостью донесут на вас за награду. Поэтому вам лучше всего затаиться в каком-нибудь безлюдном месте. Юит может сначала приехать ко мне, а я провожу его к вашему убежищу.

— Возражений нет, — ответил я. — Вот только куда нам идти?

На лице доктора появилась хитрая улыбка.

— Как вы смотрите на то, чтобы немного отдохнуть и отъесться? Почему бы вам не провести несколько дней на рыбалке? У меня есть домик в сотне миль отсюда — это местечко называется Эроухед. Будьте покойны, ближе чем на двадцать миль вы

в этой глуши никого не найдете. Да там сам Бог велел сидеть и прятаться.

— А Элис? — воскликнула Киска.

— Она останется здесь. Со мной девочка будет в большей безопасности. А ребенка я спрячу без труда. Обещаю вам, что позабочусь о ней и поставлю на ноги.

Крис покорно кивнула и закрыла лицо руками.

— Вам понадобится еда, — напомнил Хансен. — Я тут запасся всякими консервами, а в погребе у меня есть зелень и овощи. Помогите мне погрузить это в вашу машину.

— Но вам же самому надо есть... — смущенно пробормотал я.

— Как-нибудь проживу. А теперь вперед — вам пора уходить.

Очень тихо и по возможности незаметно, чтобы не разбудить соседей в ближайших домах, мы перенесли в машину несколько коробок и пакетов.

— Этого вам хватит на пару недель, — переводя дух, сказал мне Хансен. — А чтобы поэкономить запасы, вы можете ловить рыбу. Для северян такое озеро в диковинку.

Мы вернулись в дом, и он нарисовал мне маршрут. Я сложил бумажку и сказал:

— Доктор, мне нечем отблагодарить вас.

— Вот и не надо, — ворчливо ответил доктор.

Реджелин запечатал письмо и написал пару адресов, по которым можно было найти Юита. Крис встала, поднялась на несколько ступеней и жалобно посмотрела на меня.

— Дейв, ты не мог бы пойти со мной?

А потом мы молча стояли с Элис. Девочка мирно спала, и я отметил про себя, что теперь она выглядит менее возбужденно. Киска склонилась и поцеловала малышку.

— До встречи, деточка, — прошептала она. — Я люблю тебя больше всех на свете.

Мы спустились в гостиную. Реджелин почтительно поклонился Хансену и в знак уважения отдал марсианский салют. Крис и я без слов пожали старику руку. Потом мы загнали Радифь в машину и тронулись в путь.

Пару раз Реджелин проскакивал нужный поворот и терял направление, а однажды мы едва не запаниковали, когда над нами пролетел вертолет. Услышав шум винтов, Реджелин тут же свернул с дороги под сень густого леса. Решив, что нас все же заметили, мы приготовились к обороне, но вертолет промчался мимо. А когда перед самым рассветом мы добрались до места, в баке осталось лишь пара капель горячего.

— Дальше мы уже не уедем, — сказал Реджелин.

— Я и не жалею об этом, — ответила Крис.

Она стояла под высокими деревьями, в листве которых запутался ветер, и полной грудью вдыхала воздух, пропитанный озерной свежестью.

Мы загнали машину в дровяной сарай, который стоял во дворе. Я открыл ключом дверь, и вся наша группа вошла в опрятный, мило обставленный коттедж, состоявший из кухни и четырех комнат. Реджелин и я наблюдали за Радифью до рассвета, а Киска заснула, как уставший ребенок.

Восход пришел в короне света. Длинная трава у дома сверкала от росы, а за редкой изгородью из елей, бука и сумаха серебрилось покрытое рябью озеро. Пахло свежестью, зеленой листвой, иголками, лесным мхом, водой и солнцем.

После завтрака я еще раз осмотрел сарай, примыкавший к дому. Мне понравились его крепкие стены и бетонированный пол — такой сарайчик и бульдозером не свернешь. Я вывел из него машину, подогнал ее к дому и спрятал под срубленными ветками, а затем, втащив в сарай раскладушку и кое-какие постельные принадлежности, привел туда Радифь.

Она села на раскладушку и, изменив форму лица, изобразила улыбку. Я понял, что она оценила мои старания, хотя улыбка у нее получилась ужасной.

— А тут не так и плохо, — сказала она.

— Мы не можем держать вас все время на мушке, — ответил я. — Вы будете находиться здесь, пока не придет Юит. Я думаю, это займет около недели, так как посланник Хансена поедет в город на телеге. Питание мы вам гарантируем. Возможно, вы хотите получить несколько книг? В домике есть небольшая библиотека.

— О нет, — с усмешкой сказала она. — Мы, таховвы, созданы не для того, чтобы сидеть и размышлять о смысле жизни. Но я благодарю вас.

— Мне очень жаль, что вы так непреклонно настроены на покорение миров. Возможно, ваша раса не такая и злобная. Если бы вы пришли к нам открыто, мы не оставили бы вас в беде.

— И в покое, не так ли? — со злостью спросила она. — Милостыня и надзор — вот и все, на что бы вас тогда хватило.

— Тем не менее вы могли бы жить, растить детей и развивать свою культуру. Даже сейчас еще не все потеряно. Откажитесь от претензий на мировое господство, и мы вернем ситуацию назад.

— Нам это пока ни к чему.

— Да, боюсь, вы этого не сделаете. Радифь, вы не могли бы рассказать мне еще что-нибудь о себе и своем народе?

— Нет. И прошу вас уйти.

Я запер дверь сарая на висячий замок и вернулся в дом. Мне хотелось спать, но нервное напряжение не позволяло расслабиться. У моего марсианского приятеля таких проблем не существовало, и его длинные ноги уже торчали за пределами койки. Крис сказала, что хочет навести в доме порядок, а затем со спокойной душой отправиться на озеро и как следует выкупаться.

— Оставь мне первую половину дела, а себе возьми вторую, — предложил я.

Киска скорчила гримасу и неодобрительно покачала головой:

— Дейв, твое благородство начинает утомлять.

Холодная вода была прозрачной как стекло. Она обжигала кожу, разгоняла по жилам кровь, и Крис смеялась — впервые за все это время. Мы выскочили на берег, легли на траву и подставили продрогшие тела горячему солнцу. Казалось немного странным, что больше не надо прятаться и ждать наступления темноты.

— Интересно, как там сейчас Элис? — задумчиво сказала Киска.

— С ней все в порядке, — ответил я. — Конечно, она скучает по тебе, но Хансен очень милый старичок. И если нам повезет, ты снова увидишь ее через пару недель.

— Или никогда... О нет, лучше не думать об этом.

Она тряхнула головой, и золотистые волосы взметнулись сияющей волной. Я сжал ее ладонь и нежно коснулся чуть влажных мягких губ. Она ответила на поцелуй с внезапной дикой страстью.

После обеда мы с Реджи нашли под навесом лодку и, взяв рыболовные снасти доктора, отправились на озеро. Нас восхитил этот широкий простор, окольцованный лесом, это высокое небо над головой и покой, который царил всюду. Мы поймали щуку и с десятка окуней; Крис к этому времени отыскала заросли голубики, поэтому ужин у нас получился превосходный.

На следующее утро Крис пожаловалась, что ее измучили кошмары. Она не могла вспомнить смысл видений, но чувство опасности осталось. Мне хотелось разведать окрестности, и я предложил ей прогуляться вокруг озера. Мы прошли мимо нескольких дачных домиков, но все они оказались пустыми. И невероятно — такие удаленные от цивилизации места стали в

наши дни почти недоступны. Крис и я о многом успели поговорить в пятнистой тени деревьев, но мне бы не хотелось повторять здесь эти вещи. А потом она прошептала:

— Зачем же нам ждать, Дейв? Может быть, у нас нет будущего. Может быть, мы завтра умрем. Так зачем же ждать?

Мы вернулись на закате. Реджелин сидел на крыльце и читал какую-то книгу. Увидев, что мы идем рука об руку, он лукаво усмехнулся и, прочистив горло, сказал:

— Я должен вам напомнить, что Земля в данный момент находится под юрисдикцией марсиан, а следовательно, подчиняется их законам. В нашем административном кодексе есть пункт, о котором вы, возможно, не слышали. Например, я как офицер наделен полномочиями выдавать разрешение на брак. Вас это интересует?

— А как же! — радостно воскликнул я.

Киска подбежала к Реджи и поцеловала его в щеку.

Никто из нас не помнил, как должна проходить церемония бракосочетания, но мы провели ее как могли. Потом Реджелин произнес слова марсианского ритуала и специально для нас перевел их на английский язык. В стенах дачного домика под небом Земли они звучали странно и порой не к месту, но их наполняла строгость языческой красоты, которую я никогда не забуду. Мы устроили свадебный ужин и открыли бутылку дешевого вина, которую Хансен положил в одну из коробок. А чуть позже Реджелин признался нам, что всегда мечтал порыбачить под лунным светом, и теперь ему не хотелось упустить свой шанс.

Наш медовый месяц имел горьковатый привкус, но мы старались не думать об этом слишком много. В преддверии смерти и тьмы он приобрел какую-то запредельную сладость. И боюсь, что мы совсем забыли о Реджелине, хотя в этом отчасти была и его вина — он всеми силами старался держаться в стороне. «Киска, милая моя, если ты когда-нибудь прочитаешь эти строки, вспомни эти дни и ночи. И знай, я всегда любил тебя. Всегда».

Иногда у меня находилось время и для других занятий. В первую очередь я, конечно, изучил и опробовал оружие с Сириуса. Мои догадки подтвердились: оно оказалось сверхмощной компактной версией резонатора Колсона, который мог проецировать на расстояние созданное им силовое поле. Зарядом являлся виток какой-то проволоки, который на дюйм проникал в пусковую камеру и после выстрела бесследно исчезал. Проволока, надо полагать, содержала сплав, который находился в

аномальном энергетическом состоянии, но я понятия не имею, из чего он производился и каким образом удерживался в таком метастабильном состоянии. На рукоятке имелся регулятор, фиксировавший ширину силового луча. Широкий луч охватывал большую площадь, но действовал менее эффективно; однако, разрушая клеточные ядра, он мог убивать без шума и внешних признаков насилия. Узкий луч предназначался для резкого и мощного разряда, который действовал даже на сравнительно больших расстояниях. При ширине разреза в несколько атомов он насквозь рассекал любой предмет, никак не влияя на то, что не попадало в прицел. Прекрасное многофункциональное оружие! Его принципы могли бы найти применение во многих областях мирной индустрии. И жаль, что этого не произошло.

Нас все чаще тревожила судьба парня, посланного Хансеном. Любая неудача грозила неминуемой смертью, и мы на всякий случай начали возводить вокруг дома оборонительные рубежи. Помирать — так с честью, чтобы каждая жизнь дорого обошлась врагу.

Сняв с угнанной машины тяжелый пулемет, мы установили его у передней двери за баррикадой из мешков и ящиков, наполненных землей. Все ставни на окнах закрывались изнутри, поэтому мне оставалось лишь вырезать в них узкие амбразуры — единственным исключением стало маленькое окошко кухни. На случай атаки мы разработали план обороны. Один из нас занимал позицию у пулемета и прикрывал подходы со стороны озера; второй защищал две спальные комнаты в задней части дома, в то время как третий мог отдыхать на кухне, готовить еду или спать, а в случае подозрительных передвижений в этом секторе предупреждать об опасности и вести стрельбу на поражение.

Среди вещей Крис нашла шариковую ручку и этот старый блокнот. (Может быть, он принадлежал когда-то ребенку Хансена? Не знаю. И скорее всего, не узнаю никогда.) Проводя за дневником по несколько часов в день, я описывал все, что случилось с нами до этого времени. Если мы, несмотря на все наши усилия, потерпим поражение, я запячу эту тетрадь; пусть она откроет правду тому, кто случайно наткнется на нее, и, возможно, он продолжит наш труд. Я понимаю, что глупо надеяться на это, но все же...

А теперь мне осталось дописать конец. Я только что закончил дежурство и мог бы поспать, но не хочу. Развязка была близка, и меня душит злость, когда я пишу об этом. Ладно, надо собраться с мыслями и закончить рассказ.

Прошло девять дней с тех пор, как мы обосновались у озера. Я сидел на берегу, радуясь теплу вечернего солнца, и вдруг заметил рядом с собой длинную тень Реджелина.

— Привет, старина, — сказал он. — Удрал от жены?

— По-моему, ты читаешь слишком много английских романов, — ответил я. — На самом деле Крис выгнала меня из дома; сказала, что ей надо помыть волосы, и, видишь ли, ее будет смущать мой взгляд, к которому она еще не привыкла.

Он растянулся рядом со мной на траве.

— Интересно, почему Юит так задерживается?

— Не знаю, — ответил я. — Видимо, у него есть свои несложные дела. Кроме того, он должен позаботиться о прикрытии. Чтобы сохранить поездку в тайне, ему нужно придумать повод, какое-то мнимое задание.

Сам того не желая, я подумал о реальном положении вещей и нахмурил брови.

— Пусть даже так... — согласился Реджелин и вдруг, резко приподняв голову, уставился в западную часть неба. — Ты слышишь?

— Что? — удивленно спросил я.

До меня доносились лишь шелест листвы и тихий плеск волн, которые лениво накатывали на берег.

— Самолет... Быстрее! В укрытие!

Мы вскочили на ноги, побежали и почти добрались до крыльца, когда я услышал над собой чудовищный грохот, от которого запрыгало сердце. Самолет, марсианский разведчик, промчался почти над крышей и через секунду, скользнув над озером, скрылся за далеким лесом.

Крис выбежала к нам и бросилась в мои объятия.

— Что это? Что? — шептала она. — Что они задумали?

— Успокойся, милая. Скорее всего, это просто совпадение, — ответил я и через ее плечо обменялся с Реджелином мрачными взглядами. Конечно, Юит не стал бы посылать сюда самолет-разведчик, и не было ни одной причины, по которой местечко Эроухед могло вызвать интерес у оккупационных властей.

Марсианин отозвал меня в сторону.

— Мне это абсолютно не нравится, — сказал он. — Я вот думаю, может быть, одному-двум из нас убраться отсюда подальше на случай, если...

Я покачал головой:

— Это не имеет смысла, Реджи. Если Юит появится, все образуется само собой. Но если на наш след вышли враги, от них уже не убежать. Рано или поздно они расправятся с каждым из

нас. — Я сжал кулаки. — Мне надоело убегать. Пусть все закончится сейчас — раз и навсегда.

Он одобрительно кивнул, и я вернулся к Киске. Время шло, а мы сидели на крыльце и, взявшись за руки, молчали. Солнце садилось все ниже и ниже, по земле расползались вытянутые тени. И когда часа через три из рощи выбежал Реджелин, мне стало ясно, что наши худшие предчувствия сбылись.

— Я слышу шум мотора, — закричал он. — К нам приближается машина.

— Вот и хорошо... — Я встал и потянулся, чтобы расслабить напряженные мышцы. — Так или иначе, но нашим скитаниям пришел конец.

Пригладив ладонью волосы Крис, я кивнул, и мы вошли в дом. Реджелин остался на крыльце, положив рядом с собой автомат.

Из-за живой изгороди появился новенький автомобиль — той же марки, что и у Аландзу, но более утяжеленный и оснащенный мощными пулеметами. Подъехав к дому, машина остановилась. Посмотрев через амбразуру в ставне, я увидел подлюжины марсиан. Один из них — высокий, в черной униформе — вылез из машины.

— Реджелин! — прокричал он. — Реджелин дзу Корутан!

— Это Юит! — воскликнул наш друг, но в его голосе чувствовалось разочарование.

Он перешел на ваннзару и произнес речь, о которой мы договорились заранее:

— Я рад, что ты пришел, мой старый товарищ. Нам есть что показать тебе, но пока это можешь увидеть только ты. Попроси остальных оставаться на местах и войди в наш дом.

Последовал решительный ответ, и Реджелин перевел нам его содержание:

— Он отказывается. Юит говорит, что даже теперь он сомневается в нашем рассказе и боится, что мы попытаемся убить его. Он требует, чтобы мы вышли к ним сами.

— А больше они ничего не хотят? — со злостью проворчала Киска.

Они какое-то время спорили и торговались. Наконец Реджелин сказал:

— Я согласился, что он войдет внутрь в сопровождении двух товарищей. Будьте готовы... ко всему.

— Иди в спальню, Крис, — прошептал я. — Оставь дверь полуоткрытой. Будешь нас прикрывать.

Она кивнула и ушла. Я остался ждать. От ног к голове пробежала холодная волна предчувствия.

Реджелин пропустил в дом троих марсиан. Нацелив на нас револьверы, они настороженно осмотрели комнату и убедились, что у меня нет никакого оружия. А когда Реджелин прислонил автомат к стене, офицеры немного расслабились и заулыбались. О чем-то быстро говоря, Реджи повел их за собой на кухню.

Юит с гордым видом прошел мимо меня. Я быстро вытащил из тайника палку с батареей и, нажав на кнопку, коснулся проводами его руки. Он взревел. Лицо марсианина превратилось в звериное рыло. Я набросился на чужака и ударил его плечом.

Мы упали на пол, ругаясь и выкручивая друг другу руки. Реджелин отскочил в сторону, и тут загрохотал револьвер Киски. Оба других офицера, получив ранения, пытались открыть ответный огонь, но Крис добила их серией метких выстрелов.

Придушив пришельца, который выдавал себя за Юита, я уселся ему на грудь и смял кулаком заостренное ухо. Его тело так и осталось наполовину марсианским. Из разбитой пасти струилась кровь, он хрипел и отплевывался розовой пеной. Я услышал приглушенный треск — это Реджи выстрелил из расщепителя материи и разнес их машину в куски.

Вонзив в живот противника острое колено, я обхватил руками его толстую шею и колотил чужака головой об пол. Через какое-то время он затих. Я присел над ним, со всхлипами втягивая воздух. Во дворе раздалась автоматная очередь; по стенам дома зашелкали пули.

— Дейв, Дейв, Дейв!

Крис склонилась надо мной. По ее лицу текли слезы.

— Дейв, с тобой все нормально?

— Да, — прошептал я и прижал ее к себе. — Все нормально, Киска.

Реджелин отошел от окна и мрачно взглянул на меня.

— Я прикончил одного вместе с их машиной. Осталось только двое, но они прячутся где-то в кустах. Приготовься к обороне.

Когда псевдо-Юит зашевелился и начал стонать, мне пришлось затащить его на кухню и открыть дверь в сарай. Чужак покорно присоединился к Радифи. Я запер дверь на ключ и вернулся в гостиную, чтобы подобрать оружие.

Солнце опустилось к самому горизонту, и озеро засияло золотыми бликами. Я слышал, как на деревьях пели птицы, — очевидно, их не испугала наша перестрелка. Враги пока не появлялись.

Крис обыскала тела убитых офицеров и разложила наши трофеи на столе. К нашему оружию прибавилось три револьвера и два расщепителя материи. А эти штуки могли нам здорово пригодиться.

— Пора занимать позиции, — устало напомнил я.

— Неужели это конец? — сквозь слезы прошептала Киска.

Она покачала головой; худенькие плечи сгорбились от тяжести беспросветного отчаяния.

— После всех наших усилий, лишений и бед мы потерпели поражение. Они нас нашли. Что же теперь делать?

— Мы должны продолжить наш бой, — воскликнул марсианин. — Я из клана Реджелин дзу, и в нашем роде не сдаются!

— Если нам удастся продержаться достаточно долго, ситуация может измениться, — поддержал я его.

Мы ждали атаки до самой темноты. Когда меня подменила Крис, я прошел на кухню и открыл дверь сарая. Две приземистые фигуры метнулись ко мне из мрака. Мы наглухо заколотили досками наружную дверь, поэтому единственной дорогой к спасению стал путь через кухню. Движением автомата я отогнал их прочь.

— Какое твое настоящее имя, чужак? Мы не хотим называть тебя Юитом. Реджелин считал его лучшим другом.

— Меня зовут Насир, — прозвучал сердитый ответ из густого мрака. — А теперь послушайте меня. Я советую вам сдаться. Вы оказались в безвыходной ситуации.

— Но мы еще живы. И если вы так добры, то удовлетворите мое любопытство. Скажите, как вы нас нашли?

— С самого начала ни у кого из нас не вызывало сомнений, что вы попытаетесь связаться с каким-нибудь высшим должностным лицом. Мы проверили всех фронтовых друзей Реджелина и, выделив среди них Юита, произвели его замену. Потом пришло ваше сообщение. Отыскав доктора Хансена, мы ввели в его кровь наркотик и задали несколько вопросов.

— Я так думаю, Юит и Хансен мертвы?

— Конечно, — прозвучал безразличный ответ. — То же самое произойдет и с вами, если вы не пожелаете сдаться.

— А ребенок? Тот, который жил у Хансена?

— У нас не было причин наносить девочке какой-то вред. Она ничего не знает.

— Ну хотя бы за это спасибо.

Я закрыл дверь и, вернувшись к друзьям, рассказал им последние новости.

— Мы могли бы выскользнуть отсюда, пока они не сомкнули кольцо, — предложил Реджелин.

— Могу поспорить, что они уже окружили нас, — ответил я. — Для них это слишком большая игра, и пришельцы не будут рисковать. Пока я вижу только один выход — когда они пойдут в атаку, мы дадим им решительный отпор, а затем попытаемся прорваться. Возможно, в пылу сражения кому-то из нас удастся ускользнуть.

Мы ждали.

Около полуночи подъехала еще одна машина, а за ней подкатил легкий танк. Черная броня тускло поблескивала в лунном свете. Крис только что заснула, но ее пришлось разбудить. Мы, выжидая, прильнули к амбразурам. Из машины вышли три чужака и, подняв над головой белый флаг, направились к нам по мокрой траве. Они даже не потрудились изменить свой облик. От нас на переговоры вышел Реджелин.

— Если вы не сдадитесь, — сказал пришелец, — мы уничтожим вас. Танк одним снарядом разнесет ваш дом на куски.

— Тогда почему вы не расстреляли нас до сих пор? — холодно спросил Реджелин.

— Только из-за пленника или пленников, которые могут находиться в этом доме. Мы готовы обменять их у вас. Ваши жизни за их жизни.

— Мы не верим вашим обещаниям, — ответил Реджелин. — Но даже если они и правдивы, я не могу представить себе жизнь в плену. Уходите.

Таховвы удалились. Я навел на цель расщепитель материи и выстрелил. Машина и танк находились за пределами эффективного поражения. Сузив луч до тонкой иглы, я сделал еще один выстрел и прочертил линию на бронированном боку танка. Его мотор взревел, боевая машина быстро отъехала назад. Мой выстрел в сторону пушки оказался более удачным — длинный ствол упал на землю.

Меня охватила волна дикой радости.

— Где же теперь ваши снаряды? — закричал я. — Что? Взяли?

— По местам! — прокричал из темноты Реджелин. — Я слышу шаги солдат. Они приближаются со всех сторон!

Глава 10

Таховвы наступали молчаливой волной, стремительно возникая из темноты и бросаясь к стенам домика. Мы установили расщепители материи в режим широкого луча и сминали ряд за

рядом. Я видел, как их разрывало на части, взрывало изнутри, разбрызгивало по сторонам. Под карнизом росла грудa тел, а они все шли и шли. За моей спиной, у переднего входа, за ревушим пулеметом пригнулся Реджелин.

Пули с треском впились в стены, словно мощный град. Время от времени из тьмы вырывались языки огня. Они пытались поджечь бревна из огнемета. Но пропитанные химическим составом доски не желали поддаваться и защищали не хуже бетона. Мы удерживали таховвов на расстоянии, выкашивая их лучами, расстреливая почти в упор, и они наконец отступили. Вокруг остались только тишина, свет звезд, кровь и роса.

Я не увидел Сириус среди других созвездий, но мне подумалось, что он сияет в небесах, как зловещий глаз. Зачем они сделали это? Внутри меня бушевала ярость. Зачем они отправили их к нам?

— Я думаю, это будет хорошим уроком для пришельцев, — сказала Крис.

В густой темноте дома голос Киски казался маленьким и дрожащим.

— Мне кажется, они оставят нас в покое.

— Может быть, и так, — мягко ответил я. — Иди немного поспи, дорогая.

— А мне интересно... — задумчиво произнес Реджелин.

Я взглянул на дверной проем и отыскал его темный силуэт, протупавший на фоне звезд и облаков.

— Интересно, почему они решились на этот штурм? Мы нанесли им огромный урон. Последняя атака стала причиной гибели многих таховвов. А в Солнечной системе их не так и много, чтобы они могли столь безрассудно жертвовать своими сородичами. Почему они не забросали нас бомбами или снарядами?

— Думаю, мне удастся ответить на твой вопрос, — сказал я. — Любой снаряд или бомба превратят это место в руины. От нас и мокрого пятна не останется. А как они тогда узнают, все здесь мы или нет? Они же понимают, что, ожидая Юита, мы могли разделиться, и, значит, один из нас по-прежнему будет угрозой... Они до сих пор не знают, сколько людей нам удалось убедить в своей истории. Таховвы захотят проверить наличие других свидетелей, поэтому они сделают все возможное, чтобы сохранить одного из нас в живых для допроса.

— Звучит разумно. Но они не будут жертвовать собой до бесконечности. В конце концов они нанесут ответный удар или устроят бомбардировку с воздуха.

— Да. И прежде чем это произойдет, кто-то из нас должен уйти, чтобы разнести правду о пришельцах. Конечно, нам надо было сделать это чуть раньше, но... теперь уже ничего не изменишь.

Длинная ночь тянулась нескончаемо долго. Мы слышали, как они передвигались по периметру, — трещали кусты, шумели моторы, время от времени раздавались хриплые гортанные фразы.

— Похоже, они пригнали сюда целую армию, — сказал Реджелин. — Мои поздравления, командор!

— Я мог бы скромно обойтись и без них, уважаемый севни.

На рассвете появились самолеты. Пара боевых машин вырвалась из облака и понеслась к нам, нацеливая носовые пушки.

Пока они шли в пике перед заходом на атаку, мы, выбежав на порог, расстреливали их из расщепителей материи. Один самолет разнесло в воздухе. Носовая часть врезалась в землю, а крылья и хвост рухнули на поляну в лесу. Второй истребитель резко повело в сторону, и, оставляя за собой шлейф черного дыма, он исчез из поля зрения. Наши стены изрешетило осколками выпущенных снарядов, но дом по-прежнему держался крепко.

На какой-то момент ситуация зашла в тупик. Им не удалось приблизиться и разрушить стены снарядами малой мощности, бронетехникой или расщепителями — наше оружие не позволяло этого. А взорвав дом прямым попаданием, они уничтожили бы все улики. Но рано или поздно эта дилемма будет решена: они могли сбросить рядом несколько бомб и вызвать у нас тяжелую контузию. Они могли просто заморить нас голодом.

— Но эти методы им не помогут, — сказал я за завтраком. — Мы попытаемся прорваться.

После бессонной ночи мозги едва ворочались, и я почти ничего не соображал.

— Если бы нам удалось спровоцировать их атаку, кто-то из нас в суматохе мог бы проскользнуть сквозь кольцо блокады...

— Надо подождать до темноты, — бесстрастно ответил Реджелин. — А вот чем мы займемся до этого времени?

Киска взглянула на меня и напомнила:

— Мы совсем забыли о пленных...

Прим-Интеллект нахмурился. Из тетради вырвали страницу. Почему?

Впрочем, ее могли вырвать по множеству простых причин — например, чтобы вытереть кровь, зажечь огонь или что-нибудь подобное. Но ему не понравился этот факт с утерянной страницей.

Дэвид Арнфельд и Реджелин дзу Корутан мертвы. Кристин Хоторн находится в плену под жестким наблюдением. Прошло три недели, и, видимо, других свидетелей действительно нет. Женщина отвечала на вопросы с такой истерической готовностью, что им даже не пришлось применять наркотические вещества — а этот вид допроса очень утомительный и требует много времени. Хотя было бы мудрее сделать это.

Бегло просмотрев окончание дневника, Прим-Интеллект решил, что утерянная страница как-то связана с пленными, которых ликвидировали из предосторожности, — во всяком случае, так утверждает Хоторн. Тела Радифи и Насира опознать не удалось; скорее всего, их расщепленная плоть смешалась с разорванными останками трупов, усеявших дом при последней атаке таховвов. А может быть, Арнфельд не захотел оставлять в своих записях мерзкие подробности несправедного убийства.

...появлялись из леса, выпуская из бронированных дверей все новых и новых чужаков. Наши стволы раскалились, смерть косила врагов целыми рядами, но они упорно продвигались вперед. Через несколько секунд таховвы прорвались к передней двери.

Пулемет Реджелина замолк, марсианин бросился в дом, спасаясь от брошенной гранаты. Она разорвалась с ужасным грохотом, накрыв комнату стальными осколками. Я нырнул под стол, сминая лучом расщепителя вбежавших в гостиную солдат. А в спальне, за моей спиной, Крис расстреливала из автомата сапиров, которые повторно пытались подорвать заднюю стену. Весь дом дрожал, по стенам ползли струйки дыма.

И вдруг все кончилось. Они снова отступили, оставив нам зловещую тишину. Дом был завален обломками рухнувшей мебели, испятнан ключьями погибших существ. Да, мы отогнали врага, но отныне нам предстояло жить среди всего этого ужаса.

Реджелин сел, прижимая к груди левую руку. Я подошел к нему и дрожащими пальцами перевязал глубокую рану. Рука почти не действовала, но он еще мог держать оружие. Реджи устало улыбнулся и побрел на кухню, чтобы немного вздремнуть на раскладушке.

— На этот раз им почти удалось прорваться, — сказал я Крис. — Прости, моя радость, что я втравил тебя в такое дерьмо.

— Нет, это я втянула тебя... помнишь?

Она хотела рассмеяться, но у нее ничего не получилось. Милое лицо покрывали полосы грязи, тело сотрясала непрерывная дрожь, которую она никак не могла остановить.

— Потерпи, — сказал я. — Скоро все это кончится. Скорее всего, они заставят нас сдаться. Сопротивление бесполезно.

— Нет, — ответила она. — Нам надо стоять до конца. Лучше умереть, сражаясь, чем жить в одной из их камер. Но я надеюсь, что они отпустят Элис. И может быть, кто-то ее приютит.

— Конечно, — с жаром согласился я. — Они отправят малышку в приют для сирот. Можешь не волноваться — об Элис позаботятся, и все будет хорошо.

— Мне бы хотелось... — Ее голос стал таким тихим, что я едва разбирал слова. — Я хочу тебя, Дейв. И мне хотелось бы иметь от тебя детей.

Наши губы слились в поцелуе. Послеполуденное солнце ярко светило сквозь выломанную дверь и осыпало блестящими искрами ее золотистые волосы. А потом мы оставили друг друга и разошлись по своим постам.

Под самый вечер, помахивая над головой белым флагом, к нам пожаловал таховва. Реджелин и я вышли на крыльцо. Крис осталась внутри, чтобы приглядывать за тылами, но она могла слышать весь наш разговор.

Пришелец спокойно сел на землю, и его странная фигура на фоне безмятежного земного леса казалась фрагментом чудовищного кошмара.

— Ваше упрямство неблагоприятно, — сухо сказал он. — Теперь уже никто не придет вам на помощь.

— Только не будьте слишком уверены в этом, — ответил Реджелин.

— Если вы хотите сказать, что успели распространить о нас информацию и мы не знаем о ваших контактах...

Его голос перешел в напряженный шепот и затих.

Реджелин пожал плечами.

— Можете думать все что угодно, — сказал он.

— Послушайте, — предложил я, — мы могли бы устроить обмен. Дайте нам самолет и какое-то время на взлет, а мы вам тогда...

— Прошу вас, давайте не говорить друг другу лишних слов, — с усмешкой сказал чужак. — Я должен признать, Арнфельд, мы восхищаемся вами и вашими друзьями. Мы не питаем к вам ненависти и лишь скорбим, что вы не на нашей стороне. Но необходимость подталкивает нас к предъявлению неприятного ультиматума.

— И какого?..

— У нас находится ребенок миссис Хоторн. Мы привезли малышку Элис сюда. Если вы не согласитесь сдаться, нам придется убить эту девочку.

Я услышал позади себя тяжелый стон. У меня закружилась голова.

Таховва махнул рукой. Из-за деревьев вышел еще один чужак. Он держал на руках Элис. Я видел, как девочка отбивалась и плакала.

— Сколько... — Горло перехватил спазм, и мне с трудом удалось произнести: — Сколько времени вы даете нам на размышления?

— Мы ждем ответа завтра на рассвете, — ответил он без всякой злобы.

Таховва повернулся и пошел прочь. Солдат снова скрылся за деревьями. Вокруг нас остались только трупы, кровь и жужжащие мухи.

Я вернулся в дом, обнял Крис, но горе превратило ее в камень.

Темнеет, а я все пишу эти последние строки. За стенами сгущается холодная северная ночь, на озере гаснут последние блики, все тише и тише шепот засыпающих деревьев. Фонарь на столе едва освещает страницы. Я сижу в южной спальней, Реджелин охраняет передний вход, Крис спит на кухне — если только она действительно спит.

Никому из нас не хочется видеть остальных — великое одиночество смерти уже наложило печать на наши сердца.

И нет никакой нужды караулить подступы к дому. Я думаю, таховвы сдержат свое слово. Зачем им обманывать нас? В принципе, они уже одержали победу. Но старая привычка заставляет нас держаться начеку. Мозг давно опустел — остались только привычки.

Когда таховва ушел, мы попытались обсудить ситуацию, но разговора не получилось. Киска плакала; ее трясло, из груди вырывались сухие, рвущие душу рыдания. Я попытался успокоить ее, но она вырвалась и оттолкнула меня.

— К чему все это? — спрашивала она нас снова и снова. — Нам конец! И все равно пришлось бы сдаться.

Реджелин покачал головой.

— Но только не живыми, — ответил он.

— А как же Элис? Они убьют ее. Они приведут малышку под наши же окна и перережут ей горло.

— Простите меня, Крис, — сказал марсианин. — Но тогда они уничтожат оба наших мира! Я не могу позволить, чтобы из-за одного ребенка...

— Да, сто раз да, если бы оставалась малейшая надежда! — закричала она хриплым от ярости голосом. — Но у нас нет ни одного шанса!

Лицо Реджелина помрачнело. Он замкнулся в твердыню гордости и холодно покачал головой. Я слышал о нерушимом кодексе чести марсианских воинов и знал, что Реджелин, впитавший эти правила вместе с молоком матери, никогда не сдастся живым.

— Им известно только обо мне и Реджи, — сказал я. — Но они ничего не знают о тебе, Крис. Они тебя не видели. И если мы вдвое сдадимся, ты можешь уйти ночью в лес...

— Откуда мне знать, что вы сдержите слово и не навяжете им новый бой!

Ее недоверие оскорбило меня до глубины души.

— Я никогда не предал бы нашей любви.

— Они все равно узнают! — закричала она. — Они будут допрашивать вас и узнают, что я на свободе.

— Но они не станут убивать из-за этого Элис, — сказал Реджелин. — Их законы войны полны коварства, но к своим заклятым врагам они относятся с благородством.

— Нет, я не могу, — хрипло ответила она. — Я не могу уйти и оставить девочку в их руках.

Реджелин взглянул на меня.

— Тогда это сделает один из нас, — твердо сказал он. — Дэвид, ты умный и ловкий человек. На твоём теле нет ран, и ты менее заметен на Земле. Если повезет, ты мог бы добраться до Торреса.

— Да, видимо, это единственный вариант, — печально произнес я.

— Дейв... нет! — яростно закричала Крис.

— Да! — ответил я, отводя от нее свой взгляд. — Прости, но другого выхода нет.

Она смотрела на меня очень долго. Потом Крис повернулась, ушла на кухню и закрыла за собой дверь. С тех пор я ее не видел.

Сейчас, наверное, полночь. Вскоре Реджи проберется в рощу, откроет огонь и привлечет к себе внимание. Пока он будет отстреливаться и менять позиции, я попытаюсь проскользнуть кольцо осады. Шансы так малы, что надежды почти нет, но мы должны пойти на этот последний шаг. Крис будет ждать здесь. Когда они придут сюда, она сдастся в плен. Я надеюсь, что, не-

смотря на мое бегство, таховвы оставят девочку в покое и Крис не будет думать обо мне слишком плохо.

Теперь надо спрятать эти записи. Я уже отодрал доску в полу, под которую хочу положить тетрадь. Может быть, кто-то через несколько лет наткнется на нее и узнает правду. Может быть...

Наверное, боги сейчас смеются надо мной. Но надежда умирает последней.

Эпилог

Прим-Интеллект отложил в сторону потрепанную и грязную тетрадь. Он прислушался к тишине, которая клубилась вокруг, а затем встал и медленно подошел к окну.

Там, далеко внизу, на объятых ночью окраинах Сан-Паулу виднелась высокая башня Генштаба марсианских оккупационных сил. Редкие и тусклые огни лишь подчеркивали необъятность пространства, а где-то дальше, во тьме, земля уходила за кромку мира. Его тайное управление казалось крохотным жуком, севшим на плечо огромного мира.

«Да, — подумал он, — надо поймать этого Торреса. Придет утро, и я отдам приказ».

Он вздохнул. Как груба и безжалостна война! Иногда ему даже хотелось, чтобы в тот знаменательный день их лидеры избрали другое решение. Но отныне поступь таховвов слышна на этом пути, и назад не свернуть. Он приведет свой народ к намеченной славной цели.

«Жаль, что мне не довелось узнать Арнфельда и Реджелина поближе, — подумал он. — Узнать как друзей. Интересно, о чем они думали в последние секунды жизни?»

А о чем тогда думала Кристин Хоторн? Она любила их обоих. И все же эта женщина взяла расщепитель материи, тайком выскользнула из кухни и расстреляла их в упор, прежде чем они успели ее остановить. Потом она с визгом и рыданиями побежала к таховвам, подняла шум, и весть о ее поступке собрала всех солдат. Она не только испортила вкус победы, она заставила нас содрогнуться.

И какой ужас ей пришлось пережить! Хотя, скорее всего, он по-прежнему терзает ее сердце. От ее мужа и друга почти ничего не осталось: искромсанные головы с едва различимыми лицами, об остальном просто неприятно вспоминать. Но ей хотелось спасти ребенка.

«Наверное, лучше всего отправить девочку в сиротский приют, — подумал он. — А ее мать мы убьем ночью, когда женщина забудется тревожным сном. Хотя не знаю. Может быть, еще раз допросить ее?»

О, горькая победа. Дневник не сообщил ничего нового, но он подтвердил показания Кристин Хоторн. А значит, факт существования таховвов снова скрыт за семью печатями, и долгая погоня завершена. Можно возвращаться к прерванной работе. Начало положено, все этапы определены — сначала марсиане ослабят Землю, затем таховвы подорвут изнутри индустрию марсиан, потом открытое заявление и, наконец, провозглашение истинных повелителей двух миров. Прим-Интеллект с усмешкой подумал о том, что будущие поколения сделают его национальным героем. Неужели каждый полководец в зените славы и победы доверял тишине свои сомнения и страхи? И ту вину, которая разъедала душу?

Тихий перезвон колокольчиков вывел его из размышлений и вернул к реальности.

— Му-афин челбакиш! — выругался Прим-Интеллект, отметив свое нервное перенапряжение. Он повернулся к панели управления и прокричал: — Хоун! Войдите.

Дверь открылась, и владыка Солнечной системы с удивлением уставился на ствол пистолета.

Он медленно поднял голову. На него смотрел человек — изможденное лицо, пылающий взор, давно нечесанные волосы и перекошенный от ярости рот. Сердце Прим-Интеллекта гулко забилося. Он отступил к стене и поднял руки, прикрывая грудь.

— Где она? — закричал Дэвид Арнфельд. — Где моя жена?

Позади него появилось несколько марсиан, одетых в черную форму, и около десятка вооруженных землян. Группа людей, проникших в управление, быстро рассеялась по коридорам. Арнфельд подошел к таховву почти вплотную и ткнул его стволом в живот.

— Где Кристин Хоторн?

— Лучше отвечайте ему, — посоветовал Реджелин дзу Корутан. — Он сейчас не в том настроении, чтобы шутить.

— Камера... камера двадцать семь, — прошептал Прим-Интеллект, чувствуя себя, как в кошмарном сне. — Она... и ребенок... их никто не трогал.

Арнфельд резко повернулся к офицеру из марсианского Генштаба и сделал ему знак рукой.

— Вы пойдете со мной. Покажете дорогу.

Они исчезли в коридоре.

В кабинет вошли еще несколько марсиан и среди них Йоак Дзугет ай Валказан, помощник коменданта Земли, которого

таховвы считали неопасным. Он подошел к пульту управления и тут же начал обзванивать секции огромного здания, отдавая по селектору краткие приказы.

Прим-Интеллект забился в угол и ошеломленно рассматривал Реджелина.

— Как вам это удалось? — тихо спросил он.

Марсианин ответил не сразу. В одной руке он сжимал расщепитель материи, а другой, перевязанной до локтя, перелистывал дневник Арнфельда.

— Я вижу, вы нашли эту тетрадь, — с усмешкой сказал он. — Интересный сувенир, правда? Так вот, здесь все и написано, — вернее, почти все. Я могу подтвердить каждое слово. А когда Дэвид заканчивал последние строки, он был просто в отчаянии. Можете не сомневаться, в записях нет никакого обмана.

Дзугет удовлетворенно взглянул на офицеров.

— Захват здания завершен, — сказал он. — Командующий уже в пути. Я вызвал его и сообщил о чрезвычайной ситуации.

Верховный главнокомандующий марсианских сил на планете Земля, он же великий дархиш расы таховвов, с минуты на минуту мог оказаться в ловушке! Прим-Интеллект с трудом удержался от крика.

— Сейчас вы подпишете несколько секретных указаний для континентального штаба, — сказал ему Реджелин. — Тексты уже подготовлены. Не пройдет и месяца, как мы свергнем власть таховвов на Земле и Луне. Ваши сородичи на Марсе ничего не заподозрят. И тогда мы подумаем о следующем шаге.

— Но как вам это удалось? — повторил пришелец безжизненным голосом.

— А вы еще не догадались? — с удивлением воскликнул Реджелин. — Дэвид рассказал нам о своем плане, мы с ним спрятались за обломками мебели, а Крис, убежав на кухню, открыла сарай и вступила в переговоры с Радифью и... как там его? — Насиром. Она сказала им, что готова на предательство, так как наше безрассудство может привести к смерти ее дочери. Еще она сказала, что у нее на нас не поднимается рука. Крис освободила пленников и даже дала им пару револьверов, предупредив, что мы очень подозрительны и хорошо вооружены. Естественно, таховвы приняли наш облик, надели одежду, которую принесла Крис, и отправились к нам. Чтобы мы ничего не поняли, мой двойник пошел через спальную к Дэvidу, а его двойник — через дверь кухни ко мне. Но, как вы понимаете, мы это и планировали. У таховвов было оружие, и они хотели нас убить, поэтому мы расстреляли их без всякого сожаления. Расщепители материи превратили тела в кровавое месиво!

Потом Крис разыграла истерику, побежала к вам, и ее визг отвлек внимание солдат. Дэвид и я воспользовались моментом и спрятались в темном сарае. Когда ваши офицеры закончили обыск дома и проверку показаний рыдавшей Крис, мы дождались удобного момента и ускользнули в лес.

Опознав «наши» тела, вы успокоились и потеряли бдительность, поэтому мы действовали почти без помех. Дэвид отправился в Дулут и скрывался там. Мне же удалось проникнуть на служебный самолет в Сан-Паулу. Прилетев сюда, я связался с Торресом, а через него и с Дзугетом. Мы похитили для доказательства штабного офицера, в котором заподозрили таховва, и, когда допрос подтвердил мои слова, группа доверенных людей доставила к нам Дэвида и организовала этот мятеж.

Прим-Интеллект, владыка Солнечной системы, медленно поднял голову. Его глаза молили о пощаде.

МИР БЕЗ ЗВЕЗД

Глава 1

Восходил Бог на западе, и солнце скрылось за горизонтом. Только несколько облаков еще пламенели над верхушками деревьев на востоке на фоне пурпурных сумерек, но и этот свет уходил, пока не стал, как эхо над Озером Безмолвия, и тогда Его бледная слава воссияла для обожания.

Но не вся Стая могла сегодня почтить Его. Стая собралась на кряже возле логовищ, и, когда засверкали пальцы передней руки Бога, Стая завывала. Но долго Ему еще было восходить, пока не поднимется Он столь высоко, что вся Его сущность выйдет из-за горизонта. А мужчины должны охотиться, и женщины — стряпать, и молодежь — собирать, чтобы не погибли от голода верные. И больше того, и хуже того, если вся Стая останется здесь, столь далеко от родных холмов, то привлечет внимани„ — Т(аапVиз морских пучин, а тогда, ночь или не ночь, те могут выслать военный флот Стада... конечно, если то, что прибыло недавно в огне и громе, и не есть порождение самого врага. Я-Кела, Единый, привел с собой несколько храбрых учеников, чтобы выяснить это. Но прежде он отстоит свою вахту почитания от имени всего своего народа.

Медленно, постепенно поднимался Бог в небо. Я-Кела припал у Искривленной Скалы и запел. И пел он Приветствие, и пел Восславление, и пел Силу. И погасли последние угли заката, и не было ничего в пустом небе, кроме Бога, и ангелов, и трех планет, и Бог простер сияющую дорожку по Озеру Безмолвия до самых береговых камышей. Тиха и прохладна была ночь. Порывы бриза приносили запах влаги, всплескивала рыба, выводил свою одинокую однотонную жалобу крылатый, шелестел тростник, и отвечал ему шелестом кустарник на берегу, но более никто не разделял темноту мира с я-Келой и Богом.

Он остановился отдохнуть и перекусить. Глотка охрипла, и шершавой была скала под перепончатыми лапами и хвостом, и наваливалась на него усталость. «Да, — подумал он, —

я постарел. Но все же я — Единый Стаи». Дальний рокот насторожил его. Не барабаны ли это? Не так уж невозможно, что Стадо выйдет на добычу этой ночью. Хотя это и редкость. Глубинные дьяволы боялись Бога, и их почитатели тоже. «Всего лишь двурог, — решил он, — там, в Умбрийных Болотах».

Он снова посмотрел на запад и удивился, как сияет тело Бога перед его глазами. «Я, должно быть, задремал, — в панике подумал он. — Что ж это может значить, как не то, что я и в самом деле стар?» Он пропел все пропущенные заклинания и проделал ритуальные жесты, спеша, чтобы никто не заметил его промаха. Ему снова вспомнились легенды, в которых говорилось о существах, что давным-давно спустились с неба и вернулись — в дневное Стадо или в ночную Стаю — кто может знать, кроме Бога и глубинных дьяволов? И не таковы ли те неизвестные пришельцы, встреченные подле Огненной Главы, те, кого он должен сейчас разыскивать? И еще более обычного нуждался ныне в защите от странностей мир. «И я взываю к Тебе, мы взываем к Тебе, о Ты, что низвергаешь солнце, взойди, взойди, взойди...»

Глава 2

Давно когда-то и далеко слышал я новую песню. Я тогда вернулся в Город.

Обитатели Ландомара, как и все, кто занимается колонизацией планет, хотели природы и простора. Иначе какой смысл оставаться на дне гравитационного колодца? Да и эта причина не очень-то логична — в конце концов, свои оставшиеся от обезьян инстинкты большинство нашей братии могло бы удовлетворить случайными визитами на поверхность какой-нибудь планеты или просто прокруткой мультисенсорной ленты — однако я думаю, что гены иногда дают о себе знать, и их владелец привязывается к какому-нибудь клочку земли. Так что, если уж кто-то найдет пригодный для обитания, но все же необитаемый мир (что по статистике бывает редко, если учесть, сколько звезд во Вселенной), он, собрав отряд из тех, кто разделяет те же чувства, объявляет планету своей. Я не знаю, усиливается инстинкт селекцией или просто передается от родителей, но как бы там ни было, через некоторое время мы имеем рассеянное по планете население, которое не хочет, чтобы чужаки строили у них космопорт.

А космопорты необходимы. Теоретически это, может быть, ниоткуда не следует, поскольку один пункт в пространстве ничуть не дальше другого. Но практически любой распространяющейся расе они нужны. Прежде всего не стоит делать слишком большие перепады энергии между соседними станциями в каскаде. В случае по-настоящему отдаленных галактик это очевидно: туда можно добраться, но медленно — не удастся выдержать среднюю относительную скорость, равную достаточно большой доле c . А преодоление энергетической разницы между, скажем, внутренней и внешней частями спирального рукава за один прыжок довольно-таки много требует горючего.

И потом, нужна база для наблюдений. Надо точно определять цель следующего прыжка и характер ее перемещения в пространстве. В третьих, нужны доки, пакгаузы, склады. Их-то можно построить где угодно, но, поскольку по первым двум причинам выдвинутые базы все равно нужны, они вскоре начинают выполнять и третью функцию.

И в четвертых: рекреация, место отдыха, место гульбы и хвастовства, место, где космонавт может расслабиться. Даже старый космический волк бывает счастлив, когда вокруг него не полностью искусственная среда.

На Ландомаре жители были поумнее, чем на других мирах, которые я мог бы назвать. На своей планете они нам строиться не позволили, но против орбитального спутника не возражали. Мы могли заходить в их деревни и на фермы, охотиться у них в лесах и водить корабли у них в океанах. Против наших денег они тоже ничего не имели. А Город рос, и мы могли им предложить все больше и больше товаров, и к нам начинала приходить молодежь из их селений, сначала в гости, а потом и для работы. Старики поварчивали, пока мы точным социодинамическим расчетом не доказали им, что их спокойствию на планете ничто не угрожает. Максимум, что может случиться, — на планете будет несколько островков с предприятиями, работающими на космос. Как оно и вышло.

Мне пришлось там провести несколько дней, занимаясь ремонтом, изотопами и прочим в этом роде. Еще я хотел завербовать канонира, но не вышло. Те немногие, что ко мне обратились, не подходили для этой работы. Один там был, правда, по профессии охотник, но психограф показал, что ему слишком нравится убивать. От всего этого я устал и был не в духе. А то, что Венли заболела, тоже радости не прибавляло. Ничего серьезного, но к моему возвращению девочка уже вырастет, а я хотел бы сохранить воспоминания о ее счастливом детстве.

Так что я здорово постарался рвануть с места. Двигатель лодки взвыл, и она боднула небо. Ландомар превратился в блестящий, окутанный облаками щит, слегка голубеющий на черном фоне. Потом перед глазами стал подниматься Город.

Спутник нельзя надстраивать беспорядочно, потому что тогда он начнет выплясывать при вращении, как пьяный. Но Город уже существовал несколько столетий и разрастался так, что даже старики Ландомара не могли не признать его рост органичным. Я сам еще помнил первоначальную безрадостную металлическую скорлупу. Теперь же над парапетами вздымались башни, сияли купола и иллюминаторы, а галактические туманности были перечеркнуты мемориалом. Я видел корабли в доках и лодки у причалов и, насколько это вообще возможно для космонавта (кроме Хьюга Валланда), чувствовал, что я дома.

Через шлюз я прошел быстрее, чем требовало бы строгое соблюдение правил безопасности, и только попросил робомеханика посмотреть, что там за нерегулярность в гамма-ритмах пилота лодки. Наплевав на все формальности, я вышел из зоны доков и отправился с толпами людей по эстакадам и залам к дому Литы.

Она живет в зоне высокой гравитации с видом на космос. Это дорого, но ее мужья могут позволить себе платить каждый свою долю. Не то чтобы она их подбирала по этому принципу, Лита не из таких, но красивая и разумная женщина всегда привлекает мужчин с возможностями. Из всех портовых жен она у меня самая любимая.

Я уже спешил вдоль последнего коридора. Он был пуст. Пол пружинил под ногами получше знаменитых лужаек Ландомара, и громче обычного гудел вентилятор. На стенах переливались серые с зеленым узоры, очень уместно оттеняя легкую грусть, то предвестие тоски по дому, что всегда присутствует как контрапункт в радостной теме возвращения.

И такая же была музыка: она захватила меня, хотя я и не сразу осознал ее присутствие. Кто-то играл на омнисоноре, и играл непривычно хорошо. Звучала архаическая мелодия, подобная шуму моря, но на фоне звона струн, и к ней мягко присоединялся мужской голос:

*Мэри О'Мира, капельки звезд наполнили
пепельным светом цветы,
Твое имя шепча и в листве лепеча,
ветер спешит с высоты,
Вся эта ночь — это ты.*

Я вышел в зал вдоль закругленной внешней стены спутника и увидел его. Он сидел в нише рядом с дверью Литы и был хорошо виден, подсвеченный восходящей луной через широкий иллюминатор. Пальцы небрежно бродили по струнам инструмента, лежавшего у него на коленях, а он с полужакрытыми глазами пел про себя:

*Из тени корабль вернется домой,
звездой мелькнет над холмом,
Ветер вздохнет и слегка кольхнет звезды
над старым прудом,
Любимая, это твой дом.*

Сделав паузу для вдоха, он заметил меня. На его лице промелькнуло выражение, которого я не уловил, и сменилось дружеской улыбкой.

— Привет! — сказал он со странным мягким акцентом. — Извините за шум.

— Рад вас видеть, сэр, — ответил я с протокольной вежливостью.

— Я тут коротал время, — сказал он, — в ожидании капитана Аргенса.

— К вашим услугам, — поклонился я.

Он вытянулся во весь рост, что было немало, и протянул мускулистую руку. Вот уж что, без сомнения, старомодно! Но я протянул в ответ свою и воспользовался моментом, чтобы его рассмотреть.

Он не выделялся одеждой: голубая блуза, белые брюки, мягкие полуботинки. На широких плечах блестели кометы мастерского звания. Но сам он принадлежал к довольно редкому типу: светлая кожа, каменно-резкие черты лица, коротко стриженные желтые волосы и полыхающие голубым огнем глаза.

— Хьюг Валланд, — сказал он. — С «Леди Лары».

— Фелип Аргенс, — механически ответил я, даже не стараясь скрыть удивление. Я достаточно стар, чтобы знать, что человек с подобным именем должен быть куда старше.

— Слыхал, вы канонира ищите.

— Ну, вообще-то да. — Я не удивился. С корабля на корабль слухи летят мгновенно. — Интересуетесь?

— Да, сэр. «Леди» опять становится на прикол, так что шкипер не возражает, если я прерву контракт. Я так понял, что вы к Земле.

— В конце концов, — согласился я. — Хотя и не сразу, быть может.

— Это ничего. Главное, что мы туда попадем.

Я быстро прикидывал. Если этот человек служил на «Леди», у него должно быть личное дело и можно поговорить с его сослуживцами. Это лучше психографа. Хотя он и так смотрелся неплохо.

— Отлично, давайте поговорим, — сказал я. — А почему вы не вошли и не подождали в доме? Жена была бы рада...

— Вроде бы у нее болен ребенок. Я не был уверен, что ей захочется принимать гостя.

Он мне все больше и больше нравился.

Дверь растворилась, и Лита встретила нас.

— Как Венли? — спросил я после представлений.

— Капризничает, — ответила Лита. — Я ее возила в клинику, и там подтвердили неовирус.

Волноваться тут нечего, с поддерживающей терапией ничего страшного. Но в таком приграничном поселке, каким был Город, не на чем было создать молекулу для быстрого лечения болезней от подобных внеземных мутирующих вирусов. Лет через двадцать в возрасте оптимальной зрелости девочка пройдет анти-танатик, и тогда ее клетки будут автоматически отбрасывать любую враждебную нуклеиновую кислоту. А пока что моя маленькая девочка должна рассчитывать на ту хилую защиту, что дала ей природа. И выздоровление пойдет медленно.

Она спала. Я взглянул на покрытое сыпью круглое личико и вернулся к остальным. Валланд развлекал Литу историями из своего последнего рейса. Им пришлось стараться не уронить свой престиж в глазах представителей культуры, где утонченная поэзия считалась вершиной искусства, и потому Валланд познакомил их с лимериком.

Глядя, как смеется Лита, я немножко позавидовал, даже почувствовал укол ревности. Не в полном смысле — Лита ведет себя так достойно, что не бывает неловкостей даже тогда, когда в порту находятся одновременно двое ее мужей. Нет, я просто позавидовал его искусству непринужденной приятной беседы.

Когда же мы пригласили его к обеду, он согласился с такой изысканной учтивостью, какой давно уже не встретишь.

Пока Лита программировала кухонную машинерию, мы прошли к бару. Из окна открывался вид на космос, огромный и лишенный формы. Взгляд терялся в бесконечности.

— Канонир мне нужен на всякий случай, — объяснил я ему. — Мы будем иметь дело с технологически развитой расой, о которой не знаем практически ничего. Но мы не ожидаем битвы, так что нам, по сути, нужен человек, который сможет

выполнять обязанности второго помощника. Если у вас есть еще и базовая ксенологическая подготовка, это вообще идеально.

— Думаю, что я вам подойду, — ответил он. — Формального обучения я не проходил, но столько в этом всем варился, что мог бы и сам основать академию. Я же в космосе уже целую вечность. Но вы можете спросить у людей с «Леди Лары» или прокрутить меня на психографе.

Похоже, что удача взглянула в мою сторону. Правда...

— Вы можете передумать, когда узнаете, куда направляется «Метеор», — предупредил я его. — Или вы уже знаете?

— Нет. Я знаю, что у вас очень длинный прыжок, а потом вы идете к Земле. Ничего больше никто из вашей команды не разболтал. — Он хмыкнул. — Я так понимаю, что на ранних этапах контакта, когда есть возможность снять сливки, вы предпочли бы обойтись без конкуренции.

— Мне все равно придется вам сказать и верить вам, как брату по гильдии. Мы идем к внешникам.

— Это за пределы галактики? Что-то вроде М-31?

— Нет, не так далеко. Место, куда мы направляемся, более изолировано. В межгалактическом пространстве.

Валланд откинулся в кресле, положил ногу на ногу и повертел в мозолистых пальцах ножку бокала. Я предложил ему сигарилло, но он отказался и вынул из кармана своей блузы трубку — еще один архаизм. Я закурил и продолжил:

— Между галактиками, как вы знаете, тоже есть звезды. Тусклые красные карлики, разбросанные так далеко, что здешние места — просто столпотворение по сравнению с тамошними. И все же это звезды. До сих пор никто не ставил себе целью их детальное исследование. Нам ведь понадобятся миллионы лет даже на один наш Млечный Путь, не говоря обо всех его сестра-галактиках. Но вот недавно кто-то из межгалактических жителей установил с нами контакт. Может быть, торговля с ними окажется выгодной, и, во всяком случае, мы хотели бы посмотреть. Если что-нибудь получится, то несколько лет нам придется налаживать бизнес.

— Понимаю. — Он выпустил клуб дыма. — Звучит интересно. Но потом вы направляетесь на Землю?

— Да. Один из тамошних универсариев — совладелец «Метеора», и они хотят получить непосредственный доклад. — Я пожал плечами. — Хотя бы наука еще жива на Земле, если ничего больше там нет.

— Да нет, есть, — не согласился он. — Земля всегда будет Домом Людей.

— Послушайте, — прямо спросил я, — если вам так уж надо на Землю, почему просто не купить билет?

— Спешки нет. — Его спокойствие было непоколебимо. — Если бы надо было, я бы так и сделал. Однако переход через такую энергетическую щель обходится недешево. С тем же успехом я могу на этом путешествии еще и заработать.

Я не стал допытываться дальше. Давить на человека — не лучший способ его узнать. А мне надо знать свой экипаж, иначе годы могут принести ненужные сюрпризы.

Лита организовала прекрасный обед. Мы с наслаждением ели, ведя обычного типа разговоры — что там стало со старинной Джарудом; куда девался Кло; вот, говорят, встретили самую негуманоидную расу из всех, что были известны; и никогда не заводитесь в азартные игры со стонками; а правда ли, что придумали машину, которая...

И в это время вошла Венли, изо всех сил стараясь не заплакать.

— Папочка! — Она бросилась ко мне. — У меня в голове плохие сны!

— Запусти гипнопультсер, Лита, — попросил я. Проведя вне Города столько лет, я отвык обращаться с детьми, но почувствовал ее боль как свою.

Лита приподнялась в кресле.

— Извините, хозяйюшка, — сказал Валланд как бы между прочим. — А что, если мы перед тем, как положить ее спать, прогоним дурные сны?

Лита засомневалась — это было видно по ее лицу.

— Я в этом немножко понимаю, — продолжал Валланд так же ненавязчиво. — Своих у меня нет, но я наблюдал, как это делают другие. Иди сюда, юная леди.

Он протянул руки, и я передал ему Венли.

Валланд откинулся в кресле, оставив еду подогреваться на тарелке, и усадил девочку к себе на колени.

— Что, милая, — спросил он ее, — что за сон?

Она была в таком возрасте, когда дети стесняются чужих, но ему она почему-то сразу стала рассказывать про пузырчатое чудовище, которое во сне хотело на нее сесть.

— Ну, — сказал он, — я знаю, кто нам поможет. Сейчас мы его попросим.

— А кто это? — Глаза у нее стали круглыми.

— Один такой по имени Тор. У него красная борода, он ездит в фургоне, запряженном козлами — это такие животные с рогами и длинными-предлинными бакенбардами, — и колеса фургона гремят, как гром. Ты слышала когда-нибудь гром? Это как будто лодка очень быстро стартует. И еще у Тора есть молот, который он мечет в троллей. Я думаю, что этот пузырчатый тип против него не выстоит.

Я открыл было рот, поскольку с точки зрения семантики все это казалось мне неправильным, но Лита остановила меня, положив свою руку на мою. Я проследил за ее взглядом и увидел, что девочка перестала дрожать.

— А Тор придет, если мы его попросим? — спросила она чуть слышно.

— Конечно, — ответил Валланд. — Я ему когда-то оказал услугу. Помог выиграть спор с электростатическим генератором. А пока давай я тебе про него расскажу.

Потом я узнал, что он рассказал историю, восходящую к столь давним дням Земли, что даже книги о них забыли. Но Венли в экстазе хлопала в ладоши, когда Тор поднимал обвинявший мир змею. Лита смеялась, и я вместе с ней.

Наконец Валланд отнес Венли обратно в постель, прихватил свой омнисонор и спел ей песню. Баллада оказалась столь же древней — его собственный перевод, — но она сделала то, что нужно, и, пока он перечислял все те невозможные вещи, которые должен был проделать пьяный моряк, моя дочь заснула без всяких машин.

Мы вернулись к столу.

— Простите, что я так встрял, — сказал Валланд. — Вам, наверное, стоило бы меня одернуть.

— Ни за что! — Глаза у Литы сияли. — Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь делал это лучше.

— Спасибо. Я сам несколько инфантилен, наверное, поэтому... Да, я хотел уже раньше сказать, что такого бифштекса еще не едал.

Мы перешли к бренди с содовой. У Валланда оказалось эпическое умение пить. Боюсь, что мы с Литой здорово набрались к этому моменту, но думаю, мы бы не пожалели на следующий день, если бы наша идея сработала. Мы переглянулись, она кивнула, и мы предложили нашему гостю полное гостеприимство.

На него алкоголь не оказал действия, разве что немножко возвеселил. А тут он и в самом деле покраснел.

— Нет, — сказал он. — Миллион благодарностей, но я снял койку в районе доков. Лучше бы мне туда добраться.

Лите это не очень понравилось. Ей досталась от Бога обычная доля человеческого тщеславия, и ее самолюбие было несколько ущемлено. Он тоже это заметил. Встав с места, он склонился над ее рукой.

— Вы поймите меня, — сказал он с непостижимой мягкостью, — я ведь из давних-давних времен. Антитанатик придумали в мое время — видите, как давно это было. Я летел на

первом звездном корабле. И привычки у меня поэтому средневековые. Я не сужу обычаи людей — это их дело. Но у меня только одна девушка, и она на Земле.

— Ах вот как, — сказала Лита, — не слишком ли вы тогда надолго ее покинули?

Он улыбнулся:

— Да уж наверное. Зачем же, по-вашему, хочу я вернуться?

— Прежде всего я не понимаю, зачем вы уехали.

Валланд не обиделся.

— Земля — это не место для мужчины в наше время. Для Мэри подходит, а для меня — нет. Это было честно по отношению к нам обоим. Мы часто встречались и считали, что никогда это нам не надоест. Время от времени, помню... Но ладно, до свидания, и благодарю вас еще раз.

И все равно его отношение к этому показалось мне странным. Надо будет подробнее поговорить с его нынешним капитаном. С неуравновешенным человеком лучше не оказываться между двух галактик.

С другой стороны, каждый из нас несколько эксцентричен, в том или ином смысле. Это приходит вместе с бессмертием. Иногда кто-нибудь из нас даже слегка сходит с ума. Если не хватает духу вычеркнуть что-то из памяти при разгрузке, то это «что-то» может вырасти до полной несоразмерности. Вот у меня было... но это к делу не относится.

Но вот чему мы за наши столетия научились — это терпению. И может быть, именно его у Хьюга Валланда чуть больше, чем у других.

Глава 3

На борту «Метеора» нас было девять, и в случае надобности мы могли подменять друг друга. На такое большое судно это было не очень много. Но в долгом путешествии нужно место, чтобы не сидеть друг у друга на голове, и к тому же мы, разумеется, собирались взять много груза.

— Хотя, может быть, и не в этот раз, — объяснил я Валланду и Йо Рорну. Только эти двое еще не летали со мной — я завербовал их в срочном порядке на Ландомаре по причинам, которые к делу не относятся. Чтобы не задерживаться, я не стал вдаваться в разговор с ними в детальные объяснения до старта. Теперь же сделать это было необходимо — чтобы изучить то небольшое, что мы знали о нашей цели, им потребуется несколько дней.

Мы сидели втроем в моей командирской каюте, курили и пили кофе. Постоянное ускорение в одно g давало устойчивое ощущение веса, и слышалась непрерывная пульсация двигателя, та, которая в конце концов пробирает человека насквозь. На экране было видно солнце Ландомара, постепенно уменьшающееся в размерах, и галактика в виде пятен и клочьев сияния на полнеба. Это была звездная карта, и вектор, который мы хотели построить, шел почти параллельно ее обрзу. В иллюминаторе зияла пустота, здесь и там перемежаемая туманными силуэтами иных звездных континентов.

— Гм, да, не похоже, что мы найдем много чего полезного на планете, где дышат водородом да пьют жидкий аммиак, — кивнул Валланд. — Мне, по крайней мере, еще не доводилось.

— А зачем мы тогда туда собрались? — задал вопрос Рорн. Это был высокий, темноволосый, мрачный человек, предпочитавший помалкивать про себя, не сказавший нам даже, в какой части космоса он родился. На психографе он выдал едва уловимую нестабильность, но приборы показали, что он хороший электронщик, да еще у него были рекомендации с последнего места службы. Он загасил сигарету и закурил другую. — Пусть бы кто-то с подобной же планеты вел бы дела с... как вы их назвали?

— Я тоже не могу этого произнести, — ответил я. — Давайте назовем их внешниками.

Рорн взглянул исподлобья:

— Так можно назвать любую внегалактическую расу.

— Да нет, не любую, — мягко вмешался Валланд. — Встречали когда-нибудь туземцев с планеты Кастора?

— Слышал о них, — ответил я. — Высокие, тонкие, очень древняя культура, невероятное чувство собственного достоинства. Верно?

— Ага. Когда я там был, мы их называли головоногими.

— Будьте добры держаться темы! — рявкнул Рорн.

— Ладно, — сказал я. — Мы хотим получить от внешних прежде всего знания. Вдохновение, идеи, виды искусства, возможно, что-то новое в физике или химии или какой-нибудь другой науке. Никогда не знаешь заранее. В любом случае они должны быть хорошо знакомы с межгалактическими звездами, и, может быть, они направят нас к планетам, сотрудничество с которыми будет для нас выгодней. Согласно тем сведениям, которые они к данному моменту сообщили, в их собственной системе одна такая планета есть.

Валланд поглядел в черноту иллюминатора.

— Они должны сильно отличаться от всего, что мы уже видели, — пробормотал он. — Мы даже не можем вообразить, насколько они отличаются.

— Верно, — согласился я. — Их разумнее всего рассматривать просто как носителей того знания, что у них есть.

Я прокашлялся, прочищая горло.

— Соберись, Йо, — сказал Валланд. — Старик наплевает лекционный доспех.

Рорн сменил отсутствующий вид на оскорбленный. Я не обратил внимания.

— Галактики образовались в процессе сгущения огромных водородных облаков. Но между ними нет чистого вакуума. Тем более не было его вначале, когда Вселенная еще не слишком расширилась. Поэтому между протогалактиками были меньшие скопления газов, ставшие впоследствии звездными кластерами. Звездные гиганты в таких кластерах стали вскоре сверхновыми, обогащая межзвездную среду. Родились солнца второго и третьего поколений.

Но потом кластеры распались. Это произошло из-за гравитационного воздействия галактик. И рассеяние материи стало слишком большим, что препятствовало продолжению образования звезд. Яркие звезды выгорели. Но красные карлики все еще существуют. Например, звезды типа М существуют больше пятидесяти миллиардов лет.

— Извините! — раздраженно прервал Рорн. — Мы с Валландом знаем элементарную астрофизику. — Он повернулся к канониру: — Верно?

— Зато теперь я начинаю понимать ее смысл, — спокойно сказал Валланд. На его лице отразился интерес, он забыл затягиваться и зажал трубку в кулаке. — Звезды настолько далеки друг от друга, что без большого телескопа от одной другой не видно. Бедны металлом, потому что рано окончилось обогащение от сверхновой. И старые — очень старые.

— Верно, — сказал я. — И то же верно насчет планет. Почти что без железа, меди, урана и всего, что так облегчило нам развитие промышленности. Но легкие элементы существуют, и существует жизнь. И существует разум.

Я не знаю, каким образом внешники смогли выйти из каменного века. Это как раз то, что мы в числе прочего и должны выяснить. Можно строить предположения. Они могли экспериментировать с электростатикой, с вольтовым столбом, с керамикой. В конце концов они могли постигнуть и электродинамику — допустим, керамические трубки с электролитами в роли проводников. И наконец, они могли научиться извлекать из руд легкие

металлы вроде алюминия и магния. Но для этого им должны были понадобиться многие миллионы лет цивилизации.

— Интересно, что они смогли узнать на этом пути? — задумчиво спросил Валланд. — Да, теперь я понимаю, зачем мы туда идем.

— Даже после открытия техники межзвездного прыжка они странствовали вне галактик, — продолжал я. — Они не могли бы выдержать радиации. Там, где они живут, нет естественной радиоактивности, достойной упоминания, — ну, может быть, чуть-чуть чего-то вроде калия-40. Их солнце не испускает сколько-нибудь заметного количества заряженных частиц. Галактического магнитного поля, ускоряющего космические лучи, нет. И сверхновых тоже нет.

— Так, может быть, им свойственно естественное бессмертие? — предположил Валланд.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Верно, мы нагружены большей радиацией. Но ведь и обычный квантовый процесс тоже меняет клетки. И вирусы, и химические агенты, и Q-фактор, и вообще все, что только у них в мире может найтись.

— Так они изобрели антитанатик? — спросил Рорн.

— Не знаю, — ответил я. — Если нет, то это ценная вещь, которую мы могли бы им предложить. Надеюсь.

Я увидел, как Валланд скривил губы, — он меня понял. Космонавты об этом много не говорят, но есть расы, такие же разумные и способные страдать, как и мы, которым никто не дал средства от старения. Это в большинстве случаев очень тяжелая работа: разработать синтетический вирус, который не атакует клетки организма, а уничтожает все, что не соответствует генетическому коду хозяина. Если биохимия слишком отличается от того, что мы знаем, — ну что ж, приходится оставлять такие планеты в покое.

— Будем держаться фактов, — поспешно добавил я. — В конце концов внешники добрались до края галактики под хорошей радиационной защитой. Вышло так, что первым миром, на котором мы с ними установили контакт, оказалась Зара. У нашей компании там фактория.

Мы до сих пор не знаем, сколько миров они посетили до того. В нашей собственной галактике миров более ста миллиардов, и большинство из них обитаемые. Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим их все. И там могут оказаться цивилизации не слабее нашей, в двух шагах от дома. А мы совершаем прыжки за Андромеду!

(Последнее соображение я как-то позже в этом рейсе высказал Хьюго Валланду. «Это не удивительно, — ответил он. —

Всегда так было. Испанцы стали селиться на Филиппинах раньше, чем определили береговую линию Америки. Люди оказались на Луне раньше, чем на дне впадины Минданао». Тогда я его не совсем понял, но с тех пор прочитал кое-что по истории Дома Людей.)

— Зара, — скривился Рорн. — Не очень себе представляю...

— Это не удивительно, — ответил Валланд. — Там брось палкой — попадешь в планету. Хотя не знаю, зачем человеку швыряться палками в планету, которая ему ничего дурного не сделала.

— Она того же типа, что и родная планета внешников, — сказал я. — Я имею в виду Зару. Холод, водородно-гелиевая атмосфера и прочее. С нашей факторией они установили контакт потому, что это был единственный комплекс машинной культуры на всей поверхности. Сначала у них были обычные лингвистические трудности, но потом начали общаться. Вот изображение.

Я включил проектор и показал изображение этого существа с разных сторон. Оно не более отличалось от человека, чем многие из моих друзей: приземистое, покрытое чешуей тело, с причудливой губчатой головой; в одной из нескольких рук зажатое что-то блестящее.

— На самом деле, — продолжал я, — преодолеть лингвистический барьер оказалось сложнее обычного. Чего и следовало ожидать, учитывая, сколь различны наши среды обитания. Поэтому у нас не так уж много информации, да и большая часть той, что есть, нуждается в осторожном подходе. Однако мы в разумной степени уверены, что они не настолько глупы, чтобы быть враждебными, и что они хотят развивать эти новые контакты. Внутри галактики они сильно связаны своими защитными радиационными экранами, поэтому они пригласили нас к себе. Наш агент известил компанию, компания заинтересовалась — и вот, сэры, мы здесь.

— Вот как? Они дали нам координаты своей родной системы? — спросил Валланд.

— Очевидно, — ответил я. — Пространственные координаты, вектор скорости, элементы орбиты и прочие данные о каждой планете своей звезды.

— Это ж должна была быть чертова уйма работы — переводить из их системы в нашу.

— Может быть. В отчете фактора было мало подробностей, поэтому я не могу сказать с уверенностью. Он слишком торопился известить руководство и отправить внешников обратно,

пока конкуренты о них не прослышали. Но он пообещал им вскоре отправить экспедицию. Это мы.

— Частная компания вместо официальных органов? — дернул головой Рорн.

— Да не бери в голову, — сказал Валланд. — Какому из миллионов правительств ты предоставил бы право контакта? Космос слишком большая штука, чтобы позволять иметь с ним дело кому-нибудь, кроме частных лиц.

— Будут и другие, — быстро сказал я. Немножко споров во время рейса — хорошая штука. Они не дают людям скучать и поддерживают тонус, но их должно быть именно немножко. — Мы не сможем долго хранить секрет, даже если захотим. Кроме того, мы помимо интересов коммерции представляем еще и Универсарий Нордамерика.

— Итак, джентльмены, перед вами записи и таблицы данных...

Глава 4

Корабль улетал от галактики.

Мы должны были держать высокую относительную скорость. Медленно ползли дни, солнце Ландомара съежилось до звезды, и все равно не было заметно перемен в облике галактики. После взлета у нас было мало работы — все делали роботы. Мы разговаривали, читали, проводили тренировки, у каждого было какое-то хобби, время от времени устраивали вечеринки. Большинство из нас достаточно времени прожили в космосе, чтобы привыкнуть к монотонности. Она, в конце концов, только внешняя. А как бы там ни было, после двух или трех прожитых столетий человеку есть о чем подумать, и рейс предоставляет для этого отличные возможности.

Меня несколько беспокоил Йо Рорн. Он всегда был угрюм и неприветлив. Но впрочем, ничего серьезного.

Некоторую озабоченность вызывал у меня и Энвер Смет, наш химик. Ему было всего-то тридцать лет, и двадцать пять из них он провел под теплым крылышком своих родителей на Арви — буколической патриархальной планете вроде Ландомара. Потом он вырвался из-под опеки и поступил в Космическую академию на Айроне, но это тоже нельзя назвать большим жизненным опытом. Я был его первым капитаном, а наш рейс — первым продолжительным путешествием. В конце концов, надо парню с чего-то начать, а он был в приличной форме.

Очень скоро он стал почитателем Хьюга Валланда. И понятно почему. Мальчик встретил большого, порывистого, по-настоящему крутого и в то же время добродушного мужика, который всюду побывал и все умел — да и к тому же имел почти три тысячи лет от роду. О нациях Дома Людей, ставших уже давно мифом, он говорил как о своих знакомых, он летал ни больше, ни меньше как с самим Яношеком — и плюс ко всему тому он так пел баллады, как Смет осмеливался только мечтать когда-нибудь научиться. Валланд хорошо понял эту ситуацию, воздерживаясь от эксплуатации или покровительства и только время от времени скармливая Смету разумный совет.

Тем временем подросла Капитанская Гулянка. Через двадцать четыре часа мы должны были совершить прыжок. Перед этим невозможно не чувствовать напряжения. И согласно хорошему обычаю, когда все остальное сделано, команда собирается чуть-чуть расслабиться.

Мы съели роскошный обед, подняли традиционные тосты и уселась выпить по-серьезному. Спустя некоторое время салон вошел. Ален Гальмер, Чу Брен, Гальт Урдуга и Йо Рорн сгрудились в углу возле пары взлетающих костей. Остальные устроили бешеные танцы на палубе, а Валланд задавал ритм на своем омнисоноре под непристойные слова, пока пот не потек ручьями по лицам, и даже древняя песенка «Почему бы тебе не стать симпатичной девчонкой» показалась опять смешной.

*Ты не бойсь крутого поворота,
Девчонке только ясно дай понять:
Такая космонавтская работа —
Вселенную погуце населять!*

— Их-хо! — Мы похватали стаканы и дружно выпили.

Смет упал на то сиденье, где расположился Валланд.

— Никогда раньше этой песенки не слышал, — сказал он, тяжело дыша.

— Услышишь еще, — ответил Валланд, растягивая гласные, чуть ли не нараспев. — Песня с прежних времен. — И после паузы добавил: — Честно говоря, это я ее сочинил, лет так пять сотен тому.

— Не знал раньше, — сказал я. — Впрочем, я тебе верю.

— Да уж конечно. — Смет попытался изобразить победительную улыбку. — При том опыте, который у тебя в твои годы есть на этот счет, Хьюг, верно?

— Н-ну... вообще-то да. — Веселое настроение оставило Валланда. Он резко, почти залпом допил коктейль.

— Воспоминания о женщинах, — сказал Смет с мечтательной улыбкой, — вот уж что, наверное, не станешь выкидывать при ревизии.

Валланд налил себе еще.

Я вспомнил эпизод у Литы и решил, что лучше отвлечь этого парнишку от моего канонира.

— На самом деле, — сказал я, — это как раз наиболее вероятные кандидаты на выброс из всех.

— Ты шутишь! — воскликнул Смет.

— Нисколько. Все по-настоящему хорошее, девушки, к которым ты и в самом деле был равнодушен, — эти остаются. Но после тысячи случайных встреч тысяча первая не представляет ничего особенного.

— Что скажешь, Хьюг? — обратился к нему Смет. — Ты здесь самый старший. Может быть, самый старший среди живых. Что ты скажешь?

Валланд пожал плечами и вернулся к нам.

— Шкипер прав, — кратко сказал он. Он сел и невидящим взглядом уставился в недоступную нам даль.

Я чувствовал, что должен что-то сказать, пока не случилось неприятности, но ничего, кроме банальностей, на ум не шло.

— Послушай, Энвер, — сказал я Смету, — невозможно тащить с собой все воспоминания, что накопятся у тебя за столетие или два. Такая масса данных тебя просто утопит. Это вид сумасшествия, от которого нет лекарства. Так что время от времени тебе приходится обращаться к машине и принимать решение, без каких блоков памяти ты можешь обойтись, и именно эти конкретные молекулы РНК будут нейтрализованы. Но это надо делать осторожно, иначе могут появиться большие провалы, разрушающие личность. Необходимо сохранить образ прошлого в целом и его важнейшие детали. В то же время некоторые вещи надо отметить беспощадно, иначе сам себя загонишь под невыносимые комплексы. Поэтому *никогда* не оставляй тривиальных воспоминаний и не переоценивай никакой вид опыта, никаких идей, ничего вообще. Понятно?

— Более или менее, — хмыкнул Смет. — Я лучше пойду сыграю в кости.

Валланд все так же сидел один и крепко пил. Меня заинтересовало, что же с ним происходит, к тому же я устал и был довольно сильно пьян, и потому я оставался на том же сиденье. Вдруг его мощная фигура встряхнулась, и он повернулся ко мне:

— Да нет, шкипер, я не импотент и не гомосек. Все гораздо проще. Я полюбил один раз и на всю жизнь, в молодости. И она меня любит. Нам друг друга достаточно, и больше нам не надо. Понимаешь?

По нему не было заметно, но он был здорово пьян.

— Думаю, что понимаю, — осторожно сказал я. — Хотя, честно говоря, не мог бы сказать, что я это чувствую.

— Да уж наверное. Бессмертие и межзвездные путешествия изменили мир полностью. Не обязательно к худшему. Я не берусь судить. — Он задумался. — Может быть, если бы я остался на Земле, мы с Мэри тоже расстались бы. Возможно. А так мои странствия — ну, скажем, сохраняют меня свежим. Потом я вернусь и расскажу ей все, что со мной было.

Он снова взялся за омнисонор, прижал несколько клавиш и вполголоса запел мелодию, которую я слышал раньше:

*Я песню пою о Мэри О'Мира, о звездах в ее глазах,
Я память несущую сквозь Вселенную всю
о светлых ее волосах,
О наших счастливых часах.*

«Ну что ж, — подумал я с присущей мне оригинальностью, — все люди разные».

Глава 5

Мы были готовы к прыжку.

Все системы настроены, все наблюдения и обсчеты выполнены, каждый человек на своем посту. Я прошел на мостик, застегнул противоперегрузочные ремни и стал смотреть на часы. Точное время не слишком важно при выполнении прыжка — ошибка в положении, вызванная задержкой на несколько минут, мала по сравнению с обычными ошибками в исходных данных расчетов. Но из соображений психологии лучше не отклоняться от плана. Нажать кнопку — это все, что человеку остается сделать.

Никакого предчувствия у меня не было, но, пока я ждал, во мне поднялось какое-то напряжение. Сам акт ожидания напоминает, что где-то что-то может пойти не так, что это уже не раз бывало, что наше бессмертие не абсолютно, поскольку рано или поздно при каком-то стечении обстоятельств ты будешь убит.

Чего больше всего боится капитан космического корабля, так это оказаться после прыжка в одной точке пространства с каким-нибудь твердым телом. В этом случае атомы слипаются, и корабль испаряется в ядерном взрыве. Это, конечно, глупый страх. Для надежности ты набираешь код так, чтобы выпрыгнуть подальше от той звезды, к которой идешь, и вне плоскости эклиптики. Вероятность того, что там окажется скала, ничтожна. В нашем же случае, напомнил я себе, место вообще идеальное. Мы даже не должны поймать значительной радиации: там, вдали от галактики, вряд ли найдется хотя бы водород, с которым наши атомы могли бы взаимодействовать.

И все-таки это прыжок в двести тридцать тысяч световых лет.

При этом я не понимаю принципа межзвездных прыжков. Да, разумеется, я изучал математику. И популярное объяснение я могу изложить не хуже всякого другого: «Астрономы показали, что гравитационные силы, будучи слабыми и распространяясь со скоростью света, недостаточны для объединения Вселенной. Новая теория постулирует, что пространство обладает внутренним единством, при котором каждая точка эквивалентна любой другой. Одно местоположение отличается от другого лишь n -мерными координатами присутствующей в нем массы. Эти координаты определяют конфигурацию материально-энергетического поля, которое может быть изменено искусственно. Если такое изменение произведено, то фактическая масса совершает мгновенный переход в соответствующую другую точку пространства. При этом сохраняется энергия, а масса сохраняет импульс — по отношению ко всем галактикам, — который она имела до совершения этого перехода, с приращением, соответствующим разности гравитационных потенциалов».

И все равно для меня это звучит как набор магических чисел.

Впрочем, много что выглядит волшебством. Первобытные племена считают, что, если съесть человека, обретишь его качества. Но вот, например, можно выдрессировать животное, убить его, извлечь из его мозга РНК и ввести другому животному, и это другое животное приобретет навыки убитого.

Часы показали Момент Один. Я вырубил двигатель. Теперь мы летели по инерции, исчезла тяжесть, и я почувствовал на себе молчание как чью-то руку.

Глядя на хаотическую красоту, сиявшую на звездной карте, я подумал: «Прощай, галактика. Я тебя увижу снова во всей твоей целостности, но увижу такой, какой ты была четверть миллиона лет назад».

Время ползло к Моменту Два. Я отстегнул ремень безопасности и положил палец в перчатке на красную кнопку.

В наушниках была полная тишина. Все молчали.

Время.

Слишком страшен был шок. Я даже не среагировал.

Черноты не было. Был огромный спиральный фон и сияющая перед нами тусклая красная звезда. И заполняющая экран планета.

И это видение росло со скоростью километров в секунду и падало на нас — или мы на него. Половина планеты была темна, половина занята каким-то ландшафтом, отблескивающим водой под кровавыми отсветами дня. У нас не было шансов построить прыжковое устройство и исчезнуть, не было шансов ни на что, кроме взгляда в лицо Смерти. Мой шлем наполнил вопль — и это был мой собственный голос.

И вдруг через него лезвием прорубился голос Хьюга Валланда. Он выкрикнул ту команду, которую должен был отдать я:

— Пилоты! Реверс и *газ*, во имя Господа!

Это выбросило меня из ступора. Взглянув на дальномер и радар, я оценил расстояния и скорости и выкрикнул свою команду. Двигатель загрел. Планета повернулась у меня над головой. Перегрузка вдавила обратно в кресло и навалилась на грудь. Перед глазами замелькали искры, и я потерял сознание.

У нас была слишком большая скорость, и погасить ее за оставшееся время не удалось бы. Но часть ее мы смогли сбросить за те несколько минут, что оставались до удара об атмосферу, и мы не упали прямо вниз, а вошли под острым углом.

При такой скорости мы срикошетировали по атмосфере, как брошенный камешек прыгает по воде. Нас сотрясал удар за ударом. Металл визжал. Обзорные экраны погасли. Вся эта масса корабля никогда не предназначалась для приземления. Корабль должен был оставаться на орбите и для посадки на планету использовать две шлюпки. Но сейчас корабль спускался вниз.

Каким-то образом Брен и Гальмер добрались до пилотского пульта. Каким-то образом они справились с управлением и сумели посадить корабль так, что только расплавилась и вскипела внешняя обшивка. Когда разрушился и замолчал главный двигатель, они смогли использовать рулевые. Когда и эти один за другим выходили из строя, они использовали те, что остались. Наконец не осталось ничего, и мы упали. Но к тому времени мы уже были так низко и так снизили скорость, что у людей появился шанс выжить.

Я слышал глухие удары, скрежет металла и треск стальных конструкций. Я чувствовал, как невыносимый жар плавильного горна проникает в скафандр, как трескаются губы и ноздри превращаются в русла пересохших рек. Внизу я увидел воду и напрялся, но тут же вспомнил, что этого делать нельзя. «Расслабься и свободно лети, пусть противоперегрузочное кресло и скафандр примут удар на себя».

Удар.

Я медленно приходил в себя. Рот был полон крови, она измала лицевой щиток, и я ничего не видел, тем более что один глаз заплыл. Во всем теле стучали молоты, а левой руки я не чувствовал. Я подумал, как в бреду, что не может же быть так, что проломлен череп и мозги наружу...

Экипаж!

Ничего не было слышно, кроме моего собственного прерывистого дыхания. Но наверное, я кричал, хотя система коммуникаций вышла из строя. «Я должен пойти и посмотреть. Я должен найти своих людей».

Я не мог даже стиснуть зубы от той боли, что причиняло мне движение. Для этого надо было владеть своим телом лучше, чем я в тот момент был способен. Не знаю, сколько минут я, скуля и похныкивая, выбирался ощупью наружу. Наконец мне удалось выбраться на покореженную и покосившуюся палубу. Там я и лежал, не в силах сделать следующий шаг.

Корабль был мертв. Экраны погасли, вентиляторы не вертелись, свет не горел, и только самосветящиеся панели освещали коридор. В их смутном зеленоватом свете я хромал, спотыкаясь и скользя, по коридорам, выкрикивая имена.

Прошел приличный кусок вечности, пока в одном из переходов мне не встретилась человеческая фигура. Не совсем человеческая: двуногое туловище и гротескная стеклянная голова, но голос из радиотелефона принадлежал Хьюгу Валланду.

— Это вы, шкипер?

Я дохромал до него и всхлипнул.

— Нам повезло, — сказал он мне. — Я тут осмотрелся. Если бы мы упали в море, это был бы конец. Вся задняя секция затоплена. Мы бы потонули. Но вроде бы нос над поверхностью.

— Как остальные? — решился спросить я.

— В машинном отделении не нашел никого, — безрадостно ответил он. — Я прошел в воду с фонарем, но ничего не увидел, никаких следов, просто большая, наполовину проплавленная дыра в борту. Наверное, их оторвало с главным реактором. Это уже двое.

(Я хотел бы назвать здесь их имена: Морн Криснан и Роли Блакс. Хорошие были ребята.)

Валланд вздохнул:

— И похоже, что молодой Смет тоже долго не протянет.

«Семь человек, — подумал я. — Раненых и контуженных, на разбитом корабле на планете, где буквально все может оказаться смертельным».

— Сам я легко отделался, — продолжал Валланд. — Вы не пройдете к остальным, шкипер? Они в салоне. Я бы высунулся посмотреть из люка. Потом доложу.

Комната, где мы собрались, стала пещерой. Светящаяся панель, вырванная из гнезда, была в ней единственным источником света. От нее по искривленным стенам разбегались огромные тени. Сталактитами свисали обломки балок. В полумраке были видны поникшие человеческие фигуры в скафандрах. Я отметил по судовой роли: Брен, Гальмер, Урдуга, Рорн. И конечно, Смет. Он еще оставался с нами.

Он даже еще был более или менее в сознании. Его положили на скамью, стараясь устроить поудобнее. Я заглянул под его шлем. При теперешнем освещении лицо казалось зеленым, и зеленоватая кровь пузырилась на губах черного рта. Но глаза были белые-белые. Я включил его радио и услышал булькающее дыхание.

Ко мне подошел Рорн.

— Он готов, — сказал Рорн без выражения. — У него привязные ремни вырвались из гнезд, и его ударило о стену. Обломки ребер в легких и сломанный позвоночник.

— Откуда ты знаешь? — огрызнулся я. — Ведь скафандр-то не поврежден.

На темном лице Рорна сверкнули зубы.

— Капитан, — сказал он. — Я помогал нести парнишку сюда. Когда он очнулся, мы его попросили сказать, что он чувствует, и попробовать пошевелить руками и ногами. Достаточно на него посмотреть.

— Мама, мама... — забулькало у меня в наушниках.

Вернулся Валланд.

— Посадочные шлюпки смяты. По их отсеку пришелся главный удар. Да, мы отсюда не скоро выберемся.

— Что там снаружи? — спросил я.

— Мы на озере. Другого берега не видно. Но там, где мы, довольно мелко, и в двух километрах суша. Можно добраться на плоту.

— А зачем? — взорвался Рорн.

— Я тут видел какое-то прыгающее водное животное, — ответил Валланд. — Значит, здесь есть жизнь. Похоже, что

жизнь нашего типа — белки в водных растворах, хотя нельзя ожидать, что она окажется съедобной.

Он немножко постоял, размышляя, и добавил:

— Я догадываюсь, что произошло. Помните, внешники сказали, что в их системе есть планета с термальной зоной, где вода в жидком состоянии? Самая внутренняя, и с такой массой и плотностью, что на ее поверхности тяжесть должна быть порядка двух третей стандартной земной? Похоже, что это она и есть.

Я только теперь заметил. Каждое движение давалось с таким трудом, что ощущалась только боль, но и в самом деле я был легче, чем раньше. Может быть, поэтому мне удавалось удержаться на ногах.

— Внешники дали нам информацию об этой планете своей звезды, — продолжал Валланд. — Я не знаю, кто именно так сильно ошибся. Это связано с языковыми трудностями, а агент на Заре торопился передать сообщение. Я полагаю, что внешники его не поняли. Они решили, что мы прежде всего хотим высадиться здесь, потому что условия для нас здесь лучше, они даже решили, что мы собираемся прямо приземляться. Поэтому они дали нам цифры и формулы как раз для этого. А мы решили, что они нам дают координаты точки, удаленной на безопасное расстояние от солнца, удобной для выхода из прыжка, и скормили это компьютеру.

Он развел руками.

— Я могу и ошибиться, — сказал Валланд. — Может быть, фактор и не виноват. Может быть, какая-то дубина сидит в нашем центральном офисе. Но факт остается фактом — ведь прыгаешь не вслепую прямо к звезде, а пользуешься формулой, учитывающей ее движение. Мы взяли не ту формулу.

— И что нам теперь со всем этим делать? — фыркнул Рорн.

— Выжить, — сказал Валланд.

— Да ну? Если мы даже не знаем, годится ли этот воздух для дыхания? Мы можем проверить, будет ли в нем что-нибудь гореть — есть ли кислород. А другие газы? А споры, или... а, ну его! — Рорн отвернулся.

— Это все правда, — признал Валланд.

Он повернулся и посмотрел вниз на Смета.

— Нам все равно придется его расстегнуть, чтобы посмотреть, можем ли мы парню помочь, — сказал он. — И у нас нет времени — у него нет времени — на сравнение воздуха с атмосферой Земли. Так что...

Он стал на одно колено и приблизил лицевой щиток к шлему раненого.

— Энвер, — негромко позвал он, — Энвер, ты меня слышишь?

— Да... Да... больно!

Я с трудом заставил себя слушать.

Валланд взял Смета за руку.

— Снять с тебя скафандр? — спросил он.

— Мне только тридцать лет! — взвизгнул Смет. — Всего тридцать. А тебе — три тысячи!

— Заткнись. — Валланд говорил по-прежнему мягко, но это слово щелкнуло, как бич. — Ты ведь мужчина.

Смет судорожно перевел дыхание и сказал:

— Давай, Хьюг.

Валланд позвал на помощь Урдугу. Они вынули переломанное тело из скафандра бережней, чем мать распеленывает младенца. Какой-то материей они обтерли кровь и перебинтовали раны. Смет прожил еще три часа.

Дома, или вообще в цивилизованном месте, даже на борту этого корабля, если бы он не был разрушен, мы могли бы его спасти. У нас не было регенератора тканей, но были хирургические инструменты и оборудование. Мы попробовали использовать то, что удалось найти среди обломков. Память об этой попытке я сотру при первой же ревизии.

Под конец Смет попросил Валланда ему спеть. К этому времени мы все уже сняли скафандры. Воздух был горяч и влажен, наполнен странными запахами. Слышно было, как чавкает над погружающимися отсеками озеро.

Валланд достал свой омнисонор. Инструмент остался невредимым, а вот биогенетический стимулятор разбился вдребезги.

— Что тебе спеть? — спросил он.

— Вот эту... с таким приятным мотивом... про твою девушку дома.

Я заметил, как Валланд слегка замялся. И ответил:

— А как же. Вот, слушай.

Я притаился в покосившейся по-сумасшедшему комнате и слушал.

*Пусть песню, что спел я, уносит на крыльях
немолкнувший звездный прибой.
Пусть ветер услышит, пусть ветер
подхватит ее над соленой водой.
Вернусь я и буду с тобой.*

На этом куплете Смет закатил глаза и затих.

Мы опустили тело за борт и приготовились к выходу. За эти часы те, у кого не было другой работы, провели инвентаризацию, чтобы не сидеть без дела. У нас еще оставалось довольно много инструментов, кое-какое оружие, одежда, лекарства,

сублимированные рационы из НЗ, противоперегрузочная камера и всякая всячина. Самое главное, что пищевой генератор остался неповрежденным. Мы не собирались использовать его, если не придется задерживаться у внешников, поэтому он не был расконсервирован и не пострадал. При свете аккумуляторных фонарей (пока не сели аккумуляторы) рабочая команда собрала надувной плот. Теперь можно было переправить вещи на берег.

— Выживем, — сказал Валланд.

Я высунулся из люка и посмотрел на берег. Солнце стояло низко, но сейчас оно всходило — большой рдеющий уголь, градус и девятнадцать минут в диаметре, и такой тусклый, что можно было не шурясь смотреть на него в темно-пурпуровом небе. В вечных сумерках покоилась суша, еле видная на таком расстоянии человеческому глазу — громоздящаяся кверху чернота над алым блеском озера. Над нами, хрипло каркая, пронеслась стая тварей с кожистыми крыльями. Душен и влажен был тропический воздух. Рука уже начала срастаться, и я ею владел, но мешала нервная дрожь.

— Не уверен, что мне этого хочется, — буркнул я.

Валланд смачно выругался.

— Что тебе десяток лет? Выбраться из этой мешанины вот так хватит.

Я уставился на него:

— Ты серьезно? Думаешь, что есть возможность?

Он встряхнул своей желтой шевелюрой и с надменностью, в которой сам не отдавал себе отчета, ответил:

— А как же. Мэри О'Мира меня ждет.

Глава 6

Солнце опускалось медленно, почти незаметно. Целые дни были наполнены дневным светом. Но, понимая, что ночь будет не менее длинной и очень темной, мы загоняли себя, стараясь быстрее обустроить лагерь.

Мы расположились на небольшом мысу, приподнятом на несколько метров над водой, и потому более или менее сухом. Дальше местность переходила в гряды низких холмов. Холмы были покрыты лесом, и осенний бунт бронзового и желтого цветов заливал этот лес, хотя и скрадывался скудным освещением. И те же оттенки преобладали в низкой растительности, напоминавшей траву, на открытых равнинах между лесом и водой, и среди чего-то, похожего на тростник, что росло в прибрежной

грязи. Но не то чтобы здесь был сезон листопада — ведь у планеты почти не было наклона оси. Просто на планете красного карлика фотосинтез не мог строиться на хлорофилле.

Дикой жизни мы видели много, а слышали еще больше — множество звуков долетало из северных болот, хотя они быстро умирали в разреженном воздухе. Но у нас оставался только один химический аппарат, и с его помощью можно было выполнить лишь несколько простых тестов. Они показали отсутствие определенных аминокислот, витаминов и прочего, чего мы, собственно, и ожидали — местную пищу есть не придется. Так что мы жили на сублимированных пайках, пока не удалось запустить пищевой синтезатор.

Это была наиболее трудная работа из всех. Надо было соединить все эти широкие плоские баки со множеством насосов измеевиков охлаждения, их простерилизовать, заполнить дистиллированной водой, засеять культурами, организовать фильтрацию наружного воздуха, загерметизировать от случайного возможного загрязнения из внешней среды. Тогда фито- и зоопланктон начинает бурно размножаться до достижения равновесных концентраций. Генетические коды видов планктона подобраны так, чтобы биомасса содержала все необходимые элементы питания человека. По мере надобности можно время от времени откачать несколько кило, возмещая расход воды, откачанную биомассу приготовить со специями и вкусовыми добавками и съесть. (При необходимости без вкусовых добавок можно обойтись — по вкусу биомасса похожа на вареные сморчки.) Отходы вашей собственной жизнедеятельности через узел переработки подаются снова в бак, и на нем вырастает новый планктон. Цикл не стопроцентно эффективен, но на удивление близок к этому. Хорошая конструкция нуждается лишь в нескольких килограммах исходного материала ежегодно, а у нас было достаточно на целое столетие — благословен будь закон Гильдии, требующий такой экипировки для каждого корабля!

Просто как дверь. Это если есть машины для тяжелой работы, и машины для контроля качества, и дождь не идет половину всего времени, и вы привыкли к воздуху и к температуре, и нервы у вас не натянуты, как проволока, выискиванием чудовищ, которые, как подсказывает инстинкт, затаились неподалеку, и если еще не спрашивать себя все время, есть ли хоть какой-то смысл в этой отчаянной борьбе за жизнь.

Нам пришлось собрать небольшой термоядерный генератор, а место под баки выравнивать лопатами вручную, и строить укрытие и частокол, и изучить планету быстрее, чем она откроет новый способ нас прикончить.

Что до опасностей, то хищники нас не атаковали. Несколько раз мы видели каких-то перепончатопалых гигантов. Они держались поодаль. Очевидно, мы для них пахли несъедобно, и несомненно, несъедобными и были. Но на Рорна и Гальмера напала во время их наблюдательной вахты какая-то рогатая тварь втрое больше человека. Они ей выдали по полному заряду лучевых ружей, и она все не подыхала и не подыхала, а шла на них, пока не упала, не дойдя метра, а когда они уходили, она еще долго пыталась за ними ползти. Брен чуть не утонул в трясине. Ее тут было полно, и она была хорошо прикрыта растениями. Урдуга прошел вблизи чего-то, похожего на лиану, и она его схватила. Присоски не пробили кожи, но освободиться он тоже не мог. Мне пришлось ее разрубать. Разумеется, поодиночке мы не ходили. Хотя у нас и были гирокомпасы и портативные рации, страшно было заблудиться в этих бесформенных боло-тах. Временами в отдаленных кустарниках прокрадывались какие-то двуногие силуэты. Они исчезали раньше, чем мы успевали навести оптику, но Гальмер утверждал, что у одного из них видел копые. А без главного реактора тяжелое оружие корабля было мертво. У нас было только личное оружие — и все.

Микробы — на этот риск приходилось идти. Ко всем вирусам у нас должен был быть иммунитет, и все шансы были за то, что местные бактерии и простейшие эту систему иммунитета тоже не пробьют. Но наверняка этого никогда не знаешь, и иногда думалось — а в самом ли деле боль во всем теле вызвана всего лишь усталостью? Пока мы не построили хижину, трудно было уснуть из-за постоянного света и непрерывных дождей.

Но, несмотря на напряжение, а может быть, именно благодаря ему, спор у нас не возникало — кроме того случая, когда я велел Брену и Гальмеру выполнить замеры. Я хотел точно знать силу тяжести, давление воздуха, влажность, напряженность магнитного поля, радиус горизонта, период вращения, линии солнечного спектра и вообще все, что могло быть определено снятыми с корабля приборами.

— Зачем сейчас? — спросил Рорн. Мы сидели в укрытии, переживая очередной порыв бури, барабнящей по крыше. Рорн выдохся и перепачкался, но не больше других. — Мы только-только начали вбивать частокол, а это работа тяжелая.

— Сбор информации не менее важен, — ответил я. — Чем скорее мы поймем, где находимся, тем раньше сможем составить хоть какой-то осмысленный план.

— Хорошо, а почему тогда эти двое? — У Рорна задержались губы. Свет мы еще не оборудовали, и висящий под потолком фонарь отбрасывал на его лицо тень, скрывавшую глаза, и

казалось, что из темноты на меня смотрит череп. — Давайте по очереди, а то шлаться с маятником и часами — не бей лежачего работа.

— Ладно, — сказал Брен. — Так будет по-честному.

— Вето, — сказал я. — Вы, ребята, тренировались в навигации и планетографии и сделаете эту работу быстрее и лучше других.

— Да и к тому же, — добавил Валланд, — они ведь не будут все время заняты. Между прояснениями мы их можем пристроить к настоящей тяжелой работе. — Он усмехнулся. — Вот, например, заставить этот чертов планктон по вкусу походить на бифштекс.

— Не напоминал бы! — Рорн скрипнул зубами. — И так в дерьме сидим и барахтаемся без толку.

— А как ты предлагаешь из него вылезать? — резко спросил я его. Металлические стены хижины загремели под порывом ветра.

— Ты-то сам что думаешь? Как нам отсюда выбираться?

— Самый простой путь, — сказал Урдуга, — починить радиопередатчик, который может послать сигнал внешникам.

— Это если они пользуются радио, — возразил Рорн. — Мы ведь уже не пользуемся, только для переговоров в скафандрах. Они, наверное, тоже передают электронные образы через гиперпространство. И наш сигнал они просто не заметят — если даже тебе удастся построить межпланетный передатчик голыми руками.

— У нас есть инструменты и детали, — сказал Валланд. — А может быть, удастся починить шлюпку. Рассмотрим все возможности. Не кипятись, Йо. Как построим пивоварню, так жить станет веселей.

— А если ты, Рорн, не хочешь с нами работать, — добавил Урдуга, — так вся планета перед тобой, и никто тебя не держит.

— Стоп! — крикнул я. — Если мы друг с другом перегрыземся, нам конец. Хьюг, может, споешь?

— Ладно, если вы это выдержите. — Валланд достал омни-сонор и начал еще одну переведенную им когда-то старинную балладу о давних днях Земли. Что-то там было о доме, о матери, о каких-то героических деяниях. Однако нашей оборванной, голодной и усталой команде больше пришлось по нраву «Незаконнорожденный король». Только Рорн не подпевал и не смеялся, но, по крайней мере, своего неудовольствия не выражал.

Через несколько стандартных дней Брен и Гальмер собрали довольно много информации. Красное солнце было еще высоко,

но на фотоэкране их телескопа можно было распознать другие галактики и привязать к ним наше местонахождение. Лазерным датчиком и осциллографом удалось точно измерить скорость движения солнца по небосклону. В тихую погоду они определили радиус горизонта, там, где озеро скрывалось вдали на западе. Краткость года облегчила определение орбиты планеты и так далее и тому подобное. Когда мы объединили эту информацию со скудными сведениями, полученными от внешников (они когда-то посещали этот мир, но интересовались им не больше, чем земляне — планетой Солнце-1), и проанализировали на основании общих принципов, стало возможно достаточно точно обрисовать ситуацию.

Мы находились в средних северных широтах планеты с диаметром на три процента больше земного. Этот размер не должен был вызвать удивления. У тусклых звезд мощность излучения, препятствующая концентрации больших масс из исходного пылевого облака, недостаточна. Нас не удивила также и масса, равная 0,655 стандартной. В очень старых системах, сформированных на ранних этапах существования Вселенной, мало тяжелых элементов, таких, как железо. У планеты не было металлического ядра, и легкие породы доходили до центра. Это означало малый удельный вес и отсутствие магнитного поля.

Спутников у планеты тоже не было. Этому мешала солнечная гравитация. Эта же сила в течение миллиардов лет тормозила вращение планеты, пока та не оказалась обращенной внутрь одним и тем же полушарием. Но приливы в воде и атмосфере действовали, и потому планета приобрела медленное обратное вращение. Складываясь с годичным циклом, составлявшим девяносто четыре с половиной земных дня, это вращение давало период обращения планеты вокруг оси в сорок четыре земных дня: три недели света, три недели темноты.

Планета, лишенная ядра, была лишена и тектонических или горообразовательных сил — по крайней мере таких, о которых стоило бы говорить. Когда образовавшиеся от искривления поверхности горы были разрушены эрозией, новые не возникли. Хотя больших океанических впадин тоже не было, нам повезло, что мы упали на эту влажную землю: лучше места мы бы все равно не нашли, а большая часть этого мира наверняка была покрыта водой.

Общая радиация, которую получала планета, была лишь немного меньше, чем у Земли, но она вся лежала в красной и инфракрасной части спектра. Длина волны, на которую приходился максимум излучения, была около 6600 ангстрем — почти

на грани видимого спектра. Поэтому так парило вокруг. Ультрафиолета практически не было, и мы нуждались в искусственном освещении не меньше, чем наш планктон. Заряженных частиц красный карлик также испускал мало.

Будучи весьма древней (пятнадцать миллиардов лет по скромной оценке), планета имела достаточно воды, а атмосферное давление на уровне моря было как на Земле в горах.

Если на планете есть атмосфера, гидросфера и инфракрасная печька в небе, то первичные растворы могут породить жизнь и в отсутствие радиоактивности. Просто на это уйдет больше времени. Раз мы могли дышать, значит, фотосинтезирующие растения здесь были. Очевидно, они использовали ферментные процессы низкого уровня, как уже отмечалось в подобных случаях в солнечных системах галактики.

То же и с животными. При более низком энергетическом уровне биохимии, чем у нас, они были ничуть не менее активны. Добыв и отпрепарировав несколько экземпляров, мы обнаружили развитые множественные сердца, охватывающие их легкие и еще какие-то органы, о назначении которых даже не догадывались. Эволюция в конце концов порождает все, что только можно придумать.

В том числе разум. Солнце уже тронуло край озера, когда Урдуга закричал, подзывая нас к себе. Из лагеря трудно было хорошо рассмотреть корабль, разве что через очки. А их в этом климате носить было неудобно. К тому же их элементы, преобразующие инфракрасный свет в видимый, были не вечны. Так что мы их снимали при всяком удобном случае. Но тут мы их, как по команде, нацепили и усталились на «Метеор».

Там, в огневом отсвете водной поверхности, плыли четыре каноэ. Выгнутые носы длинных лодок поднимались высоко над водой, и в них было по двенадцать как минимум гребцов в каждой. Против солнца было трудно разглядеть, но заметно было, что эти существа чуть меньше человека, прямоходящие, с мощными ногами и хвостом. Спустив на воду плот, мы поплыли к ним, но они поспешили прочь и скоро исчезли в сумерках.

Я встречал уже тысячи разумных рас, но каждая новая раса — это эпоха. Звезды, планеты, биологические системы классифицируются по категориям, но разумы — нет, и никогда не знаешь, с какой странностью встретишься на сей раз. И хотя эта первая встреча со Стадом не принесла практически никакого результата, я счел своим долгом о ней упомянуть.

Какие разговоры были после этого в лагере — можете вообразить сами.

В этот вечер галактика взошла сразу после заката. Несмотря на ее приличный угловой диаметр — двадцать два градуса по главной оси, — через семьдесят тысяч парсек невооруженным глазом она была видна, как бледный призрак. Днем она была бы невидима. Если не считать супергигантов, что казались крохотными искорками в галактике, наша ночь была лишена звезд и того рассеянного света, что бывает у планет с более активными солнцами. Чуть-чуть был замечен зодиакальный свет, но это помогало мало. Чтобы продолжать работать, нам приходилось использовать светящиеся панели, фонари, огонь и инфракрасные очки.

Тем временем работа подошла к решающей фазе. Генератор работал, в планктонных баках выращивалась пища, вокруг лагеря вырастал частокोल заостренных бревен. Мы продолжали понемногу обустраиваться. Но больше нельзя было прятаться от вопроса: что делать, чтобы освободиться?

Да и выйдет ли? Я предвидел, каков будет результат, если нам не удастся. Когда зубы сотрутся до десен — а биогенных аппаратов у нас нет, — мы сможем изготовить протезы. Если монотонность жизни станет невыносимой, можно начать строительство или организовать исследовательские экспедиции. Но когда накопится слишком много неотренированных битов памяти, мы понемногу сойдем с ума.

Заснуть не удавалось. В укрытии было жарко и воняло потом. Койки стояли вплотную. Брен храпел. Моя рука уже зажила (действие бессмертной костной и мышечной ткани), но иногда побаливала. В конце концов я встал и вышел наружу.

Внешние огни были погашены. Нет смысла привлекать чужое внимание во время отдыха. Между хижинной и частоколом лежал темный провал, время от времени озаряемый голубоватым отсветом, когда излучатель активировал планктон. Мягко задувал ветер, теплый и противно мокрый, наполненный миазмами болота. В кожухе урчал генератор, где-то вдали протрубил какой-то зверь, шелестел озерный прибой в растениях, которые мы прозвали камышом.

И еще один слышался звук: омнисонор Валланда. Были часы его вахты. Сегодня он не пел, а его пальцы выводили какую-то легкую мелодию, повествующую о мире и покое. Я на ощупь пробрался к грубо сколоченной сторожевой башне, на которой он сидел, готовый включить свет и навести оружие.

Он уловил мое появление.

— Кто это?

— Я. Не возражаешь, если я с тобой посижу?

— Нет. Рад компании. От такого сидения на часах чувствуешь себя одиноким.

Я взобрался на платформу и сел на скамейку рядом с ним. Инфракрасных очков я не взял, и он казался мне просто большой тенью. Небо было чистым, только в нескольких облачках отражалось мерцание галактики. На озере тоже дрожал ее ответ, но на берегу все поглощала ночь, и я был почти слеп.

Огромная и прекрасная, она еле выходила из-за горизонта и казалась от этого еще больше. Я видел ее рукава, обвивающие ядро... а вот завиток, где зародились люди... хотя если бы я мог сейчас увидеть человека, то это была бы полуголая обезьяна, крадущаяся по лесам Земли... Еще были видны три мерцающие точки, которые, как мы теперь знали, были планетами.

— Что это за мелодию ты играл? — спросил я.

— Это из Карла Нильсена. Вряд ли ты о нем слышал. Был такой композитор на Земле, еще до меня. Он был в моде, когда я был молод.

— Ты после трех тысячелетий еще помнишь такие подробности? — удивился я.

— Да, понимаешь, я это держу из-за Мэри, — ответил Валланд. — Да и Земля не очень меняется, а я туда возвращаюсь, так что я это храню. Более поздние воспоминания я сбрасываю.

Я подумал, что, может быть, из-за этого он, при его способностях, все еще не командует кораблем. Ему тогда пришлось бы совершать прыжки между звезд туда, куда приказывают, а не куда хочется. Я, например, не знаю, когда я теперь снова увижу Литу и Венли, если вернусь в галактику. Компания старается, чтобы работники не засиживались на одном месте, так что пятьдесят лет — вполне реальный срок. А Валланд хочет возвращаться домой гораздо чаще.

— Похоже, что она стоящая девушка, твоя Мэри, — сказал я.

— Это да, — почти шепнул он одновременно с легким порывом ветра.

— Вы женаты?

— Не официально, — засмеялся Валланд. — Видно, шкипер, что ты родился после Исхода. Мэри — девушка прежних обычаев и приняла бы мое имя, если бы...

Он оборвал свою речь.

— Понимаешь, — сказал я, поскольку считал, что в ночи чужого мира это вполне подходящая тема, — ты нам никогда не показывал ее портрета. А практически каждый таскает с собой альбомы с образами своих женщин.

— Без надобности, — кратко ответил он. — У меня в голове портрет лучше всех этих стереомультиков.

Напряжение оставило его, он рассмеялся:

— Кроме того, она однажды сказала — это было еще тогда, когда в брюках были боковые карманы, — так она сказала, что не так уж это романтично — носить ее портрет возле, — он сделал паузу, — возле сердца.

— Однако ты пробудил мое любопытство. Ты не обидишься, если я спрошу, как она выглядит?

— Да я всегда рад о ней поговорить. Только беда, что словами такого не передашь. Потому-то я и сложил песню. Честно говоря, переделал из одной старинной шведской.

— Шведской? Я что-то не помню такой планеты — Шведа.

— Да нет, Швеция, Свения — это такая была страна на Земле, когда на Земле были страны. Там жил приятный народ, хотя и малость грубоватый. Я и сам отчасти швед.

Валланд замолчал. Так холодно мерцала над нами галактика, что я почувствовал необходимость что-то сказать.

— Так как же выглядит Мэри?

— Ах да. Ну, она высокая, у нее упругая походка, она много смеется, а волосы у нее так сияют на солнце... Нет, прости. Словами не опишешь.

— Что ж, я буду счастлив познакомиться с этой леди, — сказал я, — если мы доберемся до Земли.

— Доберемся, — сказал Валланд. — Как-нибудь.

Он протянул руку — как массивную жердь на фоне облаков:

— Вон та планета, оранжевая. Это должен быть мир внешников. Нам достаточно добраться только дотуда.

— Двести тридцать тысяч световых лет за одно мгновение, — с досадой сказал я, — а несколько миллионов километров уже никак.

— Вселенная как была большой, так и осталась, — ответил он. — Она не стала меньше оттого, что мы ее перепрыгнули.

Через минуту он добавил:

— Но до мира внешников, я думаю, доберемся. Чем больше я прикидываю, чем мы располагаем, тем больше уверен, что среди обломков двух шлюпок и одного корабля можно набрать достаточно деталей и смастерить одно исправное судно. Нет смысла пытаться собрать аппарат для прыжка через пространство. Это просто груда лома, и нам его не починить, даже если бы мы знали как. И этим путем нам не послать сигнал внешникам.

— Я, честно говоря, скептически оцениваю и наши шансы на постройку межпланетного мазера.

— Это мы могли бы сделать, между прочим, — сказал Валланд. — Точно так же, как могли бы поставить какие-то сигнальные маяки на окружающей территории, на случай, если кто-нибудь прилетит нас искать. Но Йо был прав тогда, в разговоре. Вряд ли у внешних на планете найдется подходящий радиоприемник. А шансы на посылку спасательной партии — слишком много пройдет времени, пока кто-нибудь догадается, куда мы девались, и можно пари держать, что этого так и не случится. Слишком мало сведений, чтобы что-то делать, да и те запутанные.

Итак, я полагаю, что наш единственный стоящий шанс — добраться до внешних самим. Нам не нужен какой-нибудь очень уж экстравагантный корабль. Что-нибудь на одного человека для единственного рейса, и даже без радиационной защиты. Я прикинул. Я ведь сам инженер, причем в различных областях, так что я знаю, о чем говорю. Электростанция почти не повреждена. В данных ремонтного робота на борту корабля полный набор спецификаций, и мы можем их изменить для наших целей. Неисправные механические инструменты можно починить или сделать самим.

Конечно, конечно, работа трудная и долгая. Там, где нужна точность — сборка панелей управления или регулировка сервомеханизмов, — будет работа похлеще ювелирной. Но при наличии терпения — сделаем.

— Ну да! — возразил я. — Ты не учиываешь, что есть еще проблема простой физической силы. Шесть человек не могут перетащить на руках тонны металла. Нам понадобятся краны, и еще — ну можешь сам составить список. Нам придется начинать эту работу с такого нуля кораблестроения, что даже подумать страшно.

Понимаешь, Хьюг, у нас просто нет столько человеко-лет. Если мы до того не сойдем с ума от переполнения памяти, мы напоремся на нехватку микроэлементов, которые будут вымываться из планктонных баков. И не говори мне, что с этим мы можем что-нибудь сделать.

— Может быть, и нет, — признал Валланд. — Я никогда не утверждал, что мы сможем завести полноценную биомолекулярную промышленность. Но ты кое-что просмотрел, шкипер. Это верно, что полдюжины людей — слишком маленькая рабочая команда для строительства космического корабля, даже при использовании каннибализма, однако... Эй!

Он вскочил на ноги.

— Что там? — спросил я встревоженно.

— Шш! Там что-то есть. Приближаются медленно и осторожно. Но они двуногие и что-то несут в руках. Давай их не спугнем.

Валланд шагнул к лестнице и протянул мне очки.

— На, надень. Прикрой меня, только не зажигай свет. Наш свет может им здорово резать глаза. Я возьму факел. С огнем они, наверное, знакомы.

Я вглядывался во мрак. Тени в стране теней...

— Похоже, что они вооружены, — пробормотал я.

— Уж конечно. А ты бы на их месте как поступил? Но я не думаю, что они меня заколют, если их не провоцировать.

Валланд засмеялся совсем мальчишечьим смехом.

— Смотри, — сказал он, — я только заговорил о черте, а он уж высунул пару таких рогов, каких и Отелло у себя не подозревал!

Его мифологические аллюзии я не понял, но их смысл был ясен. Сердце у меня забилося чаще.

Есть такая старая игра: показываешь кому-нибудь картинку с изображением негуманоида и просишь человека его описать. Ксенологическими координатами пользоваться нельзя — только словами. Неопытный игрок быстро скатывается к аналогиям. Как Валланд, который просто шулки ради заметил, что азкаты напоминают перепончатопалых кенгуру ростом чуть пониже человека, с человеческими руками и серой безволосой шкурой, с бульдожьей мордой, ослиными ушами и глазами величиной с Круглую Башню. Это все, конечно, абсолютно непонятно для девяноста девяти из ста человек, которые никогда не были на Земле и никогда не слышали об этих животных, из которых тем более многие вымерли.

Я лично считаю, что эта игра глупая. Для меня вполне достаточно охарактеризовать этих существ как прямоходящих, приспособленных к жизни в мире воды и болот. Я мог бы упомянуть огромные желтые глаза, видящие чуть-чуть в том диапазоне частот, который мы называем красным, а в основном воспринимающие инфракрасное излучение — поэтому они вполне могут видеть ночью. Я мог бы сказать, что эти существа лишены ноздрей, которые заменены закрывающимися щелями около ушей, что придает голосу ворчливый оттенок. Также существенной характеристикой является бочкообразная грудь, выдающая метаболизм с большим потреблением кислорода, чем у нас, имеющим преимущество в виде железосодержащего гемоглобина. Еще имеет смысл отметить, что эти виды состоят из

представителей двух полов, они живородящие и гомеотермные, хотя и не млекопитающие в техническом смысле этого слова.

Вообще говоря, мне безразлично, что вы себе представите. Народ определяется уровнем развития техники, науки, искусства и образом жизни.

Что касается техники, то наши гости-охотники находились на уровне развитого палеолита. Их оружием служили копья, томагавки, ножи и духовые ружья. Камень, кость и дерево были тщательно обработаны и украшены орнаментом. Ходили они обнаженными, если не считать чего-то вроде кожаной перевязи, на которой висела сумка, а также инструменты и оружие. Правда, у старейшего из них, который казался предводителем, была на голове татуировка, изображающая галактику.

Их семантика, к нашему облегчению, не очень отличалась от человеческой. Этих людей было легче понять, чем внешников, — по крайней мере, так мы думали. Например, у них были индивидуальные имена, они делали жесты, подобные тем, которые делают люди, желающие воспользоваться языком знаков. Когда мы принесли подарки — стальной нож для предводителя я-Келы и куски пластмассы и прочей дребедени для остальных, они завопили и заплясали от удовольствия. Они тоже принесли подарки — продукты своего ручного труда, которые мы приняли с подобающим уважением. Через несколько часов они поставили нас в затруднительное положение, когда трое азкатов, скользнувших ранее в лес, вернулись с добытой ими дичью и предложили ее нам. Они, несомненно, ожидали, что мы станем ее есть, а мы понятия не имели, как отказаться от этой отравы. Ситуацию разрешил Валланд: он облил тушу горючим и возложил на кучу хвороста. Наши гости сразу поняли аллегорию: так чужестранцы, показавшие, что пришли из галактики, приняли дар.

— На самом деле, — заметил мне Валланд, — они толковые ребята. Они наверняка наблюдали за нами из леса и только потом послали делегацию. Я полагаю, что они ждали восхода галактики: она для них что-то вроде Бога, и при ней они меньше опасались нашей *мана* — дурного глаза. А теперь, когда они убедились, что мы никакого вреда не замыслиаем, они очень стараются пообщаться.

Я-Кела, по крайней мере, старался, и так же поступал Валланд. Большая часть остальных охотников вскоре отбыла отнести весть домой. Люди и негуманоиды собирались группами при свете костра, рисовали картинки и жестикулировали. Рорн жаловался на темноту на территории лагеря. Я подтвердил запрет на свет.

— Ты же видел, что они прячутся от нашего освещения. Нам не надо, чтобы они уходили. Они, быть может, наша рабочая сила.

— В самом деле? — сказал Рорн. — А чем ты им запла-тишь?

— Металлом. Ты только подумай, сколько тысяч ножей, пил и топоров мы сможем сделать из обломков корабля. И по-смотри, как принял я-Кела тот клинок, что мы ему подарили. Я заметил, как он его держит и возносит ему песнопения.

— Теория хороша. Только знаешь, капитан, я ведь тоже имел дело с первобытными. Они, вообще говоря, цивилизован-ному человеку не помощники. Им не хватает целеустремлен-ности, настойчивости, порядка и даже способностей к обуче-нию.

— Как твоим пещерным предкам, Йо? — подколот его Ур-дуга.

Рорн вспыхнул:

— Как хотите, можете называть это первобытной культу-рой, но я сказал правду.

— Из правил бывают исключения, — сказал я. — По-смотрим.

Чувствуя, как растет надежда, я начал планировать органи-зацию работ. Прежде всего надо было наладить освещение на борту «Метеора». Потом, используя космические скафандры как подводные, заделать самые большие пробоины корпуса, гер-метизировать оставшиеся отсеки, откачать воду и доставить ко-рабль к берегу. После этого построить сухой док или какую-то похожую конструкцию. Провести полную инвентаризацию и выяснить наши возможности в смысле строительства и соста-вить конкретные планы, а потом... работа казалась бесконеч-ной. При свете факелов и электрического фонаря мы спустили плот и поплыли к кораблю.

Валланд остался на берегу, общаясь с я-Келой. Эта работа казалась не очень трудной, и Рорн снова запротестовал.

— А мне на... что справедливо, а что нет, — бросил я ему через плечо. — Кто-то должен все свое время изучать язык, и у Хьюга на это больше способностей, чем если таких двух дуба-рей, как ты, вместе сложить.

И это была правда. Из своего омнисонора Валланд мог извле-кать звуки, недоступные человеческому голосу, и скоро он на-учился изображать все фонемы языка азкатов. А для того чтобы объединять их в осмысленные фразы, нужно было скорее поэти-ческое, нежели лингвистическое чутье.

И я не слишком удивился, когда через несколько земных дней Хьюг сказал, что я-Кела и его охотники собираются домой и хотят прихватить его с собой. Он согласен нанести визит. Я согласился — а что мне оставалось?

Глава 8

Я-Кела, осторожный лесовик, не спешил с умозаключениями. Может быть, он не так понял те несколько слов и жестов, которые мог изобразить незнакомец по имени я-Валланд? Может быть, этот я-Валланд и не объявлял себя посланцем Бога?

Потому что он был на удивление слаб. Когда он снял свою маску вроде рыбьей морды, он оказался так же слеп ночью, как любой глубинный дьявол. Лишенный хвоста и перепонок, он неуклюже ковылял по болоту, а когда надо было переплывать участки воды, он становился еще более неповоротлив и быстро уставал. Да и еще должен был привязывать к бревну и толкать перед собой то, что тащил в мешке у себя за спиной. Еще можно было понять, что он не владеет речью Стаи — язык Бога должен быть благороднее, — но он и самых простых вещей не знал, и его просто нельзя было в лес пускать. Может быть, была магическая причина у того, что он не касался обычной еды, а открывал какие-то пакеты с пылью, заливал ее водой, отчего она взбухала, а потом варил себе из этого еду. Но зачем было пропускать даже обыкновенную воду через какие-то соединенные трубкой бутылки, превращая ее в пар, вместо того чтобы просто пить?

Я-Элтох, один из тех четырех, что сопровождали его на обратном пути, как-то буркнул:

— Чудной он. Почуднее любого из Стада. А что ты скажешь о той огромной штуке, на которой он прибыл и которая застряла в Озере Безмолвия? Насколько уверен ты, что он не придуман глубинными дьяволами и не ловушка для нас?

— Если так, то очень умное оказалось Стадо, — сказал я-Кела, — ибо наши наблюдатели видели, как обратились в бегство их каноэ, когда чужие попытались к ним подойти. И ты знаешь, что пленники сказали нам под пыткой, что глубинные дьяволы ничего общего не имели с теми, кто много поколений тому назад пришел с неба. Зачем же тогда будет враг изображать их сейчас? — Он сделал знак воздуха.

Я — Единый Стаи. И я решил, что мы должны разыскать чужаков, ибо они могут быть от Бога. И если я ошибся, то это моя душа будет ввергнута в страдание, но своей рукой я всажу первое копьё в я-Валланда.

Он надеялся, что этого не случится. Эта здоровенная уродливая тварь была очень по-своему симпатична, а музыка, которую он творил, была даже важнее подаренного им лезвия. Он после долгих попыток объяснил, что та мелодия, которую он чаще всего творит, — это просто песнь для его женщины. И все же, когда слышались эти ноты, по коже я-Келы пробегала дрожь. Великая магия была в этой песне.

На каждой стоянке они учились языку друг друга. Я-Валланд умело руководил этими уроками. Когда они добрались до логовищ, он уже мог как-то объясняться.

Приятно было оказаться снова в краю холмов. Бойцы Стада редко заходили в эту страну протяженных кряжей и сумеречных долин, шумных рек и молчаливых лесов. Я-Кела чувствовал приносимый ветром запах гнезд нинла, слышал дальний рев вышедших на охоту курахов, видел дрожащее сияние Бога над Крэгдалем и сам залаял, созывая свой народ. Они — охотники Стаи — выскользнули из лесистых долин и покрывавших холмы кустов, подобно тонким струйкам, и стеклись к пещерам, где обитала Стая.

Я-Кела взял я-Валланда в свое логово. Его тетка, су-Лулка, приняла гостя и приготовила ему ложе. Его жена и молодняк напугались и держались в тени, но так и полагалось. И теперь я-Кела начал обучать пришельца так же упорно и неотступно, как упорно и неотступно преследуют на охоте однорога, пока не загонят. И когда Бог поднялся в небе, можно было уже говорить о серьезных вещах. Разговор шел, спотыкаясь, с кучей недоразумений, но все же шел.

Самый важный вопрос трудно было поставить и еще труднее получить ответ. Я-Валланд честно пытался ответить, но его слова друг другу противоречили. Да, он от Бога. Нет, он не от Бога. Наконец он перехватил инициативу и стал задавать вопросы сам. Я-Кела отвечал на них, надеясь, что после этого что-нибудь прояснится и легче будет потом задавать вопросы самому.

— Бог есть Прародитель, Единый Мира. Все остальные меньше Его. Мы молимся лишь Богу, и Он приказывает нам, — так говорил я-Кела, показывая и жестикулируя. Он вернулся ко входу в пещеру и снова присел на хвост. Большой костер отбрасывал дымный отсвет на разрисованные стены, но для я-Валланда света казалось недостаточно.

Глубинные дьяволы — враги Бога. Они отвергают Его, и так же поступает Стадо, что им служит. Но мы знаем, что мы правы, возвеличивая Бога: ибо Он не правит нашими жизнями. Он лишь требует от нас почитания и правильной жизни. И еще Он освещает для нас ночи, когда Он встает после заката солнца.

И тогда глубинные дьяволы плохо видят, — и пробормотал: — Почти так же плохо, как и ты, мой друг(?)—враг(?).

Вслух же он громко сказал:

— Те из Стада, что нам удавалось захватить во время их вылазок, говорили, что глубинные дьяволы сотворили мир и правят им. Что правда, то правда — они могут дать тебе много удивительного и прекрасного. Но плата за это — свобода.

— Значит, Стадо — это народ, похожий на вас? — спросил я-Валланд.

— И да, и нет. Многие из них на нас похожи, и уже много поколений мы знаем, что иногда азкаты, захваченные Стадом, используются на племя. Но другие совсем не похожи на членов нашей Стаи или любой другой Стаи, и все они мыслят не так, как мы. Они боятся Бога, даже когда солнце выходит на небо и скрывает Его, и они почитают глубинных дьяволов.

Этот короткий разговор занял, однако, все время между двумя снами. Потом я-Кела был должен заняться разрешением споров в своем народе, ибо он был Единый Стаи. Тем временем я-Валланд учился языку у су-Лулки, су-Исс и других старых и мудрых женщин.

Теперь он лучше мог изъясняться и сказал следующее:

— Мы упали с неба, где охотится наша Стая. Вернуться мы не можем, пока не починим лодку. Это работа на много лет, и для нее нужно много рук. Мы заплатим за нее вещами — такими ножами, как мы дали тебе, инструментами, что облегчат ваш труд, и научим вас тому, что вам неизвестно.

— А чем тем временем будет кормиться Стая? — спросил я-Кела.

— Мы дадим вам оружие, которое у нас есть, и всего несколько охотников смогут прокормить всю Стаю. А кроме того, мы прогоним тех врагов, что вас беспокоят.

«А вот в этом я сомневаюсь, — подумал я-Кела. — В вашем лагере ты показал нам чудесное оружие, но сильнее ли оно того, которое есть у глубинных дьяволов? Не знаю. Может быть, и ты не знаешь».

Но он сказал только:

— Это хорошо, но не таков наш древний путь. Вы уйдете, а у нас останется подросток, не овладевший искусством жизни, и что тогда?

— *Ты чертовски сообразительный парень, ты это знаешь?* — сказал я-Валланд на своем собственном языке. И ответил:

— Это тоже надо учесть. Если мы хорошо все продумаем, то голодных лет не должно быть, поскольку заработанные вами

инструменты и оружие прокормят вас до тех пор, пока старые пути жизни не будут освоены вновь. И возможно еще — хотя я не могу обещать, — что наш народ захочет вернуться и торговать с твоим.

Он подался вперед, и в его глазах блеснул ответ костра, а музыкальный предмет у него на коленях говорил, как сам Бог.

— Начать мы все равно должны, я-Кела. Найди мне несколько разумных молодых мужчин, что захотят пойти со мной и работать за такие ножи, как у тебя. А через год мы посмотрим, хорошо ли это для нас и для вас.

— Грр-м. — Я-Кела задумчиво почесал рыло. — Твои слова звучат хорошо. Но давай я сначала подумаю, а потом уже передам твои слова Стае.

И тут, незадолго до времени сна, я-Валланд стал говорить в коробочку, что была у него с собой. Коробочка ему отвечала, как часто уже бывало и раньше. Но в этот раз я-Кела увидел, как он вдруг напрягся, голос у него стал резким, а в запахе появилась горькая струйка.

— Что случилось? — спросил Единый, держа руку на рукояти ножа.

Я-Валланд прикусил губу.

— Отчего бы мне тебе и не сказать, — произнес он. — Я знаю, что у тебя остались там наблюдатели, и они тебе передадут, как только доберутся до барабанов. У лагеря моих друзей появились какие-то суда, и некоторые из тех, кто на них приплыл, подошли к частоколу для разговора.

— Стадо не говорит на языке Стаи, — сказал я-Кела. На его коже выступила влага. — Некоторые из них выучили этот язык. Но из твоего народа никто, кроме тебя, больше нескольких слов не знает. Какой же может быть разговор?

Я-Валланд довольно долго молчал. Угасающий огонь выбрасывал язычки пламени. Их отсветы выхватывали из темноты женщин и детей, испуганно сгрудившихся в глубине пещеры.

— Не знаю, — наконец сказал я-Валланд. — Но мне лучше бы вернуться сразу. Ты дашь мне проводника?

Я-Кела прыгнул ко входу в пещеру и коротко гавкнул, призывая на помощь.

— Ты лжешь! — прошипел он. — Я понимал, что ты что-то держишь за спиной. И ты не уйдешь, пока мы не вырвем всей правды из твоей глубинно-дьявольской пасти.

Я-Валланд вряд ли понял все слова. Но он поднялся на ноги, огромный и чужой, и схватился за висевшее у него на поясе оружие.

Уходя всей командой к кораблю, мы всегда оставляли часового на сторожевой башне. Из того, что нам сообщил по радио Валланд — хорошо, что у нас в снаряжении были портативные рации! — можно было предположить, что нападение каких-то противников азкатов не так уж невероятно. Он пока еще не очень много о них узнал — только что они относятся к совсем другой культуре и что это им, скорее всего, принадлежали каноэ, виденные нами на закате.

Без сомнения, азкаты были предубеждены. Они ведь были... нет, просто охотниками и собирателями их нельзя было назвать. Стаю лишь с натяжкой можно было считать эквивалентом земного племени, и Валланд подозревал, что здесь задействованы гораздо более тонкие понятия. Он даже еще не знал точно такой элементарной вещи, как значение слова «азкат». Это понятие относилось ко всем Стаям, делившим между собой права охоты на холмах и рыболовства на берегах озера, говорившим на одном языке и ведущим один и тот же образ жизни. Но было ли правильным переводом этого термина «люди холмов», как он думал вначале, или «свободный народ», или «народ галактического бога», или что-то еще? Может быть, это слово имело и эти, и еще какие-нибудь значения?

Как бы там ни было, шкилы, как называл их иногда я-Кела, охотились временами на азкатов, а в прошлом именно они прогнали Стаи с прибрежных островов дальнего края Озера Безмолвия. Эти факты, а также подробности, которые удалось добыть Валланду в процессе напряженного труда установления контакта, предполагали более развитое общество, возможно, сельскохозяйственную культуру, распространяющуюся за счет вытеснения дикарей. И это наводило меня на мысль, не подойдут ли нам шкилы больше азкатов. Но с другой стороны, они могли бы повести себя враждебно по тысяче самых разных причин. И мы не хотели полагаться на случайность. Человек на сторожевой башне с оружием и прожектором мог отбить нападение и прикрыть высадку остальных на берег.

Шкилы прибыли во время моей вахты. Галактика была скрыта за теплым морозящим дождем; в оптику я видел только клубы пара, поднимающиеся из-за стен нашего лагеря. Я мог сколько угодно сыпать проклятиями по поводу худой крыши, и этим я и занимался, когда раздалась возбужденная скороговорка по радио с корабля. Наконец-то положение прояснилось! Появился большой отряд аборигенов в нескольких каноэ, сопровождав-

ших двухкорпусную галеру, и они хотели разговаривать. И по крайней мере один из них говорил на языке внешников!

Я не позволял себе надеяться, что у внешников до сих пор сохранялся форпост на этой планете, столь для них бесполезной и опасной. Но у меня чуть голова не закружилась от этой новости. Я согласился, чтобы в наше расположение вошли с рабочей командой двое или трое пришельцев. Опасаясь хитрости, мы никого в башню не впустили и, перед тем как ввести наших гостей в хижину, заперли ворота.

Я стоял весь промокший, слушая шум дождя по крыше, окруженный своими людьми в тесной хижине, и смотрел на появившееся передо мной чудо.

Наших гостей было трое. Один был похож на уже виденных нами азкатов, хотя и был одет в белый балахон из растительного волокна и высокую белую шляпу. Он держал посох с закругленной рукоятью, как древний епископ, и стоило ему шевельнуть пальцем, как остальные кидались выполнять его команду со всех ног. Другой был великан ростом в добрых двести сорок сантиметров. У него были непропорционально мощные и развитые руки и ноги при очень маленькой голове. Одет он был в корсет из чешуйчатой кожи, в руке держал обитый сыромятной кожей щит. Свое оружие он, по нашему настоянию, оставил у входа в хижину. Третий, должно быть, по контрасту, был карликом, также одетым, но в серое. Он шел с закрытыми глазами, и я не сразу понял, что он слепой.

Первый из команды довольно хладнокровно обвел рукой своих спутников, как будто разговор с инопланетными робинзонами был ежедневной рутиной.

— Ниао, — сказал он. Я так понял, что это было самоназвание его народа. Потом, показав себе на грудь, добавил: — Гиани.

— Фелип Аргенс, — сказал я, чтобы не отставать от него. Представил своих товарищей и сказал: — Люди.

— Это мы ему уже сообщили, — сказал Урдуга мне на ухо. — Он стоял на носу галеры и что-то долго говорил. Но ведь вы, капитан, лучше знаете речь внешников, чем любой из нас.

По крайней мере, я должен был. Я изучил, помимо того что подвергся электростимуляции, все, что по этому поводу знали на Заре. Нельзя было, конечно, с уверенностью считать, что именно на этом языке разговаривают между собой внешники. Это мог быть всего лишь искусственный код, подобный многим другим, которые я знал, разработанным для установления быстрого контакта с теми, кто не был совершенно уж безнадежно

чужд по складу своего разума. Однако сейчас это не играло роли, поскольку Гиани из народа ниао также им владел.

— Прошу всех садиться, — предложил я. — Что мы им можем предложить? Лучше всего не из еды или питья. Подарки. Найдите кто-нибудь несколько приличных сувениров. И Бога ради, принесите виски!

У нас еще оставалось немножко драгоценного алкоголя, и он меня успокоил. Я забыл про дождь и жару снаружи и сосредоточился на разговоре.

Предстоящую работу вряд ли можно было назвать легкой. В этом языке жестов и звуков ни у кого из нас не было достаточного словарного запаса, а того, что понимали бы обе стороны, оказалось и того меньше. Кроме того, народ Гиани познакомился с этим языком на столетия раньше моего, а язык за это время изменился. Можно сказать, что мы говорили на разных диалектах. И наконец, язык, столь чуждый по происхождению как моей, так и его расе, фильтровался через разные типы культур и тел, различия в инстинктах которых мне еще только предстояло узнать.

В результате я мог не больше выяснить в разговоре с Гиани, чем Валланд в разговорах с я-Келой. Мне удалось только сообщить:

— Мы пришли с неба. Мы не враги вам. Мы всего лишь потерпели крушение и нуждаемся в помощи, а потом мы уйдем. Вы ведь встречали других, непохожих на нас, но тоже пришедших с неба?

— Мне говорили о таких существах, — ответил Гиани. — Но это было до моего рождения и в далеких местах.

Похоже было на правду. На ранних стадиях развития космических путешествий внешники не могли миновать планету своей системы. Найдя на ней разумную жизнь, они должны были основать там базу для ведения исследовательских работ — пока не открыли гиперпространственный прыжок и не оставили этот мир ради более интересных и гостеприимных. И если бы база все еще была здесь, это было бы невероятной удачей.

Но как мог быть сохранен язык после их отлета много земных столетий назад? И как Гиани попал сюда к нам, за сотни или тысячи километров? Я пытался выспросить это у Гиани, но из-за лингвистических трудностей мы друг друга не поняли. Он пытался мне объяснить, что айчуны это умеют. Айчуны послали за нами их отряд, и его поставили командиром, потому что он из тех ниао, что хранят небесную речь. Каждый раз, произнося это название — «айчуны», он склонял голову. И точно так же вел

себя слепой карлик. Великан стоял неподвижно, и только глаза его все время двигались.

— Правящий класс, — предположил Брен. — Теократы?

— Может быть, — сказал я. — У меня такое впечатление, что более того. — И, обращаясь к Гиани, добавил: — Мы рады будем познакомиться с айчунами и поднести им подарки. И мы рады будем встретиться со всем твоим народом.

Он неожиданно возмущился. Я не должен путать айчунов и ниао. Это неправильно. Это очень плохо.

Я извинился за свое невежество.

Гиани успокоился.

— Вы увидите айчунов, — сказал он. — Вы с нами поедете к ним.

— Хорошо, мы отправим одного-двух, — согласился я. Приходилось рисковать.

— Нет. Все. Так они приказали.

Я не был уверен, что последнее слово значило безусловный приказ, а не приглашение, и попытался объяснить, что мы не можем оставить лагерь. Гиани что-то гавкнул гиганту, и тот выступил вперед. Я услышал, как вылетают пистолеты из кобур за моей спиной.

— Легче! — Я вскочил на ноги. — Хочешь начать войну?

Гиани махнул рукой, и этот бык отошел назад. Мы посмотрели друг на друга, он и я; в наступившей тишине яснее стал шум дождя. Карлик не вмешивался.

Я прокашлялся.

— Ты должен знать, что у тех, кто с неба, сила велика. А если ты этого и не знаешь, то айчунам это известно. Мы не хотим биться. Но мы будем, если ты станешь требовать того, что невозможно. Разве все ниао пришли сюда? Конечно, нет. Точно так же и мы не можем уйти все вместе с тобой. Но мы будем рады в знак нашей дружбы послать одного или двух.

Когда мне удалось это объяснить (на что потребовалось время), Гиани повернулся к карлику и что-то сказал на своем языке. На слепом лице отразилось что-то вроде боли. Ответ был таким тихим, что его трудно было расслышать. Гиани сложил руки и поклонился почти до земли, а потом снова обратился ко мне.

— Да будет так, — сказал он. — Мы возьмем двоих из вас. Два каноэ останутся здесь на страже. Их экипажи могут ловить рыбу для пропитания. Вы к ним не должны обращаться.

— Что тут за бардак происходит? — прошептал Урдуга мне в спину.

Я посмотрел на карлика (он дрожал всем телом) и ничего не ответил. Он явно не был предводителем отряда. Но я видал разные виды телепатии у разных цивилизаций. Таких, как он, я не видел, но все же...

— Думаешь, стоит идти, капитан? — спросил Гальмер.

— Думаю, у нас не очень широкий выбор, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал обычно. Но в душе я испугался. — Мы здесь должны пробыть долго, и нужно узнать, с чем предстоит иметь дело.

— У них могут быть хорошие намерения — в отличие от манер, — сказал Брен.

— Верно, — сказал я. — Могут быть.

Дождь булькал по размокшей земле.

Гиани и его эскорт с нетерпением ждали, а мы обсуждали процедуру. Наши представители должны были быть доставлены на другой берег, где у ниао был приграничный поселок. Из разговоров Валланда с я-Келой мы знали, что озеро велико — внутреннее море. Но на этих быстроходных лодках мы должны были пересечь его за пару стандартных дней. Радиоконтакт мог оказаться возможным, но этого могло и не случиться. С Валландом он был, но он ушел не так далеко. Ионосфера планеты резко ослабляла сигнал, и нужен был очень чувствительный приемник.

Я должен был отправиться как лучше всех владеющий языком внешников. Мне нужен был напарник — как для того, чтобы прикрыть спину, если я попаду в ситуацию похуже, чем у Валланда, так и для демонстрации нашей доброй воли. Добровольцем вызвался каждый (а как еще он мог поступить на глазах у других?), и я выбрал Йо Рорна. Он не был моим идеалом компаньона в путешествии, но его могли заменить совместно Валланд и Брен, а Урдугу никто не мог заменить при ремонте двигателя, и никто, кроме Гальмера, не знал все входы и выходы системы управления.

Мы стали собирать снаряжение — вроде того, что взял с собой Валланд. Спальные мешки, пластиковая палатка, приспособления для приготовления пищи и дистилляции воды, сублимированная провизия, аптечка, бластеры и заряды, радио, запасные аккумуляторы, ручной мини-генератор для их подзарядки, вспышки, инфракрасные очки, одежда...

Раздался сигнал вызова. Я протолкался к приемнику и сел.

— Алло? — завопил я.

— Это я, — сказал ослабленный динамиком голос Валланда. — Просто докладываю. Кажется, здесь у нас все на мази. Что там у вас?

Я рассказал.

Он присвистнул.

— Похоже, что Стадо вас обнаружило.

— Что нас обнаружило?

— Шкилы. Вы помните. Я решил, что лучше всего это переводится словом «Стадо». Как, вы сказали, они себя называют?

— Ниао. И над ними есть еще кто-то, кого они называют айчуны.

— Ага. Это, я думаю, глубинные дьяволы. Опять-таки мой перевод азкатского слова, означающего нечто вроде «носитель зла из глубины». Только я считал, что глубинные дьяволы — это что-то вроде языческих богов, по контрасту с местной религией, где галактика — единственный — остерегайтесь подделок! — настоящий Бог.

Небрежность его речи не гармонировала с серьезным тоном. Я внезапно осознал, что такой поворот событий очень для него опасен. За напряжением последних часов, когда мы сопротивлялись настояниям Гиани, мы просто забыли, что наш товарищ находился среди народа, ненавидящего и боящегося тех, с кем я должен был отбыть.

И наверняка у Стаи были наблюдатели на краю диких мест.

— Мы не можем уклониться от путешествия, — сказал я.

— Но мы можем затянуть с отправкой, пока ты не вернешься.

— Ладно, попробую. Подожди немножко.

Потом слышались какие-то противные звуки.

— Хьюг! — крикнул я. — Хьюг, ты здесь?

Дождь перестал, и в хижине сгустилась тишина. Гиани через карлика связывался со своими неизвестными хозяевами. Я сидел и ругался.

Наконец раздался почти беззвучный голос Валланда:

— Ситуация здорово быстро обостряется. Я-Кела заподозрил предательство. Он позвал своих ребят и хотел порасспросить меня — я думаю, это вежливое название. Я дал понять, что могу проложить себе дорогу пистолетом. Он на это ответил, что в конце концов мне придется уснуть и тогда он меня захватит. Я на это возразил, что я прямо сейчас пойду к лагерю и, уж во всяком случае, ему придется побегать за свои деньги. «А теперь послушай, друг, — сказал я ему, — Мои люди не знают ничего о глубинных дьяволах. Может быть, их обманули. Если так, то я тебя прошу помочь мне их выручить, и мы могли бы вместе ударить очень крепко. Но допустим худшее: мой народ решил сотрудничать с глубинными дьяволами, если те предложили сделку получше. Тогда я тебе полезнее в виде заложника, чем в виде трупа». И он успокоился. Теперь он хочет прочесть мне

что-то вроде лекции на тему о том, какие глубинные дьяволы плохие.

— Попробуй объяснить ему идею нейтралитета, — сказал я. — Хьюг, ты уверен, что у тебя все нормально?

— Нет, — ответил он. — А ты про себя уверен?

Я попробовал ответить, но слова застряли в горле.

— Мы оба малость влипли, — сказал Валланд, — и меня не удивит, если ты влип хуже. Я-Кела поклялся своим Богом, что не тронет меня, пока я чист. Я даже не буду пленником в полном смысле слова, скорее гостем, которому не разрешено уйти. Я думаю, что он от этого не отступит. Свой пистолет я ему уже отдал, и теперь он позволил мне закончить разговор, прежде чем наложит секвестр на рацию. Так что какое-то время я буду в безопасности. Ты давай вперед и выясни, что это там за айчуны такие. Когда вернешься, поговорим.

Я попытался вообразить, как это должно быть — стоять в пещере, полной волков, и положиться, как на единственное оружие, на силу чьего-то обещания. И не смог.

Глава 10

Галера быстро неслась по воде. Кроме скрипа и плеска весел слышен был только задающий ритм барабан и время от времени поданная вполголоса команда. На мой вкус, было слишком тихо. Факелы освещали смонтированную на двух корпусах палубу. Но мы с Рорном, стоя у ограждения, смотрели во мрак. Даже через инфракрасные очки видна была только галактика и ее волнообразное сияние. Сопровождающие нас каное вышли из пределов видимости.

На заостренном лице Рорна играли тени и отблески.

— Мы столкнулись с чем-то более сильным, чем ты думаешь, — сказал он.

Я положил руку на рукоять пистолета. Ее изгиб меня успокоил.

— Почему так? — спросил я.

— Лодки, что пришли первыми и ушли. Они должны были быть из того места, куда мы сейчас направляемся. Как там оно называется?

— Кажется, Прасию.

— Они, конечно, наткнулись на нас случайно, в поисках рыбы или чего-то в этом роде. Их команды — это были обычные не специализированные ниао, мы это видели. Но они не взяли на себя ответственность пойти на контакт. Нет, они

побыстрее вернулись в Прасию. Как ты знаешь, обычно в такой технико-географической ситуации инстинкты гуманоидов ведут к индивидуализму.

Я кивнул. Тирания теряет стабильность, если простенькая лодочка может уйти от военного корабля и если есть необжитые места, куда могут уйти недовольные. Те ниао уклонились от встречи не из страха. Их охота на азкатов доказывала обратное. Значит, ниао *нравилось* быть слугами.

— И тем не менее, — продолжал Рорн, — прибытие вот этой делегации заняло какое-то время. Значит, ее надо было организовать. Согласовать. Это, в свою очередь, означает связь с каким-то удаленным центром.

— Но ведь у них телепатия, и все должно происходить быстро.

— К этому я и веду. Хозяева обсудили ситуацию и приготовились к контакту с нами. К тому же они очень долго сохраняли язык внешников и перенесли его так далеко. Вот по этим признакам я могу судить, что мы где-то на окраине очень большой и очень старой империи.

Я удивился. Мне казалось, что Рорн не способен к таким логическим рассуждениям.

— Как бы там ни было, как рабочая гипотеза вполне годится, — сказал я. — Что ж, если удастся получить их помощь, будет хорошо. У них больше нужных нам ресурсов и умения, чем у Стаи. Конечно, сначала мы должны будем выцарапать Хьюга обратно в лагерь.

Рорн сплюнул.

— Ты его невзлюбил, что ли? — спросил я.

— Ага. Трепливый олух.

— Мы все в одной команде, — напомнил я.

— Да знаю я, знаю. Но если окажется, что мы можем спастись только без него — все мы, — оставив его на произвол судьбы, моя совесть не помешает мне принять решение.

— А как бы тебе понравилось оказаться на другом конце этой философии? — оборвал я его. — Мы вместе выйдем на орбиту — или вместе гробанемся!

Рорн сдал назад:

— Так я же не имел в виду... вы не думайте, капитан, что я вот...

Гиани, в своем балахоне и шляпе, похожий на призрака, подплыл к нам и сказал:

— Я думаю, что вам интересно посмотреть корабль.

Мы оба с облегчением восприняли его вмешательство, и к тому же нам действительно было интересно, так что мы пошли

за ним по палубе. Отведенная нам каюта была почти пуста. Каюты других, Гиани и остальных ниао того же ранга, сочетали простоту мебелировки с изысканностью росписи и резьбы, в которой замечалось повторение одного и того же элемента: сложный узел, что-то вроде двойной свастики, а поверх него — круг. Я спросил о его значении.

Гиани низко поклонился.

— Узел — эмблема айчунов.

— А вот это?

Он начертил знак на своей груди.

— Солнечный диск, укрощающий *миачо*.

Несколько минут спустя я заметил, что рулевые и наблюдатели носят широкие шляпы с тем же орнаментом. Я спросил, зачем это, и Гиани ответил, что это защита от *миачо*.

Рорн быстро сообразил. Он показал на спираль в небе:

— Вот это?

— Да, — ответил Гиани. — Его бесчинство велико, когда при нем нет солнца. Мы не стали бы сегодня плыть через воду, если бы не приказали айчуны.

«Так, — подумал я. — Бог азкатов — что-то вроде демо-на для ниао. А почитаемые у ниао айчуны — это и есть глубинные дьяволы Стаи».

Гиани явно спешил отправить нас вниз. Корпус, как и все судно, был построен на совесть. Конечно, без металла — каркас и деревянный настил на клею, скрепленные деревянными же шпилками. Строительство должно было быть очень трудоемким. Гиани признался, что это — единственный корабль на озере. В остальном для рыбной ловли и для сдерживания дикарей достаточно одних каноэ. Однако на океанах, добавил он, ходят целые флоты. При виде тех искусно обработанных предметов из керамики и пластика, которые он мне показывал, я готов был ему поверить.

Более всего меня интересовал экипаж. Гребцы работали по-сменному на хорошо проветриваемой и освещенной фонарями палубе. Все они были одинаковы: короткие ноги, непропорционально большие руки и плечи, маленькие недоразвитые хвосты. На борту было еще несколько бойцов, похожих на того колосса, что мы уже видели. На наши вопросы Гиани ответил, что есть и другие виды ниао, например погонщики или крестьяне. Он же принадлежал к породе интеллектуалов.

— Вы размножаетесь только внутри своего класса? — спросил я.

— Такого закона, разумеется, нет, — сказал Гиани. — Но кто захочет жить с кем-то совсем чужеродным или породить

потомство, которое неизвестно куда применить? Другое дело, если айчуны прикажут. Иногда они проводят гибридизацию, но это для блага всех ниао.

Когда до меня дошло, что он сказал именно это, и я передал его слова Рорну, мой компаньон отреагировал на нашем языке:

— Сейчас этот механизм отлажен, но лишь благодаря селекционной работе в течение многих поколений. Но кто начал этот процесс? И как? — Его передернуло.

Я не ответил. Есть на свете расы с такими общественными инстинктами, что евгеника просто вросла в их культуру. Но у гуманоидных рас это никогда не держалось долго. Слишком силен был бунт индивидуальности, и в конце концов бунтовщики набирали достаточно силы, чтобы изменить режим или покончить с ним.

Итак, возможно, что у аборигенов этой планеты тип разума совсем не гуманоидный?

Да нет, ведь есть еще и азкаты.

Несмотря на жару, у нас прошел мороз по коже. Под палубой было темно, как в пещере, освещенной неровным светом одной лампы. Мы извинились и вернулись в свою каюту. В ней был только один подсвечник, но мы прилепили запасные свечи расплавленным воском прямо к полу.

Рорн сел на свой спальный мешок, обхватив колени и положив на них подбородок. Глядя на меня, он сказал:

— Мне это не нравится.

— Ситуация необычная, — согласился я, — но не обязательно угрожающая. Припомни, что внешники предложили нам устроить здесь базу.

— Они думали, что мы прибудем с полной экипировкой. А мы беспомощны.

Я внимательно на него посмотрел. Он дрожал. А ведь до сих пор он вел себя очень разумно.

— Не впадай в панику, — предупредил я его. — Помни: самое худшее, что может нас ждать, — всего лишь смерть.

— Не уверен. Я об этом думал. Айчуны, кто бы они ни были, не имеют развитой техники — металла не хватает. Но в биологии и психологии они продвинулись далеко. Смотри, как они привычно используют телепатию, которая так ненадежно работает у людей. Подумай, как они управляли этими ниао в течение поколений, пока послушание не вошло в хромосомы. Так не могут ли они так же поступить с нами?

— Даже и думать противно. Но мы попробуем сопротивляться.

— Мне это труднее, чем тебе.

— Это почему?

Он поднял глаза. Черты его лица обтянулись и заострились.

— Расскажу. Мне не хотелось, но приходится: иначе ты подумаешь, что я трус. Просто я знаю, как страшно вторжение в разум, а ты не знаешь.

Я сел рядом с ним и стал ждать. Он перевел дыхание и быстро, без интонаций, заговорил, глядя прямо перед собой:

— Сбой при ревизии памяти. Это считается невозможным, но в моем случае так и было. Я был в районе Границы Бета. Новая планета с новым медицинским центром. Они еще не знали, что у пыльцы местных растений есть психотропные свойства. Я прошел в машину, как обычно, сосредоточился и... и потерял контроль. Техники не сразу заметили, что тут что-то не так. А когда они спохватились и остановили процесс... — нет, я не все забыл. Но остались какие-то разрозненные фрагменты, недостаточные для существования личности. Это было хуже полной амнезии. А заставить себя стереть все и начать с чистого листа я не мог. Это было бы как самоубийство.

— А когда это было? — спросил я, когда он остановился, судорожно глотая воздух.

— Сорок с чем-то лет назад. Мне пришлось как-то себя восстанавливать. И с тех пор мир не совсем такой, как должен быть. Всякие мелочи вдруг вырастают до кошмаров, и вообще... — Он ударил кулаком по палубе: — Ты можешь себе вообразить, что значит пройти через такое второй раз?

— Я тебе сочувствую, — сказал я.

Он выпрямился. К нему вернулась его привычная отчужденность.

— Сомневаюсь, капитан. Только гораздо более близкие люди могут сочувствовать беде другого. Так, по крайней мере, говорит мой опыт. А я много времени посвятил наблюдениям подобного рода. Теперь я об этом больше говорить не хочу, а если ты кому-нибудь расскажешь, я тебя убью. Однако советую: следи, как бы тебе в мозг не залезли!

Глава 11

Мы прибыли в Прасио в темноте и в темноте высадились, так что я помню только факелы, тени, странный печальный звук рога где-то в ночи. Потом я видел город при свете дня, да и другие города, на него похожие, а когда я стал в состоянии задавать более осмысленные вопросы, я стал получать более

содержательные ответы от ниао. Я тогда многое от них узнал, и никогда и нигде не встречал я более странного сообщества.

Это, впрочем, для ксенологических архивов. Здесь же я должен сказать, что Прасио не был городом в том смысле, что его населяла община, связанная взаимными интересами, с общими обычаями и традициями. Прасио — это было просто название той части береговой линии, где находились причалы. Поэтому было удобно держать поблизости мастерские, с расположенными вокруг напоминающими иглу домами ниао. В обширном и влажном сельскохозяйственном регионе за Озером Безмолвия, вплоть до океана, поселения были иными. И даже дальше, поскольку были ниао, выведенные для выращивания водорослей на океанском шельфе.

А Стая в пещерах, пленником которой был Валланд, представляла собой настоящую общину. Потом мы узнали, что в других частях этого мира есть другие дикари, ведущие такую же жизнь. Некоторые из них развились уже до этапа строительства деревень. Ниао, которые казались цивилизованными, ничего такого не имели. Они были Стадом, а стада не создают наций.

И боги тоже.

Наша галера не пошла к пристани. Мы причалили к сооружению, возведенному поодаль от берега: квадратное, массивное каменное строение, нависающее над нами в темноте, как грозовая туча. Фонари выхватывали из тьмы фигуры солдат-ниао, охраняющих стены. Они были одеты в доспехи и шлемы, вооружены ножами, пиками, луками, пращами и стояли, как будто сами были из камня. Гиани и еще трое его коллег-писцов (я их так назвал по аналогии с писцами в Древнем Египте) вывели нас с корабля в такой глубокой тишине, что трап у нас под ногами, казалось, грохотал. За нами поспешал слепой карлик. Все они почтительно поклонились воротам.

— Что это? — спросил я.

— Этот дом содержится для айчунов, когда им угодно почтить нас своим присутствием, — сказал Гиани почти беззвучно. — Вам оказана честь. Не меньше чем двое из них пришли на вас посмотреть.

Входя, я кинул последний взгляд на галактику. Она всегда раньше казалась мне отчужденной — красива, но далека и безразлична. Сейчас же она была моей единственной связью с миром.

Вдоль всего мокрого, гулкового, уходящего вниз холла горели лампы. Не было ни мебели, ни орнаментов — просто большие серые блоки. Арка входа вела в комнату. Она была обширна и очень скудно освещена, так что я ничего не видел и надел

инфракрасные очки. Большую часть пола занимал бассейн. Я заключил, что это место соединяется с озером подводным каналом.

В воде лежали глубинные дьяволы.

Описание их наружности отвечало бы любой расе амфибий. Перепончатые лапы, тела примерно вдвое длиннее и в несколько раз массивнее человеческого. На слизистых головах прежде всего заметны были глаза: не так велики, как у двуногих, но светятся потрясающе красивым халцедоновым светом. Позвоночник в процессе эволюции изменился так, что на суше они могли сидеть. И по-моему, на передних конечностях из внутренних костей развились пальцы: я заметил нечто вроде кисти с четырьмя неуклюжими отростками.

Из моря нечасто выходит разумная жизнь. Но при определенных обстоятельствах это случается. Самый знаменитый пример — дельфины на Земле. Если бы они приобрели возможность выходить на сушу и бродить по ней, пусть и неуклюже, кто знает, чем они могли бы стать? Я полагаю, что изменение среды, в результате которого появились айчуны, случилось миллиарды лет назад. По мере того как гидросфера планеты сокращалась — это происходило невообразимо медленно под таким холодным солнцем, но стоит вспомнить, насколько стар был сам этот мир, — все больше и больше выступала суша. При таком медленном изменении виды, завоевывавшие эту сушу шаг за шагом, не были видоизмененными рыбами, как на Земле. Они уже дышали воздухом, имели активный метаболизм и развитую нервную систему. Изменение условий вызывало дальнейшее развитие — для этого не нужна была жесткая радиация, квантовые тепловые процессы делают то же самое, хотя и медленнее. И наконец, появились на свет айчуны.

Я думаю, что здесь тоже раньше был спутник, близко расположенный и большой, пока возмущения от солнца, очень сильные в такой непосредственной близости, не оторвали его от планеты. А может быть, айчуны развились в те времена, когда планета была всегда повернута к солнцу одной стороной: их глаза не были приспособлены к теперешним долгим ночам. У более молодых видов оптический аппарат эволюционировал, а эти обходились огнем для освещения. Может быть, поэтому они ненавидели галактику и боялись ее. Днем она не была видна, зато ночами она правила тьмой.

Однако это вопросы для палеонтологов, тем более что все происходило давно, и очевидцев не осталось.

Для нас с Йо Рорном гораздо больше значило, что они скажут. Но они не стали говорить прямо. Как бы то ни было, а

использовать язык внешников для них тоже было не очень просто. Карлик открыл рот, задвигал руками и заговорил:

— Через посредство этого существа мы обращаемся к вам, поскольку мы уже давно следим за вами издали. Вы из той же породы, что прибывшие сюда много лет назад в поисках места и говорившие, будто они пришли сверху, так?

— Мы не одной с ними крови, — ответил я, слыша, как пульсирует кровь у меня в ушах. — Но вы, и мы, и они, так же как и ниао, — мыслящие существа. Мы думаем, что эта общность значит больше, чем разница телесных форм.

Гиани угрожающе зашипел:

— Ты что, забыл, с кем разговариваешь?

— Простите, если я вас обидел, — сказал я, гадая, какой из местных обычаев я нарушил. — Поскольку вы слышали наши разговоры с вашими... вашими слугами, вы знаете, что мы не знакомы со здешними традициями и нуждаемся в помощи. Взамен мы предлагаем нашу дружбу и вознаграждение.

— Продолжайте говорить, — приказали айчуны.

Они задавали мне весьма изощренные вопросы. Из того, что внешники, очевидно, им говорили, они забыли мало. Я объяснил, откуда мы взялись, я рассказывал о галактике, о том, как она велика и далека, о миллионах миров и обитающих в них могущественных расах... но почему рабелепствовали перед ними эти писцы вместе с безвольным карликом?

У Рорна на лбу выступил пот.

— Не то ты им говоришь, — сказал он.

— Сам знаю. А что надо им сказать?

Я положил руку на пистолет, то есть попытался положить, но рука не слушалась. Как будто мышцы заснули. Я выругался и собрался. Рука резко дернулась и сжала рукоять.

Овладев своими нервами, я сказал:

— Вы пытаетесь мной управлять. Во-первых, это недружественный акт, а во-вторых, у вас не получится. Наши разумы слишком различны.

Какой-то частью сознания я подумал, что они пробовали этот трюк с внешниками и потерпели полную неудачу с мозгами, работающими на водороде и аммиаке. Попытку, скорее всего, даже и не заметили, иначе нас бы предупредили. Айчуны отступили, скрыли свою истинную природу, как подводную часть айсберга, и создали впечатление безобидных первобытных существ. Народ со всепланетной культурой, основанной на телепатии, на это способен.

С нами они не дали себе труда скрывать. Они хорошо знали, что за нас некому мстить. А карлик монотонно бубнил:

— Тех, кто приходил раньше, мы отпустили, а вам незачем свободно шататься по миру. Не бойтесь. Ваша потенциальная полезность признана. Пока вы будете подчиняться, вам не причинят вреда. Когда вы состаритесь, о вас будут заботиться, как о всяком старом и верном ниао.

Мы с Рорном сдвинулись спина к спине. Писцы отодвинулись в темный угол. Один из глубинных дьяволов приподнялся, и на его шкуре заблестели отсветы. Карлик говорил:

— Мы думаем, что у нас были причины создавать в начале мира существ, подобных вам и тем, другим. Жизнь на суше, там, где она остается без наблюдения, часто развивается неправильно. Наверное, вы и сами не помните своей древней истории. Тем не менее вам будет показано по крайней мере воздержаться от произнесения лжи. Ибо мы теперь верим, что вас создали не случайно, а намеренно.

Вдруг Рорн захныкал:

— Они влезли в мой мозг. Влезли, я их чувствую.

— Заткнись и будь готов стрелять, — сказал я ему.

Я и сам это почувствовал. Пожалуй, это самое точное слово — влезли. Какие-то незванные образы, побуждения, вспышки ужаса и злости, блаженства и похоти, окостенение в мышцах, пот и испарина. Но ощущение не было таким уж сильным — не больше, чем при легком опьянении. Я повторял сам себе вновь и вновь: «Эти бестии излучают энергию, известную нашим ученым уже сотни лет. Они хотят вызвать у меня в мозгу соответствующие образы. Но я — из другого биологического вида. И мои нейроны работают не так, как у них. И я не дам им шанса разобраться, как именно. И всегда стоит помнить, какие бы ни рассказывали страшные истории, нельзя “захватить управление” человеком, который не теряет присутствия духа. Это невозможно физически. Ты лучше знаешь свою нервную систему и крепче с ней связан, чем кто бы то ни было другой».

Я стиснул зубы и начал задавать вопросы.

И вдруг беспорядок у меня в голове прекратился. Наверное, по контрасту я почувствовал такую способность к самоконтролю, как никогда прежде. Я мог стоять и разговаривать часами. Все это время Рорн молча стоял у меня за спиной.

Глубинные дьяволы отвечали мне с холодной откровенностью. Нет смысла приводить здесь нашу дискуссию как таковую. Деталей я не помню. И разумеется, наша конференция часто прерывалась объяснениями какого-нибудь термина, рассуждениями, прояснявшими тот или иной вопрос. Эти двое из бассейна на меня не давили. Они не имели привычки спешить. А кроме того, я постепенно понял, что они заинтересованы. Они ненави-

дели нас не больше, чем мы могли бы ненавидеть парочку диких существ, пойманных для изучения и, возможно, для приручения.

По крайней мере, они не питали к нам осознанной ненависти. Что там в подсознании, я не знаю. В конце концов, мы угрожали самому их существованию.

Понимаете, они ведь были богами.

Но только потому, что ниао им поклонялись. Я не думаю, что ниао это делали в том человеческом понимании, в котором азка-ты поклонялись галактике. Ниао были преданы айчунам, как собака — человеку, они были выведены для этого, но, если не считать нескольких почтительных жестов, они не проводили никаких церемоний. Да и сами айчуны не имели религии, если понимать под этим веру в сверхъестественные силы.

Они просто считали свой мир единственным, всей Вселенной, а себя — его создателями.

Идея не была сумасшедшей. На их планете мало было явлений, которые внушают благоговение, — как звезды, например, или вулканы. Айчуны прожили на своей планете уже больше миллиарда лет, по моей прикидке. От естественных врагов избавились раньше, чем началась письменная история. Эмпирических знаний накопилось много, но настоящая наука, несмотря на это, не развилась. Между собой они не ссорились, поделили мир и ограничивали свое размножение. Жизнь поколения полностью повторялась в следующем. Культура была достаточно сложной, и разум не атрофировался, но изменения шли так медленно, что оставались даже неисследованные пространства планеты. Очень поздно началось их движение в район Озера Безмолвия — и не как поход пионеров, а медленными, рассчитанными шагами. Это был статичный мир.

Отдельные айчуны могли стать жертвами несчастных случаев, состариться, умереть. Неважно. Они верили в перевоплощение. И потому было вполне естественно предположить, что много лет назад именно они и создали Вселенную. Это было аналогично тому строительству и выведению пород, которым они занимались сейчас. И потом, как они считали, они сделали несколько случайных ошибок — из-за которых в космосе появляются неуправляемые элементы.

А кроме того, разве они не добавили в мир разумную расу уже в исторические времена?

Добавили. Не вижу причин этому не верить. Испытывая затруднения на суше, они одомашнили подходящее прямоходящее животное и за полмиллиона примерно стандартных земных лет вывели породу разумных и умелых существ. Это было последнее

большое достижение их застывшего сообщества. И теперь ниао делали за них все то, что они не могли сделать сами.

Конечно, разум — не простая штука. Без использования молекулярной биологии избавиться от диких генов в популяции не удастся. И какие-то ниао по тем или иным причинам уходили на новые территории и оставались без хозяина. И тут стремление к независимости быстро вырывалось из-под спуда. Инстинкт преданности сохранялся, порождая религию и взаимную привязанность. В результате возникали азкаты и другие культуры — одичавшие.

Айчуны не тревожились. Они мыслили миллионами лет. Своих ниао они не стремились распространять быстро, чтобы держать процесс под постоянным контролем. Пядь за пядью, по мере расширения сельскохозяйственных угодий, дикари будут вытеснены с лица планеты. Сейчас они не представляли никакой угрозы.

Внешники же, а теперь и мы — наоборот. Не то чтобы мы сами претендовали на эту жалкую планетку. Но самое наше существование было оскорблением. Наша претензия на приход из других миров невообразимо большой и сложной Вселенной стояла поперек горла мифологии, имевшей заслуженный возраст уже во времена динозавров. Наши машины, наше оружие, такие простые вещи, как стальные ножи, здесь были невообразимы и, конечно же, не могли быть повторены. Своим существованием мы выносили смертный приговор целой культуре.

Внешники здесь были так недолго, что айчуны испытали лишь легкое потрясение. Но то, чему их научили, они сохранили. Теперь здесь оказались мы, еще одна иная раса. Но теперь чужаков было мало, и они были уязвимы. Если нас удастся поставить под ярмо, значит, мы ниже их. И тогда айчуны смогут убедить себя, что такие чужаки тоже были созданы ими в далеком прошлом, дабы изобрести все эти вещи, которые сейчас преподносят своим богам.

Я спорил. Я пытался показать им, насколько смешна эта схема. Я сказал, что мы не сможем дать им больше железа, чем у нас на корабле, а если мы создадим для них растения, извлекающие легкие металлы, они все равно будут очень сильно ограничены их запасами; что если мой народ захочет создать здесь базу, то ни хрена все айчуны вместе взятые с этим поделать не смогут, а вот если они будут с нами сотрудничать, мы можем предложить им великую награду...

Бесполезно. Такие понятия были вне их поля зрения.

Они не были глупцами или безумцами. Просто они отличались от нас.

— Давно посеянное нами семя дало нам плод, — произнес голос карлика. — Мы займем ваш лагерь и поставим вас на работу.

— А вот черта с два! — Я выхватил пистолет. Их разумы не пытались меня остановить.

Я выпустил луч в воздух. Ниао завyli и прикрыли глаза. Айчуны нырнули.

— Видели? — крикнул я. — Мы можем убить вас и все ваше Стадо. Возьмем лодку и поплывем обратно. Наши друзья не откроют вам ворота, а их оружие сожжет вас издалека. Мы не хотим драться, но если придется, то умрете вы!

Чьи-то пальцы сомкнулись у меня на запястье, и рука зажала мою руку. Пистолет вылетел и ударился о камень. От толчка я споткнулся. Судорожно повернувшись, я увидел Йо Рорна.

Его пистолет смотрел прямо на меня.

— Стой спокойно, — сказал Рорн.

— Какого хаоса! — Я шагнул к нему.

— Остановись! Я не хочу тебя сжигать, — он говорил спокойно, а лицо, обрамленное тьмой, оставалось безмятежным. — Ты проиграл.

Глава 12

Когда мы возвращались, галактика стояла высоко и уже бледнела в первых проблесках рассвета. Мне пока еще были нужны инфракрасные очки, и в них Озеро Безмолвия казалось серым, как лед, и слегка рябило на слабом ветру. Воздух становился прохладнее. Я стоял на палубе галеры, смотрел на сопровождающие нас каноэ, и, когда я видел, как спокойно и деловито работают ниао, меня пробирал страх.

Под палубами в баке с водой покоились два айчуна. Они собирались после занятия нашего лагеря провести осмотр на месте. Через своих телепатов они держали связь со всеми своими товарищами по всей планете. И против моего экипажа сейчас шел не этот маленький флот, а вся планета.

— Нет, — сказал Рорн, — они не влезли мне внутрь и не дергают за ниточки. Я делаю то, чего хочу сам.

Я не мог прямо смотреть в его безмятежные глаза. Эти глубинные дьяволы оказались умными чертями, подумал я. Почувствовав его слабость, они оставили меня в покое, отвлекли мое внимание разговором и все эти часы изучали Рорна. Они не то чтобы опрокинули всю его защиту. Он бы это заметил и позвал бы меня на помощь. Вместо этого они изучали его реакцию на

слабые импульсы, один, другой, пока не поняли его настолько хорошо, что смогли... А что они смогли? Я спросил его.

— Им здорово повезло, что ты взял с собой меня, а не кого-нибудь другого, — сказал Рорн безразличным голосом. — Они не могут работать с хорошо развитой личностью. Они признались, что даже пойманного дикаря нельзя укротить, пока его не сломят физически. А мы, люди, еще меньше доступны для них, чем любой азиат. Но у меня не было достаточно хорошо организованного эго. Я был просто сгустком отдельных импульсов и плохо понятых воспоминаний. Галактическая цивилизация мало что могла мне предложить.

— А что они тебе дали?

— Целостность. Я в гармонии с этим миром.

— Как хороший, послушный раб?

— Оскорбительные слова не приблизят тебя к пониманию.

Мне показали нечто великое, прекрасное, спокойное и полное мира. Потом убрали. Я понял намек: мне это вернут, если я к ним присоединюсь.

— Итак, ты перестал быть человеком, — сказал я.

— Без сомнения. А что пользы оставаться человеком? Да, через сто или больше лет я бы снова откристаллизовался в подобную вам форму. Но очень хилую и второсортную, тем более по сравнению с тем, что у меня есть сейчас.

Что он действует вполне свободно, я не верил. Когда айчуны пробили его слабое сопротивление, им удалось исследовать его нейронные пути, и они в конце концов нашли, как непосредственно стимулировать его центр удовольствия. (Я бы им этого не позволил, и ни один нормальный человек тоже — сначала пришлось бы разрушить его личность чем-то вроде сенсорной депривации.) Однако говорить об этом Рорну не было смысла.

У меня во рту стоял кислый вкус поражения.

— А зачем ты взял на себя труд мне это объяснять? — спросил я.

— Они сказали, что так надо. Они хотят, чтобы вы с ними сотрудничали.

Я сделал последнюю попытку:

— Постарайся подумать. Твои мыслительные способности еще не очень повреждены, надеюсь.

— Наоборот, — улыбнулся он. — Ты себе представить не можешь, как это раскрепощает мысль — быть в безопасности и больше не подвергаться оскорблениям.

— Так думай, прах тебя побери! Я тебе не буду напоминать, что все остальные рвутся домой, что у них там все — от семей и друзей до нормального желтого солнца. Тебе это все равно. Но

ты же будешь жить здесь столетиями, накапливая воспоминания. Лишенный возможности их разгрузки, ты просто сойдешь с ума.

— Нет. Они мне помогут лучше любой машины.

— Они же не боги! Они не всемогущи, они не умеют делать сотой доли того, что умеем мы. Да каждый из нас уже пережил десятки таких, как они.

— Я им это сказал. Они говорят, что это очень увеличивает нашу ценность в их глазах. Они не завидуют, потому что они возрождаются.

— Ты что, веришь в эту ахинею?

— Символическая истина не обязана быть истиной научной. По крайней мере, как раса они куда древнее таких поденок, как мы.

— Но ведь они даже в психологии, в менталистике примитивны. Они ведь не разговаривают с тобой непосредственно, разум к разуму?

Он покачал головой.

— Я так думаю, что нет, — продолжал я. — А в нашем мире есть люди, которые это могут. Если это то, что тебе нужно, так там это будет лучше.

— Я их однажды пробовал. Не то. Не то, что здесь.

— Конечно, — жестко сказал я, — там тебе не предлагали снова стать ребенком во чреве матери. Тебе не предлагали свое могущество самозванные боги. Тебе не лудили мозги ложью. Терапевты только старались помочь тебе стать самим собой.

Его спокойствие было непоколебимо.

— Наверное, в глубине души мне этого не хотелось. Пойми, ради Бога, я не желаю тебе зла. В сущности, я тебя люблю. Я люблю все сущее во Вселенной, а раньше это было мне недоступно.

Он остановился и продолжал бесцветным голосом:

— Я тебе все это объяснял, чтобы ты осознал свое поражение и не делал ничего такого, что могло бы тебе повредить. Нам, людям, предстоит играть в этом мире важную роль.

Он повернулся и пошел прочь.

Мою рацию, разумеется, конфисковали. Рорн по своей связи с лагерем и доложил как раз то, что наши ребята хотели услышать. Ниао — цивилизованный народ, они будут рады выделить нам рабочих в обмен на то, чему мы можем их научить. Краткое пребывание внешников разбудило их жажду прогресса. Я остался у них, чтобы обсудить подробности, и со мной обращаются как с императором. Азкатов легко будет уговорить

освободить Валланда. Рорн приведет первую рабочую команду — большую, для тяжелых восстановительных работ.

Когда в виду показался дикий берег Озера Безмолвия, меня отвели вниз. Привязанный там к стойке, я слышал обрывки происходившего на берегу. Первые радостные приветствия с берега и на берег, швартовка, открытые ворота, мирное поведение, пока не усыпили все возможные подозрения, сигнал, и на каждого человека набросились по три-четыре ниао, подобравшиеся к этому моменту достаточно близко. Я слышал, как айчуны прошлепали мимо меня к спуску на берег. А я сидел в темноте и слушал дождь.

Наконец какой-то солдат спустился отвязать меня. Я взвалил свой рюкзак на плечо и пошел за ним по этой лестнице Иакова в каноэ, через хлещущий и слепящий дождь к берегу. Уже наступил день, и копыя дождя в воде окрасились как бы кровью. Мои инфракрасные очки заливало бурей, я сдвинул их на лоб и вперился в красный мрак. Нашего космолета не было видно. Возвышение, где мы построились, громоздилось неясной массой слева от меня. Кроме моего гигантского стража и нескольких гребцов каноэ, не было видно никого. Мы двинулись. Мои сапоги чавкали по грязи.

«Ну что ж, — подумал я, — надежда еще не умерла. Когда от нас долго ничего не услышат, компания пошлет другую экспедицию. Они меньше примут на веру и не потерпят крушения. Через какое-то время на этой планете найдут базу людей. В конце концов они выяснят нашу судьбу или догадаются о ней, увидев то, что айчуны заставят нас сделать для них.

Только эти глубинные дьяволы, пользуясь советами Рорна, что-нибудь придумают. И после того как мы для них что-то сделаем, найдут время устроить нам хорошую промывку мозгов, превратив всех в Рорнов».

Я споткнулся. Конвоир ткнул меня твердым пальцем.

Я взорвался от бешеной злости. Резко повернувшись, я выхватил нож из его ножен и полоснул. Кремневое лезвие было острее стали. Руку, что тянулась меня схватить, оно просто перерезало. При вспышке молнии блеснула желтая кровь.

Стражник взревел. Я бросился бежать. Он за мной. Его перепончатые лапы не вязли в грязи, и он летел огромными шагами. Догнав, он попытался меня схватить. Я увернулся. Он махнул хвостом и сбил меня с ног.

По глазам хлестал дождь. Стражник возвышался надо мной неимоверной тушей. Я видел, как он наклоняется снова меня схватить. Но он наклонялся все ниже и ниже, ноги подогнулись, и он упал на брюхо рядом со мной. Его сердца привыкли перека-

чивать много лишней гемоглобина крови и выкачали его насухо за несколько секунд.

Экипаж лодки брал меня в кольцо. Они могли бы меня захватить, но эти ниао были выведены для мирной работы. Я выпрямился и рубанул ножом воздух. Они брызнули в стороны, а я побежал.

Оглянувшись, я увидел, что один побежал докладывавать, а остальные держатся на расстоянии и не отстают. Раздался раскат грома, и я на время оглох. Потом снова засвистел ветер и зашлепал дождь. Рюкзак тянул назад, горло горело от частого дыхания.

Ниао от меня не отстанут. По их крикам солдаты догадаются, где нас искать. Я не лесной житель, тем более на чужой планете. Я — обитатель чистых звездных пространств, которых мне больше не видать. От погони мне не избавиться даже в самой густой чаще, которая как раз сейчас начиналась впереди.

Я посмотрел на каменный нож. Это выход. Засунув его за пояс, я двинулся дальше.

За мной сомкнулся лес. Мой космос сузился до стволов, листьев, ветвей, хлещущих меня по лицу, лиан, хватающих за лодыжки, пока я пробирался через топь. Зрение было здесь бесполезно. В ноздри лез запах болотной гнили, где-то кричали какие-то звери. Они шли за мной.

Нет... это были голоса ниао. Они выли. И в ответ раздался вой, похожий на волчий. Я задержал рвущееся из груди дыхание. Меня вдруг осенило, что Стая наверняка продолжала подзрительно за нами наблюдать. При всем этом страхе и ярости я должен был помнить и не терять надежды.

Когда азкаты меня окружили, только тогда я их заметил — тени в полумраке. Оружие они держали в руках, и дождь не успел еще смыть с него следы только что устроенной бойни.

Я собрал свой скудный словарный запас их языка и прохрипел:

- Мы уходить. Шкил приходить. Ходить. Я-Валланд.
- Да, — ответил один из них. — Быстро.

Гнали они безжалостно. У меня остались лишь обрывки воспоминаний об этой гонке в холмах. Помню красное солнце в пурпурном небе, помню скалы и деревья возле логовищ. Меня встретил Хьюг Валланд. Он имел вполне приличный вид, но уже давно не укорачивал волос. На нем выросла большая солнечно-желтая борода, и он стоял величественный, как Бог.

— Добро пожаловать, шкипер! — донесся до меня его голос. — Пошли, умоешься, а потом выпить и пожевать чего-нибудь. Господи, у тебя вид, как у Сатаны с похмелья.

Я упал в его объятия.

Проснулся я на ложе из ветвей и шкур в разрисованной пещере. Местная женщина принесла мне миску супа, сваренного из моего рациона. Она что-то провыла наружу, и в пещеру вошел Валланд.

— Ну и как ты?

— Живой, — буркнул я.

— Ага, могу себе вообразить. Разбитый, усталый и голодный. Но ничего с тобой серьезного не случилось, насколько я вижу, и нам много есть о чем поговорить.

Он посадил меня на моем ложе и дал стимулятор из своей аптечки. Я почувствовал прилив сил и какую-то отстраненную ясность и силу мысли.

Мимо силуэта сидящего по-турецки Валланда я посмотрел сквозь тьму пещеры наружу. Там явно было какое-то шевеление. Пробегали рысью туда и сюда вооруженные мужчины, дым лагерных костров поднимался к небу, слышались лающие команды и выкрики.

— А рассказал бы ты мне, что все-таки случилось, — сказал Валланд.

Когда я закончил, он удивленно присвистнул.

— Не думал, что глубинные дьяволы *настолько* его обрабатывали.

Валланд вытащил трубку, набил и, морщась, раскурил.

— У нас мало времени, — заметил он. — Табак вот-вот кончится.

— Я больше думаю насчет еды, — сказал я. — Я помню, сколько ты взял с собой и сколько нес я. Между нами говоря, мы дотянем только до захода солнца.

— Угу. Я просто пытался изложить ту же мысль более мягко. — Он замолчал и какое-то время только затягивался. — Барабаны передали весть о том, что Стадо вошло в лагерь, и о том, что ты на пути к нам. Вот лучше ты ничего сделать не мог, шкипер. Я-Кела не смог бы меня защитить, если бы Стая решила, что вы продались врагу. А так я связался с Рорном по радио. Он очень откровенно мне объяснил, как он перешел к глубинным дьяволам — поскольку он уже знал, что мне известно о твоём бегстве. Он сказал, что я должен убежать от Стаи, а он пошлет отряд мне навстречу. Я ему сказал, куда он может засунуть себе этот отряд, и мы с ним больше не говорили. Я-то

думал, что он переметнулся в припадке помешательства и не понимал, что с ним случилось на самом деле. Бедный дурак.

Действие лекарства кончалось, и я почувствовал приступ отчаяния.

— Теперь нам остается только умирать. Что мы еще можем сделать?

— А что ты имел в виду, когда бежал?

— Ничего конкретного. Может быть, умереть свободным.

Валланд хмыкнул:

— Не будь романтиком. У тебя для этого морда не та. Цель игры — выжить, добраться обратно к людям и к нашему бархлу. На Земле ждет Мэри О'Мира.

Последняя фраза прозвучала мягко, но что-то в ней заставило меня сесть на ложе. «Господь создатель, — подумал я, — неужто женщина может наделить человека такой силой?»

— Расслабься, — сказал Валланд. — Прямо сейчас нам ничего не сделать.

— А я думал, ты что-то готовил, — сказал я.

— Уж конечно. Я перестал быть пленником, как только я-Кела сказал Стае, что мои соплеменники стали жертвой глубоких дьяволов. Он-то сам готов был мне поверить уже и без того.

Потом, когда я лучше познакомился с азкатами, мне рассказали, что Валланд был на той охоте, когда однорог прорвал цепь копейщиков и сбил с ног Единого. Но раньше, чем зверь смог бы пригвоздить его к земле, на нем бульдогом повис Валланд. Конечно, ему помогла привычка к более высокой гравитации, и все же я сомневаюсь, чтобы многие могли поступить так, как Валланд.

— Проблема была в том, чтобы убедить их, что борьба не безнадежна, — говорил мне Валланд. — Им и сейчас еще нелегко в это поверить. Они, бывало, выигрывали стычки со Стадом, но проигрывали войны. Однако я выложил на стол туза. Я им сказал: «Стадо перешло озеро. Около корабля они построят форпост. Потом для его обеспечения перевезут крестьян и фермеров. Если мы их сейчас отсюда не выбросим, то эти земли для охоты вы тоже потеряете».

Он выпустил клуб дыма, как огнедышащий дракон.

— И мы в принципе договорились с другими Стаями, что надо собраться вместе и атаковать, пока дело не зашло слишком далеко.

— Дикари каменного века против лучевых ружей?

— Ну, не так безнадежно. Я, бывало, служил солдатом там и сям и кое в чем разбираюсь. Рорн не сможет дать лучевые ружья ни в чьи руки, кроме человеческих. Он покажет солдатам

Стада, как ими пользоваться. Однако ты сам понимаешь, что это будут за стрелки без тренировки. У Кортеса тоже было современное оружие и солдаты куда дисциплинированнее ацтеков, но, когда индейцы как следует разозлились, они вышвырнули его из Мехико. — Валланд задумчиво добавил: — Он вернулся потом, поддержанный испанской военной мощью. Мы должны это предотвратить.

— И что ты предполагаешь делать?

— В данный момент я занят вдальблыванием в местные головы понятия единого командования и действия по плану. Эта работа куда тяжелее битвы.

— Но послушай, Хьюг, Стаи могут превосходить Стадо численностью, но идти на штурм придется по открытому пространству. И как бы ни были плохи лучевые стрелки, но они положат всех. Я уже не говорю о стрелах — лучники у Стада хороши.

— А кто сказал, что мы пойдем на штурм? По крайней мере, что это будет главной операцией? У меня есть план, и он должен быть для глубинных дьяволов неожиданным. Все, что ты мне рассказал, полностью совпадает с тем, что знает о них я-Кела, и это, похоже, значит, что читать мысли они не умеют. Если бы умели, не надо было бы передавать слова через этих транслирующих уродцев. Глубинные дьяволы прочли эмоциональную структуру Рорна и смогли его изменить. Но это на нижнем уровне, на уровне желез. Что он думает или что думаем мы, они знать не могут.

— Наши люди у них заложниками, — напомнил я. — Я не говорю о пищевых баках и всем остальном, без чего нам не выжить.

— А я не забыл. — Он говорил мягко и не настойчиво. — У них будет шанс, так же как и у нас. Потому что разве есть им что терять? Если мы ворвемся...

Тень загородила устье пещеры, и вошел я-Кела. Он приветствовал меня с учтивостью, свойственной дикарям в любой части Вселенной, а потом обратился к Валланду. Я не мог понять его речи, но он был взволнован.

Валланд кивнул.

— Извини, — сказал он мне. — Дела.

— Что случилось?

— А, обыкновенная глупая случайность, которая всегда где-нибудь да произойдет. Вожаки некоторых Стай решили, что им мои предложения не нравятся. Если партизанская тактика «бей-беги» годилась для дедушки, то для них она тоже хороша, и к чертовой матери эту иностранную чушь насчет единства и распределения задач. Я-Кела не может их уговорить, придется

мне. Если кого-нибудь отпустить домой, остальные разбегутся в тот же миг.

— Ты думаешь, тебе удастся их остановить? — засомневался я, потому что сам кое-что знал о политике и о гордости.

— Я только этим и занимаюсь с тех пор, как мы начали. А теперь отдохни, силы тебе еще понадобятся.

Валланд вышел вслед за я-Келой — для этого ему пришлось нагнуться.

Я лежал, проклиная свою слабость, которая мешала мне пойти с ним. Раздалось шарканье многих ног; Валланд впоследствии сказал мне, что был вынужден определенный логический довод подчеркнуть кулаком. В тот момент я слышал только горны и барабан. Я слышал человеческий голос, вознесшийся в песне, и некоторые из этих песен я помнил — «Звездно-полосатое знамя», «Марсельеза», «Марш тысяч» — песни, выкованные куда более воинственной расой, чем все, которые видел этот мир. Потом он отложил инструмент, и у меня волосы встали дыбом: Стая взвыла. Они не понимали языка, им была чужда идея армии, но они почуяли могучее волшебство и пойдут за ним, пока жив волшебник.

Глава 13

Мы вышли на берег намного южнее нашей цели. К тому времени нас с Валландом довольно сильно поджимало время: порошковой еды оставалось всего ничего. И еще нас беспокоило, что случилось с нашими друзьями в течение этих земных дней плена? Однако приходилось ждать погоды.

Но при здешнем климате это много времени не заняло. За дождем наступил туман. Стая разделилась. Немногие пошли с Валландом, чуть больше осталось со мной, но основная часть во главе с я-Келой пошла через лес.

Я отвечал за водную часть операции. Я-Кела был моим лейтенантом. Еще он был моим переводчиком, потому что он один из немногих понимал мой ломаный азкатский — я не мог помочь себе омнисонором. В том, что касалось экипажей, он был еще и командиром — у меня не было престижа Валланда. Однако в нашей операции лежал ключ ко всей стратегии. Стаи держали на озере долбленки. Они пользовались ими только для рыбной ловли, и никто не ожидал, что они, сколько бы их ни было, атакуют военный флот.

Мы пробирались через холодные и мокрые облака, красные, как дым костра. Почти ничего не видя, я скорчился на дне своей

долбленки, а шестеро гребцов увлекали лодку вперед. Азкаты видели лучше и могли держать направление и строй. Но даже для них видимость ограничивалась несколькими метрами. И для наших противников тоже.

Я не воин. Я терпеть не могу кровопролития, и у меня ком подкатывал к горлу, когда я представлял себе, что вскоре начнется. И все же этот час, что длился переход, я не слишком боялся. Лучше умереть в бою, чем от голода. Я собирался сражаться за места и людей, которых я любил. Время тянулось медленно, но, когда переход закончился, казалось, что прошли минуты.

— Мы на месте, — шепнул мне в ухо я-Этох. — Я это вижу.

— Тогда ждем на воде. — По моим часам еще оставалось время до момента атаки. Ждать было тяжело. Мы не были уверены, что какая-нибудь лодка с нетерпеливыми охотниками не подставит себя под выстрел и не выдаст нас. Нам предстояло брать крепость, и успех зависел от согласованности не меньше, чем от внезапности. Настало время, и я выкрикнул команду.

Мы рванулись вперед. Передо мной возник космолет, огромный и мокро отсвечивающий в тумане. Возле лестницы, построенной нами под нависшим над водой люком, стояли два каноэ. Их гребцы при виде нас завизжали и рванулись прочь.

Я схватился за перекладину. Я-Этох перескочил через меня к открытому люку. Солдат Стада высунулся с копьем. За моей спиной вздохнуло духовое ружье, гигант взвыл, подпрыгнул и упал в озеро с плеском. Я-Этох, вертя томагавк, нырнул внутрь.

За ним ворвались мои товарищи, расчищая путь. Последним вошел я. Наш экипаж должен был быть первым, потому что только я мог провести отряд по кораблю. И мое знание не позволяло рисковать моей особой в захвате плацдарма.

Хотя мне тоже пришлось навоеваться. Трое из Стаи лежали на палубе, пронзенные прибежавшими по тревоге солдатами. Я-Этох, размахивая топором и приплясывая, сражался с двумя огромными силуэтами. Один из них заметил меня и попытался ударить. Валланд сделал для меня новую штуку — арбалет. Он был уже взведен, я нацелил его и нажал спуск. Болт свистнул, и коридор загудел от падения тяжелого тела.

Все больше наших прибывало на борт. Они окружили меня живой стеной. Я заряжал и стрелял как только мог быстро. Результат был не очень значителен, но я подстрелил двух рабочих ниао, полезших в схватку. Вокруг нас бушевали нож, топор и копье. Эхо от воплей гудело в металлических коридорах.

Мы должны были продержаться только несколько минут, пока не подойдут основные силы охотников. На корабле не было

охраны — никто не предвидел такого маневра с нашей стороны. Когда были сражены последние воины, рабочие ниао побросали инструменты, служившие им оружием. Я пытался удержать своих от бойни, но слишком много накопилось старых неоплаченных счетов.

Ко мне подошел я-Этох, шлепая по крови.

— Я вижу большую лодку, — сказал он пронзительным голосом.

— Не подпускать, но разрешать нашим лодкам ее атаковать, — приказал я. Так как защищать надо было одну дверь силами примерно пятидесяти азкатов, трудностей не ожидалось. Небольшую группу я повел на нижнюю палубу, где мы начинали спасательную операцию до прибытия ниао.

Работа была остановлена. Айчунов корабль как таковой не интересовал. Рабочие команды снимали весь металл для более прозаических нужд.

Но здесь был Урдуга, спешно привязанный, когда началась битва. Я разрезал веревки, и он заплакал от радости.

— Как ты здесь? — спросил я.

— Хреново. Они нас не обижали — я имею в виду физически. Но они нас все еще — изучают, что ли, чтобы точно понять, что с нами сделать. Я очень их просил направить меня сюда руководителем работ. — Он посмотрел вокруг затравленными глазами. — Мне удалось пока не допустить серьезных повреждений.

— Нам нужно все сделать, — сказал я. — Наш план предусматривает, что мы должны отвлечь на себя большую часть сил с озера. Тогда ударят наши с берега. И ребята Хьюга должны взять верх раньше, чем противник разрушит наше оборудование жизнеобеспечения. Что нам делать с военным кораблем?

Урдуга задрал голову и взвыл от восторга, как стая азкатов:

— Этим займусь я!

Оставив его в лаборатории, я пошел наверх посмотреть, как идет битва. Галера стояла поодаль, еле видная в тумане, на палубе сгрудились солдаты. Те из наших экипажей, что не поднялись с нами в звездолет, предусмотрительно отошли подальше. До сих пор наша схема сработала. Рорн должен был понять, что эту атаку организовали мы с Валландом. Должен он был понять и то, мы надеялись, что у нас хватит ума не лезть в прямую атаку против лучевого оружия, а постараться использовать «Метеор» как аргумент в переговорах. От него следовало ожидать попытки осадить нас в корабле.

Валланд не мог больше медлить. А если этот набитый воинами корабль пойдет к нему навстречу...

Мимо меня свистнула стрела. Я нырнул обратно в люк.

— Что дальше? — спросил я-Этох. Охотники сжимали оружие и подрагивали хвостами. Они могли не подпустить галеру ближе, чем на выстрел, но и сами были блокированы кораблем. А среди стен они нервничали.

— Ждать.

— Как звери в капкане?

— Ждать! Ты веришь я-Валланду или нет?

Это его слегка успокоило, но все же следующие несколько минут были ужасны. Я и сам был близок к истерике, когда в сопровождении нескольких ребят из Стаи появился Урдуга с грузом бутылок.

Он всмотрелся в серую муть:

— Надо заманить их поближе.

Я объяснил это я-Этоху. Он повернулся к своим:

— На выход!

Повел их он сам — вниз по лестнице под градом стрел. Скатившись в воду, они поплыли к лодкам. На галере протрубил рог. Весла дернулись и легли на воду. Она двинулась к нам. Теперь, когда Стая сделала такую отчаянную глупость — ввязалась в битву на воде, воины могли отбить звездолет, а потом, не торопясь, разобраться со всей нашей флотилией.

Урдуга зажег фитили. Я помог ему швырять бутылки. В них была в основном смесь жидких углеводородов, но для некоторых нашелся термит.

По палубе пробежал огонь. Солдаты, горя заживо и дико вопя, бросались за борт и попадали под стрелы с долбленок. До лестницы добрались единицы, и с ними поработали наши с духовыми ружьями.

Колосс в броне, не потерявший хладнокровия и храбрости, выкрикнул команду. Весла снова ударили, и галера пошла к берегу. Но через корпус уже пробивалось красное пламя. Галеру сопровождали долбленки и пловцы. Если Стадо доберется до берега, там его легко перебьют.

Издали раздался волчий вой. Я-Кела увидел огонь и ударил из леса. Лучи энергии вспыхнули в тумане молниями. Они нашли своих жертв. Но задачей я-Келы было лишь отвлечь защитников...

...Пока Хьюг Валланд с отборными воинами незаметно,oplastунски, подползли к частоколу.

Мы строили хорошо. Пока таран валил бы бревно, защитники хладнокровно перестреляли бы нападающих сверху. Но Хьюг пожертвовал один из своих пистолетных зарядов. Дерево от них не горит, но вода в клетках древесины, превращаясь в пар, разрывает его в клочья. Через минуту Валланд был внутри.

Он сразу бросился к пищевым бакам. Солдаты и рабочие пытались преградить ему путь. В пистолете кончились заряды, но он схватил топор, а за ним бежали его охотники. Захватив позицию, они стали в круг и стояли насмерть.

И смерть не замедлила бы, поскольку и после понесенных потерь гарнизон многократно превосходил их численно и обладал лучевым оружием. Однако они дали шанс я-Келе. Одним броском он и его люди преодолели расстояние до незащищенной теперь стены и ворвались в брешь.

Именно так — его люди.

После этого битва была недолгой. Стадо потерпело поражение. Подробности не важны. Важно то, что было потом. Об этом я тоже расскажу. Это было тогда, когда мы потеряли все, что выиграли.

Пробиваясь через затухающую битву, Валланд повел группу азкатов к нашему укрытию. Дверь была заперта. Под его кулаком задрожали стены.

— Открывай!

Тихий голос Рорна ответил:

— Поосторожнее. Брен с Гальмером здесь и у меня на мушке. Я могу спустить курок.

Валланд отступил от двери. Его бойцы напряглись и приготовили оружие. Напряжение сгушалось, как туман.

— Давай поговорим, — сказал Валланд, помедлив. — Я не хочу тебе зла, Йо.

— И я тебе тоже. Если я тебя впущу, мы сможем нормально поговорить?

— Конечно.

— Тогда минутку.

Сквозь красный полумрак, все еще наполненный боевыми выкриками и звуками ударов, Валланд услышал слова языка внешников. Им ответил дребезжащий дискант.

И его азкаты тоже услышали. Пронесся звук, похожий на стон, они отпрянули, и я-Кела не смог скрыть потрясения:

— Это карлик. Я знаю, как они разговаривают. Но наши разведчики не видели никого из них.

Он вцепился в руку Валланда:

— А ты знал? И не сказал нам?

На самом деле, должен был бы признать Валланд, так оно и было. Омнисонора у него с собой не было, но он постарался передать презрительную интонацию голосом:

— Ты боишься глубинных дьяволов, даже когда они разбиты?

— Это тебе не шкилы. Они не такие. Они не умирают.

— Возможно, когда-нибудь проверим.

Валланд как-то сумел заставить их стоять на месте, пока разговор за дверью не кончился и в ней не приоткрылась щель.

Там стоял слепой телепат. За ним клубилась чернота. Раздался скрипучий голос Рорна:

— Заходи один, Валланд.

Канонир вошел, и карлик закрыл дверь.

Рорн сделал свет ярче, чтобы было видно. Гальмер и Брен лежали на двух скамьях, связанные по рукам и по ногам. Два солдата-ниао стояли возле большой деревянной ванны с водой. Они стояли пригнувшись, оружие наготове, зубы оскалены. Рядом с ними стоял Рорн. Его лучевой пистолет смотрел Валланду в живот. На его лице тоже читалось напряжение, но — может быть, потому, что свет падал не на него, — под этим напряжением угадывалась все та же безмятежность.

Валланд взглянул на своих товарищей.

— Как вы, парни?

— Нормально, — ответил Гальмер.

Брен сплюнул:

— Хьюг, не давай этому таракану использовать нас против тебя. Я согласен, чтобы он меня застрелил, если ты после с ним разберешься.

Рорн улыбнулся без видимой злобы и напомнил:

— Без их умения тебе никогда не построить спасательный корабль, Хьюг. А другого пути с этой планеты нет. Внешники оставили только несколько предметов, и их давно разобрали на части айчуны. По тому, что мы здесь узнали, я убедился, что внешники не используют радио, и лазерной вспышки они тоже не заметят, и... да неважно. Эти люди тебе нужны.

— Хотя бы ради них самих, — согласился Валланд. Он прислонил топор к столу и сложил руки на груди. — Но не могу поверить, что ты сможешь убить своих братьев-людей, Йо.

— Не по своей воле. Только в случае крайней необходимости и ради любви и служения им. Но сейчас они заложники. И они уйдут с нами.

— А это, как ты сам понимаешь, для нас не годится. Мы их никогда больше не увидим. — Валланд бросил взгляд на пленников. — Не люблю театральности, но для краткости: что вы предпочитаете — рабство или смерть?

У них на лицах выступила испарина.

— Мог бы и не спрашивать, — отрезал Гальмер.

Брен кивнул.

— Сам видишь, — сказал Валланд Рорну. — Их жизнью и свободой ты можешь выкупить свой уход, но это и все.

Рорн заколебался. Из ванны раздался плеск, и на поверхность высунулись две большие головы. Две пары халцедоновых глаз уставились на Валланда. Он не отвел взгляда.

Айчуны заговорили с ними через своего карлика. За прошедшие несколько земных дней Рорн настолько овладел языком внешников, что пользовался им теперь свободно, — вот что дает разуму освобождение от внутренних конфликтов, и можно даже подумать, что цена того стоит.

— Ты понимаешь, что они говорят, Хьюг? — спросил он. — Не очень? Они говорят...

Он прервал себя:

— Ты знаешь, кто они?

— Шкипер мне рассказывал, — ответил Валланд.

— Он предубежден. Они... Они хорошие, они мудрые — да нет, словами не передашь. Они ушли настолько дальше нас, насколько мы ушли дальше обезьян.

— Я не уверен, что это так уж далеко, — пожал плечами Валланд. — Ладно, чего они хотят?

— Вы нанесли им серьезные потери. Последний эпизод окончательно доказывает, что они не могут мириться с нами на свободе, как мы не можем мириться с патогенными бактериями. Но они не собираются нас уничтожить, как сделали бы люди. Они могут предложить нам больше, чем мы могли бы когда-нибудь найти, или узнать, или почувствовать сами.

— Это как тебе? — спросил Валланд. — Извини, но я к этому отношусь саркастически. Поэтому я отвечаю — нет. Мы можем отпустить их и тебя в обмен на наших друзей. И если после этого вы оставите нас в покое, мы вас тоже не тронем.

Рорн перевел. Айчуны не торопились с ответом. Они вообще никогда не торопились. Потом:

— Ответ отрицательный, — сказал Рорн. — Они не боятся смерти. Они возрождаются — они бессмертны в таком смысле, в котором мы никогда не будем.

— Ты клюнул на эту наживку?

— Это безразлично. Я тоже не боюсь, не боюсь больше ничего. Но подумай. Верна их вера или нет, неважно. Важно то, что они ее придерживаются. Отобрав у тебя этих людей, путем пленения или смерти, они тебя победят. Ради этого они готовы пойти на сокращение срока пары воплощений.

— Да уж парой они не отделаются, — скупой улыбнулся Валланд.

— Ты понимаешь, что это значит? — сказал Рорн с придыханием. — Ты выступаешь не против двух личностей, а против целого мира! На своих условиях ты здесь не выиграешь. Но брось свою гордость. Ты не более чем обезьянка, кричащая о

своей важности с верхушки дерева. Брось, рассуди разумно, прими их руководство — это и будет истинной победой.

— Избавь меня от проповедей, Йо. Меня девушка ждет на Земле. У остальных тоже есть любимые, где бы ни были, и их любовь не слабее твоей. И мы скорее умрем, чем изменим своей любви. Я черт знает сколько уже прожил, и я видел, что ненависть не порождает конфликтов, которые нельзя было бы уладить. Люди, ненавидящие друг друга, могут пойти на компромисс. Но любовь против любви — это другое.

Валланд постоял, сменяя рукой бороду и погрузившись в раздумье. Битва снаружи закончилась. Хижину заполнила тишина, в которой слышались только звуки людского дыхания, странный плеск айчунов в ванне, постукивание древка копья по полу. Жара и вонь плыли в воздухе.

Наконец Валланд вздохнул, поднял голову и сказал негромко, но внятно:

— На меня ты согласен?

— Что? — Рорн вылутился на него.

— Это нападение организовал я, как тебе известно. Я человек скромный, но сомневаюсь, чтобы без меня мой отряд представлял для вас военную угрозу. Если тебе нужен заложник, то почему бы тебе не взять меня вместо этих людей.

— Хьюг, не надо! — выкрикнул Гальмер.

— Мы не можем позволить себе героизма, — сказал ему Валланд. — Меня вы можете заменить. А мне, быть может, удастся уговорить их заключить мир. Ты сам берешься?

Брен рванулся в своих путах, и в упавшем на его лицо свете стали видны глубокие морщины.

— Ты не знаешь, что они такое!

Валланд не обратил внимания.

— Итак? — сказал он Рорну.

— Я... я не знаю. — Последовало совещание. — Они должны это обдумать.

— Отлично, — сказал Валланд. — Я оставлю вас одних обсудить мое предложение.

Он пошел к двери.

— Стой! — крикнул Рорн. Солдат бросился следом.

Валланд остановился, повернулся и спокойно сказал:

— Я в любом случае должен предупредить тех, кто снаружи, и доказать им, что это мое предложение. Иначе на вас набросятся, как только вы выйдете за порог. Я вернусь через два-три часа и узнаю, что вы решили. Согласен?

Они молча выпустили его из комнаты.

Вкус победы во рту я-Келы обернулся тухлятиной. По Стаям пробежало слово: когда Бог сошел с неба, здесь появились настоящие глубинные дьяволы. Сам я-Валланд не мог им противостоять, он покинул взятый с боем дом без тех, кого хотел спасти. И как бы ни был чужд нам его род, видно, и даже по запаху чувствуется, какой ужас охватил его и его товарищей. Над нами горит день. Лучше бы скрыться в чащу лесов.

И многие уже так и сделали. И все больше и больше шли за ними, подхватив снаряжение и исчезая в тумане. Мало говорилось слов, но то, что было сказано, звучало как первый вздох ветра перед ураганом.

Он и сам был бы рад уйти. Но я-Валланд попросил, и он использовал остатки своего авторитета, чтобы удержать на месте свою Стаю. Их оставалась сотня или меньше, и они расселись в кружок вокруг захваченных пленников. Никто пока не осмеливался убрать трупы, и они просвечивали сквозь редкую траву, покачивались в камышах, а в вышине нетерпеливо кружились стервятники.

Я-Валланд, я-Аргенс и я-Урдуга что-то обсуждали на своем языке, и он больше не казался языком Бога. Я-Кела ждал, покачиваясь на хвосте и на пятках, чувствуя, как наваливаются на него старость и усталость. Ему дали понять, что я-Валланд должен уйти с глубинными дьяволами как выкуп за свободу двух своих друзей. Но что значили все остальные без него? Похоже, что и они чувствовали то же самое, поскольку разговор становился резче, пока я-Валланд не оборвал его и не перестал слушать.

И тогда он обратился к Единому, захватив свой музыкадел. Послышались азкатские слова:

— Не теряй мужества, друг мой. Мы не преуспели, как хотели, но еще далеко до конца охоты.

— Мы выдохлись в долгой погоне, — ответил я-Кела, — и бычьи рога склонились пронзить нас. Кто может противостоять глубинным дьяволам, кроме Бога, Который защищает мир?

— Я не собираюсь долго оставаться у врага, — сказал я-Валланд.

— Они все чаще и чаще хватают пленников. И никто еще не вернулся. И старые истории говорят, что иногда в боях захватывали тех, кто когда-то был в Стае. Они так менялись, что оставалось только их убить без мучений.

— Меня не постигнет такая судьба, если ты меня не оставишь.

— За мною был тебе долг крови, — сказал я-Кела, — но он уплачен кровью тех, кто был мне дорог.

— Ты еще не уплатил долг своему народу, — резко сказал я-Валланд.

Я-Кела бросил на него взгляд и выпрямился, чтобы его глаза оказались ближе к глазам я-Валланда.

— Что значит эта новая загадка?

— Нечто такое, что ты — да и все азкаты — должны наконец понять. Иначе вы обречены. Если поймете — у вас есть надежда, и более чем надежда, потому что если свободный народ знает цену свободы и готов эту цену платить, победить его нельзя.

По шкуре я-Келы прошел холодок.

— Ты дашь нам новое волшебство?

— Лучше, чем волшебство. Идею. — Я-Валланд подыскивал слова. — Послушай историю.

Далеко в небе, откуда я родом, были две страны. Одну называли Европа, и там жили такие люди, как я. Другую — Америка, и там жили люди другого племени, их звали индейцами. Люди из Европы переплыли воду и стали захватывать землю Америки. Индейцы были охотниками. И что бы они ни делали, они не могли выстоять против европейцев, которые были не только фермерами, как ниао, но и владели новым оружием. И постепенно европейцы забрали у индейцев всю Америку.

Я-Кела шагнул назад и поднял топор:

— Так твой народ вроде Стада?

Товарищи я-Валланда схватились за свое огненное оружие, отбитое обратно у врага. Он махнул им рукой, протянул пустые ладони и сказал:

— В некотором отношении — да. В других — нет. Например, индейцы почитали существ, в чем-то похожих на глубоководных дьяволов, а европейцы поклонялись Богу. Я хочу дать тебе урок. У тебя хватит мужества его выслушать?

Я-Кела с трудом сказал «да». Опустить топор было труднее, чем рвануться под огонь и стрелы.

— Дело в том, — продолжал я-Валланд, — что индейцы не должны были потерпеть поражение. В ранние дни они превосходили европейцев числом. Они были хозяевами дикой природы. Они быстро добыли такое же оружие, как у захватчиков. Правду говоря, они много раз оказывались лучше в бою и нанесли много поражений врагу.

— Отчего же они проиграли?

— Причин было несколько. Но самая главная — одна. Им бывало достаточно выиграть одну битву. Они считали, что

один кусок земли с дичью и рыбными реками ничем не лучше другого. Они сражались лишь ради чести и славы. И когда какую-нибудь территорию захватывали враги и покрывали ее поселками и фермами, индейцы в лучшем случае совершали набеги на окраины. И редко бывало, чтобы они насмерть отстаивали свою землю, потому что там были могилы отцов, как это делали европейцы.

И еще, я-Кела, они не были едины в бою. Если одна из Стай бывала разбита, другим Стаям до этого не было дела. Некоторые даже помогали европейцам против своих сородичей. И никто не думал о том, чтобы собрать всю Америку воедино под одним советом. Никто не планировал на поколения вперед, жертвуя жизнью и имуществом ради свободы внуков. А европейцы так поступали. И поэтому они захватили Америку. Ты понял, чему это учит?

Я-Кела склонил голову:

— Урок тяжел.

— Я не думаю, что азкаты его скоро выучат, — сказал я-Валланд. — Но если ты за свою жизнь его усвоишь и научишь горсточку других, это может оказаться достаточным. — Он помолчал и добавил: — И может быть, так я уплачу часть того долга крови, что завещали мне предки.

— При чем тут это все, — крикнул в отчаянии я-Кела, — если ты уходишь?

— А при том, что надо смотреть вперед и действовать ради общей цели. Не довольствуйся отдельной победой, как у нас сегодня, и не падай духом при поражении, как у нас сегодня. Я иду на риск продать свою душу дьяволу, и я не отчаиваюсь. Будь и ты таким. Бог не оставил тебя.

— Погляди в небо и скажи это снова, — горько сказал я-Кела.

— Да будет так. Иди сюда.

Я-Валланд провел его в строение, хотя он и испугался этого молчаливого запертого дома. Там стояли какие-то таинственные инструменты, которые я-Кела видел в прошлый раз.

— Повезло, что мы не хотели загромождать этим бараклом жилую комнату, — произнес я-Валланд. Он взял один из инструментов — трубу на треноге — и вынес ее на воздух.

— Смотри, — сказал он, — это называется *фотоэкранный телескоп*. Допустим, что где-то есть очень горячий костер. Брось в него маленький уголек, и ты его не увидишь, ибо угли костра скроют его своим сиянием. Но положи его туда, где темно, и он сверкнет ярко. Правда?

— Правда, — сказал я-Кела. Им начинало овладевать любопытство. Даже сам вид волшебных инструментов поднял его дух.

— Этот телескоп имеет силу отделять маленькое сияние от большого, — сказал я-Валланд. Он спросил что-то у своих друзей и посмотрел в странные листы, покрытые диковинными значками, а потом задрал трубу в небо. — Я покажу тебе небо — далекую его часть, — каким оно бывает тогда, когда наступает ночь. Смотри.

Он коснулся винтов. Гладкая плоская пластина в ящике потемнела. На ней горела только яркая звездочка в середине.

— Это не там, где должна быть планета Орокш? — спросил я-Валланд. Я-Кела молча кивнул. Он, Единый Стаи, был хорошо знаком с небесами.

— Ладно, найди мне другую, — продолжал я-Валланд. Я-Кела показал рукой на невидимый Илиакан — если он там, конечно, есть, мелькнула мысль. Я-Валланд навел туда трубу.

— Хм, не совсем правильно. Вот здесь. — Он подвинул трубу, и еще одна медленная искорка всплыла на пластину. — Видишь?

— Вижу, — тихо сказал я-Кела.

— Теперь посмотрим пониже на восток.

Я-Кела судорожно выдохнул, упал на четвереньки и пропел первые строки Приветствия. Над ним сиял Бог. Я-Валланд подкрутил ручку, и Бог засверкал ярче, чем видели Его когда-нибудь глаза смертного.

— Он все еще на небе, — сказал я-Валланд. — Вы это и сами могли бы знать, если бы вы не отрицали, что солнце может затмить Его. Но подумай, это ведь не значит, что Он меньше солнца. Далекий пожар виден куда хуже факела в руке. Не бойся глубинных дьяволов, Бог все еще с тобой.

Я-Кела скрючился на мокрой земле и всхлипнул.

Я-Валланд поднял его и сказал:

— Я только прошу тебя быть таким же храбрым, каким ты был сегодня. У нас мало времени, я должен вернуться в дом. Давай составим план. Потом ты приведешь тех мужчин, которых ты выберешь, чтобы они увидели то, что видел ты. И будь готов ко всему, что может случиться.

Он посмотрел на своих товарищей. Показав им зубы — жест, который, как я-Кела понял, означал у этой породы веселье, — он сказал на своем языке:

— Спорить могу, что сегодня эту штуку впервые использовали в религиозных целях. Интересно, согласится ли изготавитель поделиться с нами доходами?

— Хьюг, — сказал я-Аргенс, — я не знаю, герой ты или сатана.

Я-Валланд пожал плечами:

— Ни то, ни это. Просто фанатик, по известным тебе причинам.

Глава 15

Нам удалось выторговать меньше, чем мы рассчитывали. Мы должны были освободить всех пленников ниао. И я должен был отправиться вместе с Валландом заложником.

В обмен мы получали Брена и Гальмера и сохраняли отбитое нами оружие. Рорн явно был доволен.

— Он-то с нами и торговался, — заметил Валланд. — Айчуны о войне или политике ничего знать не могут. Вот они и тешат себя мыслью, что создали его как раз для этой цели.

Мы были лидерами, и без нас союз азкатов должен был вскоре распасться, и тогда оставшихся трех человек можно было бы захватить без труда. Естественно, Рорн выдал нам фальшивку, что в Прасио мы будем договариваться дальше, а мы, естественно, притворились, что приняли ее всерьез, не столько из-за логики, сколько уступая побуждению принимать желаемое за действительное.

Безоружные и нагруженные собственным снаряжением жизнеобеспечения и запасом свежей еды, мы прошли из хижины по коридору в сопровождении конвоя солдат, державшего ножи у нас под ребрами. Погода слегка прояснилась, хотя на горизонте уже громоздились черно-синие груды грозовых облаков и вспыхивали молнии.

Айчуны шли впереди. На суше они были грузными, неуклюжими и все же почему-то страшными. Нас провожала небольшая группа: Урдуга, Брен, Гальмер и горсточка азкатов. Они испуганно жались друг к другу. На фоне пустынного ландшафта наш лагерь казался совсем крохотным.

На берегу стояли каноэ и несколько долбленок Стаи. Рорн посмотрел на них тяжелым взглядом:

— Это все, что у вас есть?

— Да, — ответил я. — Конечно, сколько-то их где-то дрейфует без экипажей, и многие, наверное, в панике сбежали домой.

— Мы здорово будем перегружены.

Рорн заговорил со своими хозяевами. Над водой полетела беззвучная передача.

— Нам навстречу выйдет отряд из Прасио, и часть народу перейдет к ним. Но это займет много часов.

— А можно взять одну или две брошенные лодки, — предложил Валланд. — Надеюсь. Не хотелось бы сидеть, как сельди в бочке, тем более когда сельди такие волосатые.

Он глубоко вздохнул:

— Эхе-хе! Даже воздух в турецких банях покажется свежим после такого рейса с тобой в одной каюте.

— Тебя никто сюда силой не тащил, — сказал ему Рорн.

— А мне просто любопытно стало, понимаешь?

Каное были длинными и очень устойчивыми, даже после того как мы их заполнили от киля до борта. Конечно, перегрузка сильно снизила их скорость. Айчуны, для которых места было с избытком, могли легко уйти от своего сопровождения. Но мы держались вместе. Песня рулевых смешалась с шумом ветра, волн и отдаленных раскатов грома, весла ударили, и мы пошли через озеро. Последнее, что я видел на берегу, были освобожденные нами люди, молча стоящие среди камышей и смотревшие нам вслед.

Мы, три человека, оказались в одном каное. Я этого не ожидал, но Рорн хотел поговорить. Мы устроились поудобнее (насколько это было возможно) на носу, так что другие пассажиры лишь давили на нас с боков. Они не разговаривали и почти не двигались — только перевязать рану или смениться у весел. Их боги от них удалились, но они были ошеломлены всем случившимся. Когда мы миновали «Метеор», многие сделали знак от нечистой силы.

— Чего ты не взял омнисонор, Хьюг? — спросил Рорн.

— Я не в голосе, — буркнул Валланд.

— Он полезен для общения.

— Есть язык внешников.

— И тем не менее...

— Да черт бы тебя побрал! — взорвался Валланд. — Я на этом инструменте сложил песню для Мэри О'Мира, и ты думаешь, я стану его использовать для разговора с твоими вонючими хо-зяевами?

— Не надо эмоций, — сказал Рорн. — У айчунов не меньше прав на защиту своей культуры, чем у любого другого. Вы им и так много сделали вреда.

«Что ж, — подумал я, — мне жаль, что погиб старик Гиани. Он был вполне достойным субъектом — на свой лад».

— Мы не хотели никому вредить, — ответил Валланд. — Оставили бы нас в покое, ничего и не случилось бы.

— Да ну? А ваше влияние на дикарей? Вы планировали их организовать, дать им новую технику, новые понятия. А ведь

они — враги. Они бы стали гораздо опаснее для нас. И потом, как бы ни были хороши твои намерения, можешь ли ты гарантировать, что люди не придут в этот мир?

— Нет, — сказал Валланд, — и мне на это наплевать. В твоём рассуждении о самозащите культуры столько же смысла, сколько в бурчании живота. Конечно, каждый имеет право защищаться от нападения — что мы и делали. Но его право отгораживаться от новых идей происходит только от возможности это делать. Если это получается, хорошо. Это доказывает, что у него есть что-то получше, чем так называемые прогрессивные понятия. А если нет, то тем хуже для него.

— Другими словами, — подколот его Рорн, — сила есть право.

— Я этого не говорил. Всегда есть хорошие или дурные способы. И если кто-то не хочет играть в игру, он должен иметь право на выход. И только тогда его поддержат те, кто хочет остаться в игре.

Валланд начал снимать сапоги и рубашку.

— Святой Иуда, до чего жарко! Я бы не отказался от грозового душа прямо здесь.

— Айчуны были древней расой уже тогда, когда мы ещё не стали млекопитающими, — сказал Рорн. — И ты посмеешь сказать, что ты мудрее их?

— Теоретико-историческая концепция «Райский сад», — про себя сказал Валланд.

— Что?

— Часто слышал на Земле, когда там ещё шло брожение. Люди говорили, что всё идёт неправильно, а всё потому, что отступили от добрых старых проверенных дедовских заповедей и путей. Я всегда думал: если эти пути так уж хороши, то почему от них прежде всего и отказываются?

— Ты имеешь в виду, — вмешался я, — что, если бы губительные дьяволы действительно нас превосходили, им бы нечего было нас бояться?

— Верно, — сказал Валланд. — Кроме того, если уж речь о самоопределении и подобных материях, что имеет с этого Стадо?

По лицу Рорна мелькнула тень раздражения. Я вспомнил, как он, бывало, психовал и кидался на любого из нас, и мне стало его жалко. Как будто я увидел призрак.

— Теоретизируй сколько хочешь. Но факт, что айчуны показали вам сейчас, кто из вас выше.

— Они получили временный тактический перевес, — возразил Валланд. — Посмотрим, что будет дальше. А что ты конкретно собираешься делать?

— Помешать основанию базы на этой планете, — спокойно сказал Рорн. — И я думаю, не силой. Есть способы получше. Мы убедим будущих визитеров, что планета для них бесполезна. У меня есть идеи на этот счет.

— Да, ты этим глубинным дьяволам нужен, — согласился я. — Но как они поддержат твою жизнь? У тебя с собой походный рацион. Что ты будешь делать, когда он кончится?

— Пищевые баки в лагере остались нетронутыми, — заметил Рорн. — Ваши друзья не откажутся кормить вас, даже если это будет значить кормить заодно и меня.

«Пока не придет время и ты не захватишь все себе силой», — подумал я.

— А почему бы тебе тоже не раздеться, шкипер, пока ты еще не сварился? — спросил Валланд.

Я осознал, что жара давит на меня, как мокрая толстая шерсть. Крепнувший бриз с севера почти не приносил облегчения. Он сбивал нас с прямого курса, или это мне казалось из-за облаков, скрывавших солнце, по которому мы ориентировались. Я ошупал сам себя и понял, что мышцы слишком напряжены. «Судороги мне только не хватало, — подумал я сквозь нарастающий шум в ушах. — Места, чтобы вытянуться по-настоящему, здесь нет, но несколько изометрических упражнений помогут».

— Заставляет вспомнить Высокую Сьерру, — пробормотал Валланд.

— Что вспомнить? — спросил я. Все что угодно, лишь бы забыть, что я нахожусь здесь и вскоре, очень возможно, буду мертв. Но я не понял, обращался он ко мне или говорил сам с собой. Он смотрел в даль озера, в полумрак дня и надвигающийся шторм и почти пел.

— Горы такие на Земле. Там еще сохранились нетронутые места. Мы с Мэри там однажды бродили. Тогда почти уже изобрели антитанатик, и все знали, что вот-вот он появится и никто из живущих уже не состарится. Станные это были недели. Я вспоминаю их, и они как будто нереальные. Так тихо стало в мире. Люди стали так осторожны, зная, чем они рискуют. Предчувствие было растворено в самом воздухе. Пока раса людей ждала — это было похоже на пробуждение после спада лихорадки. Все человечество готовилось избавиться от болезней — ужаса прошлых веков. Раньше ты смотрел на маленькую девочку — вот как твоя — и думал, что не пройдет и столетия, как этот комочек счастья будет слепой уродиной, в страданиях призывающей смерть. И вот это кончалось. Людям надо было к этому привыкнуть.

Мы с Мэри были молоды. Мы не могли тихо сидеть и ждать. Мы хотели показать самим себе, что у нас есть жизнь, достойная бессмертия. Что же, нам теперь проводить столетие за столетием, осторожничая и всего остерегаясь? И в конце концов большинство людей разделило эти чувства и двинулось к звездам. Но сначала так поступили мы. Или, скорее, Мэри — она сама из таких и меня заставила почувствовать то же, что и она.

И мы отправились в Сьерру, и там высадились, и начали странствия. День за днем, и солнце над головой, и ветер в ветвях сосен, и мы дошли до альпийских лугов и смотрели вниз на крутые голубые склоны, и играли в снежки на перевале, и на одной ночевке у озера видели одновременный восход Луны и Юпитера, когда они отбросили две ровнейшие дорожки, и красивее их были только глаза Мэри.

Но это не было просто развлечение. Для нее, а потому и для меня, это было вроде паломничества. Ведь эти места любили и другие. Но их взяла смерть, и они никогда не придут обратно. Мы делали это за них. Мы поклялись тогда друг другу, что никогда не забудем своих мертвых.

Валланд чуть-чуть улыбнулся:

— О Господи, как же мы были молоды!

Рорн открыл было рот, и я ошетинился заранее. Сколько можно выносить его проповеди? И в этот миг раздался голос с головного каноз:

— Я-о-о-о-о айее! Айее!

Плотно набитые в нашей лодке ниао зашевелились и стали выглядывать вперёд через головы своих товарищей. Солдаты положили руки на оружие. Гребцы перестали грести. Я слышал шум ветра; ветер крепчал. Белые барашки шлепали по корпусу нашего судна, и оно покачивалось. Сдвинув очки на глаза, я тоже посмотрел вперед.

Мгла несколько рассеялась, и я увидел другое каноз Стада в нескольких километрах к западу. Оно болталось на воде без признаков жизни. Но с каноз айчунов закричал карлик, и его слова подхватили гиганты.

— Что они говорят? — спросил Валланд.

— Там наши, в той лодке, — ответил Рорн. — Испуганные... похоже, раненные... Я еще не очень много знаю слов ниао. Айчуны исследуют их мысли.

«Мысли они читать-то и не умеют, — мелькнуло у меня в мозгу. — Однако они достаточно уже могли изучить людей, чтобы уметь определять эмоциональные образы. Если они возьмутся за меня, что они увидят?»

Я старался подавить смесь страха, ярости и надежды, обуревавшие меня в тот момент. С тем же успехом я мог бы приказать грозе перестать.

— Очевидно, спасшиеся после битвы, — заметил Валланд. — Должно быть, раненные и обессиленные не могут добраться домой.

Раздалась команда, и наша лодка сменила направление.

— Что ж, лишняя лодка позволит уменьшить давку у нас.

Умеют ли айчуны отличать Стадо от Стаи чисто ментально? Я думал, что нет. Видовых различий не было. Телепатия айчунов должна была действовать только на близких расстояниях и неточно, иначе зачем бы им было действовать через карликов? Если ты делаешь себе инструмент, то для той работы, которую без него сделать не можешь. И другую работу он тоже не сделает. Карлики были специализированы. Они не стали бы следить или предупреждать, если их не попросить специально. В течение миллионов и миллионов лет здесь никогда не был нужен радар ни в каком виде, и благодаря всемогуществу глубинных дьяволов не нужно было знание военных хитростей.

На этом Валланд построил свою стратегию, и это срабатывало, пока дело не касалось Рорна. Мы могли только надеяться, что получится и дальше.

Айчуны наверняка отметили гнев и ужас на борту каноэ. Это было вполне естественно после битвы. Что же касается эмоций моих или Валланда — нам-то чего было приходиться в возбуждение?

— Заткни глотку, собака! — рявкнул я на Рорна.

— Что за притча? — Он замигал на меня.

— Не говори «наши»! Они не наши. И не твои. Ты своих продал!

Я неуклюже на него замахнулся. Он отбил мою руку. Стоявший за ним солдат отодвинул меня копьём. Валланд взял меня за руку:

— Спокойней, шкипер. — И Рорну: — Не то чтобы я был не согласен.

Он добавил пару сочных оскорблений.

— Тихо! — сказал Рорн, пригладив свои растрепанные ветром волосы. — Я с вами поговорю, когда вы придете в себя.

От его хозяев долетел вопрос. Он ответил на языке внешников. Я примерно понял, что он говорил: «Ничего страшного. Заложники проявляют неразумие».

Мы с Валландом обменялись взглядами. Нельзя было показывать свое облегчение. Это тоже могли заметить.

— А что ты от нас ожидал, сука? Да я бы тебе кишки выпустил!

— Я сказал «тихо». Не будете слушаться — придется наказывать.

Мы пестовали в себе жажду мести, как комнатный цветок. Каное ползли вперед. Вот один ниао поднялся в дальнем — ох и далеко же! — каное и помахал рукой. Это, несомненно, был солдат, и сильно изуродованный. Я не задумывался о том, какими средствами его заставили сотрудничать. «Это не моя идея и не Хьюга, — сказал я про себя, пытаюсь оправдаться в собственных глазах. — Выдумка я-Келы, скорее всего. Чего же ожидать от столько перестрадавшего народа?»

Если до того время шло медленно, теперь оно просто остановилось. Лодки медленно сходились, как гипербола с асимптотой. Я уже наполовину потерял рассудок, когда Валланд повелительно заорал мне:

— Смотри!

И в тот же момент прозвучал приказ. Весла остановились. Кто-то заподозрил неладное.

— Пошли!

Я вскочил на ноги. Мы были не так близко, чтобы перепрыгнуть в дрейфующую лодку. Я знал, что сгрудившиеся тела в ней выглядят так же, как и прочие ниао. Но быть может...

Раненый солдат упал.

Рорн вцепился в меня. Поврежденной рукой я отбил его руки, а кулак здоровой руки врезался ему в нос. Удар отдался в моих костях. В Валланда полетело копьё. Он отступил в сторону и нырнул за борт. Я за ним.

Вода была теплая и мутно-красная. Я задержал дыхание и заработал руками и ногами изо всех сил. Когда я выныривал, судно Рорна все еще было почти у меня над головой.

Стрелы взрезали волны. Я снова нырнул и поплыл наугад.

Азкаты в лодке вскочили, схватились за весла и отчаянно начали грести нам навстречу. Это была идея Валланда: ненадежная, но любой шанс надо было использовать, чтобы с нами не сделали того, что с Рорном.

Пока противник был занят переговорами в хижине, большую часть лодок ниао унесли и спрятали. Осталось немного — не так мало, чтобы это казалось невероятным, но достаточно мало, чтобы они были перегружены и двигались медленно. Одна из них ушла вперед с небольшим экипажем и я-Келой в роли капитана.

У наших людей на берегу был компас, отмечавший курс айчунов. Наспех проинструктированный, я-Кела был снабжен

таким же прибором и рацией. Брен, Гальмер и Урдуга объяснили ему, где залечь и ждать. И его бойцам дали пару лучевых пистолетов.

Их заряды вспыхнули завесой молний. Вода закипела — на спуск жали неумелые стрелки. И все же флотилия айчунов подалась назад.

Но враг не отступил. Четыре огромные фигуры бросились в воду и поплыли. Эти солдаты, привычные к водной планете, могли добраться до нас раньше я-Келы. Они могли отволочь нас обратно — или в крайнем случае убить. Мои силы были на исходе — я плохой пловец.

Валланд, по человеческим меркам, был хорошим пловцом. Мощным кролем он сравнялся со мной за минуту.

— Загребай воду, — выдохнул он. — Экономь энергию. Она еще понадобится.

— Нам конец, — прохрипел я.

— Или да, или нет. Но лучше так.

Ближайший солдат рванулся ко мне, но Валланд перехватил его. Они сцепились и ушли в глубину.

В меня вцепилась рука. Я взглянул в разинутое рыло, бесильно попытался вырваться и погрузился. В голове стоял грохот. Я отрешенно подумал: «Вдохни воду, идиот. Вдохни и умри свободным». Но рефлекс не давал этого сделать. Я кашлял, плевался и пытался вывернуться.

Мое лицо снова было на воздухе. Меня тащили на буксире. Рядом появился Валланд. Своему противнику он сломал шею. Сейчас он дважды ударил. Солдат завопил и отпустил меня.

Валланду пришлось меня поддерживать. Оставшаяся пара солдат приближалась по окрашенным кровью волнам. Валланд мог действовать только ногами. Они стали обходить его с двух сторон. Я увидел, как поднялся кинжал.

Потом вода наполнилась телами и оружием.

Команда я-Келы тоже состояла из хороших пловцов. Полдюжины их бросились в воду, как только увидели наш прыжок. Опередив свое каноэ, они подплыли к нам. Их товарищи не очень отстали, и, хотя стрелки не решались стрелять рядом с нами, они могли не подпускать подкрепления противника.

Схватки я не видел. Меня охватила тьма.

Потом я лежал в каноэ, блевал, кашлял и плакал. Это была не просто реакция. Меня еще и тошнило. Бог галактики, кто бы ты ни был, неужели мы должны все убивать и убивать, пока не переполнится чаша терпения Вселенной и она не исчезнет в коллапсе?

Худшее было впереди. Я рад, что был тогда лишь наполовину в сознании. Азкаты с радостными воплями бросились в погоню за айчунами. Скоро мы подошли на расстояние выстрела для снайпера вроде Валланда. Один из айчунов бросился в воду и ушел вглубь, но Валланд подождал, пока он всплывет за воздухом, и пристрелил и его.

Над нами ревел шторм. Солнце скрылось за черными тучами, слепили молнии, гром раскалывал небо, и по моему голому телу хлестнули первые плети дождя. Поверх прицела я взглянул на лодку Йо Рорна, за которой мы теперь гнались, чтобы отобрать наше снаряжение. Рорн вскочил и закричал, и такое страдание было в этом крике, что, когда топор солдата раскрыл ему череп, это было почти что к лучшему.

Валланд тяжело опустился рядом со мной. По его щекам и бороде скатывались капли воды, как слезы.

— Я этого не хотел, — мрачно сказал он. — Они сошли с ума, когда увидели, что мы убили их богов. Их обуяла жажда мести, а под рукой был только он.

Лодки рассеялись и уходили. Ту, за которой мы гнались, экипаж оставил.

— За это спасибо, — сказал Валланд. — Не будет больше бойни... Ты ведь тоже был одним из нас, Йо.

— Но зачем ты убил айчунов? — еле выговорил я. Моя слабость еще не прошла. — Мы ведь были в безопасности. Зачем?

— Мы не были в безопасности. И еще очень долго не будем. А я дал понять каждому, кто этим интересуется, что их можно победить, как и всякого другого. Нам нужно все, что работает на нас.

Он встряхнулся.

— Ладно, что сделано, то сделано. Нам надо или быть беспощадными, или сдаваться прямо сейчас. Есть, конечно, пределы, за которые выходить нельзя, но мы еще к ним близко не подошли. А сейчас бы тебе, шкипер, поспать, и тогда станет лучше. Поехали домой.

Глава 16

День застыл в полудне. Мы отдыхали, восстанавливали силы и отсыпались. Тем не менее, когда мы вышли из нашего лагеря и увидели озеро, горящее красным в пурпурных сумерках, возникло ощущение заката. На всю местность легла великая тишь. Ниже по берегу мерцали костры Стаи я-Келы. Большая

часть членов Стаи после оглушительного празднования победы на озере вернулась домой, в леса, но я-Кела и еще несколько его соплеменников остались с нами. Мы собирались пойти к ним и составить планы.

Сразу за воротами мы остановились. Валланд, Брен, Гальмер, Урдуга и я — крохотная кучка.

То, о чем думали все, Гальмер сказал вслух:

— Ты и в самом деле веришь, что у нас есть шанс?

— Ну конечно, — сказал Валланд. Его оживленность бросала вызов дикому и суровому ландшафту. — Мы отбили обратно наш лагерь. Ничего из того, без чего нам не обойтись, не разрушено. У нас есть союзники. Сынок, если мы не попадем домой, значит, мы этого не заслуживаем!

— А противник, Хьюг? Айчуны! Они ведь не примут поражение, как спортсмены. Они пойдут на нас, а против всей планеты нам не выстоять.

— Свои трудности у нас есть, — согласился Валланд. — Но ты подумай сам. Мы показали Стае, что глубинных дьяволов можно побеждать. После этого они пойдут за нами в пламя сверхновой, если с ними правильно обращаться — а я теперь знаю как.

Его взгляд упал на широкий водный простор.

— Расстояние — хорошая защита. Нападающий растягивает линии коммуникаций, и они становятся тоньше. Лесные племена могут их перерезать. Хотя я не собираюсь сидеть и ждать. Мы скоро сами кое-что предпримем. Мы сожжем Прасию, опустошим его окрестности и прогоним Стадо обратно к морю. Глубинные дьяволы не привыкли быстро действовать. Им понадобится время, чтобы прийти в себя и организовать контратаку. Но к тому времени мы будем готовы.

— И все же, — сказал я, — это война. А когда мы будем работать?

— Это не наша война, — ответил Валланд. — В основном она касается Стай. Мы им обеспечим руководство, новые виды оружия, разумную тактику, понятие о стратегии. Этого, я думаю, будет достаточно. Ты подумай, вряд ли в Стаде такая уж чертова уйма солдат. Глубинным дьяволам их не было нужно много, а времени вывести целую орду у них не будет — тем более что им ее не прокормить. Нет, большинство будет свободно для работы — мы и те, кто будет нам помогать.

Помолчав минуту, он добавил:

— И в любом случае это не будет война на уничтожение. Наша сторона будет довольствоваться удержанием этой территории, может быть, захочет еще отбить часть захваченных

ранее, но Стаи не завоевывают мир. И если глубинные дьяволы не безнадежно глупы, они примут эти условия, раз уж им утерли нос. А тогда мы пятеро займемся, наконец, настоящим делом.

Брен вздохнул. Он все никак не мог избавиться от переживаний плена.

— Это если нас не убьют в случайной стычке. Если мы останемся верны своей цели, а будет неудивительно, если мы так устанем, что просто на все плюнем.

Валланд расправил плечи. Свет окрасил медью его волосы. Огромный на фоне неба, он сказал:

— Нет, не плюнем. Мы все время будем помнить, что наша цель — вернуться домой.

Он повернулся и пошел, широко шагая, к лагерным кострам я-Келы. На ходу он коснулся клавиш омнисонара, и раздалась песня:

*Все громче чуть слышно звучащая песня и
громче мой голос живой,
Шаги ты заслышишь все ближе и ближе,
они уже рядом с тобой,
Я снова вернулся домой.*

Мы пошли за ним. Мы построили космическую шлюпку и получили помощь внешников. Это заняло сорок лет.

Глава 17

(Все предыдущее опубликовано капитаном Гильдии Фелипом Аргенсом в его автобиографии. Редактором посмертного издания среди его вещей была найдена дополнительная записка.)

ЗЕМЛЯ — МИР СПОКОЙНЫЙ

Да, конечно, здесь ветры гуляют в огромных лесах, возродившихся после того, как там осталось мало людей, здесь кричат птицы и ревут водопады, здесь океаны мощной волной устремляются за луной два раза в сутки. В городках при космопортах полно развлечений, а университеты и прочие образовательные центры блещут юными дарованиями из всех краев галактики. Нет, эта планета никак не музей. Она цветет, и больше всего процветают наука и образование.

Но у нее слишком много в прошлом. Здесь не строят нового, здесь сохраняют прежнее. Это неплохо. Традиции нам нужны. Даже с узко практической точки зрения полезно знать, что, если оставишь свою собственность на Земле на попечение нескольких роботов и вернешься через пять сотен лет, не обнаружишь никаких изменений. И когда сюда прилетают авантюристы со звезд, даже они ведут себя тихо.

Мы с Хьюгом Валландом расстались в Ниорке. Брен, Гальмер и Урдуга откололись раньше. Я же должен был доложить, а его ждала девушка, и потому мы вместе отправились на «Лунной королеве». Он не вдавался в обсуждение своих планов, но я предположил, что его встретят при приземлении парома.

— Да нет, — сказал он. — У нас так не принято. Слушай, а что, если нам как следует сегодня погудеть на прощальном ужине? Я знаю ресторан, за право быть приготовленными в котором спорят лучшие куски мяса.

Он не обманул. Вина тоже было много и хорошего. В теплой атмосфере за бренди и сигарами я спросил его, планирует ли он долгий отпуск, как я сам.

— Да нет, наверное. Мы, понимаешь, и так долго были прикованы к одной планете, а у меня еще есть целая вселенная таких мест, которых я не видел. А потом и таких, которых еще никто не видел.

— Ты собираешься податься к исследователям? — Я поднял брови. — А я рассчитывал, что мы с тобой еще летаем вместе.

На его массивном лице обозначилась улыбка:

— Шкипер, ты классный парень. Только не думаешь ли ты, что нам всем лучше разбежаться на пару столетий?

— Может быть.

Я был разочарован. Честно говоря, мы столько прожили в тесноте, которая любого, кроме бессмертного, видящего перспективу лет, могла бы довести до убийства. Мы вместе дрались и вместе работали, вместе смеялись и пели, вместе надеялись, и это он нас всех вдохновлял и поддерживал. Навязанная нам война — отличное лекарство от монотонности жизни, любил повторять Валланд, но, если бы не он, мы бы не победили. Мне не хотелось его терять.

— Но ты еще здесь побудешь?

— Конечно! Как ты думаешь, что меня сюда привело?

— Мэри О'Мира. — Я кивнул. — Вот это, должно быть, девушка! Когда ты меня представишь?

Впервые я увидел, как он уходит от ответа.

— Да, ты понимаешь... Это не так-то просто. Я бы рад, но она не очень любит гостей. Ты уж прости меня. Давай еще по коньячку?

Я на него не давил. Мы в галактике и за ее пределами научились не лезть в чужие дела. Конечно, я строил догадки. У каждого бессмертного свои странности. У него — эта фантастическая моногамия, которая нас и спасла. А что у нее?

Валланд снова компанейски улыбнулся, рассказал пару свежих, услышанных им анекдотов, и мы с ним попрощались в приподнятом настроении.

Через несколько дней после этого я был в универсариуме. Ученые хотели знать все подробности о планете нашей вынужденной посадки. Они собирались послать туда миссию, которая могла бы работать на коммерческой базе, основанной нашей компанией. И до того, как умрет культура айчунов — когда им придется смириться с реальностью и стать одной из многих рас космоса, — они хотели ее изучить.

Покончив с этим делом, я вернулся в Ниорк по делам компании. Гильдия неожиданно решила, что наши наниматели должны нам премию за пережитые нами трудности. Неприветливый главный бухгалтер сообщил мне сумму (объяснившую его недовольство) и провел через все формальности.

— Каждая выплата должна быть вручена непосредственно получателю, — заявил он. — Столько планет и столько людей, что Гильдия больше не доверяет почте. Я связался со всеми остальными, но мастера Валланда по указанному им адресу не обнаружил. Он останавливался в гостинице в городе и выбыл, не указав куда.

— Конечно, поехал к своей девушке, — сказал я. — Мы вообще-то планировали увидеться, но не очень скоро.

— Вы не могли бы его найти? Честно говоря, ваша ассоциация мне несколько надоела напоминаниями об этом деле.

Я задумался. Хьюгу будут куда полезнее эти деньги сейчас, чем накануне отбытия в новый рейс. Время от времени он кое-что говорил о Мэри О'Мира, но, собрав это все вместе, я удивился, как мало получилось.

— Ладно, я все равно сейчас болтаюсь, так что попробую его разыскать.

Я это делал не только для него, но и для себя. Для компании я был не героем, а капитаном, потерявшим корабль. И я хотел загладить это впечатление, а то на следующие пятьдесят лет быть бы мне капитаном какого-нибудь заштатного парома.

Я вышел на улицу. Там было тихо. Машины проезжали редко, пешеходов было мало. Стены высоких башен заросли

плющом и мхом. Солнце сияло вовсю — солнце Дома Людей, — и это лишь подчеркивало тишину.

«Сопоставим факты, — сказал я сам себе. — Она живет — как там оно называется — на побережье Мэн. Исторический, но микроскопических размеров городок. Он никогда не говорил, какой именно, но их не может быть много. Надо свериться со службой данных, потом съездить и проверить. Мне в любом случае не повредит поездка на природу».

Так оно и вышло. Поисковый робот нашел только один вариант. Я взял напрокат флиттер и отправился на север. Эту часть континента поглотили леса, и я летел над сплошной зеленью километр за километром. До места назначения я добрался уже в сумерки.

Эту деревню построили тогда, когда люди впервые пересекли омывающий ее фундаменты океан. Сначала это был городок лесорубов и китобоев. Потом люди ушли на запад, потом к звездам, и сейчас здесь было не больше двухсот человек: те странные люди, преданные родовым связям, которые еще меньше, чем даже на Ландомаре, интересуются внешними мирами и используют свое бессмертие, чтобы все глубже и глубже пускать корни в Землю.

Я поставил флиттер на площадке, где других машин не было, и пошел вниз по склону холма в город. За мной оставалась березовая роща. В сумерках светились стволы, в воздухе плыл аромат березовых листьев. Передо мной стояло несколько домиков с черепичными крышами и украшенными мозаикой стенами, их окна сияли желтым. А за ними плескалось море, и на небо выходили первые звезды.

Прохожий подсказал мне, как найти дом гражданского руководителя. По его имени — Том Салтонстолл — можно было только догадываться, насколько он стар. Я нашел его на террасе, в кресле-качалке, с трубкой, а его единственная жена готовила обед. Он приветствовал меня со сдержанной вежливостью. Что-то в нем было особенное, и через минуту я понял что: он выглядел так же молодо, как и я, но его манеры напоминали тех существ (я встречал таких), которым не удалось привить бессмертие, и они умерли.

— Вам нужен Хьюг Валланд? Разумеется, нам он известен. — Руководитель всмотрелся в меня сквозь сумрак и добавил, взвешивая каждое слово: — Весьма достойный сочлен.

— Полностью разделяю ваше мнение! Я был капитаном в его последнем рейсе. Не рассказывал ли он вам, что случилось?

— Немножко рассказывал. — Салтонстолл взглянул с облегчением. — Тогда вы понимаете... Простите, капитан Ар-

генс, я не сразу вспомнил ваше имя. Мне следует пройти курс освежения памяти. Он хорошо о вас отзывался, сэр. Счастлив с вами познакомиться.

Он старомодно пожал мне руку.

— Не окажете ли вы нам честь с нами отобедать?

— Благодарю вас, но я должен найти Хьюга. Где он?

— Его дом находится на следующей улице вниз, третий от угла налево. Но в такой вечер вы его там не найдете. Он вернется поздно.

Ага! Я внутренне усмехнулся. На востоке разгоралось зарево встающей луны.

Лучше бы мне было остаться и поговорить с руководителем и его женой, но я не ожидал ничего, кроме местных сплетен, а они заранее нагоняли на меня скуку. Сославшись на усталость, я вернулся к своему флиттеру. Там была навесная койка, душ и запас еды. Завтра пойду к Валланду.

Но после ужина мне не сиделось на месте. Мультисенсорная программа, которую я поймал, была не для космонавтов. Взошла луна, перекинув изломанный мост над водами и окрасив серебром березы. Трещали цикады, и это был единственный звук под теми немногими звездами, которые не затмила луна. Дом Людей. Как бы далеко ни уходили мы от него, соль его вод и ритм его приливов навеки в нашей крови. Мне захотелось пройтись.

Каменистая дорожка вилась к вершине холма, песок тихо поскрипывал у меня под ногами. Вблизи леса слышнее стал запах зеленой листвы. На высокую траву ложилась роса. Невидимое в наступившей темноте, разговаривало море за деревней.

И в этом говоре возникла другая нота. Я будто ослеп и снова оказался в призрачном мире, озаренном странным красным мерцанием, где только эти струны и этот голос поддерживали во мне волю для битвы.

— Хьюг! — крикнул я и бросился вперед.

Он меня не слышал. Я обогнул рошу и понял, куда попал, как раз когда он заканчивал. Последний куплет, который он никогда нам не пел.

*И снова засни, коль проснешься во тьме,
и да будет спокоен твой сон.
Пока на земле расцветают цветы
и вертится звезд колесо,
Да будет спокоен твой сон.*

Я вжался в чашу и обругал себя последними словами. Он прошел мимо меня к своему дому так же гордо, как он шел тогда, когда наша вновь построенная лодка впервые взлетела в небо.

Подождав, я пошел дальше. Впереди меня стояло небольшое здание со шпилем, белеющее под луной. И так же белели цветники и каменные плиты. Я искал, пока не нашел. Он наверняка был неоднократно восстановлен после столетий выветривания, но надпись не изменилась, даже стиль букв и написание дат сохранились. Написано было немного:

Мэри О'Мира
2018–2037.

Мне хочется верить, что, встретив Хьюга наутро, я ничем себя не выдал.

САМОДЕЛЬНАЯ РАКЕТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кнуд Аксель Сироп

Этот рассудительный датчанин спал со своим велосипедом всего несколько ночей. Остальные он спал со своим звездолетом.

Сармишкиду фон Химмельшмидт

*Марсианин по рождению и немец по профессии, этот бармен носит уникальные lederhosen * с шестью брючинами.*

Эмили Крофт

Всей душой преданная классическим танцам, она не признает lederhosen, а также прочей одежды.

Рори Макконнелл

Далекая отчизна была единственной любовью майора — пока он не увидел Эмили.

Генерал Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул

*Командующий Экспедиционными войсками трилистника **, известный своим людям как БУЗА, для краткости.*

Твикхаммер

Из юридической конторы с избыливающим повторами названием, он страдал от недостатка индивидуальности.

* Кожаные штаны (нем.).

** Трилистник — символ Ирландии. (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 1

— «Меркурианская девчонка» космолинии «Черная сфера» из города Ангуклуккакок, Венерианская империя, просит разрешения на посадку и разгрузку.

— Ага. Конечно, — сказал плечистый рыжий парень на видеозэкране. — Венерианская собственность, да? А под каким флагом вы идете?

Капитан Дхан Гопал Радхакришнан, изумленно мигнув кроткими карими очами, ответил:

— Под панамским, разумеется.

— И там был ваш последний порт захода?

— Нет, мы идем через Венеру. Но послушайте, какое отношение это имеет...

— Дайте подумать, дайте подумать. — Человек на экране потер гигантской ладонью веснушчатую картошку носа.

Парень был молодой и добродушный на вид; но с каких это пор портовики на Гренделе — да и вообще на любом астероиде английского скопления — носят такую ярко-зеленую форму?

— И могу я узнать, какой груз вы привезли сюда? — спросил портовик. Акцент у него был явно не грендельский. Йорк? Шотландия? Нет. Скорее Нью-Белфаст. Дома, на Земле, капитан Радхакришнан много лет прожил в Виктории, в провинции Британская Колумбия, и на досуге изучал разные диалекты английского. Ну да ладно...

— Тысяча ящиков пива «Nashornbrau»* и шесть десяти-тонных бочек его же, ящики с попкорном и сухими солеными крендельками, все для пивного погребка «Верхний Гейдельберг», — ответил капитан. — И конечно же, грузы для других портов, в том числе экзогенные эмбрионы домашнего скота для Аламо. Все наши грузы имеют право беспопытного провоза через промежуточные территории.

* «Носорожье пиво» (нем.).

— Конечно. Конечно. — Молодой человек решительно кивнул. — Тогда все в порядке. Включите опознавательный сигнал и следуйте за лучом наземного управления посадкой к причалу номер десять.

Капитан Радхакришнан подтвердил прием и вырубил связь, озабоченно поправляя монокль. Что-то тут не так. Ей-Богу, не так. Развернув пульт управления к своему помощнику, капитан включил селектор и вызвал машинное отделение.

— Говорит капитанский мостик, — сказал он. — Мистер Сироп, вы имеете какое-нибудь представление о том, что здесь творится?

Кнуд Аксель Сироп, главный и единственный инженер на «Меркурианской девчонке», вздрогнул и обернулся. Он раскладывал солитер и как раз собирался смухлевать.

— Никаково, шкипер, совершенно никаково, — пробормотал он, засовывая пивную бутылку под кучу ветоши. Ручной ворон Клаус бросил на него косой циничный взгляд со своего наеста на топливной трубе, но, как ни странно, промолчал.

— Вы не слышали мой разговор с портовиком?

Герр Сироп возмущенно вскочил и даже втянул объемистый живот.

— У меня своей рапорты хватает! Я пыл санят, как марсианин во время случки. Кокта наконец хосяева поставят нам новый спинор номер четыре? Мне каштую вахту прихотится склеивать наш шевательной ресинкой и опматывать проволокой!

— Когда эта старая ржавая калоша заработает достаточно, чтобы оправдать расходы, — вздохнул голос Радхакришнана. — Вы не хуже меня знаете, что она еле-еле себя окупает. Но я хотел поговорить с вами о портовике. Послушайте, у него жуткий ирландский акцент, а форма — я такой не видал никогда!

— Хм. — Герр Сироп потер свою блестящую лысую макушку и почесал в затылке, окаймленном бахромой темных волос. Дунул в светлые моржовые усы, мигнул водянистыми голубыми глазами и, наконец, решился: — Мошет, он ис кэльсково* скопления? Вы, наверное, там никокта не пывали, а я пыл как-то рас. Оно сейчас сплишается с анклийским скоплением. Мошет, он перепрался сюта и получил рапорту?

— Но форма...

— Сначит, они опять ее поменяли. Кто в состоянии услетить са всеми этими мелкими странами в Поясе?

* Датчанин хотел сказать «гэльского». Гэлы — группы древних кельтских племен, поселившихся в 4 в. до н. э. в Ирландии. Смешавшись с местным доиндоевропейским населением, они положили начало образованию ирландской народности. Часть гэлов в 5–6 вв. н. э. переселилась в Шотландию, где наряду с пиктами участвовала в формировании шотландской народности.

— М-м-м... Что ж, возможно. Возможно. Хотя все равно, странно это... Ну да ладно, неважно. Вы правы, это неважно. Продолжайте нести вахту. Приготовьтесь к сближению и посадке. Маневры начнутся через десять минут.

— *Ja*, ja, ja*, — пробурчал герр Сироп.

Вытащив из-под ветоши бутылку, он прикончил ее и сунул в мусоропровод, вытолкнувший ее в космос. Прежде чем вызвать своего помощника, мистера Шаббиша, датчанин надел поверх летней рубашки синий китель и водрузил на голову офицерскую фуражку. Форма была такой же поношенной и выцветшей, как и само судно; возможно, даже больше, ибо корабль все-таки время от времени драили, латали и подкрашивали.

Длинный, тупорылый, битый метеоритами, весь в заплатах и ржавых потеках от множества разных атмосфер, звездолет сошел с орбиты и направился, снижаясь по спирали, к астероиду. Первым, что потеряла «Девчонка», был внушительный шлейф из пивных бутылок. Вторым было терпение ее экипажа, ибо старенький компенсатор во время торможения вдруг сдурел, и люди с марсианами на собственной шкуре почувствовали, как внутреннее гирогравитационное поле колеблется по синусоиде между 0,5 и 1,7 земными *g*.

Неудобства этой болтанки заставили экипаж забыть об опасности, которую она создавала для посадки. Садиться на терраподобные планетки нелегко даже при самых благоприятных условиях. Гирогравитационные генераторы, расположенные в центре планетоида, не способны увеличить потенциальную энергию Вселенной, они лишь удерживают атмосферную оболочку. И поэтому их поле гетеродинировано таким образом, что сила тяжести на расстоянии 2000 километров от поверхности планетки везде одинакова и равна одному *g*; зато дальше, на протяжении буквально одного километра, искусственная гравитация падает практически до нуля, и все, что остается, это сила притяжения массы астероида. Пересечь такую границу — задача не из простых. Положение усугубляется еще и взаимодействием силы торможения корабля с силой притяжения генераторов планетоида. Когда же экипаж вдобавок ко всему неожиданно подвергается воздействию ритмичных колебаний веса, плавная посадка становится абсолютно невозможной.

Итак, достигнув пограничной высоты, «Девчонка» взбрыкнула, перекувырнулась, несколько раз подпрыгнула и, содрогаясь, во всю прыть помчалась вниз. Заскрежетав о стальной

* Да (*дат.*).

причал и вызвав оскомину у антиподов Гренделя, судно затряслось — и наконец остановилось, постепенно перестав стелать.

— Fanden i helvede! * — заорал герр Сироп в переговорное устройство. — Что это са посатка, я вас спрашиваю? Пиво трякнули так, что оно вот-вот всорвется!

— Sacre bleu!** — добавил Клаус, хлопая облелыми черными крыльями. — Teufelschwanzchen und Schwefel! *** Проклятье, черт поберит!

— Ну-ну, мистер Сироп, — успокаивающим тоном проговорил капитан Радхакришнан. — Ну-ну-ну. В конце концов, мой дорогой друг, никоим образом не желая вас обидеть, не могу не заметить, что поведение внутреннего поля было несколько... несколько неожиданным. Да-да. Вот именно — неожиданным. Кстати говоря, только что кок доложил, что у него приступ морской болезни, — первый случай морской болезни в истории астронавтики, между прочим.

Герр Сироп, у которого упала и разбилась любимая трубка, был не в настроении выслушивать критику. Грозно отдав мистери Шаббишу приказ выпустить из компенсатора все кишки, раз уж невозможно это сделать с его изготовителем, инженер решительно потопал по гулким коридорам к капитанскому мостику и вихрем ворвался в дверь, так что она хлопнулась о стенку и заходила ходуном.

— Дружиге, дорогой мой! — воскликнул капитан. — Послушайте! Я вас умоляю! Что они о нас подумают?

— Кто, так ево растак, потумает?

— Портовики и... э-э... другие джентльмены. — Радхакришнан указал на главный иллюминатор, суетливо приводя в порядок свой тюрбан и китель. — Это что-то несслуханное. Я не понимаю. Но они настаивают, чтобы мы оставались на борту, пока... Господи, как по-вашему, можно хоть чем-нибудь вывести эти пятна с моих галунов?

Кнуд Аксель Сироп уставился в иллюминатор. За небольшой посадочной площадкой открывался чарующий вид на зеленые долины, аккуратные живые изгороди, домики и коттеджи, светлую гравиевую дорогу. А на горизонте, круто изгибающемся и близком, виднелся единственный город Гренделя; с высоты капитанского мостика просматривались очертания крыш и двойной шпиль собора Святого Георгия. Государственный флаг Соединенного королевства реял под синими небесами, более темными, чем на Земле. В небесах сияло далекое крохотное

* Черт в аду! (дат.)

** Проклятая жуть! (фр.)

*** Чертов хвостик и сера! (нем.)

Солнце и несколько ярких звезд. Грендель был типичным мелким английским астероидом, мирно дожидаящимся сезона отпусков и наплыва туристов из Бриартона, Йорка, Шотландии, Холма, Нью-Винчестера и других графств.

Но что это? На флагштоке космопорта развевается чужой флаг — белый с зеленым трилистником и арфой! Двое направляющихся к кораблю человек одеты в военную форму цвета клевера, на ногах у них сапоги, а на портупее — оружие. Люди в такой же форме вышагивают вдоль проволочного забора, другие сидят возле пулеметов. Неподдалеку у пристани стоит звездолет, почти такой же старый и обшарпанный, как «Девчонка», но значительно больших размеров. И... и...

— Pest og forbandelse! — воскликнул герр Сироп.

— Что? — Капитан Радхакришнан обратил к нему встревоженный взор.

— Чума и проклятье, — вежливо перевел инженер.

— Да? Где?

— Там, — показал герр Сироп. — Этот старый корабль. Вы не видите? Там орутйная пашня!

— Но... послуша... Боже милостивый! — пробормотал капитан.

По металлу загремели сапоги, их грохот приближался к капитанскому мостику вместе со струей прохладного воздуха. Через пару мгновений рыжий верзила вошел в рубку. За ним маячил очень высокий, очень тощий и очень хмурый мужчина средних лет.

— С добрым вас утречком! — прогудел молодой, отдав честь. — Майор Рори Макконнелл, Экспедиционные войска Лиги ирредентистов* тр-р-рилистника к вашим услугам!

— Что?! — выдохнул Радхакришнан, открыв в изумлении рот и всплеснув руками. — То есть... То есть... Послушайте, что происходит? Началась война? Или она началась? То есть, я хочу сказать... — Он заблеял тоненьким голосочком: — Мы не получали такой информации, но, с другой стороны, мы в пути уже несколько недель и...

— Нет-нет! — Майор Рори Макконнелл смущенно сдвинул назад потрепанную фуражку. — Нет, ваше превосходительство, это не война. Скорее акт справедливости.

Тощий, как циркуль, человек высунул вперед свой длинный нос.

* Ирредентизм — движение в Италии (19 — нач. 20 в.) за присоединение пограничных земель, частично заселенных итальянцами и не вошедших в состав Италии при ее воссоединении.

— Наверное, я должен объяснить, — резко бросил он. — Поскольку я здесь командую. Это действительно акт справедливого возмездия за то, что с нами сотворили коварные англы в день святого Матфея сорок лет тому назад. — Его черные глаза зажглись фанатичным огнем. — Короче говоря, дабы удовлетворить законные требования гэльского народа, взыскующего возмездия за ничем не спровоцированную и позорную агрессию англов Английского — простите за тавтологию — королевства... Короче говоря, этот астероид оккупирован нашими войсками. — Тоший щелкнул каблуками и поклонился. — Позвольте представиться: генерал Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул, Лига ирредентистов трилистника...

— Ja, ja, — прервал его герр Сироп, по-прежнему жаждавший выплеснуть на кого-нибудь свое раздражение. — Это я уже слышал. Я так же слышал, что Лика трилистника — всево лишь отна ис политических партий кэльсково скопления.

Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул поморщился:

— Гэльской республики, если вы не против.

— Сначала, вы восклавляете флипустьерскую экспетицию, ја? А мы-то тут при чем?

— Ну, — сказал Рори Макконнелл, явно чувствуя себя не в своей тарелке, — мне очень жаль, господа, но факт остается фактом: вы не можете покинуть астероид.

— Что? — вскричал капитан Радхакришнан. — Не можем покинуть? Что вы имеете в виду, сэр? — Капитан встал, вытянувшись во все свои метр шестьдесят. — Это венерианский корабль, позвольте вам напомнить, к тому же идущий под земным флагом и следующий... э-э... вполне законным курсом! Вот именно — законным курсом. Вы не можете нас задержать!

Макконнелл хлопнул тяжелой пятерней по пистолету.

— Не можем? — спросил он, просяив улыбкой.

— Но... послушайте! Нет, вы послушайте, дорогой мой! У нас же расписание! Нас ждут в Аламо, вы ведь знаете, и если мы там не появимся...

— Да. Все верно. Мы это предусмотрели. — Генерал О'Тул прищурился и ткнул костлявым пальцем в сторону инженера. — Бы! Как ваше имя?

— Я Кнут Аксель Сироп ис Симмерпеле, остров Ланкеланн, — возмущенно отозвался датчанин, — и я намереваюсь связаться с татским посольством в...

— Мистер — кто?! — прервал его Макконнелл.

— Сироп!

Это, кстати говоря, весьма достойная датская фамилия, хотя, как и не менее достойная фамилия Старпер, она порой неправильно интерпретируется иностранцами.

— Я свяшусь с консульством в Нью-Винчестере, ја, клянусь Иутой, ја и в Тару соопшу, в кэльскую столицу...

— В Темру, — снова поморщившись, поправил его О'Тул.

— Видите ли, — сказал Радхакришнан, нервно поправляя монокль, — мы обязаны доставить груз в Аламо к строго определенному сроку, иначе нам придется платить штраф, и тогда...

— Молчать! — рывкнул О'Тул, вытянув палец в сторону землян. — Значит, вы идете с Венеры? Что ж, как военный комендант данного оккупированного астероида, я назначаю себя начальником медицинской службы и подозреваю, что вы — переносчики чумы в горошек!

— В корошек! — взревел герр Сироп. Красная волна гнева, поднявшись от его волосатой груди, достигла лысины, и та засияла, словно сигнальный огонь маяка. — Ты, тлинноносый сын шветского политика, во всей империи вот уже тватцать пять лет не пыло ни отного случая чумы в корошек!

— Возможно, — отрывисто бросил О'Тул. — Однако по законам международного права начальник медицинской службы обязан упечь в карантин любое судно с подозрением на инфекционное заболевание. Я подозреваю чуму в горошек и посему объявляю карантин на всем астероиде.

— Но-о... — простонал Радхакришнан.

— Думаю, шести недель будет достаточно, — прибавил О'Тул, немного смягчившись. — А пока вы можете беспрепятственно передвигаться по астероиду и...

— Шесть недель нас погубят!

— Сожалею, сэр, — ответил Макконнелл. И просиял: — Но вы не отчаивайтесь! Вы погибнете за правое дело: за воссоединение гэльской расы!

Глава 2

Яростно дымя трубкой, которую наверняка бы запретило любое управление по борьбе со смогом, Кнуд Аксель Сироп въехал на велосипеде в город Грендель. Внимание датчанина не привлекали ни очаровательные соломенные и черепичные крыши, ни наполовину деревянные тюдоровские фасады, ни висячие вывески. Впрочем, все это предназначалось для туристов, ибо основные доходы Гренделю приносила сезонная торговля. Зато от внимания датчанина не ускользнула необычная тишина. Вместо веселой предсезонной сутолоки он увидел лишь домашних хозяек, спешащих с поджатыми губами в зеленую лавку, да кучку угрюмых игроков в дротики во дворе «Короны и замка».

По улицам то и дело проходили группы вооруженных гэлов и проезжали грузовики с трилистниками на борту. Оккупационные войска, похоже, состояли большей частью из совсем молоденьких парнишек-непрофессионалов. Форма у них была самодельная, оружие представляло собой дикую смесь охотничьих ружей и украденных с ракет гранатометов, честь офицерам солдаты отдавали когда хотели, а идея пройтись по улице в ногу никому даже не приходила в голову.

И тем не менее на Гренделе было около тысячи оккупантов, и за их бесшабашной расхристанностью угадывалась недюжинная боеспособность.

Герр Сироп остановился возле доски официальных объявлений на рыночной площади. Раздвигая листья плюща, инженер пробежал глазами заметку о приеме в саду у викария трехмесячной давности, пожелтый плакат, в котором лорд-мэр Гренделя предлагал подавать заявки на строительство болотной деревни подле Хеоротских холмов, и наконец нашел то, что искал. Объявление было написано от руки, яркими синими и зелеными чернилами. Вот что в нем говорилось:

Сим доводится до сведения каждого, что сорок земных лет тому назад, когда планетоидные скопления Гэльской республики и Английского королевства в последний раз сблизились друг с другом, астероид, называемый англами Лейкс, но на самом деле ставший известным благодаря гэльскому первооткрывателю Майклу Бойну, который назвал его Лейиш, дрейфовал между двумя скоплениями по своей собственной асимметричной орбите. Геологоразведочная экспедиция англов, высадившись на Лейише, нашла там богатые залежи праэодима и объявила астероид собственностью короля Иакова IV. Гэльская республика выразила протест против незаконного захвата и послала боевой корабль, дабы изгнать английских захватчиков, но обнаружила возле астероида два боевых корабля, присланных королем Иаковом IV. Не поддавшись на провокацию, миролюбивая Гэльская республика отозвала свой корабль. Вышеуказанные захватчики установили на Лейише мощный гирогравитационный генератор и изменили орбиту астероида, направив его к остальным планетоидам английского скопления. И с тех пор Лейиш оккупирован и эксплуатируется коварными англами.

Гэльская республика подала официальный иск во Всемирный суд, указав, что Майкл Бойн, гэльский гражданин, первым высадился на астероиде. Смехотворные аргументы англов, утверждающих, что Бойн не подал официальной заявки на астероид и даже не попытался определить его потенциаль-

ную ценность, неприемлемы для любого здравомыслящего человека. Но Всемирный суд, очевидно, подкупленный золотом Стюартов, так и не удосужился за сорок лет вынести решение.

Теперь, когда гэльское и английское скопления вновь сближаются в космосе, Экспедиционные войска Лиги ирредентистов трилистника решили внести ясность в этот вопрос. Лига — патриотическая организация, не имеющая, правда, в данный момент поддержки в собственном правительстве, надеется заслужить его одобрение, как только победно завершит свою миссию. Так что Экспедиционные войска Лиги ирредентистов трилистника никоим образом не являются пиратскими, а действуют в рамках международных законов военного времени и Женевской конвенции. Оккупация астероида Грендель — первый и необходимый шаг, предпринятый Экспедиционными войсками Лиги ирредентистов трилистника для возвращения Лейиша гэлам.

Призываем все население к сотрудничеству с оккупационными властями. Личные и имущественные права граждан будут уважаться, если только не вступят в противоречие с законными правами властей, то есть с нашими правами. Все оружие и средства связи должны быть сданы властям для конфискации. Попытки покинуть Грендель или связаться с другими планетами будут караться по законам военного времени. Еще раз напоминаем гражданам Гренделя: Экспедиционные войска Лиги ирредентистов трилистника находятся здесь на законном основании, и обращаться с ними должно с надлежащим почтением.

*Erin go bragh!**

Генерал
Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул,
командующий ЭВЛИТ

Подписал:
сержант первого класса
Даниел О'Флаэрти

— Ах, — сказал герр Сироп, — так!

И, мрачно нажимая на педали, покатил дальше. Эти ребята, похоже, шутить не намерены.

Хотя он порой и выходил из себя, Кнуд Аксель Сироп не был человеком вспыльчивым. Он отмахал уже свое кулаками —

* Ирландия до судебного дня! (ирл.)

и в Сан-Паулу, и в Адском порту, и в Юпитерианских доках; теперь его больше привлекали кружка пива да партия в картишки в дружеском кругу. Портовые девицы могли дожидаться от него разве что отеческой улыбки и не совсем отеческого шлепка; в Симмербеле его ждала жена Инга — хорошая жена, особенно если не обращать внимания на ее навязчивую идею, что без колючего шарфа вокруг шеи герр Сироп непременно схватит пневмонию. Свое неодобрение по поводу несметного количества мелких государств, выросших как грибы по всей Солнечной системе после того, как гирогравитационные устройства позволили создавать на астероидах терраподобные условия, Инга выражала более бурно и открыто, чем ее супруг; но он разделял ее чувства, хотя и на свой, мягкий и терпимый лад. Дома лучше.

Но иногда же человек имеет право рассердиться! Например, когда эти скупердяи, венерианские хозяева, с весами вместо сердец и задниц, заставляют его мучиться со спинором, который следовало заменить еще пять лет назад! Но что, спрашивается, он может сделать? Осталось всего несколько причалов, доступных для старых судов со старыми командами, куда можно пришвартоваться без всех этих новомодных приспособлений. Если «Меркурианскую девчонку» спишут на берег, придется и ему, Кнуду Акселю Сиропу, последовать за ней. Конечно, в дверь к нему тут же постучит симпатичный работник социального обеспечения и предложит симпатичную земную работенку — к примеру, третьим помощником на фабрике пищевых дрожжей, — и Инга каждый день будет кутать ему шею симпатичным шарфом. Герр Сироп содрогнулся и с силой нажал на педали.

Кабачок, в который спешил инженер, находился на краю улицы Фладден Филд. Грендельцы отнюдь не стремились к воссозданию исключительно и только атмосферы английских кафе. Погребок «Верхний Гейдельберг» был расположен между турецким ресторанчиком «Пилав» и салуном-пиццерией «Последний шанс Петра». Герр Сироп прислонил велосипед к стене и толкнул дубовую дверь с изображением легендарного Гамбринуса.

Помещение было длинное, с низким потолком и закопченными стропилами. Грубые деревянные столы, скамьи, полутыма и свечи; вдоль стен — большие пивные бочки; скрещенные сабли над рядами глиняных кружек, возвещающих миру, что «Gutes Bier und junge Weiber sind die besten Zeitvertreiber»*. Но погребок был пуст. Конечно, еще не вечер, но тишина была уж

* Хорошее пиво и молодые бабенки — лучшее времяпрепровождение (нем.).

очень зловещей. Стюартовские легитимисты, основавшие английское скопление, никогда не признавали временных табу родины-матери.

Герр Сироп, широко расставив крепкие ноги, огляделся кругом.

— Эй! — позвал он. — Эй, кто-нибудь! Кте вы, херр Пахманн?

Во тьме за стойкой послышался шорох, и оттуда выкатился марсианин. Для своей расы он был довольно высок — серый безволосый купол его головоторса доходил инженеру до пояса, — а четыре ходовых щупальца бежали по полу с непривычной для землянина резвостью. Два ручных щупальца марсианина лихо-радочно извивались, толстый плоский нос подрагивал под огромным лбом, широкий безгубый рот что-то бессвязно лепетал, а выпученные глаза то и дело закатывались, выражая душевные страдания. Когда марсианин подошел поближе, герр Сироп заметил, что он как-то умудрился втиснуть себя в вышитую рубашку и *lederhosen*. Купол головоторса венчала тирольская шапочка.

— Ach! — пропищал марсианин. — Wer da? Willkommen, mein дорогой друг, sitzen * сюда и...

— Gud bevare's!** — воскликнул инженер, подхватывая свою трубку, выпавшую изо рта. — Что тут творится? Кте старый Ханс Пахманн?

— Ach, герр Бахманн ушел на пению, — ответил марсианин. — Я откупил его der бизнес. То есть, прошу прощения, я хотел сказать, что der бизнес я у него откупирен. — Марсианин остановился напротив гостя, протягивая три бескостных пальца. — Меня зовут Сармишкиду. То есть Сармишкиду фон Химмельшмидт. Садитесь и чувствуйте себя *gemutlich****.

— А я Кнут Аксель Сироп с «Меркурианской тевчонки».

— А-а, с корабля, который привозит мне пиво? Или привозил? Давайте-ка выпьем! — Марсианин юркнул к стойке, схватил две глиняные кружки, вернулся и взгромоздился на скамью напротив севшего за стол землянина. — Prosit!****

Марсианин, выставляющий кому-то пиво, был самым удивительным событием дня. Но и то сказать, невооруженным глазом было видно, что Сармишкиду фон Химмельшмидт сильно расстроен. Трепыхаясь всем телом и хлопая, как опахалом, слоновьими ушами, он принялся набивать табаком тирольскую трубку.

* Ah!.. Кто там? Добро пожаловать, мой... садитесь (нем.).

** Господи помилуй! (дат.)

*** Уютно (нем.).

**** Ваше здоровье! (нем.)

— Как вас укорестило купить этот крепежок? — спросил герр Сироп, надеясь привести хозяина в чувство.

— Ach! Я приехал сюда в годичный отпуск — на один Утту-год, то есть марсианский год. Я профессор математики в Энлилуралумском университете. — Поскольку каждый житель Энлилуралума занимал какую-нибудь должность в университете, в основном на факультете математики, герр Сироп не очень впечатлился. — В то время погребок был доходным местечком. Экстраполировав возможности, я соблазнился предложением герра Бахманна и выкупил кабачок. Я вложил в него все свои сбережения и даже взял ссуду под залог на Утту...

— Ах-ах! — сочувственно заахал герр Сироп, ибо даже жестокосердые хозяева космолинии «Черная сфера» в подметки не годились марсианским банкирам. Те просто наслаждались возможностью лишить кого-нибудь права выкупа. Эта процедура сопровождалась целой церемонией: клерки, пританцовывая, разбрасывали аннулированные чеки, в то время как хор вице-президентов исполнял литанию. — А нынче тоходы уше не те, верно?

— Доходы практически находятся на асимптотическом нуле, — простонал Сармишкиду. — Оккупация, сами понимаете. Мы отрезаны от остальной Вселенной. А туристский сезон начинается через две недели! Гэлы же собираются тут пробыть как минимум шесть недель и за это время наверняка повернут планетоид на новую орбиту, удаленную от торговых путей, а то и вовсе разрушат его в борьбе за Лейкс! Из-за этой неопределенности вся местная торговля пошла прахом. Ach, es ist ganz schrecklich!* Я разорен!

— Но если я правильно помню, — сказал озадаченно герр Сироп, — Нью-Винчестер, английская столица, нахотится всево в тесяти тысячах километров отсюта! Почему они не прислали поевой корापль?

— Они не знают! — простонал Сармишкиду, погружая лицо в высокую пивную кружку. — То есть, прошу прощения, я хотел сказать — они не знают, что вытворяют здесь эти оголтелые охламоны. В межсезонье к нам редко заходят суда. Der гэлы высадились всего четыре дня назад. Захватили der Rundfunk, то есть радио, и стали посылать обычные сообщения, как будто ничего не случилось. Ваш корабль — первый за время der вторжения.

* Ах, это совершенно ужасно! (нем.)

— И восможно, послетний, — помрачнел герр Сироп. — Они вытумали какую-то крякву про чуму и саперли нас в карантин.

— Ach so!* — Сармишкиду горестно прикрыл ладонью глаза. — Тогда я точно разорен! Гэлы только и ждали такого предлога. Теперь они могут послать в Нью-Винчестер радиограмму, будто бы от лица der настоящей медицинской службы, и заявить, что на астероиде карантин из-за подозрений на чуму. И естественно, никто сюда не прилетит за шесть недель: кому охота сидеть в карантине или, не дай Бог, заразиться! Ваших хозяев тоже предупредят, и они не станут выяснять, куда вы подевались. Так что полтора месяца гэлы будут делать здесь что захотят. А хотят они разрушить Грендель!

— Мой капитан все еще спорит с кэльским кенералом, — сказал герр Сироп. — Я веть простой иншенер. Но я пришел сюта, чтопы посмотреть, что мошно претпринять. Пусть таше мы понесем упытки, не тоставив вовремя крус в Аламо, но мы натеялись, что нам саплатят хотя пы са пиво. Нет?

— Gott in Himmel!** Но я же рассчитывал на туристский сезон! Откуда мне взять деньги?

— Этово я и поялся, — сказал герр Сироп.

Он сидел, потягивая пиво, курил и пытался себя убедить, что работа помощника на дрожжевой фабрике совсем не так уж плоха. Внутреннее «я» обозвало его луном.

Дверь открылась, впустив в погребок солнечный луч; посышались быстрые легкие шаги. Женский голос крикнул:

— Радуйтесь!

Герр Сироп неуклюже встал. Девушка, спускавшаяся по лестнице, была достойна вставания: юная, стройная, в блестящем шлеме золотых волос, с огромными голубыми глазами, вздернутым носиком, длинными ногами и прочими аксессуарам великолепной формы. Ее внешности ничуть не вредило то, что — при полном отсутствии косметики — на ней были коротенькая белая туника, сандалии, лавровый венок на голове, и больше ничего.

— Радуйтесь! — воскликнула она еще раз и разразилась слезами.

— Ну-ну, — беспомощно сказал герр Сироп. — Ну-ну, фрекен... э-э... мисс... не нато так, минуточку!

Марсианин подбежал к девушке.

* Ах так! (нем.)

** Господь в небесах! (нем.)

— Все nicht* так плохо, Эмили, — просвистел он, встав на кончики шупалец, чтобы погладить ее по плечу. — Успокойся! Вспомни Эпикура.

— Плевала я на Эпикура! — прорыдала девушка, пряча в ладонях лицо.

— Утис эпойсеи сои барейас хейрас**, — храбро промолвил Сармишкиду.

— Да, — всхлипнула девушка, — д-да, конечно. По крайней мере, я так надеюсь. — Она вытерла глаза лавровым листком. — Извините меня. Просто все это... так...

— Да, — сказал марсианин. — Ситуация, несомненно, подпадает под аристотелевское определение трагедии. Я подсчитал свои убытки — пятьдесят фунтов стерлингов, четыре шиллинга и полтора пенса в день.

Заплаканная, но все равно прекрасная, девушка повернулась к герру Сиропу.

— Простите меня, сэр, — сказала она с дрожью в голосе. — Эта ситуация на Гренделе, понимаете? Она такая... такая перевозбужденная. — Девушка нахмурилась и тронула пальчиком нижнюю губку. — Нет, это не то слово. Боже, какой варварский язык! Я хочу сказать — из-за этой ситуации мы все так перенервничали!

— Хм, — вмешался Сармишкиду. — Мисс Эмили Крофт, пожалуйста представьте вам мистера... э-э...

— Сироп, — сказал герр Сироп, протягивая слегка запачканную машинным маслом ладонь.

— Радуйтесь, — вежливо ответила девушка. — Элленикос?

— Gesundheit***, — ответил герр Сироп.

Мисс Эмили Крофт вздрогнула, потом вздохнула.

— Я спросила: говорите ли вы по-гречески? — пояснила она. — Я имею в виду — на афинском греческом диалекте.

— Нет, я, к сожалению, не говорю ни по-фински, ни по-кречески, — признался герр Сироп.

— Понимаете, — сказала мисс Крофт, — я дунканистка, хотя папа очень сердится. Он у меня викарий, а я единственная дунканистка на Гренделе. Мистер Сармишкиду — извините, я хотела сказать герр фон Химмельшмидт — говорит со мной по-гречески, и мне это помогает, хотя я не всегда одобряю те отрывки, что он выбирает для цитирования. — Она покраснела.

— С каких это пор марсианин коворит по-кречески? — спросил инженер, стараясь не отрываться от земли.

* Не (нем.).

** Никто не подымет на тебя тяжелые руки (древнегреч.).

*** Здесь: На здоровье (нем.).

— Я нашел знание греческого алфавита полезным для изучения земных математических трактатов, — объяснил Сармишкиду. — А потом, освоив алфавит, выучил также грамматику с лексикой. В конце концов, время — деньги, а мой час, как я подсчитал, стоит пять фунтов, и таким образом, используя знания, усвоенные для одной цели, как первый шаг для овладения знаниями в другой области, я сэкономил время обучения стоимостью почти...

— Но я боюсь, что герр фон Химмельшмидт не является последователем идей неоклассического просвещения, — перебила марсианина Эмили Крофт, — основоположниками которого были Айседора и Реймонд Дункан. К сожалению, герра фон Химмельшмидта интересуют только... — она опять зарделась, — ...наименее похвальные отрывки из Аристофана.

— Да, они похабные, — подтвердил Сармишкиду, искоса поглядывая на девушку.

— И знаете, только вы не подумайте, что у меня есть какие-то расовые предрассудки, — продолжала Эмили, — но нельзя отрицать, что герр фон Химмельшмидт... э-э... в общем, не создан для классических танцев.

— Это верно, — согласился герр Сироп, внимательно изучив наружность марсианина. — Ваша правда, мисс.

— Вас они, наверное, тоже не интересуют? — с надеждой заглянув ему в глаза, спросила девушка.

Герр Сироп потер лысину, дунул в висячие усы, глянул вниз на свое брюшко и ботинки двенадцатого размера.

— Классические танцы танцуют посиком? — осведомился он.

— Да, босиком. На утренней росе, увенчавшись виноградными гроздьями!

— Этово я и поялся, — вздохнул герр Сироп. — Нет, плакотарю вас.

— Ну что ж... — Голова у девушки слегка поникла.

— Но в плясовой я не так уш плох, — предложил герр Сироп.

— Нет, благодарю вас, — сказала мисс Крофт.

— Мошет, вы присянете с нами и выпьете пива?

— Зевес всемогущий, нет! — Она состроила гримаску. — Как вы можете? Я хочу сказать — ведь от этой ужасной жидкости печень обезызвествляется!

— Мисс Крофт пьет только der чистую родниковую воду и ест der фруктен, — довольно хмуро проговорил Сармишкиду фон Химмельшмидт.

— Но в самом деле, мистер Сироп, — сказала девушка, — ведь это куда более естественно, чем поедать сырое мясо и... Я хочу сказать, даже если бы у нас не было никаких других оснований, мы бы сразу поняли, какие варвары эти гэлы: стоит только посмотреть на ту гадость, которую они пьют, да еще бекон с картошкой и... Нет, ну в самом деле!

Герр Сироп, не убежденный, сел поближе к своей пивной кружке. Эмили уселась на стол и отщипнула несколько виноградин из вазы с фруктами, галантно протянутой мистером Сармишкиду. Затем марсианин вернулся к своему собственному пиву, трубке и тарелке с солеными сухими крендельками.

— Вы, случайно, не снаете, что на уме у этих сумасшедших кэлов? — спросил герр Сироп.

Девушка опять погрузстнела.

— Я как раз из-за них сюда и пришла, мистер Сармишкиду, — сказала она. Ее прелестная нижняя губка задрожала. — Этот ужасный майор Макконнелл! Ну, помните, тот рыжий верзила... Он все время со мной заговаривает!

— Боюсь, — начал марсианин, — в мою компетенцию не входит...

— Но он остановил меня на улице прямо сейчас! Он... он поклонился и... и предложил мне... предложил... О нет! — Эмили, дрожа, спрятала лицо в ладонях.

— Что претлошил?! — взревел герр Сироп, охваченный рыцарским негодованием.

— Он предложил мне пойти... пойти с ним... *в кино!*

— Ах так! И что там сейчас покасывают? — заинтересовался герр Сироп.

— Откуда мне знать? Уж точно не Эсхила. И даже не Еврипида! — Эмили подняла зарумянившееся личико и дала волю гневу: — Я думала, мистер Сармишкиду, мы же с вами друзья, правда, и нам, грекам, надо держаться вместе, вот я и хотела вас попросить: не могли бы вы просто отказаться продавать ему виски? Так бы мы преподали хороший урок этим варварам... и, может быть, они вообще уберутся отсюда домой, если не смогут купить виски, а у майора Макконнелла к тому же печень не превратится в известку.

— Стоит только черта помянуть!.. — прогудел добродушный бас. Тяжелые сапоги загремели по лестнице, и майор Рори Макконнелл спустился в погребок, явив взорам присутствующих все свои рыжеволосые 200 сантиметров. — Плесни-ка мне капельку виски, малыш! Или нет... Тащи сюда всю бутылку, потом подсчитаешь, сколько я выхлебал. Сегодня такой счастливый день!

— Не смейте! — воскликнула Эмили, вскочив со стола.

— Aber*, aber, дорогая, он платит по четыре шиллинга за глоток! — сказал Сармишкиду, торопливо сползая со скамьи.

Майор Макконнелл, обернувшись к девушке, отвесил ей длинный цветистый комплимент.

— Клянусь честью! — вострубил он. — Не может день быть несчастливым, пока среди нас есть такая colleen**! Господь, бесспорно, был в прекрасном настроении, когда она родилась: наверное, его любимый ангелочек выиграл в тот день приз за обаяние, ибо ни разу в жизни, клянусь честью, мне не приходилось встречать букета прелестей более пленительного, даже в далекой отчизне, куда я паломничество совершал!

— Теперь вы видите, до чего доводят людей мясо и спиртное? — спросила Эмили, обращаясь к герру Сиропу. — Они превращаются в таких мужланов! Я хочу сказать: они так грохочут сапогами, что слышно аж за два километра.

Макконнелл неуклюже приземлился на скамью, поставил на пол огромные ступни, завершающие устрашающих размеров ноги, и подмигнул землянину.

— Сама она, конечно, не ходит, а порхает, как пташка, — согласился он с критикой, — но зато не слишком обременяет себя одежкой. Когда она станет моей женой, ей придется маленько прикрыться, но пока что — пускай себе. Уж больно приятный для глаза вид!

— Вашей женой?! — взвизгнула Эмили. — Но... но... — После жестокой внутренней борьбы она продолжила спокойным тоном: — Я ничего вам не скажу, майор Макконнелл, но мой ответ вы найдете в «Лягушках» Аристофана, строка...

— А вот и бутылка! — провозгласил Сармишкиду, возвратившись с плоской бутылкой, на которой красовалась этикетка: «Роза Каллахана, Трали 125». — Und*** предупреждаю вас, — добавил он, подозрительно скосив на гзла круглые, как шарики, глаза, — что, когда дело дойдет до оплаты, я подсчитаю все, что вы выпьете, методом сравнительного баланса.

— Да будет так! — Макконнелл откупорил бутылку и поднял ее. — Во славу Господа и в честь Ирландии! — Майор поймал взгляд герра Сиропы и учтиво добавил: — Skaal!****

Датчанин нехотя поднял пивную кружку.

— Грех не отметить такой день! — радостно рокотал майор. — Сегодня я узнал в инженерной части, что ребята

* Но (нем.).

** Девушка (ирл.).

*** И (нем.).

**** Ваше здоровье! (дат.)

испытали нашу новую установку: работает как зверь! Через три недели, говорят, будет совсем готова.

— Ох! — выдохнула Эмили и ретировалась в темный угол за большую пивную бочку. Даже Сармишкиду, похоже, всерьез разволновался.

— Какой такой сверь? О чем вы коворите? — требовательно спросил герр Сироп.

— Ну, это совсем просто, — ответил майор. — Мы прекрасно знаем, что редкий на Земле празеодим чрезвычайно ценен, поскольку он необходим для гэгэ-генератора. Теперь, когда этот астероид...

— Я, я читал прокламацию. Но сачем вы высатились стесь? Если кэлам нушен Лейкс, почему пы вам, как поряточным лю-тям, не атаковать ево и не оставить в покое мое несчастное сутно?

Макконнелл нахмурился.

— Это было бы по-мужски, — признал он. — Но у меня на родине к власти пришла оппозиционная партия, гэльские социалисты, — чтоб их трусливые душонки сгорели в аду! — а они ни за что не пошлют флот к Лейишу, поскольку англы выставили там вооруженные заслоны на случай прямой атаки, и, учитывая этот подлый акт агрессии, нашей республике приходится быть начеку, дабы никто не мог сказать, будто мы первыми начали войну.

Майор вновь хлебнул из горлышка и разразился еще более длинной речью. Герр Сироп извлек из нее, что Лига трилистника, вторая влиятельная политическая партия гэльского скопления, отдавала предпочтение более активной внешней политике, хотя лидеры Лиги тоже не решались на открытую схватку с английским флотом. Однако Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул был экстремистом даже для Лиги. Он собрал людей, оружие, оборудование и пустился в авантюру на свой страх и риск. Для начала он решил оккупировать Грендель. Планетоид не оказал сопротивления: единственным вооруженным представителем власти здесь был пожилой констебль с дубинкой. Естественно, было крайне важно сохранить оккупацию в тайне от остальной Вселенной, поскольку один боевой катер любых вооруженных сил разбил бы Экспедиционные войска Лиги ирредентистов трилистника наголову. Прибытие «Меркурианской девчонки» и возможность объявить карантин праздновались сейчас во всех тавернах Гренделя как бесспорное свидетельство самоличного вмешательства в события славного святого Патрика.

Что же до перспективных планов — да, они у гэлов были, и еще какие. Как на любом терраподобном астероиде, на Гренделе

был установлен гирогравитационный генератор минимальной мощности, способный обеспечить планетке 24-часовой период обращения (раньше он составлял всего лишь три часа, что вносило невероятную путаницу в ритуал чаепития) и ускорение силы тяжести 980 см/с^2 , достаточное для того, чтобы удержать атмосферу. То есть поддерживать равную земной гравитацию, подогревать железную массу так, чтобы компенсировать удаленность от Солнца, и снабжать колонистов электричеством — вот и все, на что была рассчитана грנדельская атомно-энергетическая станция.

Ребята О'Тула приволокли с собой гэгэ-генератор куда большей мощности. Установленный в массовом центре астероида и соответственно настроенный, он был способен сдвинуть всю планетку с орбиты.

— Мы подкатим на Гренделе к Лейишу! — кричал Макконнелл. — С тяжелой артиллерией! Ну, как вам это понравится, мальчик мой? Долго ли продержится английский флот против боевого корабля таких-то размеров? А? Ха-ха! Выпьем за восстановление гэлов в правах, грубо и насильственно поправных неспровоцированной агрессией!

— По-моему, английский флот просто скинет на вас две-три атомные помпы, а потом высатит тесант, — задумчиво проговорил герр Сироп.

— И поубивает своих собственных граждан? — возразил Макконнелл. — Нет, даже англы не такие подонки. Им ничего другого не останется, как убраться восвояси. И, клянусь честью, когда мы вернемся домой с бедным заплутавшим Лейишем и запустим его на прежнюю орбиту в гэльском скоплении планет...

— Я тумал, ево орпита исначально отличалась от остальных орпит вашего скопления.

— Вот именно, сэр. Впервые с сотворения мира Лейиш обретет предназначенную ему Создателем орбиту! Ну, а потом все гэлы перейдут на нашу сторону, трусливый социалистический кабинет падет, и победный прилив вознесет Лигу трилистника к власти, а ваш покорный слуга станет министром астронавтики, ибо этот портфель обещал мне в награду за помощь будущий премьер-министр О'Тул. И тогда вы увидите, как корабли гэльских астронавтов вспарывают неизведанные глубины космоса, и я буду их главным шкипером!

— Gud bevaré's, — сказал герр Сироп.

Макконнелл встал и с медвежьей грацией поклонился Эмили, которая взяв себя в руки вернулась на свет Божий.

— Конечно, Грендель мы тогда Англии вернем, — сказал майор, — но его бесценное сокровище останется с нами: сорванная роза Стюартов украсит собою поле трилистников.

Девушка, приподняв одну бровку, холодно спросила:

— Правильно ли я поняла вас, мистер? Вы действительно намерены держать меня при себе как щит против английского флота?

Макконнелл покраснел.

— Мы вынуждены использовать таким образом ваш народ, и эта необходимость терзает души всех истинных гэлов, — сказал он. — И не будь мы уверены, что ни один мирный житель Гренделя не пострадает, мы ни за что бы не высадились здесь! — Он вдруг расплылся в улыбке. — Но, клянусь честью, мы правильно поступили! Ведь иначе я никогда бы не увидел ваше прелестное личико.

Эмила отвернулась и топнула ножкой.

— А также ваши прелестные ножки, — простодушно продолжал Макконнелл, — и ваши прелестные... э-э-э... Давайте выпьем, мистер Сироп! Выпьем за торжество справедливости и за всех невинно обиженных!

— Типа меня, например, — пробурчал инженер.

Девушка стремительно повернулась к майору.

— Но мирные жители страдают! — закричала она. — Неужели вы не понимаете? Сколько раз я пыталась вам втолковать, мой отец пытался, все грендельцы пытались, но вы словно оглохли! С тех пор как наши страны сближались на расстояние, доступное для контактов, прошло сорок лет. Вы же просто не знаете, как изменилась обстановка в Англии! Вы полагаете, что можете утащить у нас Лейкс и наше правительство скорее проглотит *fait accompli**, чем начнет войну, — то есть поступит так, как в свое время поступили вы сами. Не надейтесь! Старый король Иаков умер десять лет назад. Король Чарльз молод и горяч, а премьер-министр уверяет, что он потомок сэра Уинстона Черчилля: с ними такой номер не пройдет! Я хочу сказать, вашему правительству придется откреститься от вас и вернуть Лейкс — или же начнется межпланетная война!

— Не думаю, *acushla***, не думаю, — сказал Макконнелл. — Вы не должны забивать свою хорошенькую головку такими мыслями.

— А по-моему, она права, — заметил герр Сироп. — Я частенько пью в Англии.

* Сверхившийся факт (*фр.*).

** Дорогая (*ирл.*).

— Что ж, если англы хотят войны, — весело заявил Макконнелл, — они ее получают!

— Но из-за вас погибнет так много невинных людей! — запротестовала Эмили. — Бомба может разрушить даже греческий театр на Шотландских холмах! И ради чего? Ради горстки денег и горы амбиций!

— Я, вы губите мой бизнес, — проскрипел Сармишкиду.

— И мой. Мое несчастное сутно, — сказал герр Сироп, почти со слезами в голосе.

— Ну-ну-ну, дружище, тут вы, по-моему, загнули! — проговорил Макконнелл. — Что с вашим судном делается? Посидите здесь месяца два, отдохнете...

— Мы весем крус — эмприоны прахманских пыков в эскокенных камерах, — сказал герр Сироп. — Эти эмприоны все время растут. — Датчанин грохнул кружкой по столу. — Скоро они вырастут в телят, клянусь Иутой! У нас нет лишнего места, а то Аламо путь неплюский. Если нас сатершат стесь тольше чем на тве-три нетели...

— Брахманские быки! О нет! — прошептал Макконнелл.

— Я, — сказал герр Сироп. — Телята путут раскуливать по всей планете! Мы не сможем отвести их в Аламо, и нам притется платить штраф.

— Да, но... — Макконнелл неловко заерзал. — Мне, конечно, очень жаль, но... Когда все закончится, вы сможете потребовать возмещения убытков в Темре. Я уверен, что правительство О'Тула... Ох, черт! — Он осекся. — Где, вы сказали, живут ваши хозяева?

— В Ангуклуккакоке, на Венере.

— Н-да... — Майор Макконнелл потупил взор, словно мальчишка, застигнутый с банкой варенья. — Ну, я-то лично ничего не вижу плохого в том, что все ангуклуккакокские венериане обратились в христианство в прошлом столетии, но, правду сказать, О'Тул — ревностный католик и...

— Ну и что? — вмешалась Эмили. — В чем проблема? Я хочу сказать, если его хозяева...

— Они баптисты, — вздохнул Рори Макконнелл.

— Ох! — тихо проронила Эмили.

Макконнелл вскочил на ноги. Могучая длань хлопнула по столу с такой силой, что пивные кружки подпрыгнули.

— Да, мне очень жаль, да! — гаркнул майор. Сармишкиду вздрогнул и свернул уши в трубочку. — Я никому не желаю зла, лично я... Мы только выполняем свой долг перед родной страной и... и... и зачем вы испортили все веселье и превратили его в горе, боль и слезы?!

Он развернулся и вихрем устремился к выходу.

— Деньги! — возопил Сармишкиду своим слабеньким писклявым голоском. — Деньги, ты, неопределенная частная производная!

Макконнелл выхватил бумажник, не глядя швырнул на пол пятифунтовую бумажку и взлетел по лестнице, шагая через три ступеньки. Дверь с треском хлопнула ему вслед.

Глава 3

Солнце уже клонилось к закату, когда Кнуд Аксель Сироп, выписывая кренделя, ехал по бетону космопорта. Инженер провел в «Верхнем Гейдельберге» несколько часов, отчасти потому, что заняться все равно было нечем, отчасти же потому, что мисс Эмили Крофт — когда у нее высохли слезы — оказалась очень приятной компанией, даже для степенного женатого мужчины из Симмербеле. Не то чтобы его и впрямь интересовали дунканистские принципы в ее изложении, но герру Сиропу удалось уговорить девушку продемонстрировать классические танцы. Зрелище оказалось восхитительным, особенно когда инженеру удалось побороть первое разочарование, вызванное тем, что в классических танцах не оказалось соблазнительных виляний задом, и когда он сумел абстрагироваться от аккомпанемента Сармишкиду, игравшего на лире и свирели.

— Du skal faa min sofacykel naag jeg doeg, — печально напевал герр Сироп.

— И что бы это могло значить? — спросил зеленоформенный караульный, стоявший на посту у «Меркурианской девчонки».

— Восьми сепе мой старенький велосипет, кокта я умру, — перевел всегда готовый услужить герр Сироп. И продолжал: — Потому что послетний километр мне поможет проехать святой Петр. Восьми сепе мой старенький велосипет, кокта я умру.

— О! — довольно холодно отозвался караульный.

Герр Сироп прислонил велосипед к причалу.

— Это современная версия, — пояснил он. — А вообще-то песенка восхотит к временам тритцатилетней войны.

— О!

— Ее пели войска Кустава Атольфа, кокта... — Что-то подсказало герру Сиропу, что его маленький экскурс в историю не нашел благодарной аудитории. Он не без труда сфокусировал глаза на обшарпанном корпусе, возвышавшемся над ними. —

Почему там нет света? — спросил он. — Неушели весь экипаж еще в короте?

— Чего не знаю, того не знаю, — откликнулся караульный, чуть-чуть оттаяв. Он поднял свою винтовку и принялся прочищать зубы штыком. — Тут черт-те что творилось, *begorra**! Ваш шкипер, ну, маленький такой, с тряпкой на голове, с нашим генералом О'Тулом грызлись полдня. В конце концов генерал вышвырнул шкипера из рубки, тот приперся сюда и застучал наших ребят, когда они собрались унести ваше корабельное радио. Но, сэр, вы же понимаете, мы не можем позволить вам жить на борту и оставить там аппаратуру, чтобы вы связались с Нью-Винчестером и вызвали на наши головы проклятых королевских солдат! Так нет же! Этот грустный смуглый человечек ни за что не хотел проявить благоразумие. Он разозлился, развопился, созвал весь экипаж и увел его за собой. А теперь скажите мне, сэр, по совести, ну разве так можно?

Кнуд Аксель Сироп нахмурился, выудил из кармана трубку и набил ее, утрамбовав мозолистым пальцем табак. «Капитан Радхакришнан, — подумал инженер, — бесспорно, наикротчайший в мире человек; но порой на него находит. Он перегревается — да-да, вот именно, перегревается, как паровой котел, без всяких внешних признаков, а потом наступает критический момент — и пар неукротимо вырывается наружу, и последствия сего ведомы только Господу, а также Богу».

— О-хо-хо! — вздохнул инженер. — Наверное, нато кому-то тресвому, врте меня, поехать и посмотреть, чтопы они чево-нипууть не натворили.

Он сунул трубку под усы, пыхнул ею и вновь взобрался на велосипед. От космопорта отходили четыре дороги, одна из них вела к городу, — значит, остаются три. Какая же из них? Так, минуточку. Вряд ли экипаж просто побежал куда глаза глядят. У них определенно была какая-то цель. Что за цель? А что может заставить войска Лиги трилистника убраться отсюда? Саботаж их новой установки! А к гэгэ-генераторам астероида ведет *вот эта* дорога.

Герр Сироп, проворно нажимая на педали, устремился вперед. Пока он ехал через Коутсуолдские горы (высотой не больше 500 метров), сгустились сумерки, и тьму Шервудского леса освещала теперь лишь передняя фара велосипеда. Но вскоре лес кончился, впереди показались поля, укутанные голубым покрывалом тумана, достаточно, впрочем, прозрачного, чтобы различить коттеджи фермеров, и стога сена, и... и... Датчанин бешено нажал на педали.

* Ей-Богу! (ирл.)

Экипаж «Девчонки» стоял на дороге, размахивая самым невероятным ассортиментом гаечных ключей, кувалд и ломов, какой только доводилось видеть герру Сиропу. Между космолетчиками затесалось с полдюжины молодых грендельских крестьян, вооруженных вилами и косами. Вся банда смотрела, как капитан Радхакришнан увещевает пару йоменов, которые пропалывали мотыгами капустные грядки у дороги, а теперь стояли, опершись на свои орудия труда. Герр Сироп, пыхтя и отдуваясь, подъехал поближе и услышал голос одного из йоменов:

— Не, парень, дудки! Никуда я с вами не пойду.

— Но послушайте! — взвизгнул капитан Радхакришнан, подпрыгивая на месте, вращая в воздухе гаечным ключом и посверкивая стеклом монокля. Монокль выпал; капитан подхватил его и сунул обратно в глаз. — Неужели вы такие трусы? Ведь стоит нам вывести из строя их гэгэ, и гэлы тут же умотаются отсюда! Мы сделаем это за десять минут, как только снимем охрану!

— Вооруженную пулеметами, — сказал фермер.

— Ага, — кивнул его товарищ. — И кастетами. Они нас замочат.

— Но где ваш патриотизм? — возопил капитан Радхакришнан. — Вообразите себя тиграми! Напрягите мускулы, разогрейте кровь, спрячьте свои благодушные физиономии под маской свирепой ярости и так далее!

Тут герр Сироп наконец до них доехал.

— Вы с ума сошли? — сурово спросил он.

— Ах! — Капитан Радхакришнан обернулся к нему и просиял. — Вас-то нам и не хватало! Пошли, оставим этих презренных трусов! Вперед!

— Но... — простонал герр Сироп.

Его помощник мистер Шаббиш ткнул в него шупальцем и подмигнул.

— Я соорудил молотовский коктейль, шеф! Не волнуйтесь, мы их сделаем.

В воздухе витал густой и какой-то знакомый запах. Герр Сироп потянул носом. Ну конечно! Ирландское виски. Космолетчики наверняка весь день пропьянствовали с портовыми караульными. То-то они так воинственно настроены!

— Мисс Крофт права, — пробормотал датчанин. — По крайней мере, в отношении виски. Оно опьяествляет печень.

Он зашагал рядом с галдящей командой Радхакришнана, ведя свой велосипед в поводу и пытаясь придумать, как остановить бунтовщиков.

Красноречие никогда не принадлежало к числу достоинств инженера. Может, позаимствовать какую-нибудь выразительную фразу из великих поэтов прошлого, чтобы привести этих чокнутых в чувство? Но на ум приходила почему-то только «Песнь смерти» Рагнара Лодброка, сплошь состоящая из строк типа «Где мечи со свистом рассекали шлемы» и явно не подходящая к случаю.

В сумерках сквозь купы деревьев проглянул фасад энергостанции. И вдруг воздух взвихрился, и над головами идущих скользнул маленький флаер. Он завис на мгновение, потом снизился и полоснул пулеметной очередью. Раздался безбожно громкий треск, трассирующие пули засверкали, словно метеориты.

— О Господи! — воскликнул капитан Радхакришнан.

— Стоять! — загремел усиленный мегафоном голос. — Стоять и не двигаться! Сейчас мы с вами разберемся, *omadhauns** английские!

— Ик! — сказал мистер Шаббиш.

Герр Сироп поглядел по сторонам и убедился, что никто не ранен. Когда флаер сел и оттуда высыпало такое количество рослых кельтов, какое, по мнению инженера, не могло вместиться даже в звездолет, герр Сироп выключил переднюю велосипедную фару и бочком-бочком выбрался из внезапно притихшей мятежной толпы. Скорчившись за живой изгородью, он услышал, как оглушительно взревел один из кельтов:

— И что, интересно, вам здесь понадобилось? Генерал О'Тул запретил шляться вокруг энергостанции.

— Мы просто гуляли, — сказал присмиривший капитан Радхакришнан.

— Конечно, конечно. А кувалдами ловили свежий воздух, ясное дело!

Герр Сироп крадучись залез на велосипед и поехал той же дорогой назад. Слова гремели ему вслед:

— Пускай *сам* разбирается с этим базаром, ребята! А ну, бросай оружие! Круго-ом! Марш!

Датчанин прибавил скорость. Он никому и ничем не поможет, если будет прохлаждаться в грендельской каталажке, поедая тушеное мясо с овощами.

Хотя, подумал он угрюмо, пока что от него и на свободе не было особого толку.

Вокруг сгущалась ночь. Сквозь жидкую атмосферу ослепительно горели холодные звезды. Юпитер, удаленный всего на

* Идиоты (црл.).

несколько миллионов километров, сиял так ярко, что грендельские деревья отбрасывали тень. Галилеевы спутники были видны невооруженным глазом. Быстрая зеленая луна, повисев над крутым близким горизонтом, скользнула к Арию — одному из соседних английских астероидов, — вращаясь вместе со своими товарками вокруг общего гравитационного центра по результирующей орбите. До Нью-Винчестера, казалось, рукой подать. Если приглядеться повнимательнее, можно было различить между созвездиями и другие планетки. Гэльская республика была еще слишком далеко, чтобы увидеть ее без телескопа, но она непрерывно приближалась. Через два месяца сближение достигнет максимума и скопления окажутся в миллионе километров друг от друга.

Герр Сироп, немножко книжный червь по натуре, подумал не без иронии: интересно, что сказали бы о современной астрополитике Клаузевиц или Халфорд Маккиндер? Нерушимые соглашения хороши для стран, всегда остающихся на месте; но, если вы заключаете договор с государством, которое через год окажется по ту сторону Солнца, с этим волей-неволей придется считаться. Альянсы порой зависят от лунных фаз, а некоторые союзы действительны только каждый второй август и...

И все это никоим образом не помогает решить проблему, грозящую обернуться пусть и недолгой, но кровавой межпланетной войной, в результате которой и «Меркурианская девчонка», и пивной погребок «Верхний Гейдельберг» обратятся в прах.

Вернувшись в космопорт, герр Сироп застал там кучу народу и ослепительное сияние прожекторов. Взад-вперед сновали, рыча, тягачи, груженные оборудованием, мешками с цементом и бригадами рабочих. Гэлы вкалывали круглые сутки, чтобы поскорее сдвинуть Грендель с орбиты. Инженер спешился, прошел мимо подозрительно зыркнувшего часового, подошел к трапу и стал карабкаться наверх.

Беспечно насвистывая какой-то мотивчик, он лез по лестнице к люку, стараясь убедить самого себя, что против него нет никаких улик. Он просто покатался для моциона, вот и все. Кто докажет обратное?

Звездолет был удручающе громадным и пустым. Ботинки датчанина застучали так гулко, что он подпрыгнул (чем только усугубил ситуацию) и нервно осмотрел темные углы. Не было никакого смысла оставаться на борту; в гостинице куда веселее, да и цены там сейчас несезонные. Но герр Сироп слишком долго был космолетчиком, чтобы оставить корабль без присмотра. Вытащив из грузового трюма ящик «Nashornbrau» — поскользку заказчик все равно отказался забирать товар, — ин-

женер отволок его в свою личную каюту рядом с машинным отделением.

Клаус уставился на него с койки злобным черным глазом.

— Goddag*, — сказал ворон.

— Goddag, — вздрогнув, ответил герр Сироп. Вежливое приветствие из уст Клауса было настолько непривычным, что казалось почти зловещим.

— Fanden hage dig!** — завопила птица. — Chateau!*** Пошел на хрен, подонок! Vaya al Diablo!****

— Ну, то-то! — с облегчением вздохнул герр Сироп. — Так пы сразу и скасал!

Он уселся на койку, скovyрнул пробку и присосался к горлышку. Клаус прыгнул к нему и сунул клюв в карман пиджака в поисках соленых крендельков. Герр Сироп рассеянно погладил птицу.

Он думал о том, действительно ли Клаус — мутант. А что, очень даже возможно! На каждом судне жила какая-нибудь зверюшка — кошка, или попугай, или ящерица, или аглопендер, — в чью задачу входило расправляться с насекомыми и прочими мелкими тварями, испытывать на себе подозрительную атмосферу и составлять людям компанию. Клаус был представителем четвертого поколения воронов-космонавтов; в истории его предков чего только не было, в том числе и радиация, космическая и атомная. Конечно, земные вороны всегда обладали способностью к разговору, но словарь Клауса был фантастическим и к тому же непрерывно расширялся. И опять-таки, разве можно объяснить случайностью то, что из любого языка он выбирал для своего лексикона одну лишь площадную брань?

Н-да... Но есть вопросы и более неотложные. Например: как послать сообщение в Нью-Винчестер? Радиоаппаратуру из «Девчонки» выдернули с потрохами. Соорудить тайком передатчик из оставшихся деталей? Нет, О'Тул не такой дурак, он наверняка конфисковал все радиодетали, включая радар.

И все-таки, если пораскинуть мозгами... До Нью-Винчестера всего несколько тысяч километров. Искровой осциллятор, питающийся от судовой силовой установки, мог бы послать на такое расстояние SOS, даже если учесть, что сила ненаправленной передачи обратно пропорциональна квадрату расстояния. Собрать осциллятор нетрудно, в машинном отделении полно всякого барахла. Но на это потребуется время. А позволит ли

* Добрый день (*дат.*).

** Черт ненавидит тебя! (*дат.*)

*** Верблюд! (*фр.*)

**** Иди к дьяволу! (*исп.*)

О'Тул Кнуду Акселю Сиропу спокойно трудиться день за днем на арестованном судне? Нет, не позволит.

Ну конечно, если бы был какой-нибудь законный повод — тогда дело другое. В конце концов, такой повод можно и придумать, а под его прикрытием смастерить передатчик Маркони... Да только среди гэлов наверняка есть неплохие инженеры, и будет весьма странно, если один из них не наведается с инспекцией на «Девчонку». Такому проверяющему ведь не скажешь, что передатчик — это дрилспрейл для гипванглевского камита!

Герр Сироп откупорил еще одну бутылку и набил трубку свежим табаком. Гэлы, надо отдать им должное, ребята упорные: стоит показать им кончик нити, и они не отступят, пока не размотают весь клубок. Обмозговывая проблему передатчика битый час, если не два, герр Сироп пришел к выводу, что единственный шанс смастерить передатчик — это заняться каким-нибудь таким ремонтом, в который гэльские инженеры не станут совать свои носы. То есть нужен совершенно реальный предлог, чтобы...

Где-то около полуночи герр Сироп вышел из каюты и отправился в машинное отделение. Радостно напевая себе под нос, он открыл компенсатор внутреннего поля, доставивший экипажу столько неприятностей при посадке...

— Хм-хм-хм... посмотрим... все правильно, перегорел силовой контур, его очень просто заменить... Там-ти-там-ти-там.

Герр Сироп вставил контур с таким импедансом, чтобы разбалансировать всю цепь, закоротил еще два контура, обрызгал переменный конденсатор жидким пластиком, вырвал горсть проводов и спустил их в унитаз, а последние пару часов провел возле двух больших ректификационных труб, наполненных газом: вскрыл их, напустил туда табачного дыма и снова задраил. Покончив с делами, он вернулся к своей койке, разделся и взял с полки «Критику» Канта почитать перед сном.

— Карр, карр, карр! — проворчал Клаус. — Чистейший идиотизм, черт меня подери! Pokker!* Pokker!

Глава 4

Утренние расспросы позволили датчанину установить, что офис военкомандующего гэлов находится на реквизированном чердаке в центре города, над лавкой древностей мисс Тер-

* Дьявол! (дат.)

келл. С опаской поглядывая на полку, уставленную злобного вида фарфоровыми псами, герр Сироп подошел к винтовой лестнице — такой узкой, что он еле втиснулся между перилами и стенкой, — и принялся карабкаться вверх. Едва он одолел полпути, как в живот ему уткнулся маленький кругленький человечек, сбегавший по ступеням вниз.

— Однако! — воскликнул человечек, возмущенно поправляя пенсне и поднимая упавший портфель. — Будьте любезны, сейчас же спуститесь вниз и уступите мне дорогу!

— А почему вы мне не уступите ее? — спросил герр Сироп, бывший не в духе.

— Мой дорогой товарищ, — сказал человечек, — право преимущественного прохода в аналогичной ситуации было совершенно однозначно доказано в деле «Гуч против Терпенхоу», заслушанном в суде присяжных в Холме в 2098 году, не говоря уже о...

Герр Сироп сдался и отступил.

— Вы адвокат? — спросил он.

— Вы хотите сказать — поверенный? Да, я Твикхаммер из «Стоунфренд, Стоунфренд, Твикхаммер, Твикхаммер, Твикхаммер, Твикхаммер и Стоунфренд», Линкольнский Судебный Инн*. Моя визитка, сэр. — Человечек задрал голову. — Послушайте, а вы, часом, не один из тех космолетчиков, что прибыли вчера?

— Я. Я как раз хотел выяснить...

— Даже и не пытайтесь, сэр, даже и не пытайтесь. Звери — вот они кто, эти оккупанты, звери в зеленых мундирах. Когда я услышал об аресте членов вашего экипажа, я сразу решил, что их негоже оставлять без официальной защиты, и отправился к этому типу — О'Тулу. «Отпустите их, сэр, — потребовал я, — отпустите сию же минуту под разумный залог, иначе я буду вынужден прислать вам повестку в суд за нарушение habeas corpus**». — Мистер Твикхаммер побагровел. — И знаете, что мне ответил О'Тул? Что он мне посоветовал сделать с моей повесткой? Нет, вы не можете даже представить себе, что он сказал! Он сказал...

— Я могу представить, я, — прервал его герр Сироп.

Поскольку они опять очутились в пределах слышимости мисс Теркелл и фарфоровых псов, герр Сироп был избавлен от излишне откровенных подробностей.

* Линкольнский Судебный Инн — одна из четырех школ барристеров, т.е. адвокатов высшего ранга, в Лондоне.

** Закон о неприкосновенности личности, принятый в 1679 г. английским парламентом.

— Боюсь, вашим друзьям придется сидеть в темнице до конца оккупации, — сказал мистер Твикхаммер. — Это произвол, сэр. Конечно, я персонально убедился в том, что условия содержания там довольно сносные, но все равно — не могу не сказать... — Он поклонился. — Добрый день, сэр!

Мисс Теркелл, жадно глядя на герра Сиропа из угла своего пустынного магазина, предложила:

— Если вам не нравятся эти собачки, сэр, у меня есть хорошенькие абажурчики с надписью «Грендельский сувенир».

— Нет, но все равно спасибо за предложение, — ответил герр Сироп и поспешил вверх по лесенке. Мысль о том, что мог бы сотворить боевой топор со всеми этими дрезденскими пастушками и Венерой с циферблатом на животе, заставила его с сожалением вспомнить о забытых обычаях далеких предков-берсерков.

Часовой, которому положено было стоять у дверей офиса, любовался, высунувшись в окно, молодыми грендельскими леди, проплывавшими по улице в свободных летних платьях, развеваемых свежим утренним ветерком. Герр Сироп, решив не отвлекать его, проскользнул через приемную и зашел в кабинет.

Генерал Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул взглянул на него, оторвавшись от кипы бумаг на столе. Лицо его окаменело. Наконец он буркнул:

— Явились, значит. И кто вас сюда звал?

— Ja, — согласился герр Сироп, усаживаясь в кресло.

— Если вы явились просить за своих дружков-буянов, не теряйте времени зря. Я не выпущу их, пока Лейиш не будет свободным.

— От Шаннона до моря?

— Говорит Шан ван Во! — автоматически проревел О'Тул следующую строку баллады. Спихватился, щелкнул челюстями, хлопнув их, как мышеловку, и вперил в гостя свирепый взор.

— Э-э... — Герр Сироп собрался с духом и пошел в атаку. — У нас на сутне неполатки. Внутренний компенсатор парохлит так, что летать невосможно. Рас уш вы сатершали нас тут, вы толшны посволить нам саняться ремонтом.

— Ах должен? — прорычал О'Тул, грозно сверкая глазами.

— Ja, сокласно Лунной конвенции, люпое вышетшее ис строя сутно имеет право на ремонт. Вы ше не хотите, чтопы вас насывали варваром, нарушающим мештунаротные саконы?

Генерал О'Тул, прорывав нечто нечленораздельное, перешел в контрастугупление:

— Но ваш экипаж первым нарушил закон! Ваши друзья, которые обязаны были хранить нейтралитет, вели себя как мя-

тежники. Я имею полное право не выпускать их, что бы ни стряслось с вашим судном, пока не кончится чрезвычайное положение.

Герр Сироп вздохнул. Ничего иного он и не ожидал.

— Но ко мне у вас, натеюсь, нет претензий? — спросил он. — Я и плиско к месту мятеша вчера не потхотил. Поэтому вам притется расрешить мне саняться ремонтом, нет?

О'Тул выпятил костлявый подбородок.

— О том, что ремонт вообще необходим, мне известно только с ваших слов.

— Я снал, что вы так скажете, поэтому, преште чем итти к вам, попросил вашево иншенера осмотреть наш компенсатор и проверить ево. — Герр Сироп вытащил из кармана бланк ЭВЛИТ. — Он тал мне это.

О'Тул, сощураясь на зеленый листок, прочел:

Тому, кого это касается.

В общем, я самолично проверил компенсатор внутреннего поля звездолета «Меркурианская девчонка» и пропустил его через все тесты, какие только существуют на свете. Сим удостоверяю, что никогда в жизни не видал такой раздолбанной аппаратуры. Удостоверяю также, что, на мой взгляд, в компенсатор вселился дьявол и изгнать его не может никто, кроме отца Келли.

*Шеймус О'Баньон,
инженер, полковник ЭВЛИТ*

— Хм, — проворчал О'Тул. — Ну что ж, ладно.

— Натеюсь, вы понимаете, что мне неопхотимо потнять сутно и вывести ево на орпиту са претелы поля притяшения Крентеля? — спросил герр Сироп. — Тля точной калипровки аппарата мне нушно состояние невесомости.

— Да, конечно! — О'Тул выбросил вперед руку, ткнув обвиняющим перстом почти в самые усы датчанина. — Вы поднимете корабль и отправитесь прямиком к Нью-Винчестеру!

Герр Сироп подавил в себе инстинктивное желание уку-сись.

— Вы веть можете послать на сутно охрану, — сказал он. — Нескольких солтат, ничево не смыслящих в технике, а потому не очень нушных вам стесь.

— Хм, — сказал О'Тул. — Хм-хм-хм. — Он бросил на датчанина злобный взгляд. — Мне от вас одни сплошные неприятности, — пожаловался он, — и я нутром чую, что вы

задумали еще какую-то каверзу. Нет, я вам не позволю! Клянусь башмаками Бороиме Бриана*, здесь, на земле, останетесь вы!

Герр Сироп пожал плечами.

— Латно, — сказал он, — если вы хотите, чтобы вся Солнечная система уснула впоследствии, как вы наплевали на Лунную конвенцию и не посвоили старику-космолетчику починить свое сутно, на что он имеет законное право... Я, наверное, Кэльской республке и впрямь все равно, что тумают о ее цивилизованности трукие страны.

— Черт бы тебя побрал с твоим занудством! — взвыл О'Тул. — Ну, погоди, голубчик! Ты хочешь космических законов — сейчас ты их получишь.

Его пальцы забарабанили по кнопкам селектора.

— Капитана Фланагана, срочно! Говорю тебе, дубина, соедини меня с Фланаганом, капитаном корабля «Dies IRA»** Экспедиционных войск Лиги ирредентистов трилистника!

Обменявшись с капитаном оживленными репликами на гэльском, О'Тул выключил селектор и торжествующе посмотрел на герра Сиропа.

— Я проконсультировался по поводу космических законов, — прорычал он. — Это верно, что вы имеете право вывести судно на орбиту, если ему необходим ремонт. Но я имею право разместить на борту охрану для защиты своих законных интересов; а охрана имеет право отказать подвергать свою жизнь опасности на судне, лишенном экипажа. Особенно после того как я на законном основании распоряжусь снять с корабля все спасательные шлюпки, а также радио и реактивные движки из скафандров вдобавок к судовому радио и радару, которые я уже изъяс. Таким образом, по закону я не могу позволить вам подняться на орбиту с моими охранниками, если на судне не будет экипажа хотя бы в количестве трех человек. А весь ваш экипаж сидит в тюрьме, где я имею полное право держать его вплоть до завершения военных действий. Ха-ха, мистер космический законник, и как вам это нравится?

Глава 5

Герр Сироп прислонил велосипед к стене «Верхнего Гейдельберга» и потопал вниз по лестнице. Сармишкиду фон Хим-

* Бороиме Бриан (926 или 941–1014) — верховный король Ирландии с 1002 г., вел упорную борьбу с датчанами.

** *Dies irae* — день гнева (лат.). IRA — Ирландская республиканская армия, ИРА (англ.).

мельшмидт, подтянув кожаные штаны, засеменил навстречу гостю.

— Gruss Got!* — пропищал он. — И что мы сегодня будем пить?

— Цианистый калий со льдом, — угрюмо проговорил инженер, опускаясь на скамью. — Расве что вы сможете найти мне пару космолетчиков.

— Зачем? — осведомился бармен, подсаживаясь к датчанину с двумя кружками пива.

Герр Сироп объяснил. Поскольку он все равно должен был кому-то довериться, инженер решил, что Сармишкиду не проболтается, и поведал ему о своем намерении построить искровой передатчик и послать сигнал королю Чарльзу.

— Ach! — присвистнул бармен. — So! Значит, вы пытаетесь как-то исправить ситуацию, угрожающую моему бизнесу. — И в приливе чувств воскликнул: — Да хранит вас Господь, герр Сироп! Вы такой герой, что я с вас даже денег не возьму за эту кружку пива!

— Спасипо, — буркнул датчанин. — А теперь скажите, кте мне найти твух потхотящих человек.

— Хм-м-м. Этот вопрос не так легко поддается логическому анализу. — Сармишкиду потер свободным щупальцем нос. — Совершенно очевидно, что проблему необходимо аксиоматизировать. Итак, *imprimis***, на Гренделе нет в данный момент квалифицированных английских космолетчиков. Никакого агентства межастероидных космолиний на Гренделе тоже нет. *Secundus****, хотя среди населения астероида не наблюдается активных коллаборационистских элементов, характер его, то есть населения, распределения по *n*-мерной психоматематической пространственной фазе предполагает определенные трудности в поиске подходящих человеческих особей. Жители Гренделя в большинстве своем фермеры, механики *und so weiter*****, довольно смелые, но не имеющие достаточно воображения, чтобы поверить в возможность успеха вашего плана; другая часть населения, занимающаяся обслуживанием туристов, всей своей жизнью плохо подготовлена к участию в рискованных предпрятиях. А те немногие, кто обладает и смелостью, и воображением, несдержанны в речах и как пить дать проболтаются...

* Приветствую! (нем.).

** Во-первых (лат.).

*** Во-вторых (лат.).

**** И так далее (нем.).

— Ja, ja, ja, — сказал герр Сироп. — И все-таки на этом астероите несколько тысяч человек. Срети них не мошет не найтись хотя пы твух, котовых и спосопных... э-э-э... сраситься са свопоту.

— Я готова! — раздался чистый юный голос у двери, и Эмили Крофт, увенчанная виноградными листьями, легкой поступью спустилась по ступенькам.

Герр Сироп вздрогнул.

— Что вы стесь телаете? — спросил он.

— Я увидела ваш велосипед, — сказала девушка, — и вчера показались мне таким близким подуху, что я захотела... — Она замялась, глядя вниз на свои аккуратные ножки, обутые в сандалии, и покусывая пикантно изогнутую губку. — Я хочу сказать, несмотря на то что вы едите пумперникели с этим ужасным лимбургским сыром, вместо здоровой пищи вроде чернослива и других натуральных продуктов, вы проявили такой живой интерес к классическим танцам, что я подумала...

Светлые глаза герра Сиропа изучили сверху донизу весь ансамбль изящных изгибов и выпуклостей, пусть даже недостаточно объемный на его вкус, но, несомненно, один из самых привлекательных на многие миллионы километров пространства, и датчанин ласково ответил:

— Ja. Мне это очень интересно, и я натеюсь, что вы покажете мне кое-что еще... э-э... — Он покраснел. Эмили тоже покраснела. — Я имею в виту, мисс Крофт, мне ретко прихотилось витеть такое... В общем, опясательно, но только попосше. А сейчас, пошалуйста, оставьте нас. Мне нушно посекретничать с херром фон Химмельшмиттом.

По телу Эмили пробежала дрожь.

— Я слышала, о чем вы говорили, — прошептала она, широко распахнув глаза.

— Насчет освопоштения Крентеля? — с надеждой спросил герр Сироп.

Его надежда тут же исполнилась.

— Да! — сказала она, задрожав опять. — Вы и правда считаете, что это возможно?

Герр Сироп шумно выдохнул в усы.

— Ja, я тумаяю, у нас есть шанс. — Он потер о штанину ногти на правой руке, критически оглядел их и, не удовлетворившись полировкой, потер еще раз. — У меня есть свой метот, — добавил он с загадочным видом.

— Но это же чудесно! — пропела Эмили, танцующей походкой подбежав к нему и схватив его за руку. — Что я могу для вас сделать? — выдохнула она прямо ему в ухо.

— Что? Вы? Нет, вам нушно просто потоштать, пока мы...

— О нет! Ну в самом деле! Я хочу сказать, мистер Сироп, я знаю все-все про шпионов, и про революции, и про межпланетные заговоры и прочие штучки. Я, кстати, нашла техническую ошибку в «Невесте паука» и написала о ней автору, а он прислал мне в ответ замечательное письмо, в котором признал мою правоту, — он, как выяснилось, не читал той книги, что я цитировала. Понимаете, там был один старик и молодой парень, и вот этот старик изобрел смертоносный луч и...

— Послушайте, — сказал герр Сироп, — нам не нушны никакие смертоносные лучи. Нам нушно просто стелать кое-что втайне от парней с трилистниками. А теперь пеките томой и потоштите, пока все кончится.

Лицо у Эмили затуманилось. Она тихонько всхлипнула.

— Вы мне не доверяете, — обвинила она датчанина.

— Но я этово не коворил, я скасал только...

— Вы такой же, как и все остальные. — Она склонила золотистую головку и потерла кулачком глаза. — Все вы! Вы все считаете меня чокнутой, вы верите этим жутким сплетням о личной жизни мисс Дункан, вы все хотите обезызвествить мою печень, а когда доходит до серьезного дела, вы просто прогоняете меня, как будто я какой-то безмозглый попугай, совершеннейший попка-дурак и...

— Я не коворил, что вы совершеннейший попка! — вскричал герр Сироп. Потом умолк и задумался. — Хотя, — пробормотал он немного погодя, — она у вас тействительно...

— ...и смеетесь за моей спиной и... и... И-и-ы-ы-ы! — Эмили подавила рыдания, подняла голову и повернулась к лестнице. — Не беспокойтесь, — сказала она безутешно. — Я уйду. Я знаю, что мешаю вам. Я хочу сказать: извините, я не хотела.

— Но... Pokker, мисс Крофт, я ше только...

— Минуточку! — пискнул Сармишкиду. — Пожалуйста! Погодите один кратчайший отрезок времени, пожалуйста. У меня есть идея.

— Да? — Эмили, сделав пируэт, улыбнулась, словно солнышко во время дождя.

— Я думаю, — сказал Сармишкиду, — мы должны довериться молодой леди. Возможно, ее осмотрительность и небезгранична, но патриотизм заставит ее быть осторожной. И хотя за время моего присутствия на Гренделе мисс Крофт не поощряла ухаживаний местных молодых людей, у нее, без сомнения, гораздо более широкий круг знакомых, нежели у нас с вами, двоих чужеземцев. Так что она сможет порекомендовать нам подходящие кандидатуры. Ну, разве не гениальная идея?

— Клянусь Иутой, ја! — воскликнул герр Сироп. — Извините меня, мисс Крофт. Вы и впрямь можете нам помочь. Сатитесь, пошалуиста, сюта и выпейте чистейшей ротниковой воты.

Эмили восторженно слушала, пока он излагал свой план. А затем вскочила, прыгнула к герру Сиропу на колени и горячо его обняла.

— Эй! — сказал он, хватая выпавшую изо рта трубку, осыпавшую тлеющими угольками его пиджак. — Эй! Это, конечно, очень приятно, но...

— У вас есть команда, старенький вы дурачок! — сказала ему Эмили. — Это я.

— Вы?

— И герр фон Химмельшмидт, разумеется. — Девушка улынулась марсианину.

— Я-а-а? — в ужасе пискнул Сармишкиду.

Эмили снова вскочила на ноги.

— Ну конечно! — защебетала она. — Конечно! Неужели вы не понимаете? Вы все равно не найдете здесь настоящих космолетчиков. Я хочу сказать, автомеханик или шеф-повар вряд ли помогут вам смастерить передатчик, так зачем же разглашать наш секрет? Мы с мистером Сармишкиду сможем подать вам гаечный или вилочный ключ, или абак, или как там называется этот длинный вычислительный инструмент, не хуже мистера Гроггинса из кондитерской лавки, а если мы захотим посекретничать, то сможем поговорить друг с другом по-гречески. И я прекрасно умею заваривать чай, даже мама это признает, хотя сама я чай не пью, потому что он плохо действует на почки или что-то еще, но я возьму с собой сушеные абрикосы, бананы и яблоки, и только представьте себе, как разозлится этот ужасный майор Макконнелл, когда узнает, как мы его провели! Быть может, тогда он поймет наконец, что для мозгов крайне вредны виски с беконом, и откажется от них и начнет упражняться в классических танцах, потому что на самом-то деле он жутко пластичный, понимаете...

— О-о-о! — сказал Сармишкиду. — Нет, погодите, погодите, ах, погодите минуточку! Мы с вами не космолетки, и О'Тул не примет нас в качестве экипажа!

— Я тумал оп этом, — сказал герр Сироп. — И сверился со свотом саконов. В чресвычайных опстоятельствах — типа наших — высший по сванию офицер, оставшийся на сутне — то есть я, — мошет всять сепе в помощь неквалифицированный персонал и присвоить ему статус космолетчиков, тействительный то конца чресвычайки. О'Тулу притется липо посволить мне потнять сутно с вами, липо выпустить твух моих товарищей.

— Значит, вы возьмете нас с собой? — радостно вскрикнула Эмили.

Герр Сироп пожал плечами. По крайней мере, на такой экипаж хотя бы приятно посмотреть.

— Конечно, — сказал он. — Топро пошالовать!

Глаза у Сармишкиду забегали по сторонам.

— Я лучше останусь здесь. Мне нужно присматривать за моим бизнесом.

— Вздор! — заявила Эмили. — Если я туда пойду, нам не обойтись без марсианина-сопровождающего — не потому, что я не доверяю мистеру Сиропу, нет, он действительно чудесный старый джентльмен... Ох, извините, мистер Сироп, я не хотела вас обидеть... Я хочу сказать, мне придется идти на корабль, не спрашивая разрешения у папочки, он все равно не разрешит, но зачем же огорчать его еще больше, ведь даже если я освобожу Грендель, то испорчу себе репутацию! Я хочу сказать, вы же знаете, он викарий, ему и так нелегко было смириться с моей дунканистской верой, когда я вернулась из Уилберфорса, из школы мисс Каррутерс для избранных молодых леди, хотя про дунканизм я услышала не в школе, а на лекции в городском зале, который посещала, и... И ваш пивной бизнес, мистер Сармишкиду, не будет стоить и ломаного гроша, если мы не выпроводим отсюда гэлов до начала туристского сезона, так что будьте умничкой и пойдемте с нами, пожалуйста, иначе я попрошу всех своих знакомых молодых людей никогда больше не приходить к вам в погребок.

Сармишкиду застонал.

Глава 6

Герр Сироп остановил велосипед, и герр фон Химмельшмидт расслабил щупальца, обвивавшиеся вокруг багажника. Маленькое яркое солнце сияло сквозь маленькие яркие облака над космопортом Гренделя, дул теплый ветерок, и даже старая «Девчонка» выглядела не такой унылой, как обычно. Неподалеку разворачивался грузовик, увозя очередную порцию гэльских солдат на работу с гэгэ-генератором, и как бы ни хотелось кое-кому выпроводить их отсюда поскорее, невозможно было не признать, что их молодые голоса звучали на диво хорошо.

— Ochone!* — пели они. — Ochone! В Ольстере плач и стон. Ochone! Ochone! Рыдают лорды и леди. Прощайтесь с

* Горе! (ирл.)

героем, второго такого не будет уже никогда! Эй, Пэдди, взгляни на ту colleen: где рыцарь ее, где любимый храбрец? Он сражен! Увы мне! Ochone!

Караульный у причала преградил винтовкой дорогу герру Сиропу.

— Стой! — сказал он.

— Что? — не понял инженер.

— Стрелять буду! — объяснил караульный.

— Что это значит? — возмутился герр Сироп. — Я имею право пройти на сутно! У меня есть письменное разрешение вашево кенерала, черт поперил! Он посволил мне потнать сутно в космос!

— Все может быть, — сказал часовой, поднимая винтовку, — а только у меня свой приказ. Мне велено не доверять вам и не пускать на борт, пока не прибудет вся ваша команда и представитель Лиги трилистника.

— Ну, если все тело только в этом, — с облегчением вздохнул герр Сироп, — то вот итет мисс Крофт, а рятот с ней какой-то кэл.

Провожаемая стихающим шквалом восторженных свистов, Эмили с негодующим видом торопливо шагала по бетону. В руках у нее была внушительная корзинка для пикника, которую старался вырвать из девичьих ручек зеленоформенный эскортирующий. Эмили не давала корзинку, топала ножкой и пыталась оторваться от эскорта. К сожалению, он был такой огромный, что поспевал за ней, почти бегущей, шествуя неторопливым, прогулочным, шагом.

Сармишкиду пришурился.

— Чтоб мне провалиться в искривленное риманово пространство, — сказал он наконец, — если это не майор Макконнелл!

Сердце у герра Сиропы с глухим стуком упало вниз.

— Всем привет! — загудел молодой великан. — И примите мои поздравления, сэр: вы выбрали прелестнейшую команду, когда-либо поднимавшуюся в небо! Хотя, правду говоря, она могла бы быть чуточку подружелюбнее. Но когда мы окажемся среди звезд, кто знает, как все обернется?

— Вы же не хотите скаать, что путете нашей охраной? — полузадушенно прохрипел герр Сироп.

— Да, хочу. А что, разве я не похож на охранника? — просил Рори Макконнелл, похлопав по автоматическому пистолету в кобуре на поясе, по автомату, висающему на груди, и по винтовке, пристегнутой к пятидесятикилограммовому походному вещмешку.

— Но вы веть нушны стесь, внису!

— Не так уж и нужен. Работа организована, все идет по расписанию. — Макконнелл подмигнул. — И, клянусь честью, когда я услышал, какую команду вы себе выбрали, я сразу понял, где мое место. Вот уже пять лет, если не больше, моя старушка-мама в Кар-Дубе умоляет меня жениться, дабы усладить ее старость внучатами. Так что я просто выполняю свой сыновний долг. — Он доверительно ткнул герра Сиропа пальцем.

Когда инженера подняли, отряхнули от пыли и принесли извинения, он возразил:

— Но ваш шеф, О'Тул — он снает, что вы стесь? По-моему, он не отоприт ваше решение.

— О'Тул немного фанатик, — признал Макконнелл. — Но он дал мне это назначение, когда я попросил. Как вы понимаете, сэр, у него неспокойно на сердце при мысли о том, что вы выйдете на орбиту и сможете помешать его планам. Поэтому чем быстрее вы закончите ремонт и вернетесь на Грендель, тем лучше для него. И пусть по специальности я больше пилот и штурман, чем инженер, но в космосе вся команда должна быть хотя бы отчасти взаимозаменяемой, так что я смогу оказать вам вполне квалифицированную помощь. У меня достаточно опыта работы с гэгэ, чтобы в точности понять, что вы делаете.

— Гак! — сказал Сармишкиду.

— Что? — спросил Макконнелл.

— Я сказал «гак», — с достоинством ответил Сармишкиду, — и именно это я и хотел сказать.

— Все на борт! — гаркнул гэл и взлетел по трапу, перескакивая через две ступеньки.

Эмили обернулась.

— Я *ничего* не могла поделать, — прошептала она, побледнев. — Он был тверд как скала. Я хочу сказать, я даже побила его кулаками по груди изо всех сил, но он только усмехнулся, вы ведь не можете не признать, что он силен, как Геракл, и если бы только он согласился поучиться классическим танцам, чтобы исправить свою походку, то стал бы почти совершенством. — Она зарделась. — Я имею в виду в физическом смысле, разумеется. Но что я хотела спросить: мы ведь не сдадимся, правда?

— Нет, — мрачно сказал герр Сироп. — Мы толшны попытаться. Втрुक та потвернется какой-нипуть шанс. Пошли.

Он взял свой велосипед за раму и потащил его на судно. Ни один датчанин не чувствует себя собою без велосипеда, хотя это

неправда, что все они спят со своими машинами. Не все — процентов десять, не больше.

Герр Сироп собирался сам вывести «Девчонку» на орбиту, ибо управлять звездолетом ему было не впервой. Но Макконнелл проделал это столь виртуозно, что даже переход из гэгэ-поля к свободному падению прошел совершенно гладко. Когда судно легло на орбиту, герр Сироп на скорую руку приладил к двигателю реверсивный механизм, чтобы создать внутри корабля силу тяжести. По инструкции это было не положено, поскольку парализовало двигатель, и, конечно же, саморегулироваться, как настоящий компенсатор, такое временное приспособление не могло. Но район был очищен от метеоритов, так что никакая опасность извне кораблю не угрожала; к тому же, хотя ни космолетчики, ни уроженцы астероидов ничего не имеют против невесомости *рег се**, сила тяжести облегчает работу. Кто не трудился в условиях свободного падения, отряхивая куски расплавленного припоя со своей физиономии и глядя, как выпущенная из рук отвертка весело уплывает куда ей вздумается, тот не познал до конца всей извращенности материи.

— Мы выключим тягу, кокта сахотим проверить компенсатор, — сказал герр Сироп.

Рори Макконнелл оглядел захламленное машинное отделение и прилегающую к нему мастерскую.

— Завидую я вам, — сказал он с искренней печалью. — Мое настоящее место на звездолете, а не в строю с барабанами и винтовками.

— Э-э... ја. — Герр Сироп пребывал в нерешительности. — Снаете, я не вишу смысла вам тут утруштаться. Вы мошете оставить меня и... хм... ја... — Его вдруг осенило: — И пойти поговорить с мисс Крофт!

— О, я с ней поговорю, обязательно, — усмехнулся Макконнелл. — Но я не собираюсь бить баклуши, пока вы будете трудиться в поте лица. Нет, я тоже попотею вместе с вами над этим компенсатором, папаша. — Он приподнял рыжую бровь и многозначительно сверкнул синим глазом. — Не хочу обижать вас беспочвенными обвинениями, но я не удивлюсь, если, предоставленный самому себе, вы вообще не будете заниматься ремонтом. Кое-кто может даже заподозрить — не дай Бог! — что вы вместо этого займетесь сборкой радиопередатчика, чтобы послать сигнал его проклятому величеству. Но мы заткнем сплетникам рот: мы запрем все электродетали в шкафу, и я сам

* Как таковая (лат.).

буду здесь работать и спать. Да? — Он дружески хлопнул герра Сиропа по спине.

— Gott in Himmel! — возопил Сармишкиду из коридора. — Что у вас там взорвалось?

На «Девчонке» установили условную смену дня и ночи. После ужина, приготовленного ею собственноручно, Эмили Крофт поднялась на капитанский мостик, пока Сармишкиду мыл тарелки, одновременно протирая на камбузе пол. Девушка подошла к иллюминатору и застыла, глядя в космос. Испытывая на себе всего лишь слабую естественную силу притяжения астероида, звездолет вращался по более чем 100-часовой орбите. На таком расстоянии астероид выглядел симпатичной полусферой, хотя и не очень правильной. На темной половине планетки то и дело вспыхивали огоньки в коттеджах и деревушках, глянцево поблескивало озеро Альфреда Великого. Город, с его игрушечной церковкой, еле различимой невооруженным глазом, с его красными крышами, слившимися в одно пятно, лежал безмятежно чуть западнее линии захода солнца. Время чаепития, подумала сентиментально Эмили. Булочки и мармелад у камина, папа с мамой, скрывающие свое беспокойство за непокорную дочь. А на дневной половине — просторные поля и леса под лентами бегущих облаков, яркая зелень болот, Коутсуолд и шелестящий внизу Шервудский лес. Грендель медленно вращался в хрустальной черноте, усыпанной звездами, такими бесчисленными и льдисто-прекрасными, что на глаза у Эмили навернулись слезы.

Когда вид в иллюминаторе замутился и поплыл, девушка закусил губку. Плакать — это не по-британски. И даже не по-дункански. И тут она обнаружила, что слезы выступили из-за дыма, клубящегося над трубкой герра Сиропа.

Инженер, проскользнув в дверь, закрыл ее за собой и прошипел:

— Тс-с!

— Сами вы тс-с! — огрызнулась Эмили. И добавила с раскаянием: — Ах, извините. Дурное настроение. Не знаю, что и думать.

— Я. Я и сам не в тухе.

— Может, это из-за воды? Она ведь хранится в цистернах, да? Я хочу сказать, она ведь не бьет, пузырятся, из какого-нибудь замшелого источника, правда?

— Правда.

— Я так и думала. Наверное, это все из-за воды. Я хочу сказать: почему все так перемешалось в душе — вроде и грустно

и в то же время не грустно совсем? Вы понимаете, что я хочу сказать? Боюсь, я сама не понимаю.

— Мисс Крофт! — заявил герр Сироп. — У нас неприятности.

— О! Вы хотите сказать — из-за Ро... из-за майора Макконнелла?

— Да. Он произвел тщательную инвентарисацию. Стащил все инструменты и электротетали в шкаф и тершит ключи при сепе. Как мы теперь смастерим перетатчик?

— О, чтоб он провалился, этот майор Макконнелл! — воскликнула Эмили. — Я хочу сказать, чтоб он провалился на самом деле!

— Вы — моя послетняя натешта, — сказал герр Сироп. — Все теперь сависит от вас.

— О! — Эмили просияла. — Но это же замечательно! Я хочу сказать, я боялась, что мне здесь будет скучно, что мне придется просто сидеть и ждать, пока вы... И простите меня, но ваш корабль не очень эстетичен; я хочу сказать, здесь все выкрашено белой краской и кругом сплошные часы, и циферблаты, и еще эти штуковины, как бишь их?.. И я не нашла ни одной нормальной книги, только какие-то фолианты типа «Юпитерианской межзвездной лоции с эфемеридами» и еще журнал «Картинки для мужчин», где леди изображены совсем не в классических позах, то есть... — Она смутилась. — О чем это я? Ах да, вы хотели, чтобы я... Но это же колоссально! Просто здорово! — Она запрыгала от радости, туника ее вспорхнула, словно бабочка, а венок съехал набок. Потом она схватила герра Сиропа за руки. — Что я могу сделать? Вы хотите перевести какое-нибудь секретное сообщение на греческий?

— Нет, — сказал инженер. — Не сейчас. Э-э-э... — Он устался в пол, залившись краской и ковыряя ковер квадратным носком ботинка. — Витите ли, мисс Крофт, если пы вам уталось как-то отвлечь Макконнелла от рапоты нат компенсатором... санять ево мысли чем-то труким, чтопы он не крутился все время в мастерской... Токта я потопрал пы ключи, стащил ис шкафа неопхотимые тетали и привел в исполнение наш план. Но тля этово нушно изолировать Макконнелла — переключить ево внимание на что-нипуть трукое.

— Понятно, — сказала Эмили, тронув пальчиком щеку. — Дайте подумать. Чем бы его заинтересовать? Он любит поговорить про звездолеты — мечтает стать межзвездным разведчиком, когда все это кончится, и, знаете, он говорит об этом с таким искренним воодушевлением, ну прямо как ребенок, меня так и тянет взъерошить ему волосы... — Она осеклась. —

Нет. Не пойдет. Я хочу сказать, единственный, кто может поговорить с ним о звездолетах, это вы сами.

— Поюсь, я не совсем в его вкусе, — многозначительно промолвил герр Сироп.

— Я хочу сказать, вы не сможете отвлекать его, потому что именно вам нужно будет работать у него за спиной, — продолжала Эмили. — Дайте подумать. Что же еще? А, вспомнила! Как-то майор Макконнелл обмолвился, что любит покер. Это такая карточная игра. А мистер Сармишкиду увлекается пермутациями. Так что, вероятно, они смогли бы...

— Поюсь, что Сармишкиту тоше не совсем в его вкусе. — Герр Сироп нахмурился. — Кстати, тля молотой лети, такой сертитой на этово сумасшешеве кэла, вы слишком хорошо осветомлены о его пристрастиях.

Лицо у Эмили вспыхнуло.

— Только не вздумайте назвать меня коллаборационисткой! — крикнула она. — Когда захватчики высадились на Гренделе, я надела фригийский колпак и пошла по улицам с флагом, призывая грендельских мужчин примкнуть ко мне и вышвырнуть оккупантов вон. Но никто не откликнулся. Они сказали, что у них нет никакого оружия, кроме дробовиков. Как будто это имеет хоть какое-нибудь значение!

— Это имеет сначение, — примиряюще проговорил герр Сироп.

— Что же до общения с майором Макконнеллом — а что я могла поделать? Я хочу сказать, О'Тул назначил его офицером по связи с нами, грендельцами, потому что даже О'Тул вынужден был признать, что у Рори море обаяния, и, естественно, Рори многое приходилось обсуждать с моим отцом, одним из наиболее авторитетных граждан Гренделя, он же у меня викарий, вы знаете. А когда майор приходил к нам в дом, он был гостем, хоть и врагом, а никто из Крофтов не позволяет себе быть невежливым с гостем с тех пор, как сэр Хардман Крофт указал на дверь пуританскому констеблю в 1657 году. Я хочу сказать — это просто не принято. Конечно же, мне пришлось быть с ним любезной. И у него действительно очень приятный мелодичный голос, а любой дунканист высоко ценит музыкальность, но это еще не значит, что я коллаборационистка, потому что я возглавила бы атаку на их звездолет в любую минуту, если бы хоть кто-нибудь согласился мне помочь. А если я не хочу, чтобы кто-то из гэлов пострадал, так просто оттого, что думаю об их ни в чем не повинных родителях и... и возлюбленных, и вообще!

— О! — сказал герр Сироп.

Трубка у него потухла. Он усердно принялся раскуривать ее заново.

— Ну что ш, мисс, — сказал он, — в таком случае вы поможете нам и постараетесь отвлечь мысли майора от ремонта, верно? Это ваш патриотический толк. Просто-поощрите-его-немножко-потому-что-он-в-вас-влюблен, о'кей? Спокойной ночи. — И, скрывая свое свекольное лицо за клубами дыма, герр Сироп удалился.

Эмили смотрела ему вслед.

— Боже праведный! — прошептала она. — Я хочу сказать — в самом деле?

Глаза ее вновь обратились к Гренделю и звездам.

— Нет, не может быть, — решила она. — Это обыкновенная лесть. Макрос логос*, если точнее.

Никто не ответил ей, но через минуту в коридоре загремели шаги и проникновенный бас осведомился:

— Эмили, вы здесь?

— О Боже! — воскликнула девушка, оглядываясь в поисках зеркала. Удовольствовавшись, за неимением оного, полированной хромированной поверхностью, Эмили поправила венок и золотистые волосы под ним. Она не позволит чужестранцу увидеть английскую леди растрепанной, и, честно говоря, она пожалела об отсутствии на корабле губной помады, интуитивно чувствуя, что воздержание от косметики вовсе не присущее истинным последователям дунканизма.

Рори Макконнелл появился в дверях, упершись плечами в дверные косяки и пригнув голову под притолокой.

— Ах, macushla *, наконец-то я вас нашел, — сказал он. — Поговорите немножко с усталым человеком, чтобы я смог уснуть, а? Я два часа копался в этой дьявольской машине, ничего не понял, ничего не сделал и теперь нуждаюсь в утешении.

Эмили обнаружила, что дышит так тяжело, будто пробежала длинную дистанцию. «Прекрати! — выбрала она себя. — Это все гипервентиляция. Неудивительно, что чувствуешь такую слабость и головокружение».

Гэл склонился над ней. В кои-то веки он не усмехался — он улыбался, и было просто нечестно, что у варвара может быть такая нежная улыбка.

— Я и не думал, — пробормотал он, — что биение жилки на чьей-то шейке может быть таким обворожительным.

— Сегодня хорошая погода, не правда ли? — сказала Эмили, поскольку ничего другого ей в голову не пришло.

* Большое слово (греч.).

** То же, что и acushla, т. е. дорогая (ирл.).

— Погода в космосе всегда хорошая, разве что чуточку монотонная, по-моему, — усмехнулся Макконнелл. Он обошел вокруг пилотского кресла и встал рядом с девушкой. Рыжие волоски тыльной стороны ладони майора щекотнули голое бедро Эмили; она слотнула и уцепилась за кресло, чтобы не упасть.

В конце концов, ее долг — отвлечь его. Она была уверена, что даже Айседора Дункан, чистая и безгрешная, ее бы не осудила.

Макконнелл протянул длинную руку и выключил на мостике свет, так что они остались стоять в мягком мерцании Гренделя, посреди миллиона звезд.

— Этого достаточно, чтобы заставить человека поверить в судьбу, — сказал майор.

— Да? — спросила Эмили. Голос у нее дрогнул, и она снова выругала себя. — Я хочу сказать — чего достаточно?

— Пересечь космическое пространство — и найти на другом конце света мечту своей жизни, то есть вас. Ибо, признаюсь вам — и только вам одной, — мне на самом деле совершенно все равно, кому принадлежит этот дурацкий Лейиш. Я пошел за О'Тулом потому, что Макконнеллы никогда не уклонялись от рискованных авантур... Аггаһ!* Как же это вам удастся вытягивать из меня правду, в которой я не смел признаться даже самому себе? О, я, конечно, горжусь возможностью послужить своей стране, но я не думаю, будто захват Лейиша — такое великое и святое деяние, каким его пытается представить О'Тул. В общем, я присоединился к нему скорее импульсивно, чем осознанно, дорогая, и тем не менее нашел свою судьбу. Потому что судьба моя — это вы, моя несравненная прелесть!

Сердце у Эмили забилося как бешеное. Она крепко прижала руки к груди, потому что одна из них так и норовила скользнуть в широкую ладонь майора.

— О! — шепнула девушка пересохшими губами. — Я хочу сказать — вы серьезно?

— Да. И мне жаль, что наше появление на Гренделе расстроило вас. Но я надеюсь, мы сумеем это исправить. Ведь у нас впереди пятьдесят, а то и шестьдесят лет совместной жизни!

— Э-э... да, — сказала Эмили.

— Что?! — взревел Макконнелл. Резко повернувшись, он обхватил девушку за талию и диким взглядом уставился в ее глаза. — Мне послышалось, или вы сказали «да»?

— Я... я... я... Нет, пожалуйста, выслушайте меня! — простонала Эмили, упираясь ему в грудь кулачками. — Отпустите!

* Это еще что! (ирл.)

Я хочу сказать... я только хотела сказать, если Лейиш вам действительно безразличен и если вы действительно думаете, что ради него не стоит воевать... — Она глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться. Самое время его отвлечь, как велел мистер Сироп. — И если вам действительно хочется сделать мне приятное, Р-р-ро... майор Макконнелл, помогите нам прямо сейчас! Позвольте нам сделать этот искровой оскуллятор, или как он там называется, чтобы позвать на помощь Нью-Винчестер, и все будет прекрасно, и... я хочу сказать...

Руки его упали вдоль тела, рот сжался в прямую линию. Майор отвернулся от девушки, облокотился на пульт управления и уставился на созвездия.

— Нет, — сказал он. — Я присягал на верность войскам Лиги трилистника. Если я предаю своих товарищей, гореть мне в геенне огненной всю жизнь как презренному изменнику. Я никогда себе такого не прощу.

Эмили облизала губы. «Должен быть какой-то способ отвлечь его, — лихорадочно подумала она. — Прекрасная леди-агент из “Сына паука” заманила сэра Фредерика Бантона в свою спальню, дав возможность Осьминогу стащить секретные документы из кабинета врага...» Эмили стояла оцепенев, не в силах решиться, пока в голове не всплыли воспоминания о картинах случайного атомного взрыва на Каллисто и его последствиях. А ведь такое могут сотворить сознательно, в том числе и с маленькими детьми, если начнется война.

Девушка тихонько подошла сзади к Макконнеллу, прильнула щекой к его спине и обняла руками за пояс.

— О Рори! — сказала она.

— Что? — Он опять повернулся — так стремительно, что Эмили, не успев отцепиться, крутанулась вместе с ним. — Где вы? — заорал майор.

— Здесь, — сказала девушка, появляясь у него из-за спины.

Она оперлась на его руку — ей еще не приходилось встречать таких мужчин, способных принять на одну руку весь ее вес и даже не шелохнуться, — и заглянула ему в глаза.

— О Рори! — попробовала она еще раз.

— Что вы хотите этим сказать? — К ее разочарованию, он не сжал ее в объятиях, а напряженно застыл, не отрывая от нее взгляда.

— Рори! — повторила она. Затем, почувствовав, что монолог ее как-то уж слишком немногословен, торопливо выпалила: — Давайте просто забудем обо всех этих ужасных вещах. Я хочу сказать, давайте просто останемся здесь, и я вам расскажу про дунканизм и... я хочу сказать, не ходите обратно в мастерскую, пожалуйста!

— Значит, вы будете удерживать меня здесь, пока старый Сироп не сварганит передатчик? — отрывисто спросил он. — И что вы предложите мне, кроме разговора?

— Все что угодно! — сказала Эмили, машинально повторив ответ прекрасной леди-агента сэру Фредерику, поскольку в собственном ее мозгу был сплошной сумбур.

— Все что угодно, вот как?

Его рука внезапно выскользнула из-под Эмили, и девушка упала на пол как подкошенная. Зеленый мундир вздымался над ней, уходя все выше, и выше, и выше, и голос был подобен пушечному выстрелу:

— Вот, значит, какую игру вы затеяли? Вы, значит, полагаете, что я продам честь Макконнеллов за... за... Да знал бы я, кто вы на самом деле, я бы на вас второй раз и не взглянул при третьей встрече! Подумать только: и я хотел, чтобы вы стали матерью моих сыновей!

— Нет! — крикнула Эмили, садясь. Ее собственный голос показался ей чужим и далеким, словно он доносился с какой-то звезды. — Нет, Рори, когда я сказала «все что угодно», я не имела в виду все что угодно! Я просто...

— Это неважно! — прорычал он и ушел с мостика. Дверь с треском захлопнулась за ним.

Глава 7

Кнуд Аксель Сироп остановился на мгновение в коридоре, ведущем на корму. Перед ним была переборка с тремя дверьми: средняя вела в машинное отделение, правая — в мастерскую, а левая — в маленькую личную каюту инженера. В боковых помещениях были также внутренние двери, выходящие в машинное отделение. В нынешней ситуации плаща и шпаги без них, конечно, было бы надежнее.

Впрочем, гэл застрянет на мостике как минимум на несколько часов, это уж точно. Герр Сироп вздохнул не без зависти и вошел в центральную дверь.

— Авврк, — проворчал Клаус, вылетев из каюты. — *Nom d'un nom d'une vache!** Schweinhund!** Ссукиссин!

— Вот именно, — сказал герр Сироп.

Заглянув в крохотную душевую за главным конвертером энергии, он выудил из самодельного холодильника бутылку

* Корова этакая! (фр.)

** Свинья! (нем.)

пива. Клаус нетерпеливо ходил по реостату. Герр Сироп покрошил ему сухой кренделек и налил в блюдечко пива. Ворон окунул в жидкость клюв, потом запрокинул черную голову, распушил перья и завопил:

— *Gaudeamus igitur!**

— Тавай, — согласился герр Сироп.

Он осмотрел запертый шкаф. Сделать дубликат ключа для американского автоматического замка будет не так-то просто: понадобятся специальные инструменты и немалая сноровка. Заперев все наружные двери, инженер отправился в мастерскую, выбрал себе орудия труда и вернулся. Так, сначала попробуем сунуть в замок проволочку...

Центральная дверь затрещала под ударом, достойным буйвола. Сквозь тяжелый металл с изоляцией донесся свирепый рык:

— Открывай, старый мошенник, или я взломаю внешние люки и заставлю тебя подышать пустотой!

— Клянусь Юпитером! — пробормотал герр Сироп.

Он подбежал к двери, отпер ее и уткнулся в Рори Макконнелла. Тот, просверлив датчанина взглядом сверху вниз, зарычал:

— Опять, значит, взялись за свои фокусы! Подсунули мне, значит, смазливую мордашку с длинными ногами, а сами... *Ag-g-rah!* Пошел вон отсюда!

— Но-о-о... — простонал герр Сироп. — Но расве вы не расковариваете с мисс Крофт?

— Разговаривал, — ответил Макконнелл. — И больше я этой ошибки не повторю. Скажите ей, пусть побережет свои чары для других дураков. Я пошел спать. — Он сорвал с себя всю амуницию, бросил ее рядом с вещмешком и уселся на пол. — Вон отсюда! — рявкнул он, стаскивая сапог. Лицо его пылало. — Завтра я, возможно, смогу смотреть на вас, а сейчас уходите!

— Вот те на! — сказал герр Сироп.

— А, наплевать! — заявил Клаус, употребив, правда, другое слово.

Герр Сироп подобрал инструменты и ретировался в мастерскую. Вспомнив через минуту о своем пиве, он высунул голову в дверь. Макконнелл запустил в него сапогом. Герр Сироп закрыл дверь и побрел в трюм производить очередную реквизицию.

Возвращаясь с добычей, он заглянул в кают-компанию и увидел там Эмили. Уронив голову на стол, девушка содрогалась от рыданий. Поодаль в углу сидел Сармишкиду, дымил тирольской трубкой и что-то вычислял.

— Вот те на! — беспомощно повторил герр Сироп.

* Итак, давайте веселиться! (*лат.*)

— Вы не могли бы утешить ее? — спросил Сармишкиду, скосив на него выпуклые глаза. — Я пытался, но меня постигла неудача.

Герр Сироп отхлебнул для храбрости.

— Видите ли, — пояснил марсианин, — ее всхлипы меня отвлекают. — Он глубоко втянул в себя дым и разразился тирадой: — Я думаю, что, затащив меня сюда и лишив средств к существованию и того скромного уюта, который значил так много для бедного одинокого изгнанника, живущего среди чужих людей и находящего утешение лишь в таблице эллиптических интегралов, — я думаю, что, затащив меня так безжалостно в бескрайнюю космическую бездну, к тому же, как теперь выясняется, совершенно напрасно, — я думаю, что она могла бы хотя бы не действовать мне на нервы своими рыданиями!

— Ну, ну! — сказал герр Сироп, погладив девушку по плечу.

— И-и-и-ы! — ответила Эмили.

— Ну, ну, ну, — продолжал герр Сироп.

Девушка подняла на него заплаканные глаза и жалобно прорыдала:

— Подите к черту!

— Что произошло мешту вами и кэлом?

Немного удивленная, Эмили со всхлипом ответила:

— Ничего особенного. Разве что в прошлом году наш мэр, мистер Кэлл, попросил меня организовать картофельный конкурс между грендельскими леди во время уборки урожая... Ох! Вы хотели сказать — гэлом? — Она опять уронила лицо в ладони. — И-и-и-ы-ы-ы!

— Насколько я понимаю, она попыталась его соблазнить и потерпела фиаско, — сказал Сармишкиду. — Естественно, ее профессиональная гордость уязвлена.

Эмили вскочила на ноги.

— Профессиональная? Что вы имеете в виду?! — взвизгнула она.

— Warum* вы так разволновались? — Перепуганный Сармишкиду укрылся за маской дойче бармена. — Я просто имел в виду вашу женскую гордость. Все девушки — женщины по профессии, nicht wahr**? Шутка. Ха-ха! — добавил он, чтобы ни у кого не осталось сомнений.

— И я вовсе не пыталась его... его... О-о-о! — Эмили вылетела из кают-компания, сопровождаемая фейерверком греческих фраз.

— Что она коворит? — спросил изумленно герр Сироп.

* Почему (нем.).

** Не правда ли? (нем.)

Герр фон Химмельшмидт побледнел.

— Лучше не спрашивайте! — сказал он. — Я и не знал, что она знакома с этим изданием Аристофана.

— Все пропало! — мрачно заявил инженер. — Не снаю, что и притумать.

— Хм-м-м... — промычал Сармишкиду. — Враг, конечно, вооружен, а мы нет. С другой стороны, он один, а нас трое, и если бы нам удалось застать его безоружным, тогда...

— Токта?

— Тогда... Я не знаю, что тогда. — Сармишкиду задумался. — Ведь он один стоит пятерых таких, как мы. — Марсианин возмущенно стукнул ладонью по столу. Поскольку ладонь была бескостной, шлепок получился не очень эффектным. — Это нечестно с его стороны! — пискнул он. — Набрасывать так на нас!

Герр Сироп оцепенел, пораженный какой-то мыслью.

— Unlautere Wettbewerb*, — не унимался Сармишкиду.

— Снаете... — прошептал инженер.

— Что?

— Мне не хотелось пы этово телать. Так нечестно. Я снаю, что так нечестно. Но, пыть мошет, кэл уше уснул?

Сармишкиду, похоже, уловил его идею.

— Да, таким образом лемма получила бы элегантное решение, — пробормотал марсианин. — Он наверняка уснул.

— А что касается орушья, то в мастерской полно инструментов. Каечные ключи, молотки, проволока...

— Паяльные лампы, — с воодушевлением добавил Сармишкиду, — ножовки, серная кислота...

— Эй, не увлекайтесь! Минуточку! Я не хочу ево упивать! Просто оклушить немношко, чтопы он не проснулся, пока мы путем ево свясывать, вот и все. — Герр Сироп вскочил, выпрямив спину. — Пошли!

— Удачи вам! — сказал Сармишкиду, возвращаясь к своим вычислениям.

— Что?.. Но... Эй, расве вы не присоединитесь ко мне?

Сармишкиду взглянул на него.

— Вперед! — взвизгнул он. — Вспомни викингов! Вспомни Густава Адольфа! Вспомни короля Христиана, как он стоял у высокой мачты, весь в дыму и пару! Кровь героев течет в твоих жилах. Ступай! Ступай за славой!

Вдохновленный, герр Сироп бросился к двери. Там он немного притормозил и спросил с надеждой:

* Нечестное состязание (нем.).

— А вы не хотите немношечко славы сепе?

Сармишкиду выпустил колечко дыма и записал очередное уравнение.

— Я по натуре интеллектуал, — ответил он.

Герр Сироп вздохнул и побрел по коридору. Решимость не покидала его, пока он не очутился в мастерской и не выбрал в полутьме большой трубный ключ. Тут инженер заколебался.

Звуки размеренного дыхания убедили его в том, что майор Макконнелл спит рядом за стенкой.

— Я не хочу ево упивать, — повторил герр Сироп. — Но я моку утарить ево слишком сильно. — Он содрогнулся. — Или слишком слапо. Лучше сначала схотить в трюм и происвести еще отну реквизицию... Хотя нет. Пора!

Отдуваясь в усы и утирая с лысины пот, потомок викингов на цыпочках вошел в машинное отделение.

Рори Макконнелл был бы почти неразличим в потемках, если бы не его блестящая синтетическая пижама, затканная крохотными трилистниками. Тело гэла, развалившееся на раскладушке, казалось, простирается во мгле до бесконечности, не говоря уже о том, что на такие плечи и заросли на груди имела право разве что горилла. Герр Сироп скорчился, дрожа, возле массивной рыжей головы, прищурился, прицеливаясь, чтобы попасть прямо за ухом, и поднял свое оружие.

Послышался металлический щелчок. Тусклый свет замерцал на стволе пистолета. Дуло уткнулось герру Сиропу в нос. Он испустил истошный вопль и побил олимпийский рекорд по прыжкам в высоту с четверенок.

Рори Макконнелл хохотнул.

— Я крепко сплю, когда никто не подкрадывается ко мне, как змея, — сказал он. — Но я часто охотился в диких лесах и умею просыпаться, когда надо. Спокойной ночи, мистер Сироп.

— Спокойной ночи, — прошептал Кнуд Аксель Сироп.

Краснея, он вышел в мастерскую. Постоял там в нерешительности, сгорая со стыда при мысли о том, что придется возвращаться в каюту мимо Макконнелла, и в то же время пылая гневом при мысли об окольном пути. Чтоб ему пусто было, проклятому гэлу! До инженера вновь донеслись звуки размеренного сонного дыхания. Он со злостью швырнул трубный ключ на полку. Такой ляг пробудил бы венерианина от летней спячки, но гэл даже не шелохнулся. И это был самый жестокий удар.

Толая ботинками, хлопая дверьми и пиная на ходу стенные панели — что ни в коей мере не нарушило спокойного ритма

работы легких Рори Макконнелла, — герр Сироп отправился в свою каюту обходной дорогой. Включив свет, он вытянул указательный палец в сторону Клауса. Ворон прыгнул с «Избранных произведений» Эленшлегера и уселся на палец.

— Клаус! — сказал герр Сироп, правда, не слишком громко. — Повторй за мной. Макконнелл паршивец. Макконнелл некотйй. Макконнелл ест червей. По пятницам. Макконнелл... ..продолжал спокойно спать.

Герр Сироп понял, что ему тоже пора на покой. Грубо отозвавшись напоследок о пижаме майора Макконнелла и велел Клаусу запомнить эту фразу тоже, он разделся и влез в ночную рубашку в полосочку. Полчаса, растянувшись на койке, он усердно считал слонов, пока не сообразил, что сон от него далек, как никогда.

— Satan og saa*, — пробурчал инженер, включая свет, и потянулся рукой за книгой. Ему попалась поэтическая антология. Он открыл ее и прочел: «...Незримая работа дрожжей жизни». — О Поше! — простонал он. — Трошши!

Целую минуту герр Сироп, добрейший по натуре человек, предавался кровожадным фантазиям, в которых превращал судовой атомный реактор в нечто вроде научно-фантастического бластера и сжигал Макконнелла дотла. Затем он решил, что это непрактично, зато вполне можно сходить и реквизировать ящик светлого пива, чтобы наконец уснуть. Или по крайней мере, провести ночную вахту более приятным образом. И тут же, сунув ноги во внушительных размеров шлепанцы, герр Сироп вышел в коридор.

Эмили Крофт подпрыгнула.

— Ой! — взвизгнула она, запахивая халат.

Инженер немного повеселел, успев заметить, что вкусы Эмили относительно ночного одеяния не выходят за рамки того, чем одарила ее матушка-природа.

— Что, несомненно, значительно красивее сelenого клевера, — пробормотал датчанин.

— Ох! Вы меня напугали. — Девушка моргнула. — Что вы сказали?

— Этот мошенник, — герр Сироп указал большим пальцем на дверь, ведущую в машинное отделение, — спит в плетящей пижаме, сплошь расшитой трилистниками.

— О Боже! — сказала Эмили. — Надеюсь, его будущая жена сумеет объяснить ему... — Она прервалась и залилась румянцем. — Я хочу сказать, если найдется такая дура, которая выйдет замуж за этого болвана.

* Сатана и так далее (дат.).

— Сомневаюсь! — прорычал датчанин. — Тершу пари, что он храпит!

— Он не храпит! — Эмили топнула ножкой.

— Ах так! — сказал герр Сироп. — Стало пыть, вы пот-слушивали?

— Я просто решила совершить моцион в надежде побороть проклятую бессонницу, — искренне ответила мисс Крофт. — И сюда забрела чисто случайно. Я хочу сказать, если кто-то может спать, как чурбан бесчувственный, после того как... — Лицо ее затуманилось, предвещая грозу. — Я хочу сказать — как он мог?!

— Но теперь-то он вам песрасличен, правта?

— Конечно! Чтоб он сгнил, я хочу сказать, развалился на части! Нет, я вообще-то не хочу этого сказать, потому что, видите ли, хоть он и ужасный кам, но он все-таки человек, и я бы просто хотела его проучить, то есть научить его больше думать об окружающих и не заваливаться спать, как будто ничего не случилось, потому что я видела, что ему было больно, и, если бы он только дал мне возможность все объяснить, я... А, ладно, это неважно! — Эмили сжала кулачки и снова топнула ножкой. — Вот так бы взяла да и заперла его здесь, пока он спит! Тогда бы он понял, что у других людей тоже есть чувства, даже если у него самого их нету!

Нижняя челюсть у герра Сиропа, клацнув, отвисла.

Эмили широко распахнула глаза и поднесла к губам дрожащую ручку.

— Ох! — сказала она. — Что-то не так?

— Чтоп я стох! — прошептал герр Сироп. — Чтоп я стох и помер!

— Нет, нет, все не так уж плохо! Я хочу сказать: я знаю, что мы попали в жуткий переплет и все такое, но на самом деле...

— Нет! Я все понял! Я снаю, как нам скинуть треклятово кэла с нашей шеи!

— Что?

— Ja, ja, ja, все так просто, что я котов открутить свою старую трухлявую пашку са то, что не тотумался то этово раньше! Слушайте, веть пока он там, в машинном оттелении, он путет спать как сурок то самово сутново тня! Нет? О'кей, я сапру все твери, там их только три — эта, клавная, еще отна, ветущая в мою каюту, и третья — в мастерскую. Я сапру их, приварю — и он в ловушке!

Эмили ахнула. Потом прильнула к нему и поцеловала.

— Силы непесные! — прошептал герр Сироп слабеющим голосом. Его глазные яблоки влезли наконец обратно в глазницы, и он облизал губы. — Плакотарю вас, вы очень топры.

— Вы замечательный! — радостно воскликнула Эмили, стряхивая волоски усов со своего носа. И вдруг: — Нет! Нет, мы не можем. Я хочу сказать, он будет там вместе с двигателями, и если он их выключит...

— Все о'кей. Кенераторы и прочие механизмы откоротены экранами, а ключи от них я сапрал. — Герр Сироп вбежал в мастерскую. — Против листовой опшивки ево оружие путет пессильно. — Инженер выбрал сварочную горелку, включил ее и проверил ток пламени. — Так. Пошалуйста, тайте мне вон ту маску и перетник. И рукавицы. И не смотрите на оконь.

Он осторожно закрыл боковую дверь. На мгновение ему стало страшно. А вдруг, не дай Бог, Макконнелл проснется? Не то чтобы датчанин боялся расправы, но этот проклятый гэл был такой здоровенный, ну просто до неприличия! Однако даже вонь горящей краски, вынудившая Эмили закашляться и отступить в коридор, не смогла разбудить майора.

Герр Сироп воткнул шнур горелки в удлинитель и поспешил в коридор.

— Там-ти-там-ти-там, — напевал он, атакуя центральную дверь. — Как там пыло в этой старой американской песенке? Капитану Тшон Хенри скасал: «Я всево лишь простой человек, но пока я трам-пам-что-то-там, я умру с чем-то-там-трам-па-пам! Витит Пох, я умру с трам-па-пам-тари-рам!»

Губы у Эмили задрожали.

— Не по душе мне все это, — сказала она. — Я хочу сказать, он ведь такой душка. Ах нет, конечно! Я хочу сказать, он болван, но... но не совсем болван, просто у него никогда не было возможности... Ну, в общем, вы понимаете, что я хочу сказать! А теперь он будет сидеть там взаперти, один-одинешенек, много дней подряд...

Герр Сироп на мгновение прервался.

— Вы сможете коворить с ним по селектору, — предложил он.

— Что?! — Она вздернула носик. — С этим хамом? Пускай посидит там в одиночке! Может статься, тогда он поймет, что во Вселенной есть и другие люди, кроме него!

Герр Сироп зашел в свою каюту и начал закрывать внутреннюю дверь.

— Макконнелл — три буквы с ушами! — пронзительно крикнул Клаус.

— Ничего подобного! — возмутилась Эмили, покраснев.

В темноте машинного отделения послышался шорох.

— Ну что там за шум? — недовольно пробасил знакомый голос. — Вам мало, что вы разбили мне сердце, — вы хотите отнять у меня еще и сон, мое последнее прибежище?

— Прошу прощения, — сказал герр Сироп и закрыл дверь.

— Эй, вы там! — взревел Макконнелл, вскакивая с раскладушки. По металлической палубе пробежала дрожь. — Чем вы там занимаетесь?

— Лошитесь опратно в постельку! — посоветовал герр Сироп. — Спокойной ночи! — Хрипловатому баритону инженера вторило гудение горелки. От двери по каюте разлетались горячие искры. — Паю-паюшки-паю, тепе песенку спою!

— Ага! — Макконнелл устремился к двери. — Так вы, значит, решили меня замуровать, подлые английские каратели! Это мы еще посмотрим!

— Осторожно! — взвизгнула Эмили. — Осторожно, Рори! Там горячо!

Поток гэльских ругательств, заставивший Клауса благоговейно разинуть клюв, не оставлял сомнений в том, что Макконнелл уже успел в этом убедиться. Герр Сироп водил струей горелки вверх-вниз и поперек. За дверью затрещала автоматная очередь, но «Девчонка», хоть и старенькая, сработана была на совесть, так что все пули майора отскакивали рикошетом.

— Не надо! — взмолилась Эмили. — Рори, не надо! Вы убьете себя! Ах, Рори, будьте же благоразумны!

Герр Сироп выключил горелку, сдвинул назад маску и с нескрываемым самодовольством оглядел дымящиеся швы.

— Ну вот! — сказал он. — Котово!

Клаус что-то заверещал. Инженер обернулся — и увидел, как одеяло на его койке занялось огнем. Эмили прильнула к двери и закричала сквозь дым и шипение пены, повалившей из огнетушителя:

— Рори, Рори! С вами все в порядке, Рори?

— О да, я жив, — проворчал голос за переборкой. — Вам, конечно, приятнее уморить меня голодом, чем просто пристрелить по-человечески, да?

— О ма Диа!* — выдохнула девушка. — Мне это и в голову не пришло!

— Так я вам и поверил! Расскажите об этом королевским десантникам.

— Погодите минуточку! — взмолилась она. — Одну минуточку, я сейчас вас выпущу! Клянусь вам, Рори, я никогда... Осторожнее, мне надо взрезать этой штуковиной дверь...

* Клянусь Зевесом! (греч.)

Герр Сироп бросил огнетушитель и схватил девушку за руку, сжимавшую сварочную горелку.

— Что вы телаете? — завопил инженер.

— Я должна его освободить! — крикнула Эмили. — Мы должны! Он умрет там от голода и жажды!

Герр Сироп смерил ее долгим взглядом.

— Сначит, вам ево шиснь тороше шисней тех тысяч лютей, что покипнут, если начнется война? — спросил он сурово.

— Да... нет... Ох, я не знаю! — прорыдала девушка, вырывая руку и пиная датчанина ногами. — Мы должны его выпустить, вот и все!

— Потощтите, прошу вас! Я все протумал, не пойтеесь! В каштом отсеке есть вентиляционные трупы тиаметром около тесяти сантиметров. Мы открutum кте-нипуть решетку и кинем ему несколько панок консервов. И консервный нош, расумеется. Ничево с ним не случится, если поситит немноко на холотных попах и пиве. Там у нево и душевая комнатка есть, и таше колота карт, по-моему. С ним все путет о'кей.

— Господь милосердный, благодарю тебя! — прошептала девушка. И, прижавшись лицом к двери, крикнула: — Вы слышали, Рори? Мы будем бросать вам еду через вентилятор. И не волнуйтесь, вам не придется сидеть на холодных бобах. Я хочу сказать, я буду готовить вам вкусные горячие обеды и заворачивать так аккуратно, что вы получите их целехонькими. Я совсем неплохая повариха, Рори, честное слово, я вам докажу. Кстати — а бритва у вас есть? Если нет, я найду какую-нибудь. Я хочу сказать, вы же не захотите выйти оттуда заросшим, то есть... Ну, в общем, это неважно!

— Да? — прорычал пленник. — Да, я все слышал. — Он внезапно разразился смехом. — Ах, дорогая, это очень великодушно с вашей стороны, но бритва мне не понадобится. Вы выпустите меня через денек-другой как миленькие!

Герр Сироп вздрогнул и взглянул на дверь.

— С какой это стати? — спросил он.

— Все очень просто. Ваши спасательные шлюпки остались на Гренделе, и даже со скафандров сняты реактивные движки, не говоря уже о радио и радаре. А все электрооборудование находится здесь, у меня! Как и двигатели, кстати. Вы не сможете позвать на помощь короля, вы даже не сможете вернуться на Грендель, не выпустив меня отсюда. Так что, я думаю, вы откроете мне двери уже через несколько часов — как только эта простая мысль дойдет до ваших квадратных извилин! Ха-ха-ха!

— Det var some fanden, — сказал инженер.

— Что?

— Черт снает что вы несете! Мне нато потумать оп этом. — И герр Сироп, путаясь в ночной рубашке, обвинявшейся вокруг его волосатых голеней, вылетел из каюты. Забытый на полу огнетушитель довольно пофыркивал, выплевывая пену.

— О Боже! — Эмили заломила руки. — Ну почему нам так не везет?

Ей ответил голос Макконнелла:

— Не волнуйтесь, macushla, я слышал, как вы испугались за мою жизнь, — и это в тот момент, когда вы думали, что одержали верх. А потому я смиренно прошу у вас прощения за все, что наговорил сегодня вечером. Вы сыграли со мной неплохую шутку, заперев меня здесь, и пусть даже она не удалась, мы вспомним ее еще не раз и посмеемся долгими зимними вечерами!

— О Рори! — выдохнула Эмили, припав щекой к двери.

— О Эмили! — выдохнул Макконнелл с той стороны.

— Рори! — прошептала девушка, закрывая глаза. Незамеченная пена легонько сползла ей на ухо.

Глава 8

Сармишкиду, проскользнув в трюм номер три, застал там герра Сиропа, мрачно сидевшего за огромной пивной бочкой. В одной руке у датчанина была кружка, в другой — затычка от бочки. Клаус, взгромоздившись на полку, бормотал:

— Будь проклят Рори Макконнелл. Будь проклят любой, кто не проклиная Рори Макконнелла. Будь проклят любой, кто не просидел всю ночь, проклиная Рори Макконнелла.

— Вот вы где! — сказал марсианин. — Ваш завтрак остыл.

— Я не хочу никакой савтрак, — пробурчал герр Сироп, опорожнив кружку и наливая ее по новой.

— Даже после вашей давешней победы?

— Что толку от попеты, если от нее никакого толку? Я сапер ево в машинном отделении, jo*, и теперь мы не мошем ствинуть сутно с орпиты. Витите ли, реверсивный механизм, который я установил тля внутренней тяки, саперт вместе с кэлом, а пока я этот механизм не сниму, мы не тронемся с места. Так что улеть к Нью-Винчестеру мы не в состоянии. А кроме тово, в машинном отделении остались все электротетали.

— Я никогда не опопшлял математику попытками практического применения, — благочестиво произнес Сармишкиду, —

* Да, конечно (дат.).

но я изучал электромагнитную теорию, и если проинтегрировать уравнения Максвелла, то выходит, что вы вполне можете, выдернув там-сям несколько проводов и взяв в мастерской металлическую пластинку, соорудить осциллятор.

— Конечно, — сказал герр Сироп. — Это проще простого. Но не сапывайте, что то Нью-Винчестера тесять тысяч километров. Маленькая лапораторная мотель, рассчитанная на 220 вольт, не смошет перетать сикнал на это расстояние. Во всяком случае, такой сикнал, чтопы он не сатерялся в космических шумах. У меня есть и полее мощные патареи. Расрятив огну ис них, мы мокли пы послать сильный сикнал — сильный, но кратковременный. Трутно натейаться, что именно в этот момент кто-то на столичном астероите настроится на прием именно нашей частоты. Вот и получается, что пес опрасцовых исмерительных припоров, сапертых с Макконнеллом, я не смоку послать SOS на тех частотах, которые опычно слушают ратиолупители Нью-Винчестера.

Он вздохнул.

— Нет, я всю ночь ломал сепе голову, пытаюсь что-нипуть притумать, но тцетно. Чтопы послать такой сикнал SOS, который услышат наверняка, мне нушен хороший капель, хороший импетанс, эталонный кенератор частоты и так талее — словом, все то, на чем ситит сейчас Макконнелл. А чтопы посылать сикналы на расных частотах в натеште на то, что хоть отин ис них поймают, мне нушен сутовой кенератор, на котором тоше ситит Макконнелл.

— Да ну? — обрадовался Сармишкиду. — Но там ведь несколько тысяч вольт, разве нет?

— Я выросился фикурально, черт восьми! — Герр Сироп поднес к губам пивную кружку, привычным жестом приподнял усы и задергал адамовым яблоком.

Сармишкиду, свернув ходовые щупальца, плюхнулся голово-торсом на пол. Помахал ушами, поворачал глазами и возмущенно заявил:

— Но мы же не можем так просто сдатьсья! Вот оно, все это прекрасное пиво, которое я мог бы продать с пятидесятипроцентной прибылью, даже если попкорн с крендельками раздавать вообще задаром. А какая здесь от него польза? Никакой!

— Ну, я пы так не скасал, — ответил герр Сироп и нацедил еще одну кружку. — Только мне не нравится, что оно такое касированное, — пожаловался он. — Я ше вам не американец какой-нипуть! Оно чересчур сильно пыет в колову.

— Я специально такое заказал, — признался марсианин. — Чем больше бьет в голову, тем больше профит. Я не могу себе позволить выбрасывать деньги на ветер.

— У вас слишком много рук и слишком мало сердца, — сказал герр Сироп. — Са это я позволю вам вымыть мою каюту, а то она вся покрыта сасохшей пеной. А если нам опять понатопится окнетушитель, я просто восьму путылку вашево чересчур касированново пива, потрясу ее, отниму палец от корлышка и... Ну конечно! — воскликнул датчанин. — Кокта я выпущу весь ваш СО₂, меня отпросит насат!

— Если вам так не нравится мое пиво, — сказал Сармишкиду, полуприкрыв глаза, — можете отдать мне свою кружку.

— Тействие и противотействие, — сказал герр Сироп.

— Что?

— Третий закон Ньютона.

— Да, да, да, но какое отношение он имеет...

— Пиво. Я выстреливаю пивом ис корлышка вперет — и меня отпрасывает всат!

— В какой зад? Вы же говорили про бутылку!

— Ja, ja, ja, ja.

— Weiss' nicht wie gut ich dir bin?* — пропел марсианин.

— То есть, — сказал герр Сироп, строго погрозив ему пальцем, — путылка — это нечто врте ракеты. Эй, но веть она мокла пы таше... мокла пы...

Он умолк. Кружка выпала у него из руки, и пиво расплескалось по полу.

— Пивоубивец! — крикнул Клаус.

— Но, дорогая, — сказал Рори Макконнелл по селектору, — я не люблю сушеные абрикосы!

— Ах, перестаньте! — ответила Эмили Крофт из кухни. — Зато вы будете здоровы, как никогда!

— У меня такое чувство, будто я весь протух. Не столько от скуки, радость моя, потому что я не скучаю, пока могу слышать ваш чудесный голосок, но, кроме гимнастики, мне тут абсолютно нечем заняться, а гимнастика всегда наводила на меня тоску.

— Как я вас понимаю! — сказала Эмили. — Все эти топливные трубы и прочие штуки не оставляют места для классических танцев, да? Ах вы, бедняжка!

— Я отдал бы бурую свиноматку своей матушки за одну прогулку под дождем вместе с вами, macushla!

— Ну, если вы дадите слово не мешать нам, милый, мы выпустим вас сию же минуточку.

* Не знаю, насколько я хорош для тебя? (нем.)

— Нет. Вы прекрасно знаете, что я присягал на верность Лиге и за нее сражаться буду до конца! До победы или поражения. И сколько же времени нужно старому *отадхауп*'у Сиропу, чтобы сообразить, что на сей раз он проиграл? Я здесь торчу уже почти неделю. А в мастерской день и ночь какая-то возня, и черт меня побери, если я понимаю, что там творится! Выпустите меня, любимая! Я никому не причиню зла. Я только поцелую ваши сладкие губки, а потом мы все вместе вернемся на Грендель, и я никому ничего не скажу. Естественно, кроме того, что я завоевал прекраснейшую девушку Галактики!

— Я бы хотела, но не могу, — вздохнула Эмили. — Но я бы так хотела! О Дион, уязвивший мне сердце безумной любовью!

— Кто такой этот Дион? — взревел майор Макконнелл.

— Не тревожьтесь о нем, дорогой. Это всего лишь цитата. В переводе, разумеется. Но что я хочу сказать: мистер Сироп и мистер Сармишкиду сейчас очень заняты, поэтому вам осталось томиться недолго, клянусь, еще денек-другой, и у них все будет готово, и они смогут... О! Я же обещала об этом не говорить! Но я хочу сказать, дорогой, что, хотя я останусь с вами, мне нельзя будет выпустить вас сразу, возможно, даже придется подождать еще один день, но я позабочусь о вас и буду готовить вам вкусные обеды и... Да, — продолжала Эмили с легкой дрожью в голосе, — я даже не буду больше кормить вас сушеными фруктами, потому что они у меня кончились; честно говоря, я уже несколько дней отдавала вам свои последние запасы, а сама питалась солониной и пивом, и, должна признать, на вкус они гораздо лучше, чем мне помнилось, так что если вы будете настаивать на обезызвествлении своей печени, когда мы поженимся, я, пожалуй, к вам присоединюсь, и, клянусь вам, дорогой, ни с кем другим я не стала бы обезызвествлять свою печень с таким удовольствием! Честное слово.

— Что все это значит? — Рори Макконнелл отступил от двери и напрягнул мышцы. — Вы хотите сказать — они не просто возьмется там в мастерской, у них есть какой-то план?

— Я не должна была вам говорить. Пожалуйста, любовь моя, честное слово, я поклялась хранить все в тайне, а теперь мне пора идти. Я должна им помочь. Я уже научилась приваривать всякие трубки и другие штучки, и, знаете, милый, это ужасно интересно. Я хочу сказать, когда я работаю сварочной горелкой, мне приходится надевать маску, очень похожую на классическую драматическую маску, и я стою там и декламирую стихи из «Агамемнона», как будто на афинской сцене, и, знаете, я думаю, когда все это кончится и мы поженимся, мы устроим у себя в саду настоящий греческий театр, и я постав-

лю всю трилогию «Орестея» — в оригинале, разумеется, — со сварочными горелками вместо факелов! Пока!

Эмили послала в селектор воздушный поцелуй и удалилась.

Рори Макконнелл уселся верхом на экран, закрывающий генератор, и яростно погрузился в раздумья.

Глава 9

Первая в истории человечества ракета на пивном топливе стояла под деррик-краном возле главного грузового люка.

Конструкция получилась не так чтобы очень эстетичная, но с этим герру Сиропу пришлось смириться. Используя для тяжелых работ небольшой передвижной подъемник, инженер соединил легкой рамой четыре десятитонные бочки «Nashornbrau» днище к днищу. Затычки из бочек были вынуты, а отверстия заткнуты простыми электроуправляемыми клапанами Вентури. Из боков каждой бочки торчали Г-образные выхлопные трубы, с помощью которых датчанин надеялся корректировать курс и контролировать вращение ракеты. Кроме того, он засунул в бочки, тщательно замазав просверленные дыры, стержни и проволоки с электромешалками на концах. А чтобы сбрасывать опустевшую тару в космос, установил специальные автоматические реле. Необходимой — кстати, в небольших количествах — энергией ракету снабжали сверхмощные батареи, прикрепленные к самому переднему днищу.

Перед батареями располагалась кабина — выкрашенный черной краской ящик двух метров в ширину и трех — в длину. Вставленные по бокам листы прозрачного пластика выполняли роль иллюминаторов. Из крыши торчали торс и шлем скафандра, подвижно закрепленного в люке. Рядом с ним из кабины выходила небольшая труба с двумя эластичными диафрагмами, через которую можно было просунуть инструменты, не теряя драгоценного воздуха. Саму же кабину герр Сироп склеил из картонных ящиков, бывших ранее тарой для бутылок с пивом, и укрепил легкой металлической рамой.

— Что нам нушно в такой ситуации, чтопы топраться то Нью-Винчестера? — важно рассуждал герр Сироп в присутствии своего компаньона. — Атомный твикатель? Нет, конечно, потому что нам нато преотолеть совсем ничтошную силу притяжения. Оптекаемая форма? Тоше нет, поскольку стесь нет востуха. И осопой прочности от нашей конструкции не трепуется, ипо ей не притется испытывать никаково напрыхения, кроме весьма незначительного ускорения. А слетовательно, картонные ящики ис-пот пива вполне способны вытершать твух-трех человек.

Термосащита нам тоше ни к чему, потому что Солнце талеко, а наши тела накрываются и охлащаются крайне метленно. Если внутри станет слишком шарко, мы просто откроем на минутку труп и выпустим лишнюю влаку в космос; а если самерснем, посаимствуем немного энеркии ис электропатарей тля опогрева.

Клавное, что нам неопхотимо, это востух. Но и ево нам нато немного, веть я в основном путу ситеть в скафантре, а вы марсианин. Пары кислоротных паллонов нам хватит с испытком; ја, еще понатопится химический поклотитель уклеиислово каса и вотяных паров. А тля полново комфорта восьмем с сопой не-сколькко путылочек пива и сухие крентельки.

Что касается самово полета, то я проверил силу выпроса теплово и вспененново пива в вакууме: ее вполне тостаточно, чтопы соопштить нам скорость около трехсот километров в час. Тля опретеления курса сахватим с сопой таплицы эфемерит и локарифмическую линейку. Кроме тово, я на всякий случай поставил в капину свой велосипет и присоетинил к нему самотельный кенератор с выпрямителем — опыкновенный электромоторчик, рапотающий наопорот. Так что если патареи сятут слишком сильно, мы смошем их потсарятить. Мы таше смошем смастерить примитивный осциллятор — с малым ратиу-сом тействия, ја, но сато перетающий на расных частотах и при этом не истощающий патареи, и кокта мы потлетим к Нью-Винчестеру поплише, то пошлем сикнал SOS. Нас услышат, пришлют корапль — и тело в шляпе!

На практике все было не так уж просто, но за годы, проведенные на борту «Меркурианской девчонки», герр Сироп поднаторел в импровизациях и всякого рода изобретениях на скорую руку. И теперь, усталый, грязный, но довольный, он курил заслуженную трубку и любовался своим творением. Оставалось лишь немного подождать, пока электроспирали, обвивавшие бочки и подключенные к судовой силовой установке, разогреют пиво до нужной кондиции, а также пока «Девчонка» достигнет на орбите самой удобной точки, чтобы направить ракету прямоком к намеченной цели. Стартовать намечалось часа через два.

— Э-э... Может, все-таки надо было испытать ее хоть разок? — нерешительно спросил Сармишкиду.

— Нет, я так не тумаяю, — ответил герр Сироп. — Во-первых, прикрепить еще отну почку не так-то просто. А во-вторых, мы уше нетелю не связывались с Крентелем, и, если О'Тул что-то сапотосрит и увитит в телескоп нашу ракету, рыскающую вокрук «Тевчонки», он срасу ше вышлет катер с солтатами. Поэтому лучше не рисковать с экспериментальным полетом.

— Но если, не дай Бог, с ракетой что-то случится?

— Токта я несколько часов протерпел в скафандре, а вы — в вакууме. Эмили путет наплотать са нами в телескоп. В крайнем случае она выпустит Макконнелла, и он нас спасет.

— А что, если он не сможет нас найти? Или если авария произойдет на расстоянии, недоступном для телескопа? Космос — место просторное.

— Я претпочел пы не опсуштат потопные перспективы, — несколько надменно проговорил герр Сироп.

Сармишкиду передернуло:

— И кто бы мог подумать, что честному бизнесмену придется... *Donnerwetter! Was ist das?**

Оглушительный треск потряс корабль подобно землетрясению. Герра Сиропа сбило с ног. Палуба под ним дрожала, как в лихорадке. Инженер рывком встал на ноги и метнулся к выходу.

— Это на корме! — прокричал он.

Проскочив через люк, герр Сироп поднялся по лесенке и выбежал в главный коридор. Эмили Крофт, в фартучке, повязанном поверх классического пеплума, и со сковородкой в руке, выглянула из кухни.

— О Боже! — крикнула она. — Я уронила пирог, который готовила для Рори! Что там за шум?

— Я тоше хотел пы это снать! — Инженер помчался по коридору к корме. В нос ему ударил слабый, но едкий запах. — Поюсь, что-то стряслось в машинном отделении! — пробормотал он на бегу.

— В машинном... *Рори!* — взвизгнула девушка.

— Я здесь, *macushla!* — ответил ей радостный бас, и гигантская фигура, увенчанная рыжей копной, вывалилась из люка, ведущего на корму.

Рори Макконнелл, засунув большие пальцы за пояс и широко расставив обутые в сапоги ножищи, усмехался во весь рот, белевший на черной от копоти физиономии. Герр Сироп застыл на месте, по-жабьи выпучив глаза. Зеленый мундир гзла был изодран в клочья, из носа сочилась кровь, но белозубая усмешка на черном лице сияла просто ослепительно, глаза горели высоковольтной синевой, а обнаженный торс оказался еще более мускулистым, чем можно было себе представить.

— Так, так, так! — веселился майор. — Вот мы и снова вместе! Эмили, любовь моя, я нижайше прошу прощения за причиненный ущерб, но мне не терпелось поскорее увидеть тебя воочию!

— Что вы там натворили? — простонал герр Сироп.

* Гром и молния! Что это? (нем.)

— Да ничего особенного, сэр. У меня были патроны, и консервный нож, и зубы, и еще кое-какие инструменты, а потому я просто вытряхнул порох, набил им пустую пивную бутылку, вставил фитиль и взорвал одну из этих чертовых дверей. А теперь вы мне покажете, чем вы тут занимались всю неделю, после чего мы все вместе вернемся на зеленые холмы Гренделя.

— О-о-ох! — сказал герр Сироп.

Макконнелл затрясся от хохота. Стены в коридоре подхватили его смех и тоже затряслись. Майор заглянул в расширенные глаза своей возлюбленной и раскрыл ей объятия.

— Могу я рассчитывать на поцелуй в знак закрепления нашей помолвки? — спросил он.

— О... да... Прости меня, любимый! — Эмили бросилась к нему. — Прости! — выдохнула она, разразившись слезами и треснув его сковородкой по голове.

Макконнелл зашатался, поскользнулся и вальсирующей походкой описал полукруг.

— Бегите! — вскрикнула Эмили. — Скорей!

Герр Сироп застыл как замороженный. Затем, преодолев оцепенение, выругался, развернулся и помчался обратно по коридору. Добежав до лестницы, он столкнулся с неуклюже карабкавшимся вверх марсианином.

— Что там стряслось? — спросил Сармишкиду.

Герр Сироп подхватил его под мышку и поскакал вниз.

— Эй! — возопил марсианин. — Отпустите меня! Bist du ganz geistegestort? * Что это значит, сэр? Уруш нергатар шалму ишкадан! Сию же минуту! Versteh'st du? **

Рори Макконнелл прислонился на миг к переборке. Глаза его прояснились. Испустив хриплый рык, он бросился в погоню за инженером. Эмили подставила ему изящную подножку. Майор рухнул.

— Пожалуйста! — всхлипнула она. — Пожалуйста, милый, не вынуждай меня это делать!

— Но они же сбегут! — проревел Макконнелл, поднимаясь на ноги. Эмили стукнула его сковородкой. Он опустился на четвереньки. Девушка в отчаянии склонилась над ним и поцеловала побитую макушку. Майор распрямился, как пружина. Эмили стукнула его еще раз.

— Какой ты жестокий! — прорыдала она.

Дверь люка закрылась за герром Сиропом. Он тут же включил систему разгрузки.

* Ты что, совсем спятил? (нем.)

** Ты понимаешь? (нем.)

— Нато поскорее упираться отсюда! — задыхаясь, промолвил он. — Пока кэл не вырूपил всю энеркию.

— Какой кэл? — возмущенно осведомился Сармишкиду.

— Наш! — пояснил герр Сироп, подбегая к пивной ракете.

— Ах наш! — Сармишкиду поспешил за инженером.

Герр Сироп забрался на вершину конструкции и поднял подвижно закрепленный скафандр. Сармишкиду взлетел за ним, как обезумевший осьминог. Датчанин пихнул его в кабину, бросил кругом прощальный взгляд и тоже спустился в ящик. Закрепив скафандр на место, он наконец уселся на пол и перевел дух.

Единственным светильником в кабине была передняя велосипедная фара. Она освещала велосипед с прикрепленным к заднему колесу генератором; штаны от скафандра, восседающие на ящике с пивом; кучку навигационных приборов — таблицы, карандаши, логарифмическую линейку и блокнот; ящик с инструментами; два кислородных баллона и поглотитель CO_2 и H_2O вместе с электровентилятором; наскоро приляпанные рычаги, с помощью которых инженер надеялся управлять полетом; Сармишкиду, распластавшегося на ящике с крендельками, и, наконец, Клауса, нагло ворующего из пачки попкорн. А также, естественно, самого датчанина.

Кабина, прямо скажем, была набита под завязку.

Воздушная помпа с урчанием начала высасывать из отсека воздух. Герр Сироп увидел, как за окнами сгустилась тьма, ибо флюоресцентный свет прекратил рассеиваться. А затем огромный люк открылся, словно по мановению волшебной палочки, и металлическая рама засверкала в звездном сиянии.

— Тершись! — крикнул инженер. — Поехали!

Деррик-кран изучил ракетку круглыми фотоэлектрическими глазами, схватил четырьмя клешнями, приподнял и осторожно выпихнул в люк, который мгновенно закрылся с таким видом, будто благополучно избавился от кучи мусора. Поскольку снаружи не было никакой машины, чтобы принять ракету, она перевернулась вверх тормашками, отлетела на несколько метров от «Меркурианской девчонки» и поплыла за ней по орбите, вращаясь вокруг трех осей одновременно.

Герр Сироп сглотнул. Переход к невесомости был безобразно резким, и звезды, кружащиеся за окном, вызывали тошноту. Желудок у инженера нехорошо завибрировал. Сармишкиду стонал, уцепившись за ящик с крендельками всеми шестью щупальцами и прикрыв ушами глаза. Клаус верещал, кувыркаясь посреди кабины и тщетно пытаясь взлететь. Герр Сироп потянулся к рычагам управления, но ухватиться за них не сумел. Сармишкиду, приоткрыв один больной глаз, пробормотал:

«Бредовая дерьмовая хреновая сила Кориолиса». Герр Сироп с силой сжал зубы, прикусив заодно усы, поморщился, выплюнул их и сделал еще одну попытку. На сей раз ему удалось уцепиться за рычаг и дернуть его.

Облако моментально замерзшей пивной пены выплыло из боковой трубки. После нескольких неудачных попыток герр Сироп остановил-таки вращение ракеты и осмотрелся. Он висел в черноте, посреди ослепительных звезд. Справа по борту громадным месяцем горбился Грендель. «Меркурианская девчонка», похожая на длинную ржавую шпильку, плыла слева. Солнце, крохотное, но тем не менее яркое для человеческого глаза, заливало светом лысину инженера, проникая сквозь шлем скафандра.

Датчанин резко слотнул, чтобы напомнить желудку, кто здесь хозяин, и начал обдумывать дальнейший курс. Сармишкиду злобно взирал на Клауса, который, зажмурив глаза и нахохлившись, отчаянно вцепился когтями в голову марсианина.

Герр Сироп продолжал размышлять. Разумнее всего было бы подождать еще немного, чтобы стартовать к Нью-Винчестеру с наиболее выгодной точки орбиты; но Макконнелл ждать не будет. К тому же любые преимущества старта с оптимальной точки все равно будут сведены на нет фантастической неуправляемостью самой ракеты. А потому лучше просто положиться на Бога. Инженер решительно взялся за рычаги.

Тихое урчание наполнило кабину, когда бочка первой ступени выпустила в космос свои пары. Сидящие почувствовали даже слабое давление, постепенно усиливавшееся по мере уменьшения массы. Направление стартового рывка не было абсолютно точным, и, естественно, сбалансирована вся конструкция была на авось, так что ракета опять попыталась закрутиться юлой. Руководствуясь показаниями собственного желудка и парочки примитивных измерительных приборов, герр Сироп пресек эту тенденцию с помощью боковых выхлопов.

И так, стреляя во все стороны белой пивной пеной, ракета-курьер медленно поплыла по вихляющей спирали в направлении Нью-Винчестера.

Глава 10

— О, дорогой, ненаглядный, любимый, — причитала Эмили, поглаживая голову Рори Макконнелла, — прости меня!

— Я люблю тебя тоже, — сказал гэл, садясь, — но, если ты не перестанешь бить меня по черепу, мне придется на время тебя запереть.

— Обещаю... обещаю... Нет, я не могу этого вынести! Любость моя... — Эмили повисла на руке встающего майора. — Позволь им улететь! Я хочу сказать, они сбежали, и ты не мог им помешать — так почему бы нам не подождать их здесь и... Ну, я хочу сказать, в самом деле!

— Что ты хочешь сказать?

Эмили покраснела и потупила глазки.

— Если ты не понял, — чопорно сказала она, — то я объяснять тебе это уж точно не стану.

Макконнелл тоже покраснел.

А затем решительно направился в сторону мостика. Девушка побежала за ним. Он обернулся:

— Скажи мне только, на чем они удрали, и, возможно, я признаю себя побежденным.

Но когда Эмили проинформировала его, майор отрывисто хохотнул и заявил:

— Что ж, лихо придумано! Однако, имея в своем распоряжении рейсовое судно, я не могу просто так поднять вверх лапки. Мне искренне жаль, но шансов у них ноль без палочки.

Говоря это, Макконнелл уже обзирал в телескоп окрестности. И вскоре обнаружил ракету, хотя она казалась всего лишь песчинкой в сияющей звездами тьме. Майор нахмурился, пожевал губу и пробормотал себе под нос:

— Чтобы снять реверсивный механизм, нужно время, а я не такой уж опытный инженер. За это время ракета удерет еще дальше, и найти ее будет трудно. Если спуститься на Грендель за подмогой, то ухлопаешь несколько часов, пока пробьешься к самому и соберешь команду, я-то наши порядки знаю. А несколько часов — это слишком долго. Выходит, придется мне самому отправляться в погоню. Acushla, надеюсь, ты не сочтешь это предательством, если я попрошу тебя приготовить мне бутерброд или шесть и открыть бутылочку пива, пока я работаю.

Макконнеллу потребовался целый час, чтобы заставить двигатели заработать. Поскольку компенсатор по-прежнему бездействовал, сила тяжести сразу исчезла. Майор вплыл в каюту, утирая пот со лба, и улыбнулся Эмили.

— Пристегнись, моя грендельская роза, ибо мне придется маневрировать, и я не хочу, чтобы твоя чудесная кожа покрылась синяками. Проклятье! Пошли вон!

Последние фразы были адресованы каплям пота, которые он только что стряхнул со лба. Судорожно разгоняя руками облако крошечных шариков, Макконнелл оттолкнулся ногой от стены и стрелой вылетел в дверь.

Вернувшись на мостик, он уселся в кресло перед пультом управления, пристегнулся, тронул рычаги и услышал, как заурчали моторы.

— Ты готова, дорогая? — спросил он по селектору.

— Нет еще, любовь моя, — ответил ему голосок Эмили. — Одну минуточку, пожалуйста.

— Только одну! — предупредил Макконнелл, сощурился в телескоп. Ему нипочем не удалось бы обнаружить ракету, если бы не пивные пары, которые превратились в космосе в морозное облачко. Майор увидел только призрачную туманность, но этого было достаточно, чтобы пуститься в погоню. Он приблизится к беглецам на расстояние сотни километров, решил майор, и тогда...

— Ты готова, золотко мое?

— Нет еще, любимый. Еще секундочку.

Макконнелл нетерпеливо забарабанил пальцами по пульту. «Меркурианская девчонка» продолжала свое медленное кружение вокруг Гренделя. Голова у майора немного гудела.

— Дорога-а-ая! Поспеш! Мы опа-а-аздываем!

— Ох, еще одну секундочку, всего одну! Милый, ты должен усвоить на будущее: когда мы будем куда-нибудь собираться после свадьбы, имей в виду, что любая девушка хочет выглядеть как можно лучше, а на это нужно время. Я хочу сказать, все эти платья и косметика, конечно, не совсем классические, но я, пожалуй, поступлюсь своими принципами ради тебя, чтобы ты мог мною гордиться, и если я могу есть твои любимые блюда, хоть они и ненатуральные, то ты тем более можешь подождать немного и дать мне возможность привести себя в порядок и...

— У мужчины в этой жизни есть только две альтернативы, — мрачно сказал сам себе Макконнелл. — Он может остаться целомудренным или же смириться с тем, что десять процентов его жизни уйдут на ожидание женщины. — Майор бросил нетерпеливый взгляд на хронометр. — Мы уже опоздали! — рявкнул он. — Мне придется рассчитать другую траекторию, чтобы сойти с орбиты и...

— Ну, так рассчитай, кто тебе мешает? Я хочу сказать, вместо того чтобы сидеть там и ворчать на меня, почему бы тебе не заняться чем-нибудь полезным, то есть поработать, к примеру, на своем компьютере... или как его там называют!

Макконнелл насторожился.

— Эмили! — процедил он сквозь зубы. — Ты ведь не задерживаешь меня нарочно, правда?

— Рори, как ты мог? Просто потому, что девушке нужно...

Рассчитав новую траекторию, майор заявил:

— У тебя осталось ровно шестьдесят секунд для подготовки к ускорению.

- Но Рори!
- Пятьдесят секунд.
- Но я хочу сказать, в самом деле!..
- Сорок секунд.

— Ну хорошо, хорошо. Я даже не сержусь на тебя, любовь моя, честное слово. Я хочу сказать, чтоб ты знал: девушки просто обожают таких мужчин, как ты, то есть настоящих мужчин. Ты даже не представляешь, как мне надоели эти ужасные типы с их вечным «Да, дорогая!» — они же вылитые римляне! Римляне времен империи, я хочу сказать. Римляне-республиканцы были по крайней мере мужественными, хотя, конечно, они были варвары и к тому же бородатые. Но что я хочу сказать, Рори, ведь я полюбила тебя так сильно именно потому, что...

Минут через пять майор Макконнелл сообразил наконец, что происходит. Испустив сдавленный рык, он забарабанил по клавишам компьютера, еще раз скорректировал траекторию с учетом потерянного времени, ввел данные в автопилот и врубил главный двигатель.

«Девчонка» повернулась в заданном направлении, и сила тяжести, равная земной, усадила майора в кресло. Разгоняться сильнее было ни к чему; максимальное ускорение, которое способна развить эта пивная посуда, наверняка не превышает метра в секунду за секунду, а когда он ее догонит, то придется уравнивать скорости, что в одиночку проделать не так-то просто. Майор увидел, как Грендель скользнул в правом иллюминаторе вниз и пропал из виду. Слегка сбросив скорость, Макконнелл одновременно направил судно на двадцать три градуса «вверх», и «Меркурианская девчонка», взяв след герра Сиропа, поплыла по плавной дуге вдогонку.

— Ну все, теперь этой сказочке конец, — пробормотал Рори Макконнелл. — И, клянусь честью, вы были достойным противником, мистер Сироп, и я с удовольствием встречусь с вами за дружеским столом в пивном погребке после освобождения гэльского Лейи... Эй!

В первое мгновение ему показалось, что какой-то остряк-самоучка выдернул из-под него кресло. Майор непроизвольно напряг мышцы, падая на пол... Он падал, падал, пока до него, наконец, не дошло, что это свободное падение.

— Что за чертовщина? — взревел Макконнелл, глядя на светящиеся приборы, которые прямо на глазах потухли.

В иллюминатор тут же уставились звезды. Майор судорожно вцепился в свою упряжь. Вентиляционная система, испустив последний вздох, заглохла. Воцарилась зловещая тишина.

— Эмили! — крикнул майор. — Эмили, где ты?

Нет ответа. Макконнелл на ощупь нашел переключатель селектора. Раздался механический щелчок — и больше ничего; электричество не поступало в сеть.

Натыкаясь на стены и выделявая неуклюжие кульбиты, пережив несколько самых черных минут в своей жизни, майор добрался-таки до машинного отделения. Оно походило на пещеру. Макконнелл осторожно вплыл в нее, маша перед носом невидимой рукой, чтобы разогнать выдыхаемый углекислый газ. Биение собственного сердца гулко и жутко отдавалось у него в ушах. Где-то за дверью тут должен быть фонарик — но где?

— Матерь Божья! — простонал майор. — Неужели мы попали прямо в лапы к дьяволу?

Во тьме послышался какой-то шорох.

— Что это? — заорал Макконнелл. — Кто там? Где вы? Отвечайте, не то я сейчас из вас все кишки выпущу и... — И он продолжил, не скупясь на выражения, которые подсказывала ему разгоряченная гэльская кровь.

— Рори! — прервал его обиженный женский голос из бездны. — Если ты собираешься разговаривать со мной подобным образом, лучше закрой рот и не открывай его до тех пор, пока не сможешь сказать все это по-гречески, как подобает настоящему джентльмену! Нет, ну честное слово!

— Ты здесь? Дорогая, ты здесь?

— Я обещала, — продолжала девушка, — не бить тебя больше, и я свое слово не нарушу ни за что на свете, но мне же надо было что-то сделать, правда, милый? Я хочу сказать, если бы я сдалась, ты бы сам меня презирал. Это не по-британски.

— Что ты сделала?

После долгой паузы Эмили тихо проронила:

— Не знаю.

— Как это? — взорвался Макконнелл.

— Я просто подошла к панели управления — или как ее там называют — и стала нажимать на выключатели. Я хочу сказать, ты же не думаешь, будто я знаю, для чего предназначены все эти рычаги и кнопки, верно? Я действительно не знаю. Но зато, — радостно добавила Эмили, — я умею спрягать греческие глаголы.

— О... нет! — простонал Макконнелл, ощупью пробираясь к невидимой панели. Где же она, черт побери?

— Кроме того, я умею готовить, — заявила Эмили. — И шить. А еще я ужасно люблю детей.

Герр Сироп, взглянув на свои примитивные счетчики, заметил, что первый топливный бак опустел. Нажав на рычажок,

управляющий сбросом, инженер влез в скафандр, дабы убедиться, что реле сработали. Приглядевшись сквозь круглый шлем, он увидел, что одно реле заклинило и бочка по-прежнему на месте. Герр Сироп, предусмотревший такую возможность, велел Сармишкиду подать ему через трубу несколько разъемных железных стержней. Неуклюже шевеля пальцами скафандра, инженер прикрутил стержни друг к другу, чтобы достать палкой до крайней бочки и скинуть ее в космос.

Тут ему в голову пришло, что гораздо удобнее было бы хранить инструменты в ящике, прикрепленном к корпусу извне. Но умная мысль, как известно, приходит опосля, когда модель уже проходит испытания.

Он посмотрел вдаль, за корму. «Меркурианская девчонка» была видна невооруженным глазом, хотя и не очень отчетливо. Она по-прежнему плыла по орбите, но датчанин понимал, что это ненадолго. Ну что ж. Делай что можешь, и будь что будет. Герр Сироп спустился в кабину. Клаус отрабатывал технику полета в невесомости, склевывая капельки пива из воздуха; он то и дело сталкивался с пустой пивной бутылкой, но, похоже, был вполне доволен жизнью.

— Сейчас снова начнем напирать ускорение, — сказал герр Сироп. — Тайте мне кренделек.

Пена стрельнула из второй бочки. Ракета завертелась, как бешеная. Потеря бочки, естественно, нарушила всю балансировку. Герр Сироп управился с вращением и упорно продолжил путь. Вторая бочка тоже опустела и была сброшена без проблем. Инженер откупорил третью и опять вернулся в скафандр.

Чуть погода к нему наверх залез Сармишкиду, что-то возбужденно пища.

— Что? — не понял герр Сироп.

— Там — за нами — ваш корабль — und он приближается verdammt* быстро!

Аккуратно пристегнув свою суженую к креслу рядышком с пилотским, Рори Макконнелл возобновил погоню. Он потерял уже два часа, и, пока «Девчонка» дрейфовала без управления, она, естественно, сошла с курса. Майору пришлось вернуться назад и начать поиски заново. Примерно полчаса он маневрировал в напряженной тиши.

— Вот они! — сказал он наконец.

— Где? — спросила Эмили.

— В телескопе, — ответил Макконнелл. Его досада уже улеглась, и он сжал руку возлюбленной. — Все, игра окончена. Через десять минут они будут у меня на борту.

* Дьявольски (искаж. нем.).

Туманное облако росло в иллюминаторе так быстро, что майор забеспокоился насчет правильности своих расчетов. Он явно слишком разогнался; придется пройти мимо беглецов, притормозить, а затем возвратиться.

И вдруг — *трах! бах!* Зубы у майора клацнули, сердце на мгновение остановилось, заledenев от страха.

— Что это было? — спросила Эмили.

Ему не хотелось пугать ее, но он заставил себя прошептать внезапно пересохшими, непослушными губами:

— Думаю, метеорит. И, судя по звуку, такой большой и быстрый, что вполне мог раздолбать целый отсек. — Воздеть глаза к небесам в условиях невесомости — довольно сложная задача, но майор с ней почти что справился. — Святой Патрик, и так-то ты обращаешься со своим верным сыном?

«Девчонка» стремглав пронеслась мимо пивной ракеты. Майор отстегнул свою упряжь.

— Приборы не показывают повреждений, но, возможно, они сами испорчены, — пробормотал Макконнелл. — А поскольку экипажа у нас нет, мне придется проверить все самому. Слава Богу, хоть мостик не задело. — Он кивнул в сторону носового платка, висевшего в воздухе; майор специально отключил на мгновение вентиляцию, чтобы убедиться, что платок не подхватит струей выходящего воздуха. — Если где-то начнется утечка, моя радость, люки автоматически закроются, так что несколько часов ты будешь в полной безопасности.

— А ты? — вскричала она, побледнев. — А ты как же?

— Я надену скафандр. — Майор наклонился и поцеловал ее. — Мне нужно идти, дорогая. Я должен что-то предпринять, чтобы поврежденный отсек не снесло ко всем чертям. Я вернусь, как только смогу; любимая.

Странное дело, но, пока он плыл по коридору к корме, ему не встретилось ни одного автоматически задраенного люка, и свиста выходящего в пустоту воздуха тоже не было слышно. Озадаченный и несколько даже растерянный, Рори Макконнелл добрался до машинного отделения, где и закончил внутренний осмотр. Вытащив из вещмешка свой личный скафандр нестандартных размеров, майор с трудом облачился в него (ибо задача эта для одного человека почти непосильная), подплыл к ближайшему люку и выбрался наружу.

Жуткое безмолвие объяло его, и только намагниченные подошвы удерживали скафандр на корпусе судна, летевшего среди равнодушных созвездий. Резкость нерассеянного солнечного света и абсолютная чернота теней сбивали с толку непривычный человеческий глаз. Увидев гоблина, Макконнелл истово пере-

крестился и лишь потом сообразил, что это топливный резервуар; а ведь майор был опытным космолетчиком.

Битый час он осматривал корпус, но так и не нашел пробоины. Только в носовой части была малюсенькая дырочка, трудно сказать, давно или недавно пробитая. Однако метеорит ударил с таким дьявольским лязгом, что должен был как минимум расколоть корпус на две половинки. Что ж, святой Патрик, наверное, все-таки был на стреме. Макконнелл вернулся на судно, выбрался из скафандра, успокоил Эмили и начал сбавлять скорость.

Прошло почти два часа, прежде чем ему удалось вернуться на место столкновения. Ракета-беглянка пропала из виду напрощ. Прекратив пивные выбросы, она превратилась в черную точку, неразличимую на черном фоне. Придется рассчитать ее вероятную траекторию и... Майор застонал.

Что-то проплыло мимо него в телескопе. Что за черт? Макконнелл рванул судно вперед и ахнул.

— Ах ты, ссук... — Он поспешно переключился на гальский.

— Что там такое, свет очей моих? — поинтересовалась Эмили.

Макконнелл стукнул головой о приборную панель.

— Пара обручей и разбитые в щепу доски, — промычал он. — О нет, нет, нет!

— Но что же тут такого? Я хочу сказать, это неудивительно, если вспомнить, из чего герр Сироп соорудил свою ракету!

— Вот именно! — рассвирепел Макконнелл. — Вот из-за чего я чуть было не получил инфаркт и потерял бесценных два часа, если не больше, и... Вот он, наш метеорит! Пустая пивная бочка! О, какое унижение!

Глава 11

Герр Сироп прекратил выброс из последней бочки и со вздохом вернулся в состояние невесомости.

— Полетим по инерции, — сказал он. — По крайней мере, пока. Нушно оставить немного топлива тля маневров.

— Каких маневров? — уныло спросил герр фон Химмельшмидт. — Не знаю, почему der звездолет промчался мимо нас, но скоро он вернется und отманеврирует нас в кутузку.

— Ну, а пока, мошет, упьем времечко? — Герр Сироп вытащил из пиджака засаленную колоду карт и многозначительно ее перетасовал.

— Прекратить их тасовать! — возмутился Сармишкиду. — Сейчас не время для праздных забав!

— А тля чево сейчас время, по-вашему?
— Ну-у... хм... Нет, не то. Может... Хотя нет... Первая ставка — по шиллингу?

Часа через четыре, когда герр Сироп получил долговую расписку на несколько фунтов стерлингов, а Сармишкиду разнылся, как возмущенная волюнка, инженер заметил, что в кабине сильно стемнело. Счетчик подтвердил, что батареи почти разряжены. Датчанин объяснил своему спутнику ситуацию и спросил:

— Хотите первым покрутить петали, или сначала я?

— Это вы мне? — Сармишкиду лениво взмахнул ухом. — С чего, интересно, вы взяли, что эволюция подготовила мою расу к езде на велосипеде?

— Ну... Я тумал... То есть...

— Оно и видно, что думали. Одно слово — датчанин!

— Satan i helvede! — пробормотал герр Сироп, подплыл к велосипеду и принялся за работу. — И что опитнее всево, — проворчал он, — веть никто не поверит, что я топрался от Крентеля до Нью-Винчестера на велосипеде!

Медленно и величественно накренившись, ракета начала вращаться против часовой стрелки.

— Вон они! — воскликнул Рори Макконнелл.

— О Боже! — сказала Эмили Крофт.

Пивная ракета промелькнула в переднем иллюминаторе. Усталость многочасовых поисков с майора как рукой сняло.

— Вперед! — возбужденно крикнул он. — Ату его! Ату! Ату!

Однако через пару мгновений ему пришлось убедиться в том, что человеческий глаз не в состоянии конкурировать с радаром при определении расстояний в космосе.

— Тьфу ты! — сказал майор. — Перелет.

Пролетев еще километров десять, он притормозил, развернул громоздкое судно и осторожно направил его к цели. И вдруг увидел, как в шлеме скафандра появилась голова, бросила на него свирепый взгляд и снова исчезла. Ракета плюнула пеной и скрылась из виду.

Макконнелл пустился вдогонку, пристроился беглянке в хвост, почти уравнив скорости, и уставился на свою добычу.

— Удрать от меня у них силенок не хватит, — задумчиво прогудел майор. — Я буду идти за ними по пятам до самого... — Он осекся.

— До самого Нью-Винчестера? — спросила Эмили невинным тоном.

— Но... Я хочу сказать... Будь они неладны! — Майор впился усталыми глазами в бочку с ящиком, ныряющую среди звезд. — Но я же выиграл! — заорал он, стукнув по пульту кулаком. — У меня рейсовое судно в сто раз больших размеров и... и... Они должны сдаться! Так нечестно!

— Да, но без радио ты не сможешь им об этом сообщить! — вкрадчиво сказала Эмили. Потом наклонилась к майору и погладила его по щеке. — Ну-ну! Я пошутила, извини. Я и правда люблю тебя и вовсе не хочу поддразнивать, но, честно говоря, ты немного зациклился на этой ракете. Я хочу сказать — хорошего понемножку, разве нет?

— Нет, если в тебе течет гэльская кровь! — Макконнелл до боли сжал челюсти. — Я поймаю их в грузовой люк, вот что я сделаю!

Поскольку система управления погрузкой находилась не на мостике, а в машинном отделении, Макконнелл, расстегнув ремни, мрачно поплыл на корму. Откачал из главного погрузочного шлюза воздух, раскрыл настежь люк. Он заглотит эту паршивую ракету целиком и...

Невесомость исчезла. Майор свалился на палубу.

— Эмили! — взвыл Макконнелл, поднимаясь и утирая под носом кровь. — Эмили, оставь пульт в покое!

Троекратная перегрузка чудовищной тяжестью придавила его к полу. Майор добрел, пошатываясь, до мостика, доволочся до панели управления и дернул за рычаг. Эмили, распластавшаяся в кресле и задыхающаяся, умудрилась изобразить невинную улыбку.

— Я души в тебе не чаю, ты самое прекрасное создание во Вселенной, но сейчас мне больше всего хочется перекинуть тебя через колено и трахнуть пару раз по заднице!

— Выбирай выражения, Рори! — поправила его дочь викария. — Ты можешь всыпать мне по заднице до посинения, если угодно, но я не люблю *double-entendres**.

— Ох, помолчи, несносный ангел мой! — прорычал майор, уставясь в телескоп налитыми кровью глазами. Ракета опять пропала из виду, естественно.

Через полчаса он ее обнаружил, по-прежнему упрямо ползущую к Нью-Винчестеру. Столичный астероид англов стал заметно ярче.

— Ну ладно, мы еще посмотрим, кто кого, — пробурчал Макконнелл.

* Двусмысленности (фр.).

Он обогнал ракету, притормозил прямо перед ней, почти уравнивал скорости, оставив своей добыче преимущество в несколько километров в час, и повернулся к ней боком. Насколько можно было судить по показаниям приборов, ракета была нацелена теперь прямехонько в зев грузового люка.

Герр Сироп фыркнул пеной из боковой Г-образной трубы, проскочил под днищем «Девчонки» и спокойно продолжил свой путь.

— Аг-г-гаh!

Пивные брызги осели на пластике иллюминатора. Майор попробовал еще раз.

И еще раз.

И еще.

— Все без толку, — выдохнул он наконец. — Ему от меня увернуться — раз плюнуть. Единственное, что я могу, это протаранить его — и дело с концом. Аггаh! Пропади он пропадом! Он же знает, что я не убийца!

— Ну в самом деле, дорогой, — сказала Эмили, — пора уже тебе уgomониться и признать, что он победил.

— Черта с два! — Макконнелл задумался. Затем глаза его вновь загорелись огнем. — Ага! Придумал! Подъемный кран! Мне придется перетащить пульт управления погрузкой и монитор на мостик, чтобы видеть, что я делаю. И тогда я подойду к ним еще раз, высуну из люка стрелу с захватами и втащу их на борт!

— Рори! — сказала Эмили. — Ты зануда.

— Я гэл, клянусь всеми святыми! — Макконнелл потер заросшую рыжей щетиной щеку. — Но на это уйдет несколько часов, и я опять потеряю ракету. Ты сумеешь удержать «Девчонку» на курсе, единственная моя?

— Я? — Девушка широко раскрыла голубые глаза и запротестовала: — Но, дорогой, ты же сам велел мне оставить пульт в покое, и я действительно в этом совсем не разбираюсь. Я хочу сказать, с моей стороны было бы противозаконно пытаться управлять звездолетом — и к тому же небезопасно. Я хочу сказать, меден пратто*.

— Ну конечно! Как я мог забыть, что твое преданное сердечко не способно на предательство, черт бы его побрал! Но ты должна мне пообещать не притрагиваться больше к пульта управления, иначе я буду вынужден разбить свое собственное сердце и привязать тебя к креслу.

— О, я обещаю, дорогой. Я готова пообещать тебе все что угодно — в разумных пределах, разумеется.

* Ничего не выйдет (*греч.*).

— А в эти пределы, естественно, уместается только то, что совпадает с твоими желаниями. Ну да ладно.

Рори Макконнелл вздохнул, поцеловал мечту своей жизни и отправился работать. Ракета-беглянка, стреляя пивом, медленно, но неуклонно перемещалась на другую орбиту — не очень отличавшуюся от прежней, но время и притяжение далекого Солнца должны были сделать свое дело.

Генерал Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов О'Тул поднял изможденное лицо и сурово воззрился на юного караульного, пробившегося к нему в кабинет.

— Ну? — грозно спросил генерал.

— Прошу прощения, сэр, но...

— Отдай мне честь, салага желторотая! — взорвался О'Тул. — Что это за армия, будь она неладна, в которой рядовой, встречая на улице капитана, хлопает его по плечу и говорит: «Пэдди, свинтус ты этакий, с добрым тебя утречком, и, если у тебя есть свободная минутка, я почти за честь выставить тебе кружку темного вон в той таверне»? Что это за армия, я тебя спрашиваю!

— Знаете, сэр, — сказал караульный, в котором выиграл знаменитый кельтский дух противоречия, — у нас замечательная и высокодисциплинированная армия, и боевой дух в ней исключительно высок! Хотя, правду сказать, мой собственный начальник-капитан, помещичий сынок с надменной рожей, не снимет шляпу даже перед самой святой Бригиттой, если эта прекрасная colleen войдет к нему в дверь!

— Боевой дух, говоришь! — взревел О'Тул, прыгивая с кресла. — Боевой дух — это палка о двух концах, идиот! Откуда, по-твоему, взяться боевому духу у офицеров или даже у меня самого, если мои собственные подчиненные говорят мне в лицо: «Старый БУЗА», не давая себе труда произнести каждую букву в отдельности, между тем как я в жизни не брал в рот спиртного, в том числе и этой проклятой бузы! Я требую к себе уважения, бегогга, или, по крайней мере, объяснений!

— Ты хочешь объяснений — так я тебе их дам, сэр генерал, старая ты дева в штанах! — заорал караульный, грохнув кулаком по столу. — Твоя постная рожа — вот что всему причиной, и если ты ни капли в рот не берешь, так это потому, что от одного взгляда на тебя любая самогонка скиснет! А теперь, если желаете выслушать мои предложения по укреплению дисциплины в этой армии...

Следующие полчаса они провели за приятнейшей беседой. Наконец охрипший от речей караульный дружески распрощался с генералом и удалился.

Через пять минут в приемной послышался шум потасовки. До генерала донесся вопль часового:

— Ты не можешь идти к *самому* без предварительной записи!

И голос караульного:

— Я записался еще за час до рассвета, когда пришел сюда в первый раз и пытался пробиться сквозь ваши бюрократические рогатки!

Шум усилился. Дверь, ведущая в кабинет, сорвалась с петель, и караульный швырнул в проем часового.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, тяжело дыша, держась рукой за разбитую щеку и мстительно припечатав часового к полу сапогом, — но я как раз вспомнил, зачем хотел вас увидеть.

— Ты у меня посидишь на губе, бунтовщик и мерзавец несчастный! — заорал О'Тул. — Капрал! Арестуйте этого человека!

— Именно такое отношение я и подверг критике пять минут тому назад, — заявил солдат. — Из-за вас и вам подобных офицеров на войне не осталось никакого веселья! Ты, гриб сушеный, да если бы ты возглавлял тот рейд в Куалнге, Бурый бык до сих пор бы жевал свою жвачку на лугу!* А теперь послушайте меня...

И пока четверо подоспевших часовых тащили его через приемную, он не переставал орать:

— Хорошо же! Вы об этом еще пожалеете, сэр генерал! Я не скажу вам свою новость! Ни словечка не скажу о том, что я увидал в телескоп за час до рассвета, — вернее, чего не увидал, — и вы не узнаете о том, что венерианский корабль сошел с орбиты, до тех пор пока он не приведет сюда весь английский флот! И пускай приводит, мне это до лампочки!

Генерал Бич-Устрашающий-Зловредных-Англов, разинув рот, уставился в синее грендельское небо.

Глава 12

Изнуренный, дрожащий от недосыпа и усталости, Рори Макконнелл плыл по коридору к капитанскому мостику. Эмили

* Караульный упоминает о событиях, описанных в ирландской саге «Угон быка из Куалнге».

остановила его возле кухни — выпавшаяся, свеженькая и прекрасная до безобразия.

— Постой, любовь моя, — сказала она. — Ты все закончил? Заходи сюда, я приготовила тебе чашечку чаю.

— Не хочу никакого чаю, — буркнул майор.

— Но, дорогой мой, так нельзя! Ты совсем отошал, одна кожа да кости остались... Ох, и эти бедные руки со стертыми в кровь костяшками! Иди сюда, будь умничкой, сядь и выпей чашечку чаю. Я хочу сказать — не иди, а плыви, и пить тебе, конечно, придется из этой дурацкой соски, но все равно. Твоя ракета никуда не денется.

— Еще как денется, — упрямо заявил Макконнелл. — Она уже ближе к королю, чем к Гренделю.

— Но десять-то минут ты можешь отдохнуть! — возмутилась Эмили. — Ты пренебрегаешь не только своим здоровьем, но и мною. Ты вообще забыл о моем существовании. Все эти часы я слышу по селектору одну только ругань. Я хочу сказать, я предполагаю, что это ругань, судя по интонации, потому что я ведь не понимаю по-гэльски. Тебе придется меня научить, когда мы поженимся, а я научу тебя греческому. Мне кажется, между этими языками есть какое-то родство. — Она прижалась щекой к обнаженной груди майора. — Как между мною и тобой... О Боже! — Она отпрянула, стирая со щеки машинное масло.

В конце концов Рори Макконнелл позволил себя уговорить. Только на десять минуточек. Полчаса спустя, сильно посвежевший, он добрался до мостика и врубил двигатели.

Грендель выглядел теперь тусклым грошиком среди звезд. Зато Нью-Винчестер разбух и превратился в большой золотисто-зеленый полумесяц. Вокруг него как пить дать шныряют патрульные корабли... Макконнелл отогнал от себя неприятную мысль и занялся поиском.

После всего упущенного времени это было непросто. Космос большой, и в нем способна затеряться даже самая огромная бочка. А поскольку герр Сироп слегка изменил плоскость орбиты — в чем майор убедился примерно после часа бесплодных поисков, — сектор, в котором могла находиться ракета, был просто необъятным. Более того: пока этот черный ящик будет дрейфовать без ускорения, его не заметишь, даже если он пролетит у тебя прямо под носом.

Прошел еще час.

— Бедняжечка, — сказала Эмили, взъерошив рыжие кудри майора. — Как же ты устал!

Нью-Винчестер продолжал расти. Города его казались размытыми пятнышками на дивном гобелене лесов и колосющихся

полей; королевская автомагистраль тянулась темной ниточкой под мягкой облачной вуалью.

— Скоро ему придется себя обнаружить, — бормотал майор, не отрываясь от телескопа. — Пивной выброс настолько слаб...

— Насколько я помню, пиво у мистера Сармишкиду довольно сильное, — возразила Эмили.

Макконнелл рассмеялся:

— Надо было Сиропу заправиться ирландским виски! Но я имел в виду, любовь моя, что в такой развалюхе он не сможет точно рассчитать траекторию, поэтому ему придется корректировать курс. А при его черепашной скорости выброс потребует солидный, так что... *Эй! Вот она!*

В иллюминаторе появилось туманное облачко — призрачное и далекое-далекое. Пальцы Макконнелла запорхали над контрольной панелью. Звездолет повернулся и прыгнул вперед. Стрела подъемного крана, высунувшись из грузового люка, хищно растопырила когтистые захваты.

И вдруг — вспышка!

Судорожно хватая ртом воздух, Макконнелл увидел, как огненное пятно разлетается в клочья перед его полуослепшими глазами. Через мгновение в иллюминаторе опять была только тьма и созвездия.

— Что за черт? — изумленно выдохнул майор. — Где-то поблизости был английский корабль? Или у этого старого осла есть пушка? Стреляли же явно в нас!

«Девчонка» пролетела в нескольких километрах от пивной ракеты. Майор, лихорадочно обшаривая пространство, узрел в телескопе большой звездолет.

— Наш корабль! — чуть не задохнулся Макконнелл. — Наш собственный гэльский корабль!

Грузовое судно с орудийной башней не выстрелило еще раз, боясь привлечь к себе внимание англов. Оно подошло поближе и неуклюже попыталось уравнять скорости, чтобы напасть на «Меркурианскую девчонку».

— Пошли вон! — заорал Макконнелл. — Пошли вон отсюда, идиоты! Вам нужен не я, вам нужен старый Сироп! Прочь с дороги! — Он избежал неминуемого столкновения, резко рванув «Девчонку» назад. И тут до майора дошло. — Но откуда же им знать, что это я здесь на борту? — спросил он сам себя.

— Может, с помощью телепатии? — ехидно предположила Эмили.

— Они не знают. Они наверняка даже не заметили пивную ракету, готов поклясться! Значит, они хотят протаранить нас

или взять на абордаж и... Прочь с дороги ты, шотландское отродье!

Гэльский звездолет бросился вперед, словно акула. Макконнеллу ничего не оставалось, как снова дать задний ход. Нью-Винчестер в иллюминаторе съезжился и отлетел во мглу.

Майор в сердцах треснул ладонью по панели.

— А у меня нет даже радио, чтобы их предупредить, — простонал он. — Мне придется позволить им взять нас на абордаж и объяснить ситуацию. — Он заскрипел зубами. — И если я хоть немного знаю наше командование, на это уйдет по меньшей мере еще час.

Эмили улыбнулась. «Меркурианская девчонка» продолжала удаляться от цели.

— Я тумаю, мы уже в претелах слышимости. Мошно начинать перетачу, — сказал герр Сироп.

Ракета, исчерпав почти все топливные запасы, снова плыла по инерции. Нью-Винчестер был уже совсем близко. Если бы какое-нибудь патрульное судно заметило ракету! Но надеяться на это не приходилось. Герр Сироп вздохнул, моргнул слезящимися, но победно горящими глазами и нажал на рычажок осциллятора.

Ничего не произошло.

— Кте искра? — жалобно спросил инженер.

— Не знаю, — ответил Сармишкиду. — Я думал, вы знаете.

— Проклятье! — крикнул Клаус.

Герр Сироп со сдавленным рычанием нажал еще несколько раз. По-прежнему безрезультатно.

— Все пыло о'кей, кокта я проверял ево на сутне! — просто-на-датчанин. — Конечно, я не мок проверить как слетует, иначе кэлы пы нас сасекли, но веть он рапотал! Что с ним такое стряслось?

— Поскольку большая часть нашей передающей аппаратуры находится снаружи, рядом с батареями, там, очевидно, что-то разладилось, — сказал Сармишкиду. — Провод отошел от контакта или что-нибудь в этом роде.

Герр Сироп выругался, влез в скафандр и попытался разглядеть повреждение. Но части осциллятора были не только недоступны — они были невидимы из шлема. Еще одно упущение в сооруженной наспех конструкции. Можно было, конечно, надеть скафандр целиком и попробовать произвести ремонт, но тогда кабина вместе с беднягой Клаусом лишится кислорода и...

— Ох, Иута! — сказал инженер.

Сесть на Нью-Винчестер нечего было и мечтать. Пива в бочке осталось так мало, что скорректировать курс уже не удастся. Они будут плыть и плыть, пока не кончится воздух, если только раньше их не подберет противник... Герр Сироп взглянул за корму и ахнул. Противник, похоже, именно это и собирался сделать.

Полчаса назад, когда инженер увидел, как два управляемых гэлами судна, наскакивая друг на дружку, удалились прочь, он довольно усмехнулся в усы. Но теперь один из звездолетов — да, это была родная «Девчонка», — со стрелой подъемного крана, высунутой из бокового люка, неумолимо приближался вновь.

Сердце у герра Сиропа упало. Ну что ж, он хотя бы попытался. А мог ведь и сразу сдаться. В конце концов, жизнь на дрожжевой фабрике — это тоже жизнь.

Ну уж нет! Боже упаси!

Герр Сироп спустился обратно в кабину.

— Пыстро! — завопил он. — Тайте мне попкорн!

— Что? — разинул рот Сармишкиду.

— Просуньте черес трупку пачку с попкорном, а потом, ровно на одну минуту — полный вперед!

Сармишкиду пожал всеми своими щупальцами, но повиновался. Парочка быстрых выбросов унесла ракету прочь от корабля. Рука герра Сиропа в перчатке скафандра сжала пачку, просунутую через диафрагму трубы, и в тот самый миг, когда ракета прыгнула вперед, инженер швырнул пачку назад.

Попкорн стремительно унесся навстречу «Девчонке». Под воздействием вакуума кукуруза взорвала картонную упаковку и разбухла, как и положено, в белые пушистые комочки.

Один из древнейших способов ведения космического боя — это кинуть в лицо преследующему врагу пригоршню тяжелых предметов, типа шарикоподшипников, например. Кроме того, в космосе есть и естественные метеориты. А при космических скоростях столкновение даже с небольшим объектом чревато серьезной опасностью для экипажа. Рори Макконнелл, внезапно увидев летящие прямо на него белые сфероиды, инстинктивно свернул в сторону.

Ему почти удалось избежать столкновения, хотя несколько сфероидов все же стукнулись в иллюминатор. Но они не пробили толстый пластик — они просто рассыпались. Лишь через несколько минут майор с отвращением понял, что они собой представляли. И тут из темноты опять вынырнул гэльский звездолет и лег на орбиту рядом с «Девчонкой» с явным намерением

остановить ее и выяснить наконец, что там происходит. Объяснения с начальством украли у майора еще добрых полчаса.

— Времени на починку осциллятора уже не осталось, — сказал герр Сироп. — Похоше, труково выхота у нас нет.

Сармишкиду усердно трудился, разукрашивая ящик из-под крендельков герметичной замазкой.

— Надеюсь, птица выживет, — отозвался он.

— Я тоше натеюсь, — сказал герр Сироп. — Я швырну ящик вместе с кислородным паллоном как мощно сильнее. Мы пройдем совсем рятom с краем атмосферной ополочки астеронита, так что в пустоте Клаусу притется пропыть нетолко, и кислорода ему толшно хватить. А при утаре о востух ящик раскроется, и Клаус вылетит ис нево.

Ракета тихонько заурчала, фыркая последними пенными брызгами и приближаясь к Нью-Винчестеру. В кабине стала ощущаться хоть и слабенькая, но такая необходимая для работы сила тяжести. Сармишкиду покончил с герметизацией ящика и воткнул в него трубку от одного из кислородных баллонов.

— А теперь послушай меня, Клаус, — проговорил герр Сироп. — Я привясал саписку к твоей лапе, но, насколько я тепя снаю, ты сорвешь ее и проклотишь, етва оканешься на свопоте. Отнако, опять ше, насколько я тепя снаю, ты прямиком отправишься в плишайшую пивнушку. Поэтому повторяй са мной: «На помощь! На помощь! Крентель сахвачен кэлами!»

— Макконнелл — подлец, — сказал Клаус.

— Нет, нет! «На помощь! Крентель сахвачен кэлами!»

— Макконнелл мухлюет в карты, — сказал Клаус. — Макконнелл — трезвенник. Макконнелл — пенсне на носу человечества. Макконнелл...

— Нет, нет, нет!

— Нет, нет, нет! — согласился Клаус.

— Послушай! — Герр Сироп сделал глубокий вдох. — Послушай меня, Клаус. Пошалуйста, скаши, как я прошу. Ну, скаши: «На помощь! Крентель сахвачен кэлами!»

— Никогда! — крикнул ворон.

— Нам надо поторопиться, — решительно сказал Сармишкиду.

Он сунул негодующего ворона в ящик и задраил крышку. Герр Сироп между тем влез в скафандр — на сей раз целиком, то есть в штаны тоже. Как следует провентилировав легкие, чтобы легче перенести пустоту, марсианин открепил скафандр от люка. Герр Сироп плюхнулся в кабину. Воздух устремился

наружу. Инженер пихнул кислородный баллон вместе с ящиком Клауса в дыру.

Нью-Винчестер был уже так близко, что занимал почти полнеба. Сквозь перистые облачка проглядывали города, деревушки и сады. Герр Сироп вздохнул с тоской, изо всех сил оттолкнул ящик с вороном и проводил его взглядом. Немного погода астероид начал уменьшаться в размерах. Ракета удалялась по долгой орбите в холодные глубины космоса.

— Ну латно, — сказал герр Сироп. — Пускай теперь кэлы нас потпирают.

Сказал он это сам себе: радио в скафандре не было, а Сармишкиду свернулся в клубок. Задраивать люк не было никакого смысла — второй кислородный баллон давно опустел.

— Никокта пы не потумал, что путущее твух косутарств мошет зависеть от отной старой вороны, — вздохнул герр Сироп.

Глава 13

— Ц-ц-ц! — участливо зацокал Рори Макконнелл. — Так, значит, ваш передатчик не сработал?

— Нет, — процедил герр Сироп. Вокруг носа у него залегли синие тени. Много жутких часов провел инженер во вращающихся останках своей ракеты; когда «Меркурианская девчонка» его подобрала, запас кислорода в скафандре уже подходил к концу.

— Так, значит, ваша бедная старая птица потерялась?

— Ее унесло, кокта прорвалась проклатка, я ше вам говорил. — Герр Сироп взял предложенную сигару и блаженно откинулся на спинку гравитационного кресла. Компенсатор на судне по-прежнему не работал, и «Меркурианская девчонка» с гэльским экипажем на борту возвращалась к Гренделю с ускорением в четверть земной силы тяжести.

— Выходит, все ваши старания пропали даром? — В голосе Макконнелла не было злорадства — разве что сочувствия могло быть чуть поменьше.

— Похоше на то, — неуверенно согласился герр Сироп, подумав о Клаусе. Ворон, без сомнения, сразу же начнет искать человеческого общества; но что он передаст людям, кроме сплошного потока брани? Слишком поздно до инженера дошло, что нужно было уснастить сообщение о захватчиках парочкой забористых ругательств.

— Что ж, вы были отважным противником, и я обещаю каждый день навещать вас в каталажке на Гренделе, — сказал

Макконнелл, хлопнув инженера по плечу. — Потому что, боюсь, генерал велит на время посадить вас за решетку. Он был, мягко говоря, немного раздражен. А точнее — рвал и метал. Он даже хотел оставить вас дрейфовать на орбите, и мне пришлось с ним немного повздорить, после чего меня разжаловали в рядовые. — Макконнелл задумчиво потер свои громадные костяшки, вспомнив о дискуссии с генералом. — Но я настоял на своем. О'Тул несколько часов назад отбыл на другом корабле, а мне позволил остаться на «Девчонке» и подобрать вас. Правда, я не решился близко подходить к английской столице, поэтому мне пришлось подождать, пока вас отнесет подальше, чтобы не угодить в лапы патрульным. А после столь долгой задержки отыскать вас было непросто. Мы чуть было не опоздали, верно?

— Я, — поежился герр Сироп, поднося ко рту бутылку ирландского виски.

— Но все хорошо, что хорошо кончается, хотя эта фраза и принадлежит англичанину, — усмехнулся Макконнелл, сжимая руку Эмили. Она загадочно улыбнулась в ответ. — Потому что я снова стану майором, как только гнев, который застит генералу глаза, улетучится, и он поймет, что без меня ему не обойтись. А потом мы освободим Лейиш, а потом мы с Эмили обвенчаемся, а потом... Ну, в общем... — Он смущенно кашлянул. Эмили зарделась.

— Я, — возмущенно пропищал Сармишкиду. — Счастливая концовка, да? Мой бизнес погибнет, und я уйду в тюрьму, und, возможно, начнется война, und этот Dummkopf * Шалмуаннусар заявит, что доказал теорему субунитарной связности раньше меня, как будто публикация имеет что-нибудь общее с приоритетом... Ха!

— О Боже! — сочувственно проронила Эмили.

— О моя богиня! — сказал Макконнелл.

— О ненаглядный мой! — эхом откликнулась Эмили, потеряв всякий интерес к Сармишкиду.

— О моя сизокрылая голубка! — прошептал Макконнелл. Герр Сироп еле подавил внезапный приступ тошноты.

Звякнул колокольчик. Макконнелл поднялся.

— Это сигнал! — объявил он. — Мы подходим к Гренделю, и мое присутствие необходимо на капитанском мостике. Несколько бесконечных минут — и я снова увижу тебя, моя единственная.

— До встречи, возлюбленный мой, — выдохнула девушка. Герр Сироп скрипнул зубами. Но как только гэл удалился,

* Болван (нем.).

поведение Эмили тут же переменялось. Она с тревогой склонилась к инженеру и спросила: — Как вы думаете, нам удалось? Я хочу сказать — вам удалось?

— Сомневаюсь, — вздохнул датчанин. — Все теперь свисит от Клауса. — Инженер объяснил девушке, что произошло. — Таше если претположить, что он повторит мои слова, я сомневаюсь, чтобы анкличане поверили ворону, тем более незнакомому.

— Что ж... — Эмили прикусила губку. — Мы старались, верно? Но если война все-таки грянет — между родиной Рори и моей... Нет! Я не хочу об этом думать! — И она потеряла глаза маленькими кулачками.

Нескомпенсированная перегрузка придавила герра Сиропа к креслу. Наконец моторы заглохли; нормальная сила тяжести подтвердила, что «Меркурианская девчонка» вновь пришвартовалась к грендельскому причалу.

— Я иду к Рори! — сказала Эмили и выбежала из кают-компании.

Герр Сироп закурил сигару и принялся ждать, когда за ним придут и отведут в темницу. Первым делом он там отоспится — будет спать сорок часов подряд, мрачно подумал инженер. Шли минуты. Сармишкиду задумчиво сидел, обвинившись похожими на спагетти щупальцами. На судне было поразительно тихо, из коридора не доносились ни звука. Пожав плечами, герр Сироп встал, вышел из кают-компаний, добрался до открытого пассажирского люка и поглядел на космопорт.

Сигара выпала у него изо рта.

Вместо гэльского флага на флагштоке опять реял британский стяг. Люди в зеленой форме угрюмо брели вереницей мимо кучи собственного оружия. Грузовики неумоимо подвозили пленных со всех сторон. Один за другим арестанты поднимались на борт военного транспортного звездолета, причаленного неподалеку, сопровождаемые свистом и улюлюканьем — а подчас и безутешным «au gevoir»* — грендельской толпы, собравшейся за проволочным забором. Отряд солдат в красных мундирах винтовками подгонял пленников к трапу, и тени от гигантских пушек британского крейсера «Неприветливый», ложась на бетон, довершали картину.

— Клянусь Иутой! — воскликнул герр Сироп.

Пошатываясь, он спустился на землю. Бойкий молодой офицер, глянув на него в монокль, отдал честь и протянул приветственно руку.

* До свидания (фр.).

— Мистер Сироп? Как я понимаю, вы были на борту? Ваш ворон, сэр!

— Ад и проклятье! — сказал Клаус, прыгая с запястья англа на плечо к датчанину.

— Лично я предпочитаю соколов, — сказал молодой человек.

— Вы прилетели! — прошептал герр Сироп. — Вы прилетели сюда!

— Мы прилетели несколько часов назад. Хоп — и в дамки! Никакого сопротивления, если не считать... э-э... — Офицер покраснел. — Я хочу сказать, эта молодая леди в довольно... э-э... смелом наряде... так страстно вцепилась в рыжего гэла!.. Вы знаете их, не так ли? Она утверждает, что ее отец — местный викарий, а гэл — ее жених, и она пойдет с ним на край света, и, честное слово, сэр, я понятия не имею, что мне с ними делать: то ли эвакуировать вместе с пленными, то ли позволить остаться здесь, то ли... черт его знает!

Герр Сироп отвел глаза.

— Телайте что хотите, — сказал он. — По-моему, им все равно.

— Похоже, вы правы, — вздохнул офицер.

— Как вы уснали про вторжение? Не услышали ворон все-таки перетал мое сообщение?

— Какое сообщение?

— Засунь себе в зад! — звонко выкрикнул Клаус.

— Нет, нет, не это, — поспешно возразил герр Сироп.

— Мой дорогой сэр, — сказал офицер, — когда расколотый кислородный баллон с надписью «Меркурианская девчонка» свалился с небес на поле — а между тем нам радировали, будто судно стоит в карантине, — и когда эта черная птица залетела к фермеру в окошко и стащила со стола лепешку, весьма нелестно отзываясь при том о некоем майоре Макконнелле... Фермер, естественно, позвонил в полицию, полицейские позвонили в Нью-Скотленд-Ярд, а Ярд связался с армейской разведкой и... Я хочу сказать, все сразу стало ясно, понимаете?

— Ja, — тихо ответил герр Сироп. — Наверное. — Он замаялся, но все же продолжил: — Что вы сопираетесь телать с кэлами? Они вели сепя вполне прилично. Очень пы не хотелось, чтобы их посатили са решетку!

— О, не волнуйтесь об этом, сэр! Я хочу сказать, положение-то у нас довольно щекотливое, верно? Нам же не хочется признавать, что банда неоперившихся экстремистов украла у нас из-под носа целое графство, понимаете? Конечно, замаять сей факт вряд ли удастся, но мы вовсе не стремимся оповещать

о нем всю Солнечную систему. Что же до гэльского правительства, то оно не станет раздувать конфликт. Вы ведь знаете, гэльские социалисты — парни миролюбивые. А рекламная шумиха вокруг оппозиционной партии им и подавно ни к чему, так что поддерживать эту сумасбродную выходку они не будут. Но и наказывать за нее, учитывая настроения гэльских граждан, тоже не решатся. Понимаете?

Ситуация и впрямь чертовски щекотливая. Деликатная. Мы можем только препроводить этих сорвиголов домой, где их пожурят немного да и отпустят. А затем, я более чем уверен, Гэльская республика беспрекословно выплатит компенсацию за причиненный ущерб по каждому предъявленному иску. Ваше судно, очевидно, получит кругленькую сумму, а?

В этот момент Сармишкиду фон Химмельшмидт добрался наконец до подножия трапа.

— Я вчиню им иск на несколько тысяч фунтов! — пропичал он возмущенно. — Или даже миллионов! Посудите сами: за время оккупации я потерял свой бизнес, приносивший мне пятьсот фунтов в день — для простоты округлим их до тысячи — да еще плюс...

— Успокойтесь, дорогой мой, успокойтесь! — Офицер поправил монокль. — Все не так уж плохо. Честное слово, ну вы поймите: даже если официально факт оккупации не будет признан, слухи-то все равно поползут. Да народ просто валом повалит поглазеть на астероид, где приключилась такая захватывающая история! Я сам привезу сюда свою супругу в отпуск. Драма плаща и кинжала — людям же такое только давай! Клянусь Юпитером, у вас отбоя не будет от туристов!

— Хм-м-м... — Сармишкиду задумчиво подергал себя за нос. В выпуклом глазу зажегся азартный огонек. — Хм-м-м... Н-да. Атмосфера межпланетного заговора, зловещие шпионы, двойные агенты, прекрасные женщины, крадущие секретные документы... Н-да. И я знаю один погребок, подходящий для создания такой атмосферы. Хм-м-м... Придется, правда, слегка изменить интерьер. К черту *Gemutlichkeit* *! Я хочу, чтоб у моей таверны была неопределенная репутация. Да, вот именно — неопределенная. — Марсианин восторженно и картинно протянул вперед щупальце. — Джентльмены, позвольте представиться: перед вами хозяин пивного погребка «Верхний Гейзенберг **»!

* Уют (нем.).

** Вернер Гейзенберг (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, сформулировавший принцип неопределенности.

Содержание

От издательства	7
Планета, с которой не возвращаются, повесть, <i>перевод с английского С. Сухинова</i>	9
Война двух миров, повесть, <i>перевод с английского С. Трофимова</i>	91
Мир без звезд, повесть, <i>перевод с английского М. Левина</i>	197
Самодельная ракета, повесть, <i>перевод с английского И. Васильевой</i>	293

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том шестой

Составитель *А. Новиков*

Ответственный за выпуск *Е. Чупов*

Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина*

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 10.06.96. Формат 84×108/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 13 000 экз.

Заказ № 2119. С 175.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Планета, с которой не возвращаются

Когда люди сталкиваются с чужаками на дальних мирах — тогда наступает время решений.

Война двух миров

Бессмысленная война Земли и Марса на руку только третьей, незримой стороне конфликта.

Мир без звезд

Слабый человек сдался и умер бы под насмешливым взглядом Галактики. Но Хьюга Валланда ожидала его Мэри О'Мира...

Самодельная ракета

Кажется, англичане и ирландцы никогда не прекратят спор — даже в космосе...

